

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 2 (17)

Киров
2007

ББК 74.58 я 5

В 38

Главный редактор

В. С. Данюшенков

Редакционная коллегия:

В. Т. Юнгблуд (зам. главного редактора),
М. С. Судовиков (отв. секретарь),
К. С. Лицарева, Л. А. Мосунова,
Н. И. Поспелова, В. Н. Оношко,
Т. Я. Ашихмина, Г. И. Симонова,
М. И. Ненашев, Е. В. Алалыкина (перевод)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 673-674 (Издательский центр)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Боброва

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

ISBN 978-5-93825-458-9

© Вятский государственный гуманитарный университет, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Юнзблуд В. Т.</i> Современный университет, культура и рынок	6
ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ	
<i>Долгих А. Ю.</i> Рациональное и рациональность	12
<i>Кирабаев Н. С., Петров В. Б.</i> Выпускник в проектах новых государственных стандартов высшего профессионального образования: социально-личностные компетенции	17
<i>Чернова С. А.</i> Особенности естественнонаучной картины мира	21
ИСТОРИЯ	
<i>Лубков А. В.</i> Кооперативная модернизация России накануне революции 1917 г.	26
<i>Лытка Т. И.</i> Эволюция социальных и историко-философских идей В. Ратенау	35
<i>Костина Е. Г.</i> Беспорядки в Вятской губернии после выхода указа 9 ноября 1906 г.	43
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
<i>Осипова Н. О.</i> Миф в пространстве стереотипов современного повседневного сознания	51
<i>Поспелова Н. И.</i> Интеллектуально-игровые аспекты музыкального творчества	55
<i>Логина М. В.</i> Выразительность как категория культурного бытия	58
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Кононов П. И.</i> К вопросу о понятии и видах административных органов	63
<i>Кощеева Е. С.</i> Основы правового регулирования исполнительного производства в Российской Федерации	66
<i>Сурманидзе И. Н.</i> Классные чины государственной гражданской службы	71
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Поздеев В. А.</i> Сказовый дискурс в произведениях Ярослава Гашека, Саши Черного, Сергея Клычкова	76
<i>Калинина А. В.</i> Семантика и функционирование существительных «человек», «человечество», «человечина» и «человечность» в современном русском языке	81
<i>Береснева В. А.</i> Явление лингвистического синкретизма в сопоставлении с явлениями контаминации, игры слов, омонимии и полисемии	86
<i>Щербакова Т. В.</i> Рассуждения Т. Гоббса о поэзии и поэте в эссе «Ответ Давенанту»	89
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ	
<i>Галицких Е. О.</i> Биография писателя Альберта Лиханова в контексте гуманитарного образования	94
<i>Бандаков М. П., Зыков И. Ю.</i> Адаптация студентов специальных медицинских групп к учебной деятельности средствами адаптивного физического воспитания	100
<i>Кузьмина В. П.</i> Теоретический аспект исследования эмпатии как актуальная проблема современной психологии	107
<i>Башмакова С. Б.</i> Концепция нарушенного развития	112

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Шарабаров П. Н.</i> «Правый уклон» в ВКП(б) в историографии	119
<i>Фенин Р. Н.</i> Особенности реализации государственно-правовых средств нэп в Вятской губернии (1921–1929 гг.)	124
<i>Родыгина У. С.</i> Психологические особенности студентов-психологов с разными типами профессиональной идентичности	127
<i>Закирова О. В.</i> Качественные прилагательные как средство создания образа Пьера Безухова (на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир»)	130
<i>Злобин А. А.</i> Семантика и функционирование слова <i>освобождение</i> в произведениях А. И. Солженицына	134

ПЕРСОНАЛИИ

Елена Олеговна Галицких	137
-------------------------------	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Лицарева К. С.</i> Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе (по материалам общественно-литературного форума)	138
<i>Хохлов А. А.</i> Вторая областная экологическая научно-практическая конференция молодежи	139
<i>Коршунова О. В.</i> О Волго-Вятском региональном научно-образовательном центре Российской академии образования	139
<i>Юшина Е. А.</i> Управление в XXI веке	141

РЕЦЕНЗИИ

<i>Поляков О. Ю.</i> Энциклопедия предромантизма (о новой монографии профессора В. А. Лукова)	143
<i>Ившина И. Н.</i> Право безопасности как подотрасль административного права и как учебная дисциплина	144
<i>Ненашев М. И.</i> «Мыслью, следовательно, существую»	145

CONTENTS

- Yungbloud V. T.* Modern university, culture and market
Dolgikh A. Yu. The rational and rationality
Kirabaev N. S., Petrov V. B. Graduating student in projects of new state standards of higher education
Chernova S. A. The Peculiarities of Scientific World Picture
Loubkov A. V. Cooperative modernization of Russia the day before of revolution 1917 y.
Lypka T. I. Evolution of social and historico-philosophical ideas of V. Ratenau
Kostina E. G. Disorders in Vjatskoj province after publication of the decree on November, 9th, 1906
Osipova N. O. Myth in sphere of stereotypes of modern daily consciousness
Pospelova N. I. Intellectual and playing aspect of musical creation
Loguinova M. V. Expressiveness as category of culture existence
Kononov P. I. For question about comprehension and states of administrative organs
Koscheeva E. S. Basis of legal regulation of executive promotion in the Russian Federation
Sourmanidze I. N. Class rank of state civil service
Pozdeev W. A. The skaz discourse in the works of Jaroslav Hashek, Sasha Cherniy, and Sergej Klichkov
Kalinina L. V. About the words *chelovek*, *chelovechestvo*, *chelovechina*, *chelovechnost*
Beresneva V. A. The Phenomenon of Linguistic Syncrretism in Comparison with the Phenomena of Contamination, Play on Words, Homonymy and Polysemy
Scherbakova T. V. Thomas Hobbes on poetry and poet in «The Answer of Mr. Hobbes to Sir. William Davenant's Preface before Gondibert»
Galitskikh E. O. Biography of writher Albert Likhanov in a context of humanitarian education
Bandakov M. P., Zykov I. Yu. Adaptation of special medical students' groups to educational activity with the help of adaptive physical training
Kuzmina V. P. Theoretical investigation aspect of empathy as an actual problem of modern psychology
Bashmakova S. B. The conception of problem development
Sharabarov P. N. «Right wing» in VKP(b) in historiography
Fenin R. N. Characteristics realization state-legal resort NEP Vyatka government
Rodyguina U. S. Psychological characteristics of student-psychology with different sorts of professional identify
Zakirova O. V. Qualitative adjectives as a facility of making image of Pierre Bezuhov (on the material of the novel by L. N. Tolstoy «Voina i mir»)
Zlobin A. A. Semantics of the verb «*osvobozhdenije*» in works by A. I. Solzhenitsyn
Litsareva K. S. Russian man in break of epoch in Russian literature
Khokhlov A. A. The second regional scientific-practical youth conference on ecology
Korshunova O. V. About Volgo-Vyatskiy regional scientific educational center of Rassian Academy of education
Yushina E. A. Administration in XXI century
Polyakov O. Yu. Encyclopedia of Preromanticism (on the new monograph of Prof. V. A. Lukov)
Ivshina I. N. Rights of safety as subindustry of administrative rights and as educational discipline
Nenashev M. I. «Think, consequently, exist»

**СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
КУЛЬТУРА И РЫНОК**

Дискуссии последних лет конкретизировали основной ориентир развития отечественной экономики. Многократно заявленное и уже подкрепленное административно и финансово намерение создать в России экономику знаний путем реализации инновационного сценария модернизации инвестиционных, технологических и организационно-управленческих механизмов в последние годы фактически стало стержнем политической и общественной жизни страны. Идеология инновационного развития вкупе с широко обсуждаемыми первыми результатами федеральных целевых программ создают ощущение устойчивости и продуманности, столь необходимое после двух десятилетий нестабильности. Проблемы, тем не менее, остаются. Главная среди них, как представляется, заключается в том, что, остановив свой выбор на знаниевой парадигме развития экономических процессов и инициировав соответствующие ей реформы в области образования и науки, авторы данного проекта не обозначили до настоящего времени характеристики общества, которые должны сформироваться в результате осуществления инновационной стратегии. В базовом документе, обосновывающем и задающем параметры развития науки и инноваций до 2015 г., такие понятия, как «общество» и «культура», практически отсутствуют, зато очень много говорится о «технологической модернизации», «повышении конкурентоспособности», «вхождении в глобальную инновационную систему» и «пре-

вращении научного потенциала в один из основных ресурсов устойчивого экономического роста» [1].

Словом, цели и задачи стратегии инновационного развития всецело ориентированы на научно-технологические характеристики отечественного производства и их соответствие принятым международным стандартам. Однако, без учета специфики российского общества, множественности его региональных и национальных укладов, культурных традиций, особенностей в системе образования, реформы, даже в случае их научно-технической и технологической успешности, вполне могут стать не столько фактором качественного прорыва в производственной сфере, сколько источником общественной и политической напряженности и нарастания социальных конфликтов.

Инновационный путь развития не есть российское ноу-хау. В этом направлении уже несколько десятилетий продвигаются наиболее развитые страны мира, а также ряд новых индустриальных стран. Имеются специальные исследования и прогнозы. В частности, эксперты известной корпорации РЭНД полагают, что к 2020 г. на лидирующих позициях в мире по темпам научно-технологической динамики утвердятся США, Япония, страны ЕС, Канада, Тайвань и Австралия. Что касается России, то ее потенциал оценивается сравнительно скромно – на уровне Индии и Польши, вслед за Китаем. Одним из препятствий для реализации сценария технологического прорыва называется «уровень развития человеческого капитала, формируемого главным образом через систему образования» [2]. В данном случае авторы, очевидно, обращают

внимание преимущественно на общеобразовательное и профессиональное соответствие российских работников требованиям производства будущего. Примерно в том же ключе рассуждает известный отечественный политолог С. Кортунов, который, отмечая «особую роль российских университетов в воспитании менталитета экономики знаний в среде молодого поколения», предлагает брать за основу немецкую модель развития, поскольку Германия географически является ближайшим соседом России и именно она вышла на позиции основного экономического и торгового партнера [3].

Информационная и экономическая глобализация, охватившая значительную часть планеты, по сути, сделала запоздалыми дискуссии по поводу того, стоит ли России включаться в международный образовательный континуум. Российское высшее образование уже стало частью мировой образовательной системы, имеющей достаточно стабильную структуру. По объемам образовательных услуг устойчивыми лидерами являются США, контролирующие примерно треть мирового финансового образовательного оборота (образование – пятая по значимости статья экспорта американской экономики). На втором месте стоит Великобритания (за последнее десятилетие она утроила прием иностранных студентов). Далее – Германия и Франция: примерно 10% рынка. Завершают лидерский список Австралия, Канада и Испания, освоившие по 7–8% рынка. На протяжении последних тридцати лет половину всех студентов на мировой рынок поставляют страны Азии: Китай, Корея, Малайзия, Индия, Гонконг и др. Второй крупный поставщик – арабские страны Ближнего Востока и Северной Аф-

рики: Марокко, Египет, Иордания, Алжир. В целом образовательными экспортными операциями занимаются 70% государств (129 стран, по данным ВТО) [4].

Мировой образовательный рынок – это реальность, с которой необходимо считаться. Однако интеграция не должна означать полного подчинения параметрам, которые задаются государствами, занимающими в настоящий момент на этом рынке доминирующие позиции. Вступлению в него должно предшествовать осознание той роли, которую стране придется играть в международных рыночных отношениях: субъекта или объекта, донора или реципиента, продавца или потребителя образовательных услуг. В американских или немецких университетах, к слову сказать, обучаются не только иностранные студенты, но и собственно американские и немецкие, для которых образование и по организации учебного процесса и по содержанию приобретаемых знаний, гражданских качеств и профессиональных компетенций далеко не всегда является только утилитарной услугой. Сами законодатели мод от своих университетских традиций отказываться не спешат. Более того – именно в них они, как правило, находят резервы для повышения качества образования своих студентов, уровня научных изысканий для внутренних потребителей, а заодно и привлекательности для выходцев из других стран.

Рынок, таким образом, каким бы могущественным инструментом научно-технической модернизации он ни казался, не охватывает всего спектра социальных, гуманитарных и культурных функций университетов даже в странах с развитой экономикой. Следует ли думать, что в России, с ее слож-

ным национально-этническим составом, особым историческим наследием и не имеющей аналогов экономической ситуацией будет по-другому?

В связи с этим довольно странно звучат заявления о том, что «если российское образование не станет конкурентоспособным, то наша страна может превратиться в образовательную колонию» [5]. Образование, конечно, должно быть качественным, открытым, доступным и сопоставимым по уровню и содержанию с лучшими зарубежными образцами. Но при чем здесь колониальная зависимость? Опасность колонизации действительно существует, однако она проистекает не из неконкурентоспособности образования. Более того, именно высокое качество российского образования может сделать страну желанным объектом колонизации. Для этого (если абстрагироваться от оборонного потенциала) требуется всего два условия – разрушение культурного стержня нации и консервация хронического отставания экономики.

Экономика-образование-культура – это неразрывная триада. Игнорирование одного из элементов неизбежно приведет к сбоям в любой программе национального возрождения, какой бы инновационной она ни казалась. Повышение качества образования с исключительной целью «профессиональной конвертации образовательного продукта», осуществляемое без учета тенденций развития российской культуры, не может привести к преодолению нынешнего экономического отставания. Наиболее вероятный результат такого курса – новый системный кризис, поскольку, как заметил академик О. Т. Богомолов, «в России нравственное воспитание, духовное возрождение – вопрос выживания нации и одна из необходимых

предпосылок оздоровления экономики. Уповать здесь только на стихийные силы самосохранения не приходится» [6].

Сами по себе мысли о том, что университеты должны готовить высококвалифицированных специалистов, готовых работать на современном предприятии, управлять им, обеспечивать развитие науки и технологий, возражений не вызывают. Собственно говоря, университеты всегда именно этим и занимались. Вопрос в другом – следует ли только в этом видеть предназначение современного высшего учебного заведения, во всяком случае в России, где исторически сформировалось восприятие университета не только как «кузницы кадров», обслуживающих народное хозяйство, но и как «храма науки», центра культуры и просвещения, устанавливающего планку духовности и нравственности? Не является ли игнорирование этого обстоятельства проявлением того самого либерального фундаментализма, который в уповании на то, что «невидимая рука рынка» «обновит», «оздоровит», «отрегулирует» и обеспечит счастливое вхождение российского общества в рыночное состояние, уже нанес существенный ущерб национальной экономике, национальному образованию, национальной культуре?

Отчасти данные проблемы уже были озвучены, хотя предметом широкого общественного обсуждения они пока не стали. Высказывания на эту тему звучат преимущественно со стороны руководителей вузов, представляющих гуманитарный сегмент образовательной системы России, и касаются важнейшего качественного аспекта современных реформ – соотношения образования и рынка. В наиболее острой форме проблема

представлена ректором Санкт-Петербургского университета профсоюзов А. С. Запесоцким, указывающим на «глубокую ущербность» подхода к образованию как к услуге. «Является ли образование товаром? – задается он вопросом. И сам же отвечает на него. – Да, безусловно, можно рассматривать его с точки зрения текущих экономических процессов. Но – далеко не только товаром, это лишь одна небольшая составляющая достаточно значительного явления, которое должно анализироваться с различных позиций» [7]. Данное заявление примечательно по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, оно свободно от бескомпромиссной оппозиционности образования и культуры, с одной стороны, и рынка, – с другой, порой присутствующей в эмоциональных или политизированных заявлениях отечественных публицистов, деятелей науки и культуры. Во-вторых, констатация того, что «товарность» – это всего лишь одно из многих качеств образования, подразумевает, что рынок не может быть единственным регулятором его развития. В лучшем случае, он может влиять на формирование запроса на подготовку специалистов, обладающих особым набором навыков, профессиональных знаний и компетенций, да и то при условии, если бизнес сумеет адекватно сформулировать свои кадровые потребности и пожелает взять на себя хотя бы часть бремени по их удовлетворению. Что касается университетов, то будучи общенациональными институтами, выполняющими помимо просветительских, социокультурных, воспитательных функций, функцию воспроизводства человеческих ресурсов для всех сфер жизни, включая производственную, и несущими при этом значительную долю ответствен-

ности за состояние духовного здоровья нации, то по мере своего вхождения в рыночную среду они столкнутся с необходимостью и содержанием образования и управленческими технологиями отвечать требованиям рынка и свое развитие строить в соответствии с новейшими достижениями менеджмента. Именно в этом смысле, очевидно, следует понимать слова ректора Нижегородского госуниверситета Р. Стронгина о том, что «в новом обществе университеты... вынуждены встать на путь развития предпринимательской организационной культуры» [8]. Указанное обстоятельство не может рассматриваться в качестве убедительного аргумента в пользу приравнивания высших учебных заведений к производственным единицам со всеми вытекающими отсюда бюджетными и налоговыми последствиями, насколько бы соблазнительным ни казался сиюминутный экономический выигрыш.

Абсолютизация принципа экономической целесообразности создает ситуацию, когда на периферийные, если не сказать маргинальные позиции вытесняются филология, история, философия, другие гуманитарные специальности, как правило имеющие фундаментальный характер и несущие в себе колоссальный мировоззренческий и воспитательный потенциал. Уже сегодня ученых, посвятивших себя этим областям знания, нередко воспринимают как непрактичных чудаков, а ориентация университетов на воспроизводство культуры оценивается, согласно социологическим исследованиям, как проявление иррациональности, как деятельность, абстрагированная от экономической целесообразности [9]. Поэтому такой глубокой тревогой пронизаны размышления ректора МГУ академика В. А. Садов-

ничего о состоянии русского языка, об изучении и преподавании истории, о влиянии гуманитарного знания на качество образования в целом и о взаимоотношениях научной и творческой интеллигенции и официальных властей на Всероссийском совещании-конференции в феврале 2007 г., который отметил: «Гуманитарный сектор не только самый сложный в системе образования, но политически и мировоззренчески самый рискованный. Он и самый ответственный, поскольку имеет дело с духовным, нравственным обликом человека с момента его рождения и до последних дней жизни. Он и самый субъективный» [10]. Деградация в этой образовательной области неизбежно будет влиять на состояние культуры и будет иметь печальные последствия для экономики. История знает немало примеров такого рода.

На сегодняшний день международная и российская практика не выработала универсальных правил инновационного развития. В разных странах в зависимости от конкретных исторических и социокультурных условий утвердились разные подходы. В Европе первоочередное внимание уделяется соображениям рациональности, социальной защищенности и созданию рабочих мест, в США делается упор на использование ноу-хау, в Японии – на использование элементов традиционного уклада в инновационном менеджменте [11]. Университеты России тем временем за отсутствием внятно обозначенных ориентиров общественного развития на ближайшую и среднесрочную перспективу предлагают собственные варианты углубления и применения гуманитарного знания в условиях нынешнего инновационно-технологического бума. Примеров такого рода относитель-

но немного, но все-таки они есть. Так, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) программу своего развития всецело ориентировал на прорыв в сфере так называемых гуманитарных технологий. Это упор на социальную сферу, решение проблем безопасности, эффективного управления регионом, землеустройство и кадастр. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург) выполняет миссию «построения университета как пространства жизненного самоопределения Человека во всем многообразии его проявлений в современной культурной практике [12]». Есть и другие примеры, когда высшие учебные заведения пытаются поставить нынешний реформационный порыв на прочный социокультурный фундамент с учетом тенденций национального развития и специфики местного опыта.

Вятский государственный гуманитарный университет свою цель видит в создании регионального инновационного центра гуманитарного образования, что предполагает развитие всех видов университетской деятельности в соответствии с гуманистическими ценностями, воздействуя на социальные и духовные процессы своего края и прилегающих областей [13]. Основные результаты этой работы воплощаются в научно-образовательной и воспитательно-просветительской работе через конкретные программы: формирование ценностей личности в современном гуманитарном образовании; сохранение и развитие культуры региона в инновационных программах гуманитарного образования; гармония среды и человека; информационная образовательная среда как условие инновационного развития гуманитарного образования в регионе.

Программа предполагает максимальный учет требований рынка, в том числе и по части выхода на европейский уровень качества образования и усвоения выпускниками компетенций, которые позволят им работать в условиях экономики, основанной на знаниях. Однако в основе ее идеологии присутствует понимание того, что знаниями отнюдь не всегда можно распоряжаться, как товаром. Не только экономика, но и само общество должно приобрести новые качества, и в этом обществе сегодняшним студентам предстоит жить полноценной жизнью. Это потребует от них соединения функциональной эффективности с духовностью и подлинно человеческим отношением друг к другу. Потребуется творчества и желания применять свои таланты в пределах культурного пространства России. В этом, очевидно, и должен заключаться культурный смысл социально-экономической модернизации.

Примечания

1. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года [Текст]. М., 2006. С. 3–7.
2. Поиск [Текст]. 2007. 27 апр. С. 9.
3. Модернизация России и Европа [Текст]: сборник материалов. Т. 2. Ростов н/Д, 2005. С. 294.
4. Галушкина, М. Экспорт образования [Текст] / М. Галушкина // Эксперт. 2004. № 28–29. С. 28–35.
5. Мотышина, М. С. Концепция управления в развитии высшего образования [Текст] / М. С. Мотышина // Культура и глобальные вызовы мирового развития. V Международные Лихачевские научные чтения, 19–20 мая 2005 года. СПб., 2005. С. 175.
6. Богомолов, О. Т. Экономика и культура [Текст] / О. Т. Богомолов // Культура и глобализационные вызовы мирового развития. СПб., 2005. С. 11.
7. Перспективы развития высшего образования. Болонский процесс: миф или реальность [Текст]. СПб., 2005. С. 41–43.
8. Поиск [Текст]. 2007. № 22 (1 июня). С. 7.
9. Осипов, А. М. Университет как региональная корпорация [Текст] / А. М. Осипов, С. В. Иванов // Социс. 2004. № 11. С. 109.
10. Садовничий, В. А. Гуманитарное образование в России: мысли вслух [Текст]: выступление ректора Московского университета В. А. Садовничего на всероссийском совещании-конференции «Традиции и инновации в образовании: гуманитарное измерение». 15 февраля 2007 г. М., 2007. С. 9.
11. Владимирский, Б. М. Поиск определяющих величин: место высшей школы в разработке путей инновационного развития [Текст] / Б. М. Владимирский // Модернизация России и Европа: сборник материалов. Т. 2. Ростов н/Д, 2005. С. 337–338.
12. Герценовский университет [Текст]: ежегодник – 2005. СПб., 2006. С. 38.
13. ВятГГУ – региональный инновационный центр гуманитарного образования [Текст]: инновационная образовательная программа. Киров, 2007. С. 14.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

А. Ю. Долгих

РАЦИОНАЛЬНОЕ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Статья посвящена проблеме происхождения и определения понятия «рациональность», а также исторической типологии рациональности в естественных науках. Показана смысловая связь понятия «рациональность» с латинским *ratio* и греческим *logos*’ом. Даны определения рациональной и иррациональной деятельности (в том числе познавательной). Рассмотрены четыре основных исторических типа рациональности, соответствующие четырем эпохам (Античность, Средние века, Новое время, Современность).

Происхождение и смысл понятия. Рациональным познанием мы называем получение нового знания на основе опыта и через рассуждения. Рациональным действием мы называем такое, которое совершается на основе знания, полученного рациональным путем. При этом, если из двух действий, ведущих примерно к одному и тому же исходу, одно есть более простое и менее затратное, то оно же и есть более рациональное.

Нерациональным действием обычно называют такое, которое совершается сложным путем и требует больших затрат, в то время как уже известен более простой и дешевый путь.

Иррациональным познанием мы называем получение нового знания на основе опыта, но без каких бы то ни было рассуждений. Такое знание появляется в уме внезапно, как бы ниоткуда. И когда подобное с нами происходит, мы именуем это озарением, прозрением, откровением, вдохновением – кому как больше нравится. В последнее время, впрочем, в таких случаях все чаще говорят «интуиция» и «шестое чувство».

Рациональное познание, оставаясь рациональным, очевидно, не всегда одно и то же. Иными словами, оно бывает разных видов. Это происходит потому, что опыт и рассуждения могут различаться. Например, опыт как простое наблюдение это одно, а опыт как насильственное вторжение в природу или как измерение это другое. И так далее.

Рациональность, согласно понятию (т. е. как следует из строения самого слова), есть вид ра-

ционального познания (вообще, всякого действия). Но поскольку говорят и о видах рациональности, опираться на подобные соображения здесь, по-видимому, не нужно. Иначе получится, что рациональное действие делится на какие-то виды (рациональности), а те в свою очередь еще на какие-то. Но такого понимания мы никогда не встречали. На самом деле в понятие «рациональность» вкладывают почти тот же смысл, что и в понятие «рациональное действие» (в том числе познавательное), и уже только в нем выделяют разновидности.

Определяемые выше понятия восходят к латинскому слову *ratio*, которое само почти наверняка изменило начальный смысл под действием близкого к нему греческого слова *λόγος*. Это было связано с общим влиянием эллинов на римлян.

Если исключить из современного русского языка новообразования, сложившиеся на основе заимствований из греческого и латыни, в нем не останется слов, соответствующих *ratio* и *λόγος*’у (хотя возможно, что в древнем русском языке они были, – этот вопрос как несущественный мы оставляем за пределами рассмотрения).

Приведем перечни значений этих и ближайших родственных им слов. Это поможет разобраться в происхождении понятия «рациональность».

Ratio – 1) счет, подсчет; 2) отчет; 3) список, перечень; 4) итог, число; 5) отношения, связи, расчеты; 6) дела, вопросы; 7) разряд, область; 8) соображение, принятие во внимание; 9) выгода; 10) мышление, обдумывание, рассмотрение; 11) рассудок, разум, смысл; 12) предмет размышления; 13) образ, способ, прием, замысел; 14) возможность, путь; 15) образ мыслей, точка зрения, взгляд; 16) порядок; 17) основание, обоснование, доказательство; 18) умозаключение, вывод; 19) учение, наука, течение мысли; 20) положение, состояние, устройство, строй.

Rationalis – счетный (-ная), умозрительный (например, *disciplina*), доказательный и рассуждающий (например, *philosophia*), разумный, наделенный разумом.

Irratio – неразумие.

Irrationalis – неразумный, не отдающий отчета [Словарь латинского языка И. Х. Дворецкого].

λόγος – I. 1) слово, речь, изречение, разговор, беседа; 2) устный рассказ, молва, предание, слава; 3) предлог, отговорка; 4) условие, дого-

ДОЛГИХ Андрей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии и социологии ВятГГУ
© Долгих А. Ю., 2007

вор; 5) письменный рассказ, повествование о событиях; 6) книга, глава; 7) басня; 8) положение, определение, учение [в философском смысле]; 9) дело; II. 10) счет, число; 11) отчет; 12) соотношение, соразмерность; 13) значение, смысл, целое, всё; 14) внимание, забота; III. 15) разум, рассуждение; 16) разумное основание, причина; 17) мнение, предположение; 18) понятие, смысл.

λογικός – относящийся к слову, речи, выражению; разумный.

ἄλογος – неразумный, нелепый, противный здравому смыслу; невычислимый, неожиданный, невероятный; бессловесный, немой; невыразимый.

λογισμός – счет, вычисление; размышление, рассуждение, заключение.

ἄλογιστος – безрассудный, необдуманный, нерасчетливый; неисчислимый, бесчисленный; не подлежащий учету, плохой [Словарь греческого языка А. Д. Вейсмана].

Если рассматривать ratio как познавательную способность (10-е и 11-е значения из вышеприведенного списка), то в латинском языке она определенно уступает другой, имя которой intellectus.

Intellectus – 1) ощущение, восприятие; 2) разумение, понимание, познание; 3) представление, понятие; 4) рассудок; 5) смысл, значение; 6) художественный вкус.

Есть еще близкое по смыслу слово intelligentia.

Intelligentia – 1) понимание, познавательная способность, способность восприятия; 2) рассудок; 3) понятие, представление; 4) умение, искусство [Словарь латинского языка И. Х. Дворецкого].

Это тоже до некоторой степени воспроизводит положение в древнегреческом языке, где λόγος как вид познания уступал νοῦς'у.

Здесь любопытно, что наука о познании у эллинов и эллинистов называлась обычно ἡ λογική τέχνη (или просто ἡ λογική). У римлян этому соответствовало выражение philosophia rationalis (рассудочная философия, т. е. логика).

Производным от существительного ratio в латинском языке (или просто родственным ему), как уже говорилось, является прилагательное rationalis. Русскими буквами оно было переписано как «рациональное». В сущности, это почти то, что у современных филологов называется транслитерацией. Слово «рациональность» представляет собой уже отвлеченное существительное, образованное именно от него...

Макс Вебер (1864–1920) был первым мыслителем, который ввел в оборот понятие «рациональность» (нем. Rationalität). И он же истолковал его весьма расширительно. Согласно Веберу, рациональность есть важнейшая черта, можно сказать, судьба западного общества (хотя и не

только его). Она находит выражение в рациональном праве, рациональном управлении, рациональном хозяйствовании, денежном обращении, повседневных взаимоотношениях и т. д. и т. п. Смысл ее – наибольшая отдача при наименьших затратах, сущность ее, таким образом, расчет, вычисление [здесь мы видим, что веберовское понимание все-таки в точности соответствует главному значению латинского слова ratio]. Основой же такой жизни является рациональная религия Запада – протестантство, выросшее на почве иудейства и католичества. Эта религия направляет человека на овладение миром, в отличие, например, от даоистско-конфуцианской религиозности, которая склоняет к приспособленческому поведению, и от индуистско-буддистской, призывающей к бегству от мира. Последние две тоже составляют особые виды рациональности. Новая европейская религиозность отличается от них в числе прочего еще и тем, что ее рациональность оказывается разрушительной для нее. Рациональность обезбоживает мир, расколдовывает его, срывает с него покров таинственности, что угрожает существованию самой религии, которая, как уже говорилось, выступает основой всей жизни. Следовательно, рациональность, образно выражаясь, сама себе роет яму. Таково противоречие. И тем не менее это явление нарастает; умирающая религиозность замещается в Европе научным мировоззрением и этикой, а именно, как назвал ее Вебер, «этикой ответственности».

После Вебера понятие «рациональность» вошло в широкое употребление во всех или почти во всех европейских языках (хотя, конечно, здесь речь идет не столько об обыденном языке, сколько о философском). Не подлежит сомнению также, что понимание рациональности везде примерно одинаковое: под ней неизменно подразумевают здравомыслие, рассудительность и расчетливость, а в философии – разновидность познания на основе опыта путем рассуждений. Несмотря на определенный разброс толкований, все они или прямо совпадают с этим, или тесно примыкают к нему, ведь никто не скажет не в смысле шулки, что, например, рациональность – это отражение луны в воде...

Следует особо подчеркнуть, что, хотя основа для понятия «рациональность» имела уже в языке древних эллинов и римлян, само понятие является все же порождением мысли XX в. Его безоговорочное распространение на далекое прошлое (когда мы начинаем приписывать рациональность тем или иным философам Древности, Средних веков или Нового времени) недопустимо.

Основные исторические типы естествен-нонаучной рациональности. Рациональность,

очевидно, не одна и та же в разных областях деятельности, например в разных науках, так что для каждой из них можно было бы написать свою историю рациональности. Попытаемся обрисовать виды рациональности в естественных науках.

I. Когда у эллинов сложились и закрепились названия основных наук (а это произошло в IV в. до н. э.), их строго разграничили. Физика в соответствии со смыслом слова «фюсис» была истолкована как наука о происхождении и сущности (составе) вещей, возникших скорее самопроизвольно, а не сделанных человеком. При таком понимании физика оказалась почти полностью отделенной и от математики, и от механики. Происхождение и сущность вещей — дело очень тонкое, и уже тогда было ясно, что ничего, кроме догадок, здесь выдвинуть нельзя. Поэтому многие признали физику наукой вероятностной или даже вообще невозможной (в том смысле, что природу вещей человек никогда достоверно не познает). Физика, если так можно выразиться, встречалась с математикой в основном в надлунном пространстве. Это место воспринимали как область чистых чисел и правильных движений, исходя из чего надеялись посредством длительных наблюдений эти закономерности открыть. Этим занималась астрономия, которая считалась одним из четырех разделов математики. Механика тем временем изучала хитроумные устройства, уже созданные человеком, и возможности создания новых. То, что возникло естественно, само собой, должно и исследоваться соответствующим образом — путем наблюдения, а не вторжения. Поэтому постановка опытов не стала обычаем физики.

Итак, после того, как древнейшие сказания стали вызывать у эллинов большие сомнения, у них закрепилось представление, согласно которому мир шарообразен, ограничен, сравнительно невелик и разделен на две (или три) сущностно различные области. Середина мира — земля, край — сфера неподвижных звезд. Подлунная область (ограничена сферой Луны) состоит из четырех стихий, которые могут превращаться друг в друга; природа тел, которые ниже Луны, непостоянна. Надлунная область состоит из эфира, а ее тела только меняют положение в пространстве, не испытывая никаких других изменений. У каждой стихии есть свойственное ей место; когда она в нем, она в покое, когда вне его, стремится к нему. За пределы сферы неподвижных звезд обычно помещали либо бога, либо некий беспримесный огонь, либо пустоту. Солнце и Луна вращаются вокруг Земли по простым кругам, остальные планеты — по сложным петлеобразным кривым (но их тоже раскладывали на пра-

вильные круги). Эта картина мира просуществовала почти 2000 лет (с IV в. до н. э. по XVI в. н. э.), и, таким образом, по живучести с ней мало что может сравниться.

II. В Средние века естествознание длительное время (VI–XII вв.) почти не развивалось: германцы должны были прежде навести порядок в своем мире, выбраться из состояния дикости и только потом приниматься за основательное исследование природы. Но германцы опробовали новый метод — коллегиальную проверку выводов отдельного лица. Осуществлялась она в школах и позднее в университетах, однако применялась обычно в отношении вопросов, так или иначе касающихся священной науки (христианского учения), поскольку учебные заведения слишком долго — до начала XVIII в. — оставались под пристальной и мелочной опекой церкви. Поэтому новая наука родилась вне их стен. Средние века вполне довольствовались иудейским и эллинистическим мировоззрением и в указанный период не предложили ничего особенно нового. В Средние века также существовал особый язык науки, отличный от повседневного, разговорного. Это была латынь.

III. Перечислим теперь основные изменения в области метода и в мировоззрении, которые появились в XVI–XVII вв., т. е. в конце Средневековья и начале Нового времени. В методологии новым, с нашей точки зрения, было следующее:

Первое. Возникновение того познавательного отношения человека и мира, которое сейчас принято называть «субъект-объектным». Субъект — не личность во всей ее полноте, а некое отвлеченное познающее существо. Главное следствие: разные исследователи как субъекты могут получать одни и те же данные, приходить к одинаковым выводам. Объект — не вещь со всеми ее качествами, а условное представление — абстракция, конструкция, модель, отвлеченная от полноты бытия. Главное следствие: такой объект поддается воспроизведению. В наши дни это дало повод утверждать, что предметом науки являются только воспроизводимые явления. Но у всего этого была и отрицательная сторона: хотели создать физику, а получилась метафизика, хотя и не такая, как раньше. Это была метафизика предельных случаев (движение по инерции, идеальный маятник, абсолютная пустота, свободное падение и т. д.).

Второе. Эксперимент как насильственное создание нужных условий для подтверждения или опровержения гипотез. Правда, если учесть абстрактность субъекта, то скорее для показного подтверждения истинности гипотезы. Experimentum в переводе с латыни означает «проба», «проведенный опыт», «наглядный довод», «доказательство на опыте».

Третье. «Срастание» математики и физики вследствие нового (менее строгого, чем у эллинов) истолкования этих понятий. Помимо Кеплера, Галилея, Гюйгенса, Ньютона геометрический метод разрабатывали и проповедовали, например, Томас Гоббс и Барух Спиноза, не сделавшие больших открытий в естественной философии. При этом, как правило, не отдавали себе отчета в том, что чем более строго определение, тем более оно условно. Но совокупность таких условностей задавала то, что Томас Кун называл парадигмой.

Четвертое. Эмпирический метод и тесно связанная с ним индукция («наведение») как умозаключения от частного к общему: мы наблюдаем единичные события и делаем обобщения. Об индукции хорошо и достаточно ясно писали Иоганн Кеплер, Френсис Бэкон, Исаак Ньютон. Последний уже вполне сознает ее ограниченность: он уверен, что достоверного знания она не дает, но ничего лучшего у нас все равно нет.

Пятое. Стремление к пользе: не знание ради знания (как у эллинов), а знание как умение. Одним из главных выразителей этой мысли был только что упомянутый Бэкон. Аристотель одним из первых ясно выразился, что польза – это для рабов, а не для свободных людей, и высшим знанием является то, которое ценно само по себе, а не благодаря выгоде от его применения в повседневных делах. Такая точка зрения широко распространилась у эллинов, но на исходе Средневековья она стала вызывать слишком большие сомнения...

Наши замечания по поводу всего этого следующие. Научная революция Нового времени сама в значительной степени является абстракцией такого рода, который был описан чуть выше. Во-первых, представление, согласно которому данный переворот относится к XVII в., ошибочно: семнадцатое столетие здесь невозможно отделить от шестнадцатого, ибо последнее ничуть не меньше насыщено новыми открытиями и предположениями (чего, например, не скажешь о пятнадцатом веке, который прошел в ученическом повторении истин древней эллинской философии).

Во-вторых, научной революцией называют собственно лишь некоторую часть творческого наследия Кеплера, Галилея, Ньютона и их современников. Причина: эта часть их изысканий все еще признается наукой нашего времени. Однако у этих же исследователей много такого, что с нынешней точки зрения является, выражаясь мягко, крайне неудачными догадками, которые извиняет только недостаточность опыта людей той эпохи. Имеется в виду, например, пифагорейство и сказки об обитателях других миров у Кеплера, алхимия и история у Ньютона, пред-

ставления о причинах движения светил у Коперника и Галилея и т. д. Таким образом, если взять XVI и XVII вв. во всей их полноте, картина будет совсем другая. И, если в будущем состояние науки сильно изменится (вплоть до того, что будет пересмотрено само современное понятие науки – тоже, кстати говоря, условное), признанные ныне достижения этих людей могут предстать совсем в ином свете.

На самом деле никогда нельзя забывать, что это было время такого мракобесия, какого Европа не знала ни в Древности, ни в Средние века, ведь так называемая научная революция позднего Средневековья и Нового времени, событие как будто положительное, пришлось в точности на тот же период, что и так называемая охота на ведьм. Впрочем, признав это совпадение не случайным, мы открываем заманчивую возможность обнаружить какое-нибудь сущностное единство этих явлений. И действительно, историки усматривают определенное сходство между физическим экспериментом и следствием по делам о колдовстве – «пытать до получения нужных ответов». А пытаться – значит создавать особые условия...

Наконец, в-третьих, когда сейчас говорят о научной революции, обычно подразумевают, что наука и философия не одно и то же. Но для XVI–XVII вв. это неверно: такие значительные исследователи и мыслители, как Николай Коперник, Френсис Бэкон, Галилео Галилей, Томас Гоббс, Роберт Бойль, Христиан Гюйгенс, Исаак Ньютон, ничего не знают о разделении рассудочного знания на науку и философию. Для них эти понятия почти тождественны; единственное различие заключается, по-видимому, в том, что философия – нечто более общее по сравнению с наукой: философия – род, науки – ее виды. Весьма показательным здесь является редкое использование термина «физика» в этот период, вместо него употребляется выражение «естественная философия».

Мировоззренческие итоги Нового времени:

Первое. Переход от теизма к деизму. Теизмом здесь называется представление, согласно которому бог и творец, и правитель мира; деизмом – представление о том, что бог только творит мир, но после завершения творения не вмешивается в мировые события. В последнем случае подразумевается также, что мир развивается в строгом соответствии с законами, заложенными в него богом. И, поскольку создатель сам не нарушает их (иными словами, не творит чудеса), у нас появляется надежда открыть эти законы посредством тщательного наблюдения. Таким образом, деизм – это основа успешного познания мира. Деизм, разумеется, и по сей день полностью не вытеснил теизма, но он занял боль-

шое место в умах физиков. Ведь, в сущности, теизм совершенно не располагает человека к настойчивому и целенаправленному исследованию мира, а вот деизм, пантеизм (особенно в стоической разновидности) и атеизм вполне допускают возможность познания его силами естественного разума.

Второе. Механистическая картина мира. Она чрезвычайно тесно связана с деизмом, и, по сути, мы о ней уже сказали. Мироздание здесь рассматривается как сложное устройство, работающее по строго определенным законам, из которых не бывает или почти не бывает исключений. Подразумевается отсутствие скрытых качеств вещей, законы развития отождествляются с законами движения и взаимодействия тел, источник движения – первый толчок, сообщенный богом (в атеизме предполагается уже вечность мира, и вопрос о первом движении снимается). Однако под влиянием работ Гильберта, Кеплера и Ньютона в XVIII в. главной силой, скрепляющей мироздание, стало считаться тяготение. Это уже подрывало чисто механистический подход (распространявшийся, кстати, и на живых существ), в котором взаимодействия тел помимо их непосредственного соприкосновения отрицались. Но все это опять же распространялось медленно: еще в XIX в. в Европе кое-где издавались учебники картезианской физики, противостоящей физике Ньютона.

Третье. Отказ от представления о том, мир делится на несколько сущностно различных областей (подлунную, надлунную, занебесную). Отныне мир воспринимается как единый и подверженный переменам во всех своих частях.

Четвертое. Расширение границ мироздания, допущение даже его пространственной бесконечности. В последнем случае почти бессмысленным становится понятие центра: в бесконечности центром является любая точка, а края отсутствуют. Но в общем и целом такое представление закрепилось только в наши дни.

IV. Современная методология отмечена следующими признаками:

Первое. Отказ от наглядности и повседневного здравого смысла, что было связано с переходом к исследованию сверхмалых частиц вещества, сверхбольших пространств, сверхсильных взаимодействий и т. п. Было признано, что обычное воображение не в состоянии справиться с явлениями такого порядка – для этого требуется нечто такое, что можно по-кантовски назвать чистым разумом. Как выразился один из физиков, современная наука о природе показала, что человек может понять то, чего он не может представить. С другой стороны, это понимание осуществляется все-таки через сравнение с чем-то привычным. Физики используют такие уподоб-

ления не только для того, чтобы донести свои выводы (написанные обычно языком математики) до неподготовленных слушателей и читателей, но прежде всего для самих себя.

Второе. Применение все более изощренной математики. Удивительно, но новые арифметические и алгебраические средства все или почти все рано или поздно находят свое применение. Например, если до XVII в. не существовало ни дифференцирования, ни интегрирования, то сейчас без этих действий математизированную физику уже невозможно представить.

Третье. Очень большое значение стали придавать требованию, по которому новая теория должна не только объяснять уже известные явления, но и предсказывать новые.

Четвертое. Отказ от борьбы с метафизикой вообще. Предельные случаи и идеальные модели суть метафизические построения, устранить которые из наук о природе не представляется возможным – по крайней мере сейчас.

Пятое. Попытки отказаться от условного деления мира на познающего и познаваемое, стремление включить самого познающего в мир, учесть влияние его присутствия. Более или менее явным выражением всего этого в физике можно считать такие построения, как квантовая теория и антропный принцип.

Шестое. Распространение неопозитивистского (по сути, весьма скептического) взгляда на природу и познание с его принципами конвенции, когеренции, операционализма и т. п.

Мировоззренческие изменения:

Первое. Переход к представлению о неустойчивом (сжимающемся или расширяющемся) мироздании. Таково было одно из решений уравнений общей теории относительности, которое как будто подтверждалось сильным красным смещением в спектрах далеких галактик, что свидетельствовало об их удалении от нас. Совпадение этих двух обстоятельств убедило большинство физиков.

Второе. Укрепление уверенности в том, что мир чрезвычайно велик. В XVI–XVII вв., когда такое представление только зарождалось, оно было, пожалуй, слишком умозрительным. В наши дни оно наполнилось почти осязаемым содержанием. Так, в 2006 г. появились сообщения об открытии очередной самой далекой галактики, по расчетам, она находится в 12 миллиардах световых лет.

Третье. Восприятие квантовой теории как отражающей действительные явления (а не просто как временного средства познания) привело к рождению особого представления о сверхмалых частицах вещества – как царстве нестрогих закономерностей, непреодолимой непредсказуемости и вообще – с обычной точки зрения –

всяких чудес (отсутствие массы, большее количество пространственных измерений, усиление взаимодействия с увеличением расстояния и т. д.).

Методология, зародившаяся в Новое время, оценивается обычно положительно: неявно подразумевается, что она дала человеку власть над природой или что-то в этом роде. Мы со своей стороны воспринимаем успехи человечества как весьма скромные и отрицаем прямую связь между знанием и умением. Но этот вопрос мы оставляем для другого случая. Сейчас мы хотим привлечь внимание к другому. А именно: метод Нового времени, очевидно, тоже ущербен в познавательном отношении. Он позволяет получать лишь условные представления о предмете исследования; подобные представления, очевидно, не способны долго удовлетворять самих же исследователей. Это должно приводить к частому пересмотру гипотез, поскольку при таком подходе все гипотезы – рабочие, временные, придуманные для данного случая. Полагаем, что как раз это и происходит: если судить по тому, что пишут в книгах по истории науки, научные революции начиная с XVII века происходят одна за другой, ведь в эти 400 лет, как нас хотят убедить, уложились три вида рациональности – классическая, неклассическая и постнеклассическая. Это, впрочем, не более чем игра слов. А вот нечто более весомое: теория тяготения Ньютона продержалась два столетия, теория тяготения Эйнштейна (ОТО), как считают некоторые представители физической науки, уже опровергнута. Несмотря на имеющуюся замену (релятивистская теория гравитации Логанова – РТГ), она все еще сохраняет свое место в умах физиков. Но те уже живут в ожидании некой новой квантовой теории тяготения.

В заключение подчеркнем, что мы действительно не видим достаточных оснований для выделения так называемой постнеклассической (в сущности постпостклассической) рациональности. Многие, по-видимому, связывают ее с синергетикой. Однако мы считаем, что значение ее преувеличивается. Синергетический метод еще не произвел большого переворота в мировоззрении. Внедрение синергетической картины мира в сознание людей есть дело будущего, в настоящее же время она занимает такое же скромное место, как, например, фрактальная.

Н. С. Кирабаев, В. Б. Петров

ВЫПУСКНИК В ПРОЕКТАХ НОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТАНДАРТОВ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ

В статье излагаются принципы компетентностного подхода, на основе которого в настоящее время разрабатываются новые государственные образовательные стандарты. Дается пример возможного описания социально-личностных и общекультурных компетенций выпускника высшей школы.

Инициированное подписанием Болонской декларации формирование единого европейского пространства высшего образования приводит к переоценке сложившихся подходов к целям и задачам существующей системы образовательных институтов. Единый европейский рынок труда требует выработки механизма сравнения образовательных уровней и квалификаций выпускников вузов различных европейских стран и упорядочивания требований, предъявляемых к их подготовленности. Однако о какой-либо принудительной унификации систем образования не может идти и речи. Решение, приемлемое для всех стран, входящих в Евросоюз, было предложено в известной Болонской декларации: не вмешиваясь в содержание и структуру образовательных программ, уважая национальные культурные традиции, соблюдая автономию образовательных учреждений, ориентируясь на тенденции развития европейского и мирового сообщества, – осуществить постепенный переход на двухуровневую систему высшего образования (бакалавр – магистр), обеспечив при этом прозрачность и понятность образовательных характеристик выпускников. Как принято считать, сравнимости образовательных уровней выпускников можно добиться, если сопоставлять приобретенные ими за время обучения компетенции.

В европейской практике профессионального образования различают *четыре* модели компетенций (МК1 – МК4). Это различие проводится в подходах «к планированию, организации и предоставлению высшего профессионального образования, и, в особенности, к оценке и признанию достижений студента и оценке возможностей его

КИРАБАЕВ Нур Серикович – председатель НМС по философии Минобрнауки, академик МАН ВШ, академик Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой истории философии факультета гуманитарных и социальных наук, проректор по науке РУДН
ПЕТРОВ Василий Борисович – кандидат философских наук, доцент по кафедре онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук РУДН
© Кирабаев Н. С., Петров В. Б., 2007

трудоустройства на рынке труда» [Байденко В. И. Концептуальная модель государственных образовательных стандартов в компетентностном формате (дискуссионный вариант): Материалы ко второму заседанию методологического семинара. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. С. 10].

Модель компетенции, основанная на параметрах личности (МК1) придает особое значение развитию моральных, духовных и личных качеств человека. Она предполагает, что в процессе образования развиваются и раскрываются уже имеющиеся у человека задатки и способности. Эта модель во многом оказывает влияние на традиционное высшее образование. С ней связывают высокий отсев обучающихся «как неспособных учиться» (потенциально неспособных стать учеными).

Вторая модель компетенции (МК2) обращает особое внимание на освоение человеком стандартных (алгоритмизированных) процедур и операций (посредством изучения процесса труда, методов работы и др.). Эта модель применима преимущественно к инженерной подготовке. Образовательная программа направлена на формирование у обучающегося определенного набора умений, на базе которых может осуществляться будущая профессиональная деятельность, выработку навыков решения конкретных типовых задач. Достоинство этого подхода одновременно является его недостатком: позволяя сократить время обучения путем алгоритмизации базовых элементов профессиональной деятельности, он сужает адаптационные возможности выпускника в случае изменения форм и методов работы в избранной им профессии.

Третья модель компетенций подходит для образовательной подготовки специалистов, деятельность которых оценивается по достижению результатов: это модель подготовки менеджеров. Здесь в образовательную программу закладываются методы и процедуры, формирующие определенную мотивацию, способность к разработке, оцениванию и анализу различных планов и стратегий. Очень важной здесь является предпосылка о наличии способности к самостоятельному обучению. Недостатком подобного подхода считается поверхностность собственно профессионального содержания образовательных программ. Как правило, они насыщаются разнообразными эмпирическими знаниями, теоретическая обоснованность которых принимается обучаемыми на веру.

Четвертая модель компетентности (модель управления деятельностью – МК4) предполагает, что требования, предъявляемые к будущему обладателю диплома о высшем образовании, определяются не идеальной моделью работника, а социальным контекстом его возможных рабочих мест (ожиданиями работодателя и коллег по работе). Высказываемое в последнее время мнение о том,

что работодатели должны определять, какие специалисты востребованы в современном обществе, и образовательные программы должны учитывать их пожелания, весьма созвучны этой модели. Хотя по конечному результату своего конкретного содержания четвертая модель может совпасть с первыми тремя, она отличается по способу своего создания, поскольку формируется в основном за рамками образовательной системы.

Как уже говорилось выше, компетентностный подход призван выработать сопоставимые качественные характеристики для выпускников высших учебных заведений различных европейских стран, получающих одну и ту же академическую степень или квалификацию. В нашей образовательной системе эта работа, на первый взгляд, уже выполнена. Необходимым элементом в действующих государственных образовательных стандартах являются квалификационные характеристики выпускников, определяющие для каждой специальности и направления подготовки, что должно знать или уметь лицо, успешно завершившее курс обучения. Однако внимательное рассмотрение этого вопроса приводит нас к противоположному заключению – данная работа еще далека от своего завершения.

Причин здесь несколько. Во-первых, квалификационные характеристики не выражены на «компетентностном языке». Они сформулированы на языке «знаний, умений, навыков». А это, вообще говоря, не одно и то же.

Во-вторых, квалификационные характеристики затрагивают, как правило, только профессиональные (технические) навыки и умения выпускника, в то время как компетенции характеризуют потенциального специалиста и как личность, и как «члена команды», что в настоящей модели ГОС ВПО практически не учитывается.

В-третьих, важной составляющей компетентностного подхода является механизм контроля и оценивания результатов образования. В действующем ГОС ВПО этот механизм не определен и не раскрыт.

В-четвертых, компетентностный подход, который формально обнаруживается в декларировании надлежащих квалификационных характеристик выпускника, не связан с содержанием образовательной программы и методами ее реализации. Он должен быть распространен вглубь, на преподаваемые циклы дисциплин и сами дисциплины.

Наконец, в-пятых, компетентность и квалификация по своей идейной направленности противостоят друг другу так же, как формальное и неформальное, и одно не может выражаться в терминах другого, хотя они могут сосуществовать как дополнительные характеристики.

Последнее нуждается в дополнительном пояснении. Дело в том, что европейская традиция различает высшее (общее, академическое, универси-

тетское) образование и (высшее) профессиональное (техническое, инженерное) образование. Обладатели первого получают академическую степень (бакалавр, магистр) как успешно завершившие изучение курса наук, а обладателям второго присваивается квалификация (инженер). Человек, получающий высшее общее образование, не специализирован для какой-то одной конкретной сферы практической деятельности, можно сказать, что он оказывается в большей или меньшей степени подготовлен для разных видов деятельности. Человек же, избравший определенную специальность (инженера-теплотехника или агронома) приобретает квалификацию, разрешающую ему заниматься практической деятельностью в одной достаточно конкретной области. Поскольку в современном обществе существует множество видов специальностей, требующих особой подготовки, постольку любое высшее образование естественным образом воспринимается как «специальное». Однако темп изменений современного мира таков, что наряду с возрастающей профессионализацией деятельности обществу требуются и работники другого типа – свободные от «специальных» навыков, но и потому способные приобретать эти навыки в процессе освоения новых видов деятельности, для которых еще не сложились «профессиональные» требования и классификации. Таких людей («потенциальных специалистов») характеризуют прежде всего способности и умение обучаться, воспринимать новое, творческие способности, то есть то, что не формализуется в виде конкретных требований к владению определенными знаниями, умениями и навыками. Именно в этом смысле неформальные компетентности могут быть противопоставлены формальной квалификации. Однако, поскольку любой специалист также в какой-то мере проявляет себя в других видах деятельности, к которым он целенаправленно не готовился, то компетентностные характеристики присущи и ему тоже. Иначе говоря, человек, получивший определенную квалификацию, одновременно приобрел и некоторые компетенции, то есть одно дополняет другое, как и было сказано выше.

В одобренном недавно Коллегией Минобрнауки РФ макете федерального ГОС ВПО термин «компетенция» определяется как «способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области». При этом все требования к уровню подготовленности выпускника должны быть описаны в виде его компетенций. Макет ФГОС ВПО предполагает, что компетенции делятся на две основные группы: универсальные и профессиональные, а универсальные, в свою очередь, состоят из общенаучных, инструментальных и социально-личностных и общекультурных компетенций. Проблема выявления и корректного описания компетенций, разделение

их на классы, соответствующие разным уровням подготовки выпускников (бакалаврам, магистрам, специалистам) – одна из важнейших в ряду стоящих перед разработчиками новых ФГОС ВПО.

В настоящее время активно дорабатываются и вскоре будут предложены Министерством образования и науки РФ методические рекомендации разработчикам проектов новых ГОС по выявлению компетенций. Эти рекомендации предусматривают проведение широкой исследовательской и пропагандистско-просветительской работы среди заинтересованных групп (преподавателей, студентов, выпускников, работодателей), направленной на достижение консенсуса относительно перечня желаемых и необходимых компетенций, прежде всего в профессиональных, специальных областях. Что же касается универсальных компетенций, то, поскольку, как представляется, они должны носить всеобщий характер, независимый от профиля образования, их выявление возможно скорее нормативно-методологическим путем, без проведения широкомасштабных социологических исследований. Разработка проектов перечней таких компетенций поручена Минобрнауки Координационному совету по общегуманитарным и социально-экономическим дисциплинам и Научно-методическому совету по общим математическим и естественнонаучным дисциплинам. При этом в соответствии со структурой нового ГОС ВПО, представленной в одобренном макете, этот перечень должен быть связан с дисциплинарным содержанием соответствующих циклов (ГСЭ и ЕН).

При разработке перечня социально-личностных и общекультурных компетенций для нового ГОС ВПО представляется целесообразным руководствоваться следующими принципами:

- 1) преемственность с действующим ГОС ВПО, сохранение накопленного позитивного опыта;
- 2) учет специфики отечественного высшего профессионального образования (фундаментальность и акцент на воспитании широко образованной социально активной личности выпускника);
- 3) вариативность формирования необходимых социально-личностных компетенций с помощью различного набора теоретических дисциплин;
- 4) многоаспектность компетентностных характеристик, допустимость частичного «дублирования» их описаний.

Пример возможного описания социально-личностных и общекультурных компетенций, представленный ниже, структурирует все множество компетенций в зависимости от степени их универсальности, области их проявления, качественных характеристик и т. д.

Социально-личностные и общекультурные компетенции

- 1) «универсальные»:

компетенции деятельности и общения, публичной и частной жизни – способность и готовность к социальному взаимодействию: с обществом, общностью, коллективом, семьей, друзьями, партнерами; к сотрудничеству и разрешению конфликтов; к толерантности, уважению и принятию Другого; к социальной мобильности;

2) ориентированные по «типам» деятельности: *компетенции работы в коллективе* – готовность к кооперации с коллегами и работе в коллективе, знакомство с методами управления, умение организовать работу исполнителей, находить и принимать управленческие решения в условиях различных мнений;

компетенции индивидуальной работы – готовность к самостоятельной, индивидуальной работе, принятию ответственных решений в рамках своей профессиональной компетенции;

компетенции профессиональной мобильности – готовность к изменению вида и характера своей профессиональной деятельности, работе над междисциплинарными проектами;

3) ориентированные по «характеристикам» деятельности:

морально-правовые компетенции – способность и готовность осуществлять свою деятельность в различных сферах общественной жизни с учетом принятых в обществе моральных и правовых норм;

компетенции гражданского поведения – способность и готовность к соблюдению прав и обязанностей гражданина; к свободному и ответственному поведению;

4) ориентированные по «сферам» деятельности: *социально-политические компетенции* – способность и готовность к анализу значимых политических событий и тенденций, к ответственному участию в политической жизни;

социально-экономические компетенции – способность и готовность понимать и анализировать экономические проблемы и общественные процессы, быть активным субъектом экономической деятельности;

социально-педагогические компетенции – способность и готовность к осуществлению воспитательной и педагогической деятельности в сферах публичной и частной жизни;

5) ориентированные по «характеристикам» личностно-культурного развития:

компетенции саморазвития – способность и готовность к самосовершенствованию, саморегулированию, самореализации, личностной и предметной рефлексии;

компетенции самообразования – способность в условиях развития науки и изменяющейся социальной практики к переоценке накопленного опыта, анализу своих возможностей, умение приобретать новые знания, использовать различные

формы обучения, информационно образовательные технологии;

культурно-исторические компетенции – готовность уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и культурные различия;

историко-политические компетенции – способность и готовность понимать движущие силы и закономерности исторического процесса; роль насилия и ненасилия в истории, место человека в историческом процессе, политической организации общества;

философско-мировоззренческие компетенции – способность и готовность к пониманию и анализу мировоззренческих, социально и лично-стно значимых философских проблем;

морально-экзистенциальные компетенции – способность и готовность понимать нравственные обязанности человека по отношению к природе, обществу, другим людям и самому себе;

художественно-эстетические компетенции – способность и готовность понимать роль искусства в человеческой жизнедеятельности; развивать художественное восприятие, стремиться к эстетическому развитию и самосовершенствованию;

культурно-религиозные компетенции – способность и готовность понимать значение и роль религии и свободомыслия в истории и современной духовной жизни общества;

интеллектуально-критические компетенции – способность к критическому восприятию информации («критическому мышлению»), ее анализу и синтезу;

социологические компетенции – способность и готовность к восприятию и адекватной интерпретации общественно значимой социологической информации; использованию социологического знания в профессиональной и общественной деятельности;

цивилизационно-исторические компетенции – способность и готовность понимать многообразие культур и цивилизаций в их взаимодействии, многовариантность исторического процесса;

компетенции изобретательства и инноватики – способность и готовность к творческой адаптации к конкретным условиям выполняемых задач и их инновационным решениям;

компетенции саморазвития – способность и готовность к лидерству.

Данную классификацию нельзя считать логически строгой (логическая строгость здесь, по-видимому, будет неэффективной) и тем более окончательной. Но она может рассматриваться как рабочая гипотеза или как методический пример при разработке соответствующих рекомендаций для разработчиков новых ФГОС ВПО.

С. А. Чернова

ОСОБЕННОСТИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Научная картина мира – модель устройства действительности. Анализ эволюции понятия «научная картина мира» дает возможность представить естественнонаучную картину мира с точки зрения гносеологических, логических характеристик и выделить ее особенности.

На основе знаний современной науки возникает единая концептуальная система – модель устройства действительности – научная картина мира (НКМ). НКМ – целостная система представлений об общих свойствах и закономерностях действительности, построенная в результате обобщения и синтеза фундаментальных научных понятий и принципов. Различают общенаучную картину мира, которая включает представления обо всей действительности (природе, обществе, самом познании) и естественнонаучную картину мира, которая синтезирует дисциплинарные картины: физическую, астрономическую, химическую, биологическую. Каждая картина мира строится на основе определенных фундаментальных научных теорий, и по мере развития практики и познания одни научные картины мира сменяются другими. Помимо представлений о закономерностях, характерных для развития действительности, такая модель включает и представления о логике, и критерии «здорового смысла», своего рода «этические нормы науки» [1].

Картины мира, развиваемые в отдельных научных дисциплинах, не являются изолированными друг от друга. Они взаимодействуют между собой и составляют общенаучную картину мира, которая выступает особой формой теоретического знания. Она интегрирует наиболее фундаментальные достижения естественных, гуманитарных и технических наук, например специальную и общую теории относительности, концепцию Большого взрыва и т. п. Общенаучная картина мира характеризуется большей широтой охватываемых явлений, чем любая отдельно взятая теория. Поэтому на одну и ту же картину мира может отображаться несколько теоретических схем, составляющих ядро различных теорий, в том числе и фундаментальных. Выводы фундаментальных теорий науки являются базисными элементами НКМ, отражают закономерности развития природы и выступают компонентами научно-мировоззренческого мышления. Научные теории приобретают мировоззренческий статус только через процедуру соотнесения с НКМ, при этом часто вызывая ее изменения. Так обстоя-

ло дело не только с теориями относительности, но и со всеми другими фундаментальными теориями, которые меняли НКМ и с ее помощью оказывали влияние на систему мировоззренческих установок.

НКМ связана с осознанием различных интеграционных процессов, которые становятся временем от времени доминирующими. Каждый значительный этап в истории науки начинается с того, что прежняя схема действительности обнаруживает свою недостаточность и вытесняется новой. Происходит дифференциация познавательного процесса, а это стимулирует взаимное обособление научных теорий и областей науки. Накопленный материал позволяет совершить прорыв в науку и на основе открытия более фундаментального закона достичь нового теоретического синтеза. Результатом этого интеграционного процесса является новая концепция НКМ.

Обратимся к истории и попытаемся проанализировать эволюцию понятия «научная картина мира». Вклад в разработку этого понятия был внесен как учеными-естествоиспытателями, так и философами. Важным стимулом изучения этого понятия послужили революционные сдвиги в естествознании на рубеже XIX–XX вв., когда возникла проблема выбора и обоснования онтологических постулатов физики. Необходимо было выяснить, в какой степени физические понятия являются выражением сущности изучаемых объектов и процессов. Предполагалось, что опытное подтверждение позволит обнаружить признаки изучаемых объектов в природе. Но уже в первой половине XIX в. выяснилось, что флогистон и теплород, позволившие описывать и объяснять опыт, не имеют аналогов в природе. А рубеж XIX–XX вв. выявил иллюзорность эфира и неделимости атома. Революция в физической науке XIX–XX вв. обнаружила ограниченность способа мышления и продемонстрировала радикальную изменчивость научных понятий.

Обсуждение проблемы соотношения фундаментальных понятий науки с изучаемой реальностью привело к появлению новых характеристик НКМ. Так, М. Планк утверждал, что идеалом естествознания является построение объективной картины мира, и ставил вопрос: чем является то, что мы называем физической картиной мира? Является ли картина мира только более или менее произвольным созданием нашего ума, или наоборот, мы вынуждены признать, что она отражает реальные, совершенно не зависящие от нас явления природы? С его точки зрения, для естественнонаучного исследования характерно стремление найти постоянную, не зависящую от смены времен, картину мира. И в этом смысле «уже картина мира, хотя она еще сверкает различными красками в зависимости от личности исследователя, все же содержит в себе некоторые черты, которых больше не изгладит никакая

революция ни в природе, ни в мире человеческой мысли. Этот постоянный элемент, не зависящий ни от какой человеческой и даже ни от какой вообще мыслящей индивидуальности, и составляет то, что мы называем реальностью» [2].

М. Планк подчеркивал, что изменение и развитие научной картины не уничтожает этих постоянных элементов, а сохраняет их, добавляя к ним новые элементы. Таким путем осуществляется преемственность в развитии научной картины мира и все более глубокое отражение мира в научном познании. Наличие в научной картине мира элементов, которые соответствуют объективной реальности, позволяет до определенного момента отождествлять эту картину с самим миром. Планк отмечал, что выдающиеся исследователи (Коперник, Кеплер, Ньютон, Гюйгенс, Фарадей) сделали свои открытия только благодаря тому, что «опорой всей их деятельности была незыблемая уверенность в реальности их картины мира» [3].

Смена физических картин мира показывает, что не все их элементы могут быть сопоставимы с объективной реальностью. А. Эйнштейн вводит в науку понятие «физическая реальность» для обозначения основы физического познания и рассматривает это понятие в нескольких аспектах. Во-первых, для характеристики объективного мира, существующего вне и независимо от человеческого познания. «Вера в существование внешнего мира, независимо от воспринимающего субъекта, лежит в основе всего естествознания» [4]. Но то, как мы воспринимаем изучаемый мир, какой нам видится структура этого мира, зависит от уровня развития познания и практики, от системы концептуальных средств, применяемых при описании мира. Во-вторых, термин используется для «рассмотрения теоретизированного мира как совокупности теоретических объектов, репрезентирующих свойства реального мира в рамках данной физической теории» [5].

«Физическая реальность» задается посредством языка науки, с помощью которого физик постигает сущность исследуемых объектов. Так, А. Эйнштейн учитывал различие в описании реальности на эмпирическом и теоретическом уровнях. Соответственно этому он отмечал различие в картине мира физика-экспериментатора и картине мира физика-теоретика. Проводя сопоставление этих картин, он отдает предпочтение последней на том основании, что «благодаря использованию математики эта картина удовлетворяет наиболее высоким требованиям в отношении строгости и точности выражения взаимозависимостей» [6], чем она и раскрывает закономерности физического мира.

Вслед за М. Планком А. Эйнштейн подчеркивал, что всякая картина мира в науке упрощает и схематизирует действительность, но благодаря этому она и выявляет существенные стороны действительности. Это позволяет до определенного

момента (пока исследователь не обнаружит новые, ранее неизвестные аспекты реальности) отождествлять картину мира с самим миром.

Великие ученые – Н. Бор, М. Борн, В. Гейзенберг – рассматривали развитие физической картины мира как результат обнаружения в процессе познания новых свойств и аспектов природы, не учтенных в прежних картинах. Здесь ясно обнаруживалась недостаточность и схематичность старых теорий, и они перестраивались в новую научную картину.

М. Борн, обобщая опыт исторического развития физики, отмечал, что каждая физическая картина мира имеет свои границы, но пока мышление не наталкивается на преграды внешнего мира, эти границы не видны. Они обнаруживаются самим развитием физики, открытием новых фактов, выявляющих действие новых законов природы.

Наука не может ограничиваться дисциплинарными знаниями типа физической НКМ. Окружающий нас мир представляет собой бесконечное многообразие явлений, и важное место в нем принадлежит жизни. По мнению В. И. Вернадского, наряду с физическим, существует «натуралистическое» понимание о мире («картина мира натуралиста»), «более сложное и более для нас близкое и реальное, которое пока тесно связано не со всем Космосом, но с его частью – с нашей планетой, то представление, какое всякий натуралист, изучающий описательные науки, имеет об окружающей его природе. В это представление всегда входит новый элемент, отсутствующий в построениях космогонии, теоретической физики или механики, – элемент живого» [7]. Вернадский фиксировал естественнонаучную картину мира в качестве особой формы систематизации и синтеза знаний, получаемых в науках естественнонаучного цикла. В его высказываниях можно найти такую важную мысль, что есть основания вести речь и об общенаучной картине мира, которая органично соединяет представления о развитии неживой материи и представления о биологической и социальной эволюции. Аналогичные идеи высказывались и другими естествоиспытателями XX в. Так, Н. Винер писал о необходимости построения такой картины мира, которая свяжет воедино достижения физики, кибернетики, биологии и других наук [8].

Взаимодействие НКМ с научным знанием и культурой эпохи рассматривает в своих работах В. С. Степин [9]. По его мнению, НКМ является одной из основных форм отражения действительности, которая не сводится к мировоззрению, хотя и родственна ему. Мировоззрение и НКМ выступают как взаимодействующие и взаимопересекающиеся системы знаний, ибо они включают определенную оценочную ориентацию. НКМ содержит социальные элементы, но в ней они выражены в меньшей степени из-за значитель-

ной научной конкретизации. Выступая в виде определенной системы идей и принципов, НКМ служит предпосылкой построения конкретных научных теорий, и тем самым выполняет свою методологическую функцию.

Согласно В. Ф. Черноволенко, НКМ – это такая форма систематизации знания, где происходит синтез результатов исследования конкретных наук со знанием общего мировоззренческого порядка, как совокупностью практического и теоретического опыта человечества. Из конкретных наук НКМ берет содержание понятий, а из мировоззрения – категориальный аппарат и принципы его организации в исторически устойчивые структуры [10]. НКМ и мировоззрение содержат научную информацию, совокупность знаний, идей, являющихся отражением объективной реальности и процесса ее познания. Но объем этих знаний в каждой из названных сфер неодинаков. В НКМ знания отражены полнее и шире, чем объем знаний, лежащих в основе общего мировоззрения, которое может не включать научные результаты. НКМ содержит концентрированные формы теоретических знаний, мировоззрение же включает не только обыденные знания, но и систему убеждений, оценок, а также область ценностных чувств. НКМ и общее мировоззрение являются формами целостной интеграции, хотя степень этого охвата в мировоззрении значительно полнее. НКМ и мировоззрение не только отражают объективную реальность, но дают также определенную ориентацию, играют методологическую роль в науке и практике. При этом следует иметь в виду, что у некоторых форм мировоззрения методологические функции могут быть представлены ярко, так, философия способна выполнять роль всеобщей методологии научного познания. И если НКМ также проявляет методологические функции, то встает вопрос о некотором ее единстве с теоретическим мировоззрением.

В физической литературе научной картиной мира чаще всего называют наблюдающиеся в истории науки попытки единообразного описания вещества, движения и т. п. Под картиной мира понимают некий продукт интеграционных процессов в развитии науки, синтез достигнутых результатов познания в некоторое более или менее целостное и устойчивое единство.

Научная картина мира интегрирует наиболее важные достижения естественных, гуманитарных и технических наук. Например, представления о кварках и синергетических процессах, о генах, экосистемах и биосфере, об обществе как целостной системе. Сначала они развиваются как фундаментальные идеи и представления соответствующих дисциплинарных онтологий, а затем включаются в научную картину мира.

Рассматривая ЕНКМ со стороны ее *гносеологических характеристик*, выделяют следующие черты этой формы систематизации знаний. Во-первых, стабильность и даже «консерватизм» по отношению к частным научным теориям и концепциям меньшей степени общности. Картину мира рассматривают как «устойчивость принципов», лежащих в основании научного знания и служащих своеобразным теоретическим каркасом для построения науки на определенном этапе ее развития. Эта устойчивость принципов используется в науке также и для выдвижения критерия оценки новых идей, концепций, теорий.

М. Борн говорил о существовании общих тенденций мысли, изменяющихся очень медленно и образующих определенные философские периоды с характерными для них идеями во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в науке. «Паули употребил выражение «стили»: стили мышления – стили не только в искусстве, но и в науке. Принимая этот термин, я утверждаю, что стили бывают и у физической теории, и именно это обстоятельство придает своего рода устойчивость ее принципам. Последние являются относительно априорными по отношению к данному периоду» [11]. Аналогичное понимание картины мира встречается у Н. Бора, Луи де-Бройля [12].

Речь идет о некоторой устойчивой форме организации научного материала, которая обеспечивает функционирование и развитие науки в течение достаточно длительного периода времени, после чего сменяется новой соответствующей формой. История науки предстает как непрерывно-прерывный процесс, а переход от одной картины мира к другой выступает как качественное преобразование теоретических принципов науки, то есть как научная революция.

Революции в отдельных науках постоянно порождают изменения естественнонаучной и общенаучной картин мира, приводят к пересмотру ранее сложившихся в науке представлений о действительности. Новые картины мира сначала выдвигаются как гипотезы. Гипотетическая картина проходит этап обоснования и может длительное время сосуществовать рядом с прежней картиной. Чаще всего она утверждается в результате проверки опытом принципов и использования этих принципов для новых теорий.

Во-вторых, результаты познавательной деятельности, которые выступают как некоторый синтез научных абстракций (понятий, теорий) с чувственно воспринимаемыми образами действительности. Современная наука не может обойтись без того, чтобы не создавать некоторых наглядно представленных моделей изучаемых объектов, не проецировать теоретическое знание на непосредственно данную нам в формах чувственности предметную действительность. Как замечает И. Б. Михайло-

ва, общий результат познания на любом этапе представляет собой конкретную картину мира, то есть единство системы понятий и наглядных моделей действительности, представляемых себе человеком. Такая картина, образ реальных процессов и явлений, проецируемый на чувственно воспринимаемый в процессе практики мир, как бы сливается с ним, делая его тем самым понятным, осмысленным, познанным и поэтому доступным практическому воздействию. Только представляемая в результате познания картина действительности, образ-модель явлений, процессов позволяет овладевать ими, позволяет в практической деятельности проецировать знание на сам предмет [13].

Указанные черты научной картины мира касаются проблемы происхождения знаний, их источника, отношения к предметной действительности и к чувственному опыту. Эти черты характеризуют научную картину как специфический обобщенный образ доступной нам внешней реальности.

Логический аспект анализа НКМ можно представить как определенную систему понятий, как концептуальный аппарат, которым пользуется научное мышление на определенном этапе своего развития. Имеющаяся система теоретических знаний и практического опыта того или иного поколения людей фиксируется в понятийном аппарате, который является двигателем их мышления. При этом понятия выступают как система сконцентрированного опыта в данной области знания. Понятия связаны друг с другом, переходят друг в друга и образуют определенную систему, которая с известным приближением отражает «систему мира».

Переход от одной картины мира к другой сопровождается устранением из научного обихода одних понятий и выработкой других. Так, в механической картине мира «биологизирования» физики Аристотеля сменились понятиями материальной точки, массы, инерции, импульса, прямолинейного движения, силы, ускорения и др. Периоду «флюидного» естествознания соответствовал набор специфических понятий о «силах природы» (теплороде, магнетизме, жизненной силе). В середине XIX в. переход к новой монистической схеме связан с появлением представлений о различных видах энергии, способных переходить друг в друга.

Однако необходимо отметить, что при выработке новых научных понятий часто используются старые терминологические оболочки. Например, понятие энергии имело в механике в XVII–XVIII вв., но свой общефизический смысл оно смогло приобрести лишь после открытия законов термодинамики в первой половине XIX в. Аналогичным образом обстоит дело и с понятием атома. Атомы Демокрита, атомы Дальтона и

атомы современной физики – это далеко не одно и то же, хотя во всех случаях разные понятия обозначались одним словом.

Формирование электромагнитной картины мира потребовало преобразования понятийного аппарата науки. Появляются понятия электромагнитного поля, массы движения и т. д. При этом новые понятия включаются в концептуальную систему, и происходит выработка новой системы, где прежние понятия науки по-новому организуются на основе специальных данных для этой картины мира принципов. В электромагнитной картине мира такими принципами становятся принцип близкодействия, принцип относительности Эйнштейна, принцип постоянства скорости света и т. д.

Квантово-релятивистская картина мира также включила в себя ряд новых понятий. К ним относятся понятия квантовых чисел, волновой функции, корпускулярно-волнового дуализма, античастиц, принцип неопределенности, принцип дополнительности и т. д. Эти элементы соответствующим образом углубляют и конкретизируют общеполитические категории, обогащая систему научного мышления.

Роль понятийного аппарата науки в построении соответствующей картины была показана на материале физики. Это можно объяснить, прежде всего тем, что физическая наука достигла такого уровня, который позволяет произвести исторический анализ научного аппарата. Кроме того, физика была и остается фундаментальной дисциплиной по отношению ко всему естествознанию.

Научная картина мира не является какой-то замкнутой, строго фиксированной системой знаний. Будучи функцией и одновременно формой развития всего познания в целом, она постоянно изменяется в соответствии с изменением содержания конкретных наук. В этом смысле она представляет собой открытую систему, ориентированную на дальнейшее развитие.

Современная наука создает адекватные средства решения глобальных проблем, в том числе предметного мира, создаваемого человеком, с учетом саморегуляции, характерной для живых систем. В 80-е гг. XX в. наука приблизилась к открытию законов, действие которых обеспечивают целостность развивающихся природных систем. Об этом свидетельствует создание синергетических теорий самоорганизации сложных систем. Синергетика появилась как научное направление, изучающее единую сущность самых разных явлений, рассматриваемых как процесс перехода от неупорядоченности к порядку. Синергетика, математически описывая необратимые качественные изменения, обеспечивающие переход от простого к сложному, становится главным теоретическим описанием развивающихся

систем. Соответственно этой значимости стержнем современной научной картины уже стала эволюционно-синергетическая парадигма, которая отличает действительно современный взгляд на мир от подходов классического и неклассического естествознания (Э. Витол, Ю. Г. Рудой, В. В. Свиридов, А. Д. Суханов).

И. С. Добронравова отмечает, что синергетика является первой общенаучной исследовательской программой, абстрактная базисная теория которой связана, прежде всего, с развитием физики, и выделяет принципы реализации этой программы и «одновременно ядро нового стиля мышления – нелинейного мышления» [14]. Главная форма нелинейности – это принцип нарушения симметрии, раскрывает переход от хаоса к порядку и рождению новых структур. Здесь предполагается и нарушение симметрии хаотических флуктуаций вакуума при зарождении Вселенной в космологии, и нарушение локальных симметрий при последовательных фазовых переходах расширяющейся Вселенной, связанных с разделением типов физических взаимодействий и рождением элементарных частиц, то есть структурированием элементарной основы мира, послужившей фундаментом дальнейшего его упорядочения. Соответственно прослеживается отношение временной и пространственной симметрии при образовании диссипативных структур. На основе случайного выбора одного из решений в точке бифуркации возникает энтропийный барьер, разделяющий прошлое и настоящее, – так выражается нарушение временной симметрии. Нарушение пространственной симметрии происходит при возникновении структур типа ячеек Бенара, автоколебаний и реакции Белоусова-Жаботинского. Такое спонтанное нарушение симметрии при образовании диссипативных структур также влечет за собой возникновение структурных различий, определяющих уровень порядка.

Есть еще один важный методологический момент в описании развития как самоорганизации. Речь идет о переоценке принципа «случайность как дополнение необходимости». Развитие самоорганизующихся систем предсказать классически невозможно, можно лишь просчитать пути возможных вариантов эволюции системы, но какой именно будет выбран путь, решает игра случайностей. История конкретного объекта понимается как цепь бифуркаций со случайным выбором, открывающим впереди разные наборы возможностей. Все это говорит о том, что случайность не дополняет необходимость, а является ее главной формой. Малые изменения пара-

метров системы способны повлиять на очень сильные изменения самой системы. На этом основано и понимание самопроизвольности появления нового, то есть естественного хода развития, и обоснование возможности человека разумно вмешиваться в ход развития.

Точка зрения видения мира в современном естествознании – это точка зрения развития. Все объекты рассматриваются в научной картине мира как становящиеся и развивающиеся. Соответственно трактуются всеобщие формы бытия этого мира и в этом мире, выступающие как онтологические соответствия важнейших категориальных соотношений, воплощенных в понятийных структурах теорий самоорганизации.

Нынешняя тенденция к осознанию единства человека и природы, природы и общества дает шанс новому пониманию ответственности человека за свои действия, поскольку и слабые флуктуации, вносимые им в природное существование, усиливаясь, могут иметь планетарные последствия. В качестве особого продукта синтеза достижений наук о природе рассматривают естественнонаучную картину мира (ЕНКМ). ЕНКМ – важный элемент естественнонаучного знания. В отличие от других его компонентов она воплощает в себе высший теоретический уровень естествознания.

Примечания

1. Мартынов, Д. Я. Вселенная. Астрономия. Философия [Текст] / Д. Я. Мартынов, В. В. Казютинский, Ф. А. Цицин. М.: Знание, 1988. С. 8.
2. Планк, М. Единство физической картины мира [Текст] / М. Планк. М.: Наука, 1966. С. 48.
3. Там же.
4. Эйнштейн, А. Собрание научных трудов [Текст] : в 4 т. / А. Эйнштейн. М.: Наука, 1967. С. 36.
5. Чудинов, Э. М. Эйнштейновская концепция физической реальности [Текст] / Э. М. Чудинов // Физическая картина и реальность. Воронеж, 1976. С. 33.
6. Эйнштейн, А. Указ. соч. С. 40.
7. Вернадский, В. И. Живое вещество [Текст] / В. И. Вернадский. М.: Наука, 1978. С. 134.
8. Винер, Н. Кибернетика и общество [Текст] / Н. Винер. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. С. 23–27.
9. Мартынов, Д. Я. Указ. соч. С. 158–186.
10. Черноволенко, В. Ф. Мироззрение и научное познание [Текст] / В. Ф. Черноволенко. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1970. С. 122–123.
11. Борн, М. Физика в жизни моего поколения [Текст] / М. Борн. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. С. 227.
12. Бор, Н. Избранные научные труды [Текст] : в 2 т. / Н. Бор. М.: Наука, 1971. С. 15.
13. Михайлова, И. Б. Характер представлений в современной науке [Текст] / И. Б. Михайлова // Философские науки. 1963. № 2. С. 49.
14. Добронравова, И. С. Синергетика: становление нелинейного мышления [Текст] / И. С. Добронравова. Киев: Лыбидь, 1990. С. 43.

ИСТОРИЯ

А. В. Лубков

КООПЕРАТИВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

В статье исследуются кооперативные движения в России накануне революции 1917 г., анализируется роль кооперации в жизни общества, идеологические и политические аспекты кооперативной деятельности.

Кооперация как форма общежития, взаимодействия и сотрудничества людей издревле известна человеческому обществу. А как социальное движение она ведет свою историю с конца XVIII – начала XIX в., когда в Западной Европе в условиях развивавшегося капитализма социалисты-утописты (Ш. Фурье, Р. Оуэн) попытались перестроить жизнь на принципах равноправия, коллективизма и самоуправления граждан.

В России отдельные формы кооперативной деятельности были известны с начала XIX в. (в 1831 г. ссыльные декабристы, например, основали в Забайкалье потребительское общество для совместных закупок продовольствия) [1]. Как самостоятельное движение кооперация по-настоящему стала развиваться у нас только с отменой крепостного права. Принципиальную роль здесь сыграло освобождение крестьян – будущих главных участников кооперативных товариществ и обществ. В отличие от общинного или артельного устройства кооперативы основывались на сугубо добровольном членстве, при котором личная свобода, ответственность, инициатива и предприимчивость хозяйствующего субъекта были одним из имманентных признаков объединения. И все же в пореформенный период (1860–1890-е гг.) скорее были заложены определенные предпосылки для последующего роста кооперативного движения, широкий размах которого пришелся на первые десятилетия XX в.

Рождение отечественной кооперации по традиции относят к 22 октября 1865 г. – дате утверждения первого в стране ссудо-сберегательного товарищества, устроенного братьями В. Ф. и

С. Ф. Лугиниными у себя в имении, в селе Дароватое (Рождественское) Ветлужского уезда Костромской губернии [2]. Владимир Федорович (1834–1911) и Святослав Федорович Лугинины происходили из богатого дворянского рода Тульской губернии, владели значительным состоянием на Урале и в Костромской губернии. Проживая подолгу за границей, братья имели возможность познакомиться с теорией и практикой кооперативного движения на Западе, в частности с опытом товариществ Шульце-Деличе (Германия). Вернувшись на родину, С. Лугинин полностью посвятил себя пропаганде идей кредитной кооперации среди крестьян. После его смерти (преждевременной) предприятие продолжили В. Лугинин, управляющий имением Н. П. Колюпанов и местный священник Федор Лужин. По воспоминаниям В. Лугинина, местные условия далеко не благоприятствовали реализации их намеченных планов. Волость находилась в 40 верстах от г. Ветлуги, среди необозримых лесов. Население занималось преимущественно сплавом леса и куркой дегтя; промыслы и торговля были развиты слабо, да и пьянство, казалось там «более распространенным, нежели где-либо», – отмечал В. Лугинин [3]. Однако благодаря неутомимой энергии и преданности делу товариществу Рождественскому суждена была долгая жизнь: в октябре 1915 г., в свое 50-летие, оно объединяло 546 членов и обладало общим капиталом в 34 375 руб. 84 коп. [4]

Впоследствии М. Туган-Барановский негативно оценивал попытку Лугининых строить кооперацию по опыту Шульце-Деличе. По его мнению, принцип паевого капитала, пусть даже и глубоко разработанный Лугининым, делал сберегательные товарищества непригодными для русской деревни, прежде всего в силу крайней бедности крестьянства [5]. Широкого распространения ссудо-сберегательные товарищества в губерниях империи, за исключением Польши, Прибалтики и черты оседлости еврейского населения, не получили [6].

В Европейской России в 1870–1880 гг. попытки насаждения первых кооперативов предпринимались также со стороны земств и либеральных помещиков. Одним из первых в Рязанской губернии вопрос о помощи земства кооперации в Касимове 1871 г. возбудило земское собрание. Оно ходатайствовало об отпуске из губернских сумм 500 руб. для открытия в селе Дмитриеве

ЛУБКОВ Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, проректор Московского института открытого образования
© Лубков А. В., 2007

кооперативного товарищества. Губернское земское собрание признало желательным помочь товариществам и установило соответствующие правила. Каждому уезду назначалось по одной тысяче рублей 5% на 10 лет под поручительство уездных земств для учреждения ссудо-сберегательных товариществ. Большинство уездных земств эти условия приняло и приступило к организации кооператива [7].

Благодаря материальной помощи со стороны губернского земства в Смоленской губернии (1873 г.) были учреждены два товарищества. Юхновское уездное земство в это время на свои средства открыло 5 ссудо-сберегательных товариществ. При финансовой поддержке земства за 3 года (1873–1876) в Смоленской губернии было организовано 21 товарищество в 9 уездах [8]. Материальная и моральная поддержка ростков кооперации в русской деревне стала характерна для набиравшего силу земского движения. Особую активность проявляли земства Новгородской, Псковской, Тверской губерний.

В верхнем Поволжье получила распространение сельскохозяйственная производственная кооперация в виде молочных кооперативов – артельных маслоделен и сыроварен. В 1866 г. Тверское земство ассигновало 3000 руб. на организацию сыроварения артелей в губернии. При материальной поддержке Вольного экономического общества и деятельном участии Н. В. Верещагина (брата известного русского художника-баталиста) в селе Островичах Тверского уезда была основана первая артельная сыроварня [9]. Затем они стали создаваться в Ярославской, Костромской, Новгородской, Петербургской и других губерниях. Главным популяризатором их и организатором стал Н. Верещагин. Заручившись со стороны Ярославского земства материальной поддержкой, он с помощью двух своих сотрудников В. Бландова и Г. Бирюлева открыл (1870 г.) первые 6 артелей в Ярославской губернии. Дела пошли настолько успешно, что уже в следующем году было открыто еще 5 артелей, в 1872 – еще 6. [10]

Становлению кооперации способствовал также учрежденный комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, возникший по инициативе князя А. Васильчикова, А. Яковлева и В. Лугинина при Московском обществе сельского ссудо-сберегательного товарищества (1871 г.).

Влияние Комитета на развитие кооперативного движения в России в этот период было значительным. Его работу поддерживали 67 губернских и уездных земств. Всего за 1871–1877 гг. появилось 966 товариществ и почти половина – при прямой помощи земств: 466 товариществ получили от них ссуды на сумму 436 тыс. руб. [11]. Вся организационная деятельность кооперативов

(выработка уставов, инструкций, счетоводство, делопроизводство) также проводилась Комитетом.

Кооперативный кредит рассматривался как необходимый элемент преобразования русской деревни, как продолжение Великих реформ. Вот что по этому поводу говорил А. В. Яковлев, секретарь отделения Комитета: «Вопрос о кредите вырос из освобождения народа. Пока народ находился в крепостной зависимости, вопроса о народном кредите не могло быть. Но освобождение крестьян, порвав те путы, которые связывали правильное течение народной жизни, выдвинуло вперед, к сожалению, массу невежественную, забитую, закоренелую в старых преданиях крепостного труда. Обновить ее силы, дать ход правильному развитию этой жизни могут только школа, кредит и улучшенное земледелие» [12].

Таким образом, социально-преобразующий идеал коопераций с самого начала стал определять характер всей деятельности русских кооператоров.

Однако роль кооперации в жизни общества на разных этапах была далеко не одинаковой. Со второй половины 80-х гг. в кооперативном движении наступает спад, продолжавшийся вплоть до начала XX в. По данным М. М. Туган-Барановского, за 15 лет (с 1871 по 1885 г.) в России было открыто 1178 товариществ, из них к 1 января 1905 г. закрылось 736, или 68,6% [13]. Причины неудач с организацией ссудо-сберегательных товариществ Туган-Барановский видел в том, что они менее всего основывались на самостоятельности населения и в этом отношении самым резким образом отличались от германского образца. «Щедрые ссуды со стороны земства приводили к тому, – писал он, – что товарищества возникали сплошь и рядом только ради получения этих ссуд, которые развёрстывались между учредителями товариществ, чем и заканчивалась деятельность последнего» [14].

Современные исследователи отмечают прежде всего влияние объективно депрессивных факторов – неблагоприятную экономическую конъюнктуру, связанную с последствиями мирового аграрного кризиса, наличие феодально-крепостнических пережитков (засилье общины, правовая и имущественная несостоятельность крестьян, их сословная обособленность) и, наконец, невысокий в целом уровень товарно-денежных отношений в деревне.

Был и еще ряд причин, делавших, на наш взгляд, малоэффективными попытки внедрения ссудо-сберегательных товариществ: во-первых, отсутствие серьезной государственной поддержки; во-вторых, сравнительно слабая степень самодетельности населения.

Кооперативный кредит в той форме, в какой он развивался в 70–80 гг. XIX в., был предметом

заботы местной администрации, земства, отдельных помещиков-либералов. Но без системной выработки правительственных мер правового и финансового характера и без инициативы снизу трудно было рассчитывать на широкое распространение кредитных учреждений по всей стране, хотя надо сказать, что экономический подъем России на рубеже веков сопровождался повышенным вниманием государства к вопросам правового регулирования народного хозяйства. Так, 1 июня 1895 г. было утверждено «Положение об учреждении мелкого кредита», давшее начало созданию нового типа заведений – кредитных товариществ. Отличие их от прежних ссудо-сберегательных товариществ состояло в том, что они организовывались как беспаявые кооперативные (райффейзеновский принцип) при помощи ссуд Государственного банка. Согласно новому положению расширялись возможности кооперативов к привлечению дополнительных средств со стороны в виде займов и вкладов. Товариществам разрешалось вести посреднические операции по закупке товаров и сбыту производимой продукции. Предоставляемые членам товарищества ссуды могли быть краткосрочными (до 1 года) и долгосрочными (до 5 лет). Все это делало новые кредитные операции гораздо более привлекательными для населения, и в первую очередь для так называемых «малодостаточных лиц».

Следующий шаг в правовом регулировании деятельности кредитной кооперации со стороны государства был сделан в 1904 г. с изданием нового «Положения о мелком кредите». В основе его была идея централизации учреждений мелкого кредита и усиления правительственного надзора за их деятельностью. Все крестьянские сословно-общинные учреждения оставались в ведении министерства внутренних дел, а кооперативные – министерства финансов. Непосредственный контроль на местах осуществлялся отделениями Государственного банка, которым были подчинены инспектора местного кредита. Создавались также губернские комитеты по делам мелкого кредита, в которые входили представители администрации и земств. К ним переходило право открытия и регистрации новых товариществ без санкции министерства финансов, что способствовало ускоренному росту кредитных кооперативов.

Активизация кооперативного движения на рубеже веков нашла свое выражение и в союзном строительстве. Первый союз кредитных кооперативов – Бердянский – возник в 1901 г. Затем были утверждены уставы Мелитопольского и Суджанского союзов. Чуть ранее (1898 г.) был создан Московский союз потребительских обществ (МСПО), остававшийся долгие годы цент-

ральным объединением потребительской кооперации и вышедший, наряду с кредитной и сельскохозяйственной, на путь самоопределения.

К началу XX в. в русском кооперативном движении постепенно созревают предпосылки для перехода к качественно новому этапу развития: на смену политике «насаждения» кооперативов, продолжавшейся более сорока лет, приходит время самостоятельности и широкого народного творчества, благодаря которому кооперация становится важным фактором общественного развития в стране и ее модернизации.

Безусловно, огромную роль в этом процессе сыграло подвижничество российского земства. Лучшие его представители на протяжении всей истории земского самоуправления верой и правдой служили делу народного благосостояния, видели свое призвание в культурном просвещении населения, подъеме уровня его жизни.

С другой стороны, нельзя недооценивать того положительного значения, которое оказывала правительственная политика, направленная на поддержку кооперации в России. По мнению М. И. Туган-Барановского, именно в позитивной роли государственной власти заключалось принципиальное отличие отечественной кооперации от зарубежной [15].

Таким образом, самоорганизация и самоопределение кооперативного движения стали возможны не сами по себе, а благодаря многолетней, многоплановой, целенаправленной деятельности русских либеральных интеллигентов (отнюдь не радикалов!), земства как особого института местного самоуправления и непосредственно государства, сумевшего верно оценить возможности кооперации в мирном обновлении российского общества.

На быстрые темпы кооперативного движения в стране в предвоенные годы (1907–1914) существенное влияние оказали события первой русской революции (1905–1907 гг.) и мероприятия столыпинской аграрной реформы, которые дали мощный импульс в развитии всех форм самостоятельности и активности широких народных масс, не только разрушающих, но и созидających. Политические силы левой ориентации обратили внимание на кооперацию как форму социального объединения трудящихся. В рабочем классе становились популярными идеи потребительских обществ, а деревня переживала новый кооперативный бум, чему в немалой степени способствовали отмена выкупных платежей, круговой поруки, повышение цен на хлеб и правительственные меры по поощрению системы мелкого кредита.

С 1 января 1907 по 1 января 1914 г. число всех товариществ увеличилось с 2 189 до 13 080, т. е. в 6 раз, членов в них – с 932,9 тыс. до 8 262 тыс., почти в 9 раз [16]. Итак, кооперация

получает серьезную поддержку «снизу». За организацию кредитных товариществ отныне берется само крестьянство. Кооперативы более не являются предметом исключительной работы представителей земско-либеральной общественности, учреждавших их «сверху», а становятся плодом народного творчества.

Происшедшие изменения непосредственным образом отразились и на финансовых операциях кооперации, и на ее хозяйственной деятельности. Общий баланс кредитных (10 401) и ссудо-сберегательных (3 728) товариществ на 1 июля 1914 г. составил 773 162 000 руб. Причем 12,5% этой суммы приходилось на собственные средства кооперативов, 19,2 – правительственные, 63 – привлеченные [17].

Наиболее состоятельными в финансовом отношении были кредитные кооперативы губерний Прибалтики, Польши и Юга России. Самыми крупными суммами обладали кооперативы Лифляндской губернии. На 1 октября 1913 г. их баланс составил 51 248 261 руб., в то время как для товариществ Владимирской губернии он не превышал 6,7, Ярославской – 4,5 и Московской – 4,1 млн руб. [18] Сложившаяся ситуация довольно красноречиво характеризует разницу в материальном положении членов кооперативов в Прибалтике и в Центральной России, основную массу которой составляли средние слои деревни, видевшие главную функцию кооперативов не в накоплении капиталов, а в развитии хозяйства.

Не случайно, что кредитные кооперативы центра страны в эти, уже предвоенные, годы активно занимались торгово-посреднической деятельностью. Они снабжали крестьян машинами и оборудованием, закупали предметы производства и потребления, организовывали совместные поставки на рынок сельскохозяйственной продукции – хлеба, масла, льна. Координацию всей этой деятельности взял на себя созданный в 1912 г. Московский народный банк (МНБ), ставший фактически центральным банком для всей российской кооперации.

Благодаря его усилиям к весне 1913 г. хлебозалоговые операции вели 15,3% всех кредитных кооперативов империи [19]. Широкое распространение они получили в южных губерниях европейской части страны и в Сибири. Правительство со своей стороны всячески поощряло кооперацию в ее стремлении занять устойчивое положение на хлебном рынке. Под залог хлеба кооперативам в 1912 г. государство выделило 1 015 млн руб., в 1913 г. – 144 млн [20]. В предвоенные годы начала осуществляться государственная программа создания зернохранилищ. Все эти меры способствовали распространению круга кооперативов, занимающихся хлебозалоговыми операциями, помогали кооперации активно противостоять частным торговым посредникам.

Кооперация выступала серьезным конкурентом частному предпринимательству и в деле производства молочных продуктов, сыра и масла. Молочно-маслодельные кооперативы довольно интенсивно развивались в Сибири, где их в 1914 г. насчитывалось 2100, что составляло более половины всех такого рода предприятий. Союз сибирских маслодельных артелей, учрежденный в 1911 г., являлся крупнейшей организацией, активно противостоящей частным фирмам не только на внутреннем, но и на внешнем рынке, а продукты российских кооператоров – хлеб, масло, лен – составляли существенную часть отечественного экспорта и высоко ценились в мире.

Постепенно внутри кооперативного движения набирал силу процесс специализации по отдельным отраслям сельскохозяйственного производства (возникли маслодельная, льняная, картофельно-крахмальная и другие виды кооперации). Одновременно происходила и дальнейшая интеграция кооперативной системы путем организации союзов и установления договорных отношений между различными кооперативными структурами.

Отметим также, что для первичных кооперативов и их объединений даже на волостном или межрайонном уровне был характерен определенный универсализм. Так, например в Шунгенской волости Костромской губернии, широко известной своей картофеле-крахмальной кооперацией, за пять лет (1909–1914 гг.) возникли 6 паевых картофелетерочных заводов, 2 общественных лабазы, чайная, маслодельно-сыроваренный завод, склад сельскохозяйственных и потребительских товаров с годовым оборотом в 60 тыс. руб., ссыпной пункт, опытный огород, рассадник улучшенной породы скота, артель по разработке неудобных пахотных земель и др. Если же учесть, что еще раньше здесь были открыты кредитное товарищество и сельскохозяйственное общество, то следует признать, что костромские крестьяне, внедрив идеи кооперации в практику повседневной жизни, создали фактически универсальный сельскохозяйственный кооператив [21].

В современной историографии дискутируется ряд принципиальных вопросов: о соотношении общины и кооперации и влиянии столыпинской аграрной реформы на развитие кооперативного движения. В. Кабанов, например, указал на историческую близость и преемственность кооперации и общины, отмечая в них и отличительные черты. По его мнению, коллективизм кооперации принципиально другой породы, чем в общине. В кооперации он добровольный и зиждется на личной свободе и инициативе, тогда как в общине он принудительный, обязательный для всех, «поголовный» [22]. Кроме того, стихия кооперативов – товарно-денежные отношения, в то

время как для общины они суть условия, разрушающие ее. «Через кооперацию крестьянин начал зависеть не только от общества, но и от рынка, — писал В. Кабанов. — И чем дальше, тем больше. Тем самым, так же незаметно и постепенно, разрушалась и крестьянская община (именно исподволь, а не резко и насильственно, как при столыпинской аграрной реформе)» [23].

С этими соображениями историка трудно не согласиться. Действительно, кооперация шла на смену общине как новая форма социально-экономической организации крестьянства и наследовала ее многовековым традициям в хозяйствовании, труде, быту, культуре естественно и органично. Правда, порою кооперация выступала преемницей не только всего лучшего, что было в общине, но и патриархального, что было явно чуждо ее природе. Так, например, в кооперативах южных уездов Рязанской губернии круговая порука долгое время сохранялась как единственная форма ответственности членов при убытках товариществ [24].

В аргументации В. Кабанова вызывает возражение противопоставление столыпинской аграрной реформы развитию кооперативного движения. Некоторые историки, например А. Корелин и К. Щацлло, отмечая почти десятикратное увеличение числа разного рода кооперативов в период аграрной реформы, склонны связывать его с влиянием общей благоприятной конъюнктуры, сложившейся в начале века, нежели с результатом проводимых мероприятий, экономические последствия которых, по их мнению, предсказать весьма сложно [25].

Но в таком случае резонно поставить вопрос: в какой-то степени правительственный курс способствовал изменению в лучшую сторону общей конъюнктуры или она колебалась исключительно из-за «объективных» (в том числе природно-климатических) условий последних предвоенных лет?

На наш взгляд, всемерный рост кооперации стал возможен благодаря системному воздействию целого ряда факторов, включая и проводимую правительственную реформу.

По данным Главного управления землеустройства и земледелия по нескольким губерниям центра страны, известно, что из 14 935 единоличных хозяйств до землеустройства членами кооперативов были 2 677 человек (18%), а после — 6 291 (42%) [26]. Выделявшиеся из общины на хутора и отруба крестьяне Рязанской губернии активно участвовали в кооперативном движении [27], что вполне понятно, если учитывать их ориентацию на рынок и большую потребность в кредите.

Надо сказать, что кооперация развивается и в тех губерниях, где достижения в земледелии были более скромными (в Ярославской, Костромской, Владимирской они были в два раза ниже

средних показателей по стране) [28]. Таким образом, рост кооперации в том или ином регионе далеко не напрямую зависел от эффективности проводимых там преобразований. В не меньшей степени он был обусловлен благоприятной ситуацией на местах (отношением к данной проблеме губернской власти, земства, предприимчивостью самих кооператоров и др.). Существенную роль играл здесь уже сложившийся опыт хозяйствования крестьян, их участие в кустарных промыслах, специализация сельского хозяйства.

На неоднозначность оценки влияния столыпинской реформы на кооперацию указывает и тот факт, что в период Первой мировой войны, когда осуществление реформы по ряду направлений было приостановлено, кооперация продолжала наращивать свой потенциал, и, надо сказать, не безуспешно. Столыпинская реформа, безусловно, явилась важным стимулом, укрепляющим тягу крестьян к кооперации. Она подтолкнула в кооперативы не только тех, кто выходил из общины, но и тех, кто оставался в ней. Здесь важно отметить, что реформа не противостояла кооперативному движению, но создавала условия для его дальнейшего расширения, превращала его в устойчивый фактор развития российской экономики в целом, что подтвердилось в ходе начавшейся мировой войны.

Деятели кооперации одними из первых выдвинули программу мобилизации народного хозяйства, призывая к участию в ней общества в целом.

Спустя несколько дней после начала войны видный деятель кооперации кн. Д. Шаховской выступил в печати со статьей «Мобилизация хозяйства» [29], в которой предложил план всенародной хозяйственной мобилизации на основе тесного сотрудничества земства и кооперации. Показательно, что подобная инициатива исходила от кооператоров задолго до того, когда этот лозунг стал популярным среди оппозиционных кругов торгово-промышленной буржуазии весной 1915 г.

Первые практические шаги кооператоров были направлены на объединение и координацию действий кооперативных учреждений с различными правительственными, земскими, общественными и частными организациями в их поставках для нужд армии. Так, в 1915 г. в хлебных поставках для армии участвовало около 500 кооперативов, заготовивших около 10 млн пудов хлеба и 1,5 млн пудов сена [30]. Всего же благодаря усилиям министерства земледелия в хлебную кампанию 1915–1916 гг. было получено 407,6 млн пудов хлебных продуктов, причем половину их количества уполномоченные министерства закупали через посредников: из помещиков — 18, кооперативов — 17, крестьян — 15% [31].

Осуществляя поставки для армии, кооперация заявляла о себе как о конкурентноспособ-

ной и влиятельной экономической организации, умеющей решать сложные вопросы в самых различных хозяйственных сферах.

Пожалуй, наиболее ярким подтверждением тому было кооперирование льняного дела, ведь до войны Россия была фактическим монополистом на рынке льна – ее доля в мировом производстве его достигла 80%.

Основное распространение крестьянское льноводство получило в губерниях Нечерноземной полосы. Среднегодовые урожаи льна в стране за десятилетие с 1904 по 1913 г. оценивались в 26,6 млн пудов [32]. Доходность хозяйств крестьян-льноводов была в прямой зависимости от экспорта льна и конъюнктуры цен на внешнем рынке. Поэтому, когда с началом войны нарушились все традиционно мирохозяйственные связи (а лен поставлялся в Европу главным образом по железным дорогам Германии и на судах ее торгового флота), над миллионами русских крестьян нависла угроза разорения. Учитывая это обстоятельство, Совет съездов представителей льняного дела подал в правительство соответствующую докладную записку; в результате Государственный банк предоставил учреждениям, ведущим залог льна, значительные кредиты на льготных условиях в размере 12 млн руб.

Движение крестьян-льноводов по организации кооперативных союзов и переходу к залогово-посредническим операциям охватило многие регионы страны. К середине 1915 г. только в Московской, Смоленской, Тверской губерниях действовало 9 договорных объединений кооперативов, в состав которых входило около 200 товариществ, обслуживающих 100 тыс. хозяйств льноводов [33]. Распространение кооперации в льняном деле приобретало такие масштабы, что вскоре встала задача по координации и планированию общих действий, решение которой легло на плечи созданного в сентябре 1915 г. в Москве центрального товарищества льноводов (ЦТЛ) во главе с А. Чайновым.

Возникновение кооперации в льняном деле было явлением примечательным, поскольку она распространялась на сферу, ранее традиционно связанную исключительно с частным предпринимательством.

Вместе с тем годы войны были отмечены общим ростом кооперативного движения в стране. По оценкам М. Хейсина, довоенная численность кооперации достигла 10 млн членов, что (включая и семьи) составляло около трети населения страны. К 1917 г., по его же данным, в различных кооперативных учреждениях состояло уже не менее 13,5 млн человек, с семьями – 67,5 млн, т. е. около 40% населения было связано с кооперацией [34]. Рост числа кооперативов и их участников в военное лихолетье сопровождался

существенными изменениями внутри кооперативной системы. Если до 1916 г. кредитная кооперация занимала первое место по численности членов и количеству организаций, то к началу 1917 г. она уступает это место потребительской (соответственно 16 055 и 20 000 кооперативов на 1 января 1917 г.) [35].

Широкое распространение потребительские кооперативы получили в крупных городах и промышленных районах, где плотность населения была высокой, а продовольственное положение крайне напряженным. Ярким выражением новых тенденций кооперативного движения стало возникновение и деятельность в Москве всесословного общества потребителей «Кооперация» (организатором и председателем правления стал Д. Шаховской).

К началу 1917 г. «Кооперация» становится одним из крупнейших, если не самым крупным, кооперативом в мире. Число его членов составляло 61 897 человек, паевой капитал оценивался в 691 760 руб., торговый оборот 16 магазинов за год составил 4 718 597 руб. Около 70% всех товаров закупалось кооператорами через государственные и кооперативные организации, остальное приобреталось у частных торговцев [36].

Таким образом, кооперация накануне российской революции 1917 г. решала важнейшие задачи общественного регулирования народного хозяйства снизу, дополняя, по существу, правительственные попытки регулирования экономики сверху административно-правовыми методами. Сочетание обоих этих факторов вело к качественно новым, положительным структурным сдвигам в экономике страны.

Кооперативный уклад, основанный на принципах демократического хозяйствования миллионов трудящихся, составлял серьезную конкуренцию для государственного и частного секторов экономики. При этом кооперация выступала не просто как хозяйственное или коммерческое предприятие, но как массовое общественное движение с присущей ему идеологией: кооператоры уделяли большое внимание культурному просвещению народа, его образованию и воспитанию в самом широком смысле. Но на этой стороне кооперативной деятельности следует остановиться подробнее.

Теоретики отечественного кооперативного движения до революции 1917 г. одним из основных принципов кооперации практически единодушно провозглашали политический нейтралитет. М. Туган-Барановский считал, что «вовлечение кооперации в политическую борьбу не усиливает, а ослабляет кооперативное движение», несет угрозу его раскола [37]. Однако, по его мнению, соблюдение принципа политического нейтралитета кооперации неравносильно полному отказу от

участия в политической жизни. «При известных условиях, — писал М. Туган-Барановский, — кооперация может и должна участвовать в политической жизни именно тогда, когда дело идет к защите законодательным путем жизненных интересов кооперации». В этом случае она становится «на почву защиты вполне определенных собственных интересов, а не стремится влиять на общее направление политической жизни в стране». Следовательно, «устранение политики из кооперации основывается не на пренебрежении к политике со стороны кооперации, а на сознании различия этих областей общественной жизни» [38].

Однако в российской действительности провести грань между различными сферами общественной жизни и определить черту, за которой начинается область политики, всегда было делом довольно сложным. Кооперативы, претендуя на свой, особый, путь социального переустройства, в силу именно этого обстоятельства уже не могли не заниматься политикой. Так, независимые рабочие кооперативы, созданные в ходе первой русской революции и вскоре после нее, отнюдь не скрывали своих политических пристрастий. Да и в других видах кооперации представители различных партий, организаций и групп проявляли себя политически довольно активно.

Значительную их часть составляли так называемые «кооператоры поневоле», использовавшие кооперацию для прикрытия нелегальной деятельности. Но были и такие, кто полагал, что кооперативы заслуживают внимания уже сами по себе.

Один из видных деятелей кадетской партии, член ЦК, выдающийся организатор кооперативного движения князь Д. Шаховской, выступая на заседании ЦК партии народной свободы в сентябре 1913 г. (вскоре после общероссийского кооперативного съезда в Киеве), настаивал на том, что «кооперативное движение должно быть отмечено и изучено. Оно является большой, новой силой, разрастающейся силой, и кадеты должны встать в ряды работников. Кооперации по самому существу своему быстро выходят из-под опеки правительства и чрезвычайно способствуют сплочению масс» [39].

В ряду теоретиков и практиков российской кооперации стояли кадеты М. Туган-Барановский и Д. Шаховской, внефракционные социалисты Е. Кускова и С. Прокопович, эсеры С. Маслов, А. Меркулов, меньшевики М. Хейсин, Л. Хинчук, К. Пажитнов, большевики В. Ногин, И. Скворцов-Степанов, анархист В. Поссе и др. Все они внесли свой вклад в развитие кооперативного движения в России и связывать их деятельность на кооперативном поприще исключительно с партийными установками было бы совершенно неверным. Кооперация для них была живой реальнос-

тью, и в служении ей многие видели свое призвание.

Другое дело, что сама кооперация в силу ее реального положения в стране, огромного творческого потенциал, демократизма и открытости для людей, без различия их общественного, национального, религиозного и всякого иного статуса, объективно не могла оказаться вне политики, особенно в условиях тех социальных потрясений, в полосу которых вступила Россия с началом Первой мировой войны.

Если в первый период войны кооператоры в целом заняли патриотическую позицию и стремились к налаживанию конструктивных отношений с властью, то по мере осложнения обстановки на фронте все больше втягивались в открытое противодействие правительству.

Анализ политических выступлений кооператоров в течение 1916 — начала 1917 г. показывает их высокую активность даже по сравнению с другими противниками режима. Кооператоры руководствовались различными мотивами, принимая участие в борьбе с самодержавием. Доминирующими среди них были, пожалуй, идеологические. Кооперация как особое социальное движение, исповедующее принципы демократии, равноправия и товарищеской солидарности, связывала свой идеал с обновлением всего общества. До поры до времени достижение этого идеала предполагало постепенность, эволюционизм и мирный реформизм. Однако затягивающаяся война и напряжение в обществе усиливали радикализм верхушки кооператоров, давно и тесно сотрудничавших с либеральными и социалистическими кругами. Таким образом, и кооператоры внесли определенную лепту в подготовку неминуемого социального взрыва.

Они же стали и в ряду главных действующих лиц Февральского переворота, сыграв видную роль в смене власти весной 1917 г. как в центре, так и на местах. Идея воссоздания в столице Совета рабочих депутатов впервые была обнародована 25 февраля 1917 г., в союзе потребительских обществ Петрограда [40]. В Москве и ряде других городов Центральной России (Костроме, Твери, Туле, Иваново-Вознесенске, Кинешме) кооператоры не только выступили инициаторами учреждения новых органов власти, но и возглавляли их или составляли в них значительную часть новых делегатов [41].

Начало марта 1917 г. стало временем триумфа российских кооператоров. Ни до, ни после февральского переворота они в своей политической деятельности не переживали подобного взлета. «Если бы произвести цифровой учет, какие организации принимали ближайшее участие в устранении этих старых властей, то кооперативные организации, наверное, заняли бы одно из пер-

вых, если не первое место», – писал непосредственный участник событий В. Кильчевский [42].

С ним трудно не согласиться. Действительно, положение кооперации накануне свержения самодержавия выгодно отличало ее по сравнению с другими общественными организациями или политическими партиями. Прежде всего это легальное существование, непосредственная связь с массами, относительная экономическая и финансовая самостоятельность, собственная печать, опытный кадровый корпус, значительную часть которого составляли профессиональные революционеры и политические деятели. Сказывалось активное участие кооперации и хозяйственной жизни регионов, подключение ее к выполнению ответственных государственных заданий, взаимодействие с правительственными и земскими органами в деле снабжения населения продовольствием и товарами широкого потребления.

Между тем выход кооперации на политическую арену таил в себе немало опасностей и прежде всего угрозу раскола из-за партийных пристрастий. Кооператоры оказались перед решением сложной проблемы: претендуя на особую политическую линию, они задавались вопросом, кто ее должен разрабатывать и какова здесь роль политических партий и их собственная роль?

Противниками политического выступления были В. Зельгейм, В. Кильчевский и представители рабочих кооперативов М. Хейсин и М. Хинчук. Все они считали, что заниматься выработкой самостоятельного политического курса кооперации не следует, поскольку в ее рядах нет политического согласия и единства. «Кооперация сильна своей хозяйственной мощью, – заявил он, – и это не надо разрушать. Политическое выступление вызовет раздоры, от чего потерпит ущерб и хозяйственная сторона. А экономика теперь – основа революции, и, подрывая хозяйственную мощь кооперации, мы подрываем революцию и, следовательно, спасение страны» [43].

Несмотря на убедительность подобных доводов, общероссийская кооперация приняла участие в выборах в учредительное собрание. Кооператоры выдвинули своих кандидатов в 16 округах и предприняли лихорадочные действия по сколачиванию своего блока и своей собственной платформы. Для руководства предвыборной кампанией был образован специальный орган – политическое бюро в составе Н. Чайковского (председателя бюро), А. Сазонова и В. Анисимова (товарищей председателя), В. Икова (секретаря) и Н. Смертина (член бюро) [44]. Особое значение кооператоры придавали успеху на выборах в Москве. Совместно с группой «Единство» ими был образован «демократическо-социалистический блок» (№ 8) во главе с В. Плехановым, С. Прокоповичем, А. Беркенгеймом [45]. Кооператоры развер-

нули шумную компанию в поддержку своих кандидатов, был учрежден специальный фонд, жертвования в которой сделали Е. Кускова, А. Чаянов, писатель М. Осоргин, редактор «Власти народа» Э. Гуревич (Е. Смирнов) [46]. На устраиваемых блоком предвыборных мероприятиях резкой критике подвергались не только большевики, но и другие политические партии, прежде всего эсеры, за их постоянные колебания между пораженцем Черновым и оборонцем Керенским. Агитируя рабочих, кооператоры пытались затронуть их патриотические чувства, но это оказалось безуспешным. В результате прошедших в Москве выборов блок № 8 занял 4-е место вслед за большевиками, кадетами и эсерами, опередив меньшевиков, он набрал 4,6% голосов москвичей [47], что оказалось недостаточным для избрания выдвинутых блоком кандидатов. Не получили поддержки и другие кооператоры: А. Чаянов, А. Анцыферов, баллотировавшиеся во Владимирской губернии; Е. Кускова и А. Меркулов – в Тверской [48].

Из известных кооперативных деятелей в Учредительное собрание прошли лишь те, кто баллотировался по партийным спискам. Так, членами его стали: В. Кильчевский (Ярославский округ, список № 3 – совет крестьянских депутатов и эсеров); С. Латошников (Костромской, № 1 – «Земля и Воля», эсеры, совет крестьянских депутатов); С. Маслов (Орловский, № 3 – эсеры, совет крестьянских депутатов); Н. Чайковский (Вятский, № 5 – энесы и национальный союз черемисов) [49].

Таким образом, спор между «беспартийными» и партийными политиками, казалось, был однозначно решен в пользу последних. Финал политической активности кооперации в 1917 г. завершился провалом. По амбициям и авторитету кооператоров был нанесен серьезный урон. Таким образом, эволюция кооперативного движения в сторону общественно-политической организации, продолжавшаяся в течение всего периода русской революции 1917 г., привела кооперацию к такому глубокому внутреннему кризису, из которого выйти ей уже не удалось.

Усвоение уроков отечественного кооперативного движения, его достижений и успехов, просчетов и ошибок представляется и сегодня весьма важной и актуальной задачей, поскольку русская дореволюционная кооперация в свое время (1907–1917 гг.) сумела стать существенным компонентом в процессе обновления страны: являла собой феномен народной жизни, синтез традиций (артельность, коллективизм, соборность, взаимовыручка) и новаторства (рынок, широкий масштаб товарно-денежных отношений, свободное индивидуальное членство в товариществах).

В кооперативах того времени людям виделась символика нового. Реальная надежда получить

ответы на самые злободневные вопросы, усматривалась модель преобразования общества на принципах сотрудничества, партнерства и живой солидарности. Другие методы решения социальных проблем – революционное насилие и радикализм – имели непомерно высокую цену и ставили страну на грань катастрофы. Осознание необходимости эволюционного пути – пути постепенного преобразования действительности в лучшую сторону, наступившее после потрясений 1905–1907 гг., открывало перед народом широкие перспективы, и кооперация, на фоне всего пережитого, представляла качественно новую общественную парадигму.

В связи с этим особого внимания заслуживает одна очень важная проблема – проблема общественного идеала, которая ярко заявляет о себе именно в переломные моменты истории. В кооперативном идеале центральное место отводилось социальному переустройству при помощи кооперации. Налицо дуализм кооперативного идеала. С одной стороны, нацеленность в будущее без ясно очерченных рамок (отсюда и вполне оправданный консерватизм). Не удивительно поэтому, что идеология русской кооперации весьма многопланова и неоднозначна, вбирает в себя оригинальные концепции (М. И. Туган-Барановского, В. Ф. Тотомианца, А. А. Евдокимова, Д. И. Шаховского и др.), черпает из наследия представителей организационно-производительной школы (экономистов А. В. Чаянова, А. Н. Челинцева, Н. П. Макарова, А. А. Рыбникова, А. Н. Минина и др.)

Именно в идеологии русской кооперации как нельзя лучше просматриваются характер кооперативного движения, синтез духовного и материального начал в человеке, скрытый потенциал подлинного творчества масс и самореализации личности и их самоограничения.

Самоограничение кооперативной деятельности должно касаться и сферы политики. Не только из-за того, что вовлечение в политику ставит под угрозу единство кооперативного движения и вносит раскол в ее ряды. Но главным образом потому, что политика – борьба за власть в государстве – не может быть целью кооперации. Кооперация – это прежде всего общественное объединение, самоорганизованная монада, т. е. часть общества, выступающая как оппонент, но и партнер государства в хозяйственной, культурно-просветительской, духовной и других сферах, и никоим образом не в политике, которая сама по себе суть инструмент разъединения и противостояния людей, особенно учитывая современные политтехнологии.

На наш взгляд, многих ошибок и трагедий (особенно в новейшей истории) Россия сумела бы избежать, если бы у российского общества не была утрачена способность к самоорганизации.

В советскую эпоху государство, как известно, практически полностью подчинило себе общество, жестоко регламентируя его жизнь, оставляя очень мало места для несанкционированных сверху инициатив и самостоятельности граждан. Сегодня ситуация постепенно меняется. Строительство гражданского общества предполагает создание различных неправительственных институтов и разветвленной сети общественных организаций, пробуждение деловой и творческой активности и самостоятельности населения.

В конце концов, во многом от восстановления по всем параметрам социального (а не только государственного) организма зависят и перспективы устойчивого развития страны и ее возрождения.

Успехи дореволюционного кооперативного движения были столь впечатляющими потому, что его идеалы и принципы были созвучны православной душе русского человека. Кооперация, выразив достаточно широко религиозно-нравственные воззрения народа, его представления о сущности бытия и человеческого общежития, о характере труда, хозяйства и культуры, стала своего рода формой для практического воплощения их содержания.

Примечания

1. Макаренко, А. П. Теория кооперации [Текст] / А. П. Макаренко, А. И. Крашенинников, А. А. Кизилевич и др. М., 1982. С. 32.
2. Меркулов, А. Л. Пионеры русской кооперации (братья Лугинины) [Текст] / А. Л. Меркулов // Вестник кооперации. 1912. Кн. 5. С. 3–32.
3. Там же. С. 12.
4. Известия Костромского губернского земства [Текст]. 1915. № 12. С. 51.
5. Туган-Барановский, М. И. Социальные основы кооперации [Текст] / М. И. Туган-Барановский. М., 1989. С. 374–375.
6. Там же. С. 298.
7. Вестник Рязанского губернского земства [Текст]. 1915. № 9. С. 33.
8. Первый съезд представителей ссудо-сберегательных товариществ Смоленской губернии в г. Смоленске 19 и 20 декабря 1876 г. [Текст]. СПб., 1877. С. 5.
9. Известия Костромского губернского земства [Текст]. 1914. № 12. С. 4; Известия Московской губернской земской управы [Текст]. 1915. № 10, 11, 12. С. 30; Туган-Барановский, М. И. Указ. соч. С. 315.
10. Ярославское губернское земство. Труды Первого съезда представителей кооперативных учреждений Ярославской губернии (21–26 января 1913 г.) [Текст]. Ярославль, 1913. С. 108.
11. Корелин, А. П. Земства и мелкий кредит [Текст] / А. П. Корелин // Кооперация. Страницы истории. IV в. М., 1994. С. 26–27.
12. Вестник сельского хозяйства [Текст]. 1915. № 44. С. 6.
13. Туган-Барановский, М. И. Указ. соч. С. 375.
14. Там же.
15. Там же. С. 299.
16. Вестник кооперации [Текст]. 1916. Кн. 6. С. 41.
17. Там же. 1915. Кн. 1. С. 64.

18. Известия Московской губернской земской управы [Текст]. 1915. № 7. С. 51–52.
19. Вестник кооперации [Текст]. 1916. Кн. 6. С. 75.
20. Вестник сельского хозяйства [Текст]. 1915. № 2. С. 13.
21. Костромской кооператор [Текст]. 1913. № 1. С. 13; 1915. № 4–6. С. 4–5.
22. Кабанов, В. В. Крестьянская община и кооперация России XX века [Текст] / В. В. Кабанов. М., 1997. С. 32–35.
23. Кабанов, В. В. Судьбы кооперации в Советской России [Текст] / В. В. Кабанов // Кооперативный план; иллюзии и действительность. М., 1995. С. 22.
24. Экономический обзор Рязанской губернии за 1912 г. [Текст]. Вып. 1. Рязань, 1913. С. 38.
25. Корелин, А. П. П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России [Текст] / А. П. Корелин, К. Ф. Щацилло // Деревня в начале века: революция и реформа. М., 1995. С. 31.
26. Хейсин, М. А. Исторический очерк кооперации в России [Текст] / М. А. Хейсин. Пг., 1918. С. 100.
27. Вестник кооперации [Текст]. 1916. Кн. 6. С. 65.
28. Морозин, К. В. Столыпинская аграрная реформа в Костромской губернии [Текст] / К. В. Морозин // Вестник Костромского государственного педагогического университета им. Н. А. Некрасова. 1997. № 2. С. 40.
29. Речь [Текст]. 1914. 30 июля; Кооперативная жизнь [Текст]. 1914. № 15–16. С. 121–123.
30. Кооперативная жизнь [Текст]. 1916. № 2. С. 66.
31. Китанина, Т. М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.) [Текст] / Т. М. Китанина. Л., 1985. С. 74.
32. Известия Костромского губернского земства [Текст]. 1914. № 12. С. 20.
33. Чаянов, А. Может ли война повлиять на изменение организационных основ русского крестьянского хозяйства [Текст] / А. Чаянов // Вестник сельского хозяйства. 1915. № 16. С. 7; Он же. Кооперативные начинания в области льняного дела [Текст] / А. Чаянов // Костромской кооператор. 1915. № 7–8. С. 3.
34. Кооперативная жизнь [Текст]. 1915. № 17–18. С. 145.
35. Вестник кооперации [Текст]. 1917. Кн. 2–3. С. 86–87.
36. Там же.
37. Отчет общества потребителей «Кооперация» в Москве за второй операционный 1917 год [Текст]. М., 1917. С. 4–6.
38. Тузан-Барановский, М. И. Указ. соч. С. 428–429.
39. Там же. С. 432–433.
40. Протокол Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1912–1914 [Текст]. М., 1997. С. 219.
41. См. подробнее: Лубков, А. В. Война. Революция. Кооперация [Текст] / А. В. Лубков. М., 1997. С. 115–126.
42. Кильчевский, В. Кооперация и революция [Текст] / В. Кильчевский. М., 1917. С. 13.
43. Вестник кооперации [Текст]. 1917. Кн. 9–10. С. 61.
44. Там же. С. 65.
45. Власть народа [Текст]. 1917. 15 окт.; 10 ноября.
46. Там же [Текст]. 19, 20 окт.
47. Там же [Текст]. 24 ноября.
48. Там же [Текст]. 1; 24 окт.
49. Политические деятели России. 1917 [Текст]: биографический словарь. М., 1993. С. 392–397.

Т. И. Лыпка

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ В. РАТЕНАУ

Статья посвящена эволюции историко-философских и социальных идей Вальтера Ратенау. Многообразная предпринимательская деятельность, прекрасное знание различных сторон капиталистического производства давали Ратенау богатейший материал для осмысления общественных проблем и разработки социально-экономических и политических концепций. Ратенау писал о перемещении экономического центра из аграрного сектора в индустриальное хозяйство, об общественных и политических последствиях этих изменений.

Имя Вальтера Ратенау вошло в мировую историю. Ратенау занял почетное место в истории российско-германских и международных отношений. Заметную роль он играл в Германии уже перед Первой мировой войной, а особенно в годы войны и послевоенный период. История германского бизнеса знает В. Ратенау как крупного инженера, предпринимателя, главу всемирно известного электротехнического концерна АЕГ. Серьезный вклад внес В. Ратенау в развитие немецкой общественной мысли, в частности впоследствии его идеи были использованы для обоснования политики «социализированного капитализма» в ФРГ. По всем этим причинам интерес к личности, воззрениям и деятельности В. Ратенау в Германии и на Западе не исчезает, времена принимая форму своеобразного «ренессанса Ратенау». В Германии широко и торжественно отмечали 100-летие, а в сентябре 1992 г. – 125-летие со дня его рождения. Много пишут о личности Ратенау – своеобразной, яркой, разносторонней. В то же время он был натурой исключительной сложности и противоречивости, многогранной и в чем-то трагичной. Интерес к Ратенау поддерживает его драматическая судьба. Еврей, вращавшийся в верхах германской экономической и политической элиты; выходец из буржуазной семьи, принятый при дворе императора Германии Вильгельма II; политик и дипломат, старавшийся под огнем критики возродить свою страну после поражения в Первой мировой войне и Версальского договора; патриот Германии, погибший от пули националистов на 55-м году жизни, – все это представляет достойный внимания, поучительный сюжет для исторического исследования. В биографии Ратенау отразилось все своеобразие, драматичность эпохи, одной из важнейших в мировой истории: назревание ми-

ЛЫПКА Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин ВятГГУ
© Лыпка Т. И., 2007

ровой войны, сама грандиозная война, поражение Германии, германская, австрийская и две русских революции, три огромной важности договора – Брест-Литовский, Версальский и Рапалльский. Не случайно современники так настойчиво хотели проникнуть в «тайну» Ратенау [1]. О нем писали многие журналисты, политики. В качестве героя он появился на страницах произведений таких известных писателей, как Стефан Цвейг и Роберт Музиль [2]. По подсчетам немецкого ученого Кранца, в различных странах мира написано о Ратенау более 200 книг [3]. Среди них есть работы, в которых Ратенау представлен «феноменальным выразителем» многих сторон своего времени. Ратенау зачисляют в ряд оригинальных философов, указывая в числе его идейных предшественников таких разных мыслителей, как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, К. Маркс, М. Вебер, П. Кропоткин и др. Много внимания исследователи уделили дипломатической деятельности Ратенау, отметив его безусловные заслуги в возрождении Германии после 1918 г. [4] В отечественной литературе специально В. Ратенау посвящено несколько работ [5].

Вальтер Ратенау представлял собой разностороннюю и противоречивую личность. Биографы В. Ратенау отмечают, что его произведения воспринимаются непросто, что читатель затрачивает существенные усилия, чтобы выявить заложенный в тексте скрытый смысл. Сложность изучения наследия Ратенау обусловлена также тем обстоятельством, что в его трудах в равной мере представлены научно-технические, философские, политические и экономические проблемы.

Американский историк Т. Хаджес в конце 1980-х гг. ввел в научный оборот концепцию системности мышления В. Ратенау [6]. Т. Хаджес рассматривает В. Ратенау как одного из «строителей системы» современного западного мира. Возможно, с некоторым преувеличением, но и с долей истины он отмечает «протокибернетический» характер мышления Ратенау.

Широту взглядов Ратенау на окружавший его мир начала XX в. можно объяснить тем, что ему хорошо были известны принципы одной из самых прогрессивных тогда отраслей знания – электротехники, он был также специалистом в области управления и сторонником рационализации в индустрии. Правда, под внешней оболочкой Ратенау – инженера, теоретика индустрии и «системотворца» – мы видим перспективу, в которой по крайней мере отчасти разрешается очевидная амбивалентность его личности. Загадочность станет понятнее, если мы уясним себе, какие представления, какая система отношений опосредованы его образованием и профессиональным опытом. Клиффорд Герц показал, что все люди живут и мыслят в сплетенной ими са-

мыми сети значений [7]. По нашему мнению, мы должны рассмотреть у Ратенау тройкую систему отношений: во-первых, ему были хорошо известны принципы и функции современной электротехники и современного менеджмента. Во-вторых, он был убежден в том, что техника обуславливает революционное изменение мира в истории. В-третьих, растущий технологический детерминизм, по мнению Ратенау, способствовал усилению контроля над личностью, что входило в противоречие с основополагающими либеральными принципами. Это обусловило пессимистический взгляд Ратенау на перспективы дальнейшего политического и культурного развития Европы. Пессимизм, как показала история, оказался оправданным. Мы будем представлять Ратенау в рамках этой тройкой системы отношений, стремясь в то же время учитывать то, как он сам представлял себя в своих сочинениях, предназначенных для широкой общественности.

Х. Штрэндманн констатирует, что большинство биографов Ратенау упускают из виду его интерес к индустрии и его опыт работы на предприятиях, хотя в этом лежит ключ к пониманию идей, представленных в его сочинениях [8]. Специфика мышления В. Ратенау была в значительной степени обусловлена тем обстоятельством, что он уже в молодые годы состоялся как специалист в области физики, химии и техники. Экономические, социально-политические и внешнеполитические проблемы познавались им уже в более зрелом возрасте и по мере необходимости. Первоначально именно научно-технические задачи толкали его к познанию экономико-политических вопросов. Образ мыслей Вальтера сформировался в 1884–1889 гг., когда он в качестве студента-физика учился в Страсбурге и Берлине, а также когда в 1889–1890 гг. изучал химию и инженерное дело в высшей технической школе в Мюнхене. На основе этого образования он в дальнейшем освоил управление крупными электрохимическими предприятиями и начал разработку сложных технических систем в электрификации. Создание подобных систем предполагало развитие комплексной инфраструктуры, включавшей наряду с техническими элементами экономические, социально-политические факторы.

В литературе Ратенау изображается большей частью просто как типичный промышленник и капиталист. Некоторые авторы почти полностью упускают из виду его роль в экономике, поскольку у них речь идет в первую очередь о его провокационных взглядах на так называемые особенности пруссов и немецких евреев; менее сенсационная деятельность Ратенау в качестве «строителя системы» и технократа поэтому, по их мнению, вторична [9].

Анализируя его рассуждения о человеческой душе, отдельные биографы не всегда учитывают в нужной мере постулируемую им полярность между душой и механизацией [10]. Нам представляется, прежде всего, необходимым осознать, что «механизация» была для Ратенау комплексным понятием, что именно в этой комплексности лежит ключ к осмыслению его понимания души, которое не понять без знакомства с Ратенау как инженером и «строителем системы». Мы защищаем далее точку зрения, что негативные высказывания Ратенау о технике и индустрии отнюдь не означают полного отказа от мира технологии и системы, а касаются рутинных и лишенных фантазии аспектов образования и профессиональной практики инженеров.

Характер мышления Вальтера Ратенау можно более полно понять, соотнеся его деятельность с достижениями отца, Эмиля Ратенау. В. Ратенау был предпринимателем второго поколения, для которого роль отца не была второстепенной и который хотел достичь следующей фазы в «строительстве системы». Э. Ратенау, по сути, менеджер-предприниматель, который испробовал рудиментарные средства создания экономической империи [11]. Перед В. Ратенау, представляющим второе поколение предпринимателей, встала еще более широкая задача: увязать деятельность АЕГ с государственными приоритетами Германии, которые естественным образом имели как внутренних, так и международный характер. Массовое производство электротехнических товаров, строительство связывающих различные регионы Европы линий электропередач, масштабный экспорт товаров, создание зарубежных филиалов и связанный с этим экспорт капитала, – все эти стороны деятельности АЕГ с неизбежностью превращали Вальтера Ратенау в человека, мыслящего системными категориями. Он постепенно становился аналитиком, «обреченным» комплексно оперировать техническими, экономическими, социальными и внешнеполитическими факторами. Подобная эволюция была характерна для многих предпринимательских династий конца XIX – начала XX в. с той разницей, что, как правило, она проходила в три этапа, а не в два, как в случае с семейством Ратенау. Первый этап – это инженер-изобретатель, являющийся владельцем мастерской, второй – это менеджер производства, обеспечивающий финансирование промышленного процесса, третий этап – это организатор сложной системы, инфраструктура которой включает связи с банками, государством, а также гибко реагирует на международные события и внешний рынок.

Развитие промышленной империи Ратенау в Германии во многом напоминает аналогичные процессы в США, например эволюцию американ-

ской компании Форда. Неудивительно, что Ратенау выступал за ассоциативные экономические методы, что предполагало позитивно-конструктивный характер его мышления. Он рассматривал весь мир в качестве единой промышленной ассоциации. Сегодня мы назвали бы это стремление к экономической и политической интеграции. Отсюда увлечение Ратенау либеральным вариантом концепции «Срединной Европы», популярным в Германии в годы Первой мировой войны.

Катализатором интеграционного процесса, с точки зрения Ратенау, должен стать постоянно ускоряющийся технический прогресс, который он называл «механизацией». В своем произведении «К критике времени» (*“Zur Kritik der Zeit”*) он представил будущее мира в виде системы, включающей в себя свободный обмен сырьем, капиталами, товарами, идеями, то есть либеральной политической и экономической системы, соответствующей единому свободному рынку [12].

Понятие «механизация», которое использовал в своих работах Ратенау, можно легко истолковывать неверно. Он не подразумевал под ним механику как таковую, а связывал с этим понятием холистическое представление о мире и роли в нем крупного современного производства. Системы массового производства могли точно так же начинаться «механизации», как трудовые сообщества, средства коммуникации, исследования, движение капитала и политическая экономия.

Ратенау полагал, что механизация ведет к политической, хозяйственной, общественной и духовной революции, которая может привести мир к единой системе, благодаря чему сформируется «единая неделимая экономическая общность» [13].

Ратенау во время военной службы в кирасирском полку (1890–1891) хотел стать кадровым офицером. Но некрещеный еврей не мог быть офицером в прусском государстве, крещение также являлось входным билетом и при поступлении на государственную службу. Ратенау подвергает критике данное положение дел, но критика не мешала ему в то же время рекомендовать евреям крещение для того, чтобы приспособиться к стилю жизни и ценностям «милитаристски воспитанной и породистой расы» [14]. «В юности любого еврея, – писал он позднее, – наступает мучительный момент, который запомнится ему на всю жизнь; это момент, когда он по-настоящему осознаёт, что вступил в этот мир гражданином второго сорта, и от этого чувства его не смогут освободить никакие способности и достижения» [15]. Но Ратенау верил в ассимиляцию. Он считал, что немецкий антисемитизм в основе своей порождён аристократией и исчезнет тогда, когда на смену аристократии придёт новый правящий класс – промышленники. Это позволит еврейскому эле-

менту в финансовой и промышленной областях внести решающий вклад в создание нового общества. Для Ратенау и крещение, и сионизм были не решением главной задачи, а трусливым бегством от неё. Евреи, по его мнению, должны были вырабатывать в себе такие качества, как германизм и гуманизм, и способствовать выдвижению Германии во всех областях.

Важным периодом в творчестве Ратенау были 90-е гг. XIX в., которые прошли в борьбе индустриального сообщества с аграрным государством. Ратенау высказался за индустриальное государство. Он писал о перемещении экономического центра из аграрного сектора в индустриальное хозяйство, об общественных и политических последствиях этого объективного процесса. Ратенау использовал расовую теорию Ж. Гобино для теоретического обоснования своей концепции новой аристократии. На рубеже веков расовая теория, социал-дарвинизм были на подъёме. Показательно, что уже в зрелые годы В. Ратенау писал: «Задачей грядущих времён является спасение, воспроизводство и воспитание благородных рас, которые необходимы миру. Нужно встать на путь, уже пройденный природой, путь нордификации. Грядёт новая романтика, романтика расы. Она будет прославлять северные ландшафты и создаст новое понимание добродетелей и пороков» [16]. Он предлагал путём духовного развития побороть буржуазно-капиталистический мир, сферу экономического рационализма и материализма. Ратенау считал, что индустриализация и экономическое развитие не должны быть самоцелью, а только средством для создания широкой экономической основы для роста духовности. Он ощущал себя представителем новой элиты, которая для себя установила определенные нормы и ценности. Его идеал состоял в служении Отечеству. Только намного позднее он соединил требования политических реформ со своими элитарными представлениями. Он пытался соединить принципы, выработанные в индустрии, с принципами раннего дворянства и надеялся на фундаменте промышленных успехов построить иерархию сознания. Ратенау рассматривал индустрию как платформу всех политических дел, хотел сделать промышленность школой нации.

В первой главе книги «К критике времени» (*“Zur Kritik der Zeit”*, 1912 г.), посвященной драматургу Герхарту Гауптману, Ратенау не критиковал, а исследовал время. Со сменой столетий наступил перелом в истории, и автор попытался объяснить изменения, которые произошли в эпоху империализма. Он отмечал, что история происходит только там, где существует сословное деление народа, и, опираясь на этот тезис, развивал теорию возникновения и становления современного мира. Развитие происходит тогда,

когда разделенный на сословия народ, составляет «общую сущность (общество) при господстве верхнего слоя, который поддерживается разнородным нижним слоем» [17].

Сословное общество было результатом захвата, в результате которого род сильных людей (человек мужественный) господствовал над одним или несколькими родами слабых людей (человек страха). По истечении времени происходило медленное смешивание обоих слоев, в итоге, когда смешение состоялось, прежний нижний слой, обладая численным превосходством, приобретал новые качества. Социальное неравенство веками воспринималось как нечто естественное [18]. Более того, неравенство истолковывалось как первопричина прогресса, поскольку с точки зрения большого бизнеса лишь жажда наживы и стремление к власти стимулируют развитие цивилизации.

В. Ратенау писал, что в Германии, и в частности в Пруссии, процесс становления классового средневекового общества шел так же, как и на севере и в центре Европы: «Мы знаем, что вся остальбская Германия возникла путем захвата и колонизации в виде общества, имеющего двухслойную структуру. Победителями были германцы, побежденными – славяне. Эти события произошли между XII и XIV столетиями» [19]. Завоеватели силой захватили власть и в процессе институционализации силой утверждали свое господство, они должны были также адаптировать к новым условиям жизни нижнее сословие, обладающее огромными способностями. Однако «рабочий инстинкт, сноровка и чувство страха, свойственное угнетенным людям» [20] доказывают их преимущество по отношению к верхнему сословию. Дальнейшее расширение страны происходит путем освоения новых земель и увеличения сельскохозяйственных посевных площадей, это было выгодно для нижнего сословия. Нижнее сословие смешивалось с германским высшим сословием и этим истощало его. Этот процесс «дегерманизации» шел параллельно с процессом «концентрации населения». Быстрое увеличение численности населения требовало создания «в реальном мире компенсации, которую я хочу назвать механизацией, благодаря которой перенаселенная планета получит возможность пропитания и существования непредвиденных масс людей» [21]. Процесс механизации может завершиться быстрее, если в результате «дегерманизации» возникнет избранный человеческий материал», – отмечает Ратенау [22]. Необходимо дополнить, что благодаря «дегерманизации» люди страха могут прийти к господству, их благоразумие будет направлено на будущее, на создание рациональных методов, которые бы отвечали научным направлениям техники, являющейся основой механизации. «Германские господа фе-

одальной эпохи были не способны развивать этот процесс», – утверждает Ратенау. И этот постулат он завершает лаконичным выводом: «...механизация построена целесообразно» [23].

Эпоха господства «мужественных людей» безвозвратно ушла в прошлое, так как без механизации современный мир был бы обречен на уничтожение: «...механизация вызвана экономической необходимостью: увеличившееся в десятки раз народонаселение на неизменных земельных площадях требует новых методов экономики» [24].

Ранние работы Ратенау представляли собой смесь расовой теории и историко-философских рассуждений. Что его побудило к созданию этих теорий? Даже полное изучение его работ не дает ответа на этот вопрос.

Путь, который он прошел до 90-х гг. XIX в., можно воспринимать как попытку бегства из мира торговли и промышленности. Этот период простирался от протеста, выразившегося в формировании антибуржуазного идеала в ранних работах до признания факта, что современный мир принадлежит эпохе индустрии. Антибуржуазный идеал становится достоянием прошлого в «О слабости, страхе и цели». В книге «К критике времени» главное содержание составляют доказательства необходимости индустриального развития.

Ратенау сложился как успешный промышленник и организатор производства к 1897 г. Взгляд Ратенау на прусское дворянство и его роль в обществе изменится. В его новых трансцендентных воззрениях не идеализировалось прусское дворянство, а проявилось позитивное буржуазное сознание. С 1906 г. Ратенау осознал, что в Германии просто необходимо усиление политических позиций буржуазии, что чрезмерное господство консервативного дворянства в правительстве не соответствует логике всеобщего европейского развития.

Ратенау объясняет происхождение антибуржуазного идеала, который он разделил со многими представителями своего поколения, в письме Герману Пахникке в конце 1908 г. «как защиту от буржуазного мира отца и как возвращение к реакционному молодому идеалу, который воплощен в офицерстве». Он также в письме указывает на причины, по которым он отказался от этого идеала: «...беспрецедентный экономический взлет сделал население страны более интеллектуальным и создал условия для усиления буржуазии, которая сегодня командует другими армиями, как лейтенант резерва» [25].

Названный беспрецедентным экономический взлет середины 90-х гг. XIX в. коснулся, прежде всего, химической и электротехнической индустрии, то есть тех областей, где себя проявил В. Ратенау. В ряде своих газетных статей и в сочинениях он повторяется, обращая внимание

на факты, доказывающие, что экономический взлет буржуазии не был связан с политическим взлетом. «Так мы должны, – резюмировал он в «К критике времени», – отметить парадоксальный факт, что Пруссия – Германия, ведущая страна механизации и техники, сильнейшая индустриальная страна старого мира, страна самых успешных деловых людей, в политическом порядке которой не произошло изменений, а только новый порядок мог обеспечить условия для механизации» [26]. Далее Ратенау пишет, что в Германии господствует сегодня «политически и милитаристически тот остаток руководящего верхнего слоя, который сохранился в лице помещичьего дворянства» [27].

Ратенау был обеспокоен тем, что среднее сословие, которому присущи деловитость и целеустремленность, лишено политической власти, а монополия на политическую власть принадлежит дворянству, он предвидел, что вытеснение остатков «мужественного германского верхнего слоя» целеустремленной буржуазией и захват ею руля политической власти остается только вопросом времени: «Противоположные силы традиций и старых убеждений смешиваясь, взаимно уничтожаются и исчезают навсегда» [28]. «Однако, прежде чем это положение станет господствующим, – говорил Ратенау, – произойдет еще кое-что... Германская аристократия вовсе не в том положении, которое могло бы привести к ее падению. Скорее аристократия вынуждена будет привлечь к управлению расчетливых целеустремленных людей», то есть представителей буржуазии [29].

Либерал Ратенау отрицает не идею аристократии как таковой, а правомерность отнесения к аристократии людей, обладающих внешними признаками статуса, определяемого заслугами предков, титулами, которые дают им привилегии. В вопросах такого рода Ратенау ориентирован исключительно на настоящий момент, его интересуют достижения конкретных личностей. Аристократом, лучшим среди прочих может быть тот и только тот, кто здесь и сейчас доказывает свою наибольшую компетентность. В XX в. именно в этом смысле стало употребляться понятие «меритократия», обосновывающее социальную иерархию.

Эти слова свидетельствуют о прощании Ратенау с идеалом – прусским дворянством. Хотя господство германского верхнего слоя безвозвратно обречено на падение, благодаря альянсу с поднявшейся из нижнего слоя общества буржуазией, формируется верхний слой германской нации, который будет господствовать. Вальтер Ратенау в течение многих лет должен был констатировать, что господствующий класс общества не был еще готов к этому альянсу и он эту недостаточную готовность испытал на себе [30].

Интеллектуальные искания нашли отражение в ряде публикаций, в которых Ратенау требовал предоставления промышленной буржуазии права участия в правительстве и управлении государством в соответствии с ростом ее экономического значения в стране. Это никоим образом не означает того, что Ратенау заботился, прежде всего, о своем личном интересе. Во всех его произведениях мы прослеживаем тесную связь личного опыта и наблюдений за изменениями в обществе. В письме к Герману Пахникке он указывал, что отказ правящего класса пойти на альянс с буржуазией был препятствием для реализации его идеи формирования аристократии нации. Этот отказ, по его мнению, являлся ошибкой и сказывался на международном положении Германии, «особенно в том смысле, что внешнеполитические цели страны не были четко оформлены» [31]. Хотя «в течение последних 100 лет имеет место раздел мира, Германия как ничего не имела, так ничего и не получила» [32]. В то время как Франция и Англия смогли расширить свои колониальные владения, Германия была исключена из второго раздела мира, не расширила свои границы [33]. Прусский аристократ не обладает теми качествами, которые должны быть присущи современному политическому деятелю, «качествами, которые отличают людей цели»: тщеславием, стремлением к ответственности, свободой мысли, творческим потенциалом, умением приспосабливаться. И, хотя «большими преимуществами прусского дворянства» были непоколебимое чувство чести, мужество, выносливость, неудовлетворенность [34], идеальный политический деятель, по мнению Ратенау, должен был обладать всеми положительными качествами, присущими и дворянству, и буржуазии [35]. Единственным выдающимся государственным деятелем во внешней политике Пруссии он считал Отто фон Бисмарка, полагая, что такие, как Бисмарк, рождаются один раз в 100 лет [36]. Бисмарк пришел в политику необычным путем: это еще не буржуазный специалист в правительстве, но это уже его предшественник. Более того, именно Бисмарк олицетворял своей персоной союз дворянства и буржуазии, его отец был аристократом, а мать происходила из буржуазной среды [37].

Ратенау в своей работе «Государство и еврейство» (1911 г.) указывал на нежелание прусского государства допустить приход евреев в бюрократический аппарат и вооруженные силы. В. Ратенау отмечал: «Невозможно отрицать, что торговля и промышленность – решающие факторы нашей экономики, которые основываются на буржуазии, в большей степени на еврейской буржуазии. И поэтому могли бы элементами, на которых держится экономика, не отказывать продолжительное время в сотрудничестве в области управления». Далее он продолжал, что нежелание дво-

рянства допустить буржуазию к управлению государством проистекает из «страха господствующего класса в Пруссии перед либеральной конкуренцией» [38]. Ясно, что Ратенау осознавал пренебрежение к немецким евреям только как выражение всеобщего немецкого недостатка, как политико-общественное пренебрежение буржуазией, её предпринимательской деятельностью и либеральными претензиями. Прусское правительство не могло решить традиционными методами «задачи, преимущественно делового характера, вытекающие из колониальных, иностранных и финансовых проблем», поэтому «есть и будет нестандартно думающий человек, желающий устранить главенствующее участие прусского дворянства в решении высочайших государственных задач», – писал Ратенау [39].

Годы, непосредственно предшествовавшие Первой мировой войне, сыграли в жизни Ратенау важную роль. Именно тогда он стал конкретизировать свои социальные идеи. В «Критике времени» он пишет об эпохе, наступлению которой способствовали такие факторы, как «ассоциация, организация и инструмент» [40]. В его интерпретации бурный рост населения земного шара в конце XIX – начале XX в. и грандиозные успехи науки и техники привели к значительному улучшению общественных коммуникаций, что, в свою очередь, породило концентрацию промышленности и капитала и быстрые темпы развития производства. Одновременно этот процесс привел к всеобщей «механизации», то есть к деперсонизации индивидуума и превращению человеческого общества в чисто механическое объединение [41].

Ратенау считал основным пороком «механизированного общества» «ущемление прав пролетариата» [42]. Положение, по его мысли, следовало исправить путем проведения социальных реформ. В первую очередь он предлагал ограничить право наследования с целью избежать «чрезмерной концентрации имущества в руках отдельных лиц» [43]. В этом Ратенау, подобно некоторым представителям возникшей в последней трети XIX в. новой исторической школы в германской политической экономии, также видел один из главных пороков капитализма. В философском трактате «К механике духа, или О царстве души» он призывал пролетариев отказаться от классовой борьбы, а буржуазию – вести умеренный образ жизни. Таким путем, считал философствующий монополист, можно будет прийти в «царство души», которое виделось ему антитезой механизированному обществу: «В нем труд будет не самоцелью, а человеческим долгом. В нем будет царить принцип солидарности: один за всех, и все за одного» [44].

Он высказывает прогрессивные мысли об автоматизации деятельности людей, при этом скло-

няется к пессимизму, говорит о падении культур и рас, хотя отрицает неизбежность заката. Прогресс человечества был его надеждой. Ратенау рисует пугающую картину механизированного общества, отмечает, что будущее должно выглядеть иначе. Он считал, что изменение взглядов людей намного важнее, чем изменение государственных институтов, что переход к новому будущему полностью зависит от воззрений. Вопрос: может ли измениться суть человека – он оставляет открытым. Но он приводит пример из последнего столетия немецкой истории, когда развивалось классовое самосознание буржуазии и рабочих, вышедшее из верноподданнического крепостного сознания. Дальнейшее одухотворение механизированного мира кажется ему более простым делом, чем развитие сознания сословий прусского чиновничества и офицерства.

Ратенау пишет об интеллигенции, её роли в обществе. «Западная этика – это этика образа мыслей. Образ мыслей можно передавать по наследству, прививать воспитанием и навязывать. Его противница – интеллигенция, которая... является самой активной частью народных масс. В обществе, где народ разделён на два социальных слоя, высшие круги отстаивают свои взгляды, так как это помогло им прийти к власти, нижний слой борется благодаря интеллигенции, которая вытащила его из-под гнёта» [45].

Ратенау, будучи всем сердцем на стороне «сильных» и «отважных», обдумывает, как помочь нижним слоям. Важнейшим шагом на этом пути должно было стать нарушение «монополии на образование». Как истинный либерал, Ратенау верит в потенциальную рациональность всех людей, в рациональность не predetermined, а достигаемую посредством образования. Поэтому он призывает к совершенствованию образования, активизации социальных реформ. Образование может формировать просвещённых граждан, наделённых гражданскими добродетелями. Если для индивидуального воплощения рациональности требуется компетентность, то для создания гармоничного общества необходима гражданская культура, которая давала бы специалистам ощущение собственной значимости.

Образование Ратенау рассматривал как серьёзнейшую социальную проблему: «Высшая несправедливость и сумасбродство сегодняшнего общества состоит в том, что оно ежегодно методично губит тысячи умов. Оскорбляя людей, общество создаёт легионы одарённых и непримиримых врагов, так как каждый из них осознаёт существующую несправедливость. Устранить затруднения можно только благодаря селекции талантов. Это тяжело и разорительно, но возможно, если провести реорганизацию просвещения. Для этого надо произвести отбор одарённых детей и подростков

в элементарной школе и целенаправленно готовить их в высшие и специализированные учебные заведения. Технические, научные, практические и художественные способности раскрываются благодаря дальнейшему образованию. Выдающиеся таланты получили бы политехническое, гуманитарное и академическое образование, и, наконец, необходима стипендия для самостоятельных занятий наукой и искусством» [46].

В трактатах «Наше наследие» и «Политическая селекция» [47] Ратенау обращается вновь к этой теме. Он пишет: «Эпоха юридических наук, корпоративных и карьерных амбиций стоила Германии поколения образованнейшей интеллигенции» [48] – и далее даёт совет: «...не создавайте серию крупных центров, а способствуйте интерактивному обмену между городом и деревней». Эти слова написаны за десять лет до публикации его работы «Новое общество», в которой он высказал мысль об уравнивании города и деревни. Это было очень актуальным для Германии в связи с высоким уровнем молодежного движения. Ратенау написал об этом почти за четверть столетия до «Крови и земли» – волны нацистского движения 30-х гг. XX в.

Как воспринимать эти публикации Ратенау? Считать ли их попыткой создания оригинальной историко-философской системы, в которой история послужила материалом для обоснования его идей о «дегерманизации», «народном перенаселении», «механизации» и «рождении души»? Безусловно. Следует лишь добавить, что Германия переживала период глубинных изменений в экономике, социально-политической сфере, в процессе осмысления Вальтером Ратенау этих перемен формировались его теории. Взгляды Ратенау – это отражение в общественном сознании новых явлений общественной жизни, в ходе жизни некоторые положения его теории менялись вместе с ним, от иных он впоследствии отказался.

Произведения В. Ратенау – это своеобразный сплав общественных утопий, философских концепций, мечтаний историко-культурологического характера, анализа конкретных явлений, реальных требований, пророческих высказываний. Большинство критиков Ратенау указывали, что мало кто из современников находился под влиянием его идей, притом, что многие из них глубоко уважали его как выдающегося промышленника, который писал книги по культурологии, философии, проблемам политики и экономики [49].

Примечания

1. Scheirer, E. Rathenau – brevier [Text] / E. Scheirer. Jena, 1918; Sternberg, K. W. Rathenau der Kopf [Text] / K. Sternberg. Berlin, 1924; Bribckmeyer, H. Die Rathenaus [Text] / H. Bribckmeyer. Munchen, 1922; Federn-Kohlbaas, E. W. Rathenau. Sein Leben und Wirken [Text] / E. Federn-Kohlhaas. Dresden, 1927;

- Kessler, H. G. W. Rathenau. Sein Leben und sein Werk [Text] / H. G. Kessler. Berlin, 1926; u.a.
2. Musil, R. Der Mann ohne Eigenschaften [Text] / R. Musil // Gesammelte Werke in neuen Banden. Hamburg, 1978. Bd. 1; Zweig, S. Die Welt von gestern [Text] / S. Zweig. Stokgolm, 1942.
3. Kranz, H. W. Die sozial und gesellschaftspolitischen Vorstellungen W. Rathenaus [Text] / H. W. Kranz. Köln, 1976.
4. Laubach, E. Die Politik der Kabinette Wirth [Text] / E. Laubach. Berlin, 1966; Schieder, T. Die Entstehungsgeschichte des Rapallo-Vertrages [Text] / T. Schieder // HZ. Bd. 204. 1967. S. 545–609; u.a.
5. Розанов, И. В. Вальтер Ратенау – монополист, политик, идеолог буржуазии [Текст] / И. В. Розанов // Новая и новейшая история. 1986. № 3; Садовая, Г. М. Вальтер Ратенау и Рапальский договор [Текст] / Г. М. Садовая. Самара, 2001; Молодчик, А. В. Социально-экономические и политические взгляды и концепции В. Ратенау (1912–1922 гг.) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / А. В. Молодчик. Пермь, 2001; Лыпка, Т. И. В. Ратенау и его время: личность в экономической, политической и интеллектуальной истории Германии конца XIX – первой трети XX в. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / Т. И. Лыпка. Ярославль, 2006.
6. Huges, T. P. Walther Rathenau: "System Builder" [Text] / T. P. Huges // Ein Mann vieler Eigenschaften. Walther Rathenau und die Kultur der Moderne. West Berlin, 1990; Huges, T. P. Networks of Power Elektrifizcation in Western Society. 1880–1930 [Text] / T. P. Huges. Baltimore, 1990.
7. Geertz, C. The Interpretation of Cultures [Text] : Selected Essays / C. Geertz. New York, 1973. S. 5, 27.
8. Strandmann, H. P. v. Rathenau zwischen Politik und Wirtschaft [Text] / H. P. v. Strandmann // An Wendpunkt der europäischen Geschichte. Gottingen; Zurich, 1981. S. 89–90, 90–101.
9. Darre, R. W. Walther Rathenau und das Problem des nordischen Menschen. Walther Rathenau und die Bedeutung der Rasse in der Weltgeschichte. Zwei Aufsätze [Text] / R. W. Darre. Munchen, 1933. S. 1–18; Loewenberg, P. J. Walther Rathenau and German Society. Dissertation [Text] / P. J. Loewenberg. University of California. Berkeley, 1966; Felix, D. Walther Rathenau. The Bad Thinker and Nis Uses [Text] / D. Felix // European Studies Review V (1975). S. 69; David Felix in seiner Besprechung von Paul Letourneaus Walther Rathenau ou le reve prometheen. Pensee politique et economique (1867–1922) [Text]. Quebec, 1967 // American Historical Review 94 (April 1989). S. 472–473.
10. Felix, D. Walther Rathenau. The Bad Thinker and Nis Uses [Text] / D. Felix // European Studies Review V (1975). S. 69, 71; Kessler. Op. cit. S. 77.
11. Strobel, A. Die Grundung des Zurichkes Elektrotrust. Ein Beitrag zum Unternehmer-geschaft der deutschen Elektroindustrie [Text] / A. Strobel // Geschichte in Wirtschaft, Gesellschaft. Festschrift fur Clemens Bauer zum 75. Geburstag/hg. v. E. Hassinger, J. Heinz Muller und Hugo Ott. Berlin, 1974. S. 305, 329.
12. Rathenau, W. Zur Kritik der Zeit [Text] / W. Rathenau. Berlin, 1912.
13. Schulin, E. Walther Rathenau. Repräsentant, Kritik und Opfer seiner Zeit [Text] / E. Schulin. Gottingen, 1979. S. 28.
14. Rathenau, W. Höre, Israel! [Text] / W. Rathenau. 1897. Imp. S. 12.
15. Rathenau, W. Briefe [Text] W. Rathenau. Bd. 1. S. 188–189.
16. Günther, H. Die nordische Gedanke unter den Deutschen [Text] / H. Günther. München, 1927.
17. Rathenau, W. Zur Kritik der Zeit [Text] / W. Rathenau // Rathenau W. Gesammelte Schriften. Berlin, 1929. Bd. I. S. 29.
18. Форд, Г. Моя жизнь и мои достижения [Текст] / Г. Форд. М., 1925. С. 4.
19. Rathenau, W. Zur Kritik der Zeit. S. 33.
20. Ibid. S. 35f.
21. Ibid. S. 37.
22. Ibid. S. 37.
23. Ibid. S. 70.
24. Ibid. S. 95.
25. Rathenau, W. Briefe. An Herman Pachnicke [Text] / W. Rathenau. Neujhar, 1908. B 1. № 30. S. 57.
26. Rathenau, W. Zur Kritik der Zeit. S. 90.
27. Ibid. S. 61.
28. Rathenau, W. Von Schwachheit, Furcht und Zweck. S. 22.
29. Ibid. S. 23.
30. Schulin, E. Op. cit. S. 32.
31. Rathenau, W. Zur Kritik der Zeit [Text] / W. Rathenau // Rathenau W. Gesammelte Schriften. Bd. 1. S. 90.
32. Rathenau, W. Deutsche Gefahren und neue Ziele [Text] / W. Rathenau // Rathenau W. Gesammelte Schriften. Bd. 1. S. 269.
33. Rathenau, W. Parlamentarismus [Text] / W. Rathenau // Rathenau W. Gesammelte Schriften. Bd. 1. S. 237.
34. Rathenau, W. Zur Kritik der Zeit [Text] / W. Rathenau // Rathenau W. Gesammelte Schriften. Bd. 1. S. 88.
35. Rathenau, W. Politische Auslese [Text] / W. Rathenau // Rathenau W. Gesammelte Schriften. Bd. 1. S. 225.
36. Rathenau, W. England und wir [Text] / W. Rathenau // Rathenau W. Gesammelte Schriften. Bd. 1. S. 215.
37. Rathenau, W. Von kommenden Dingen [Text] / W. Rathenau. Berlin, 1918. S. 329.
38. Rathenau, W. Staat und Judentum [Text] / W. Rathenau // Rathenau W. Gesammelte Schriften. Bd. 1. S. 197.
39. Rathenau, W. Staat und Judentum [Text] // Rathenau W. Gesammelte Schriften. Bd. 1. S. 200.
40. Rathenau, W. Zur Kritik der Zeit [Text] // Rathenau W. Gesammelte Schriften. Berlin, 1929. Bd. 1. S. 280.
41. Ibid. S. 290–295.
42. Ibid. S. 77.
43. Ibid. S. 119.
44. Rathenau, W. Zur Mechanik des Geistes [Text] // Rathenau W. Gesammelte Schriften. Bd. 2. S. 313–314.
45. Rathenau W. Von Schwachheit, Furcht und Zweck. S. 27f.
46. Rathenau W. Von Schwachheit, Furcht und Zweck. S. 106.
47. Rathenau W. Unser Nachwuchs [Text] // Neue Freie Presse. Wien., 25.12.1909; Rathenau W. Politische Selektionen [Text] // Neue Freie Presse. Wien. 16.5.1912.
48. Rathenau W. Nachgelassene Schriften [Text]. 2 Bd. Berlin, 1928. Bd. 2. S. 351f.
49. Strandmann, H. P. Rathenau zwischen Politik und Wirtschaft [Text] / H. P. Strandmann // An Wendpunkt der europäischen Geschichte. Gottingen; Zurich, 1981. S. 95.

Е. Г. Костина

БЕСПОРЯДКИ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОСЛЕ ВЫХОДА УКАЗА 9 ноября 1906 г.

В статье рассматривается восприятие вятскими крестьянами столыпинских преобразований в деревне, выявляются формы и методы крестьянской борьбы с «новыми собственниками» земли.

Одним из ключевых событий в жизни Российского государства периода думской монархии явилось проведение столыпинской аграрной реформы. Вятская губерния попала в число регионов, на которые распространялся указ 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», знаменовавший собой переход от общинного землевладения к подворному. Одной из задач реформы было, в числе прочих, уменьшение социальной напряжённости в деревне (за счёт политики переселения, продажи казённых и удельных земель крестьянам и т. д.). Однако на практике нередко получались противоположные результаты. Образование личного землевладения за счёт общинных земель встречало сопротивление со стороны части крестьянства. Причём борьба против укрепленцев, хуторян и отрубников не прекращалась вплоть до 1917 г.

Вопрос о крестьянском движении в России в годы проведения столыпинских преобразований постоянно интересовал историков. Исследователи занимались этой темой как в масштабах всей страны (Г. А. Герасименко, Н. А. Мальцева, Т. В. Осипова, Н. А. Кравчук, А. Ф. Иерусалимский, С. М. Дубровский) [1], так и на местном уровне (В. С. Горякина, П. С. Кабытов, В. А. Кузьмин, Н. В. Волков, Г. С. Евдокименко и др.) [2].

На начальных этапах изучения землеустроительной политики правительства П. А. Столыпина исследователи в основном ограничивались описанием стычек общинников с выделенцами, землеустроителями, властями, давая лишь общие оценки подобных фактов. Более детально данная тема была проработана в 1980-е гг. в трудах Г. А. Герасименко. В нескольких публикациях и монографии он обобщил огромный фактический материал и на его основе сделал выводы о формах и методах борьбы, этапах крестьянского движения и их характеристике. Ряд учёных (среди них из общероссийских авторов можно отметить А. М. Анфимова [3], из местных – В. Е. Муси-

хина [4]) пришли к выводу, что сопротивление крестьян землеустроительной политике явилось главным препятствием в осуществлении столыпинской реформы в деревне.

Переходя к исследованию восприятия вятскими крестьянами аграрной реформы, необходимо отметить, что за всё время её проведения в переписке различных полицейских чинов губернии по поводу отношения к реформе местного населения и о его поведении, звучали одни и те же формулировки: «настроение населения вверенного мне стана спокойное и революционной агитации среди крестьян нет», «настроение в политическом отношении не изменилось», «брожений не наблюдается», «противодействия со стороны кого-либо при выходе из общины не заметно» [5].

Более трезво оценивали ситуацию и вовремя извещали вышестоящие инстанции о реальном положении дел земские начальники губернии. Так, в 1907 г. один из земских начальников Вятского уезда в отчёте губернатору сообщал: «Большинство населения относится к закону 9 ноября 1906 г. несочувственно, т. к. видит в нём разрушение “мира” и всего сложившегося веками уклада жизни». Об отношении же общинников к покидающим общину он писал так: «Односеленцы относятся к выбывающим домохозяевам недоверчиво, т. к. выдел отдельных, более крупных участков нарушает интересы всех остальных домохозяев» [6]. Ещё более жёсткие заявления делал земский начальник из Сарапульского уезда: «Обыватели в настоящее время распались на два враждующих лагеря: один – сторонники собственности, другой – общины. Сторонниками частной собственности является более спокойный и зажиточный элемент... Сторонниками общины – большей частью безосёдлый элемент...» [7]. Эти сведения подтверждаются отчётами других земских начальников [8], а также словами некоторых должностных лиц Вятской губернии. Так, на втором съезде неперменных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий в январе 1909 г. делегат от Вятской губернии Г. Луппов отмечал, что «закон от 9 ноября 1906 г. создавал и продолжает создавать между лицами, выходящими из общины и противниками этого, обострённые отношения» [9].

Источники сведений о сопротивлении крестьян проведению столыпинской аграрной реформы в Вятской губернии достаточно широки и находятся в основном в фондах ГАКО. Это, во-первых, многочисленные газетные сообщения чаще оппозиционной как местной, так и центральной прессы; во-вторых, жалобы на выходы соседей самих крестьян, укрепляющих свою наделённую землю или выделяющихся на хутора и отруба; в-третьих, дознания и отчеты полицей-

КОСТИНА Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории ВятГУ

© Костина Е. Г., 2007

ских чинов; в-четвёртых, переписка между чиновниками различного ранга.

Уже в начале реформы во всём многообразии встречались те формы и виды протеста крестьян по поводу применения указа 9 ноября 1906 г., которые потом сопровождали её постоянно. Они носили мирный и немирный характер, легальный и нелегальный. Далеко не все эти формы и виды учитывались в статистике, так как иногда власти предпочитали не вмешиваться в события и, соответственно, не всегда фиксировали инцидент.

Одной из мирных форм крестьянского протеста являлись наказания и прошения на «высочайшее имя», в которых авторы пытались доказать непригодность реформы к местным условиям. Широко известна исследователям реформы речь в Государственной думе депутата от Вятской губернии А. Е. Кропотова от 23 октября 1912 г. С думской трибуны Кропотов пропагандировал следующее: «...Мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября – это помещичий закон, который делает из крестьян деревенских кулаков, помещиков, а из бедняков – батраков, вечно голодных работников... Наказывали мне избиратели: “Скажи ты в Государственной думе, что так больше нельзя жить, что этот закон восстанавливает нас друг против друга, заставляет душить друг друга, а усиленные охраны способствуют нашему душению”... Так что этот закон очень и очень зловерен для нашей местности, то его необходимо отменить и занять Думе выработкой таких правил, чтобы были наделены малоземельные и безземельные крестьяне» [10].

В том же 1912 г. крестьяне д. Большие Кизели Сарапульского уезда прислали прошение на имя императрицы Александры Фёдоровны, где содержалась просьба «выслать приказ прекратить собственность или выслать для усиления в нашу сторону казаков уральских поучить собственников и начальство» [11].

К мирным формам неприятия вятчанами реформы также можно отнести выступления на сходах одного крестьянина или их группы как против выдела на хутора и отруба конкретных лиц, так и в целом против правительственных преобразований в аграрной сфере. Зачастую такие выступления принимали массовый характер и вели к срыву запланированного землеустройства. Так, в с. Малый Кунгур Вятского уезда в 1908 г. на сходе по поводу укрепления троих домохозяев крестьяне оказали настолько шумное противодействие с угрозами, что двое укрепляющихся тут же отказались от замысла, а не подчинившемуся их требованию предъявили приговор об отобрании у него надельной земли. По этому делу сход собирался неоднократно. Противники укрепления настолько запугали проси-

телей своими шумными угрозами, что один из укреплявшихся не раз сбегал со схода, а жалобщица «от испуга со слезами отказалась от жалобы, объяснив, что таковой никогда не приносила» [12]. По словам местного земского начальника, зачинщики беспорядка побывали у вятского уездного исправника и вскоре «раскаялись в своих деяниях». Но после этого инцидента ни одного выдела земли в личную собственность по всей волости не было [13].

Подобный случай произошёл в другом селеении того же Вятского уезда – д. Зяблецовской. Братья Шестаковы на сельском сходе публично высказывали враждебное отношение как к указу 9 ноября 1906 г., так и к желающим выйти из общины. Так, своему соседу они угрожали следующим образом: «Землю выкупать не нужно, выкупишь – скота не выпустишь на наши полосы – зарубим. Помещиком что ли хочешь быть? Мы тебя доймём. Из общины выходят самые последние и вредные люди» [14]. Часто дело от угроз переходило к действию, так и в этом случае укрепляющийся был побит.

Ещё одним методом отстоять свою общинную землю были досрочные переделы земли. По словам земских начальников, первой и главной угрозой со стороны общинников являлось обещание при первом же переделе полосы удобренные и с лесом отобрать и выделить взамен их землю под хутор или отруб где-нибудь на краю надельов, истощённую, никогда не удобрявшуюся [15].

Самым массовым из мирных способов демонстрации протеста был отказ сельских сходов в составлении приговоров о выходе из общины. В Вятской губернии число отказов составило 64,4% (в среднем по России – 67,8%) [16]. Враждебное отношение общины к выходящим из неё приводило к тому, что многие из подавших заявления о выходе, не получив согласия сходов, к земским начальникам уже не обращались; другие, подав заявления, затем забирали их обратно; третьи приостанавливали поданные заявления. Так, на 1 сентября 1907 г. в Вятской губернии из всех подавших заявления первые составляли 22,6%, вторые – 5,3%, третьи – 6,5% [17]. В губернии существовала огромная разница между категориями заявивших об укреплении и действительно укрепивших землю в личную собственность. В среднем по губерниям Европейской России процент укрепивших землю к общему числу заявивших требования составил 72,8%. В Вятке этот процент равнялся 45,8, хуже обстояли дела только в Астраханской губернии (только 30,5% всех желающих укрепили землю) [18].

Огромное количество домохозяев, отказавшихся от ходатайств об укреплении земли, беспокоило местные власти. Поэтому вятским губернатором у чиновников, отвечающих за этот

процесс, были затребованы сведения о причинах такого отказа. Самым главным мотивом земские начальники называли боязнь обострить свои отношения с обществом: «Большинство крестьян, мало усвоившие те хорошие стороны землепользования, какие проводит в жизнь закон 9 ноября 1906 г., являются сторонниками общины и смотрят на выходящих из общины крестьян как на лиц, действующих в ущерб интересов общества, стараются всеми зависящими от них мерами воспрепятствовать за ними укреплению земли, прибегая при этом к всевозможным угрозам... Это обстоятельство заставляет последних считаться с мнением общества, дабы избежать обострённых с ним отношений, могущих в той или иной форме иметь неприятные для них последствия...» [19].

Общинники всячески ущемляли права и как могли притесняли хуторян и отрубников. В своей жалобе крестьянин Вятского уезда С. И. Толмачёв приводил следующие виды притеснений со стороны соседей: травили его покос, не пропускали по своему полю возить навоз на отруб, вырубали на отрубе около 20 возов леса, при каждой встрече наносили отрубнику и членам его семьи всевозможные оскорбления, закрыли доступ к общественному колодцу [20].

Кроме общественных колодцев выделенцам запрещали пользоваться общественным пастбищем, лесом, мостами, местными реками, лишали «магазинной помощи» и поддержки соседей. Так, в д. Костылёво Малмыжского уезда общинники запретили выделенцам пользоваться общими дорогами и захватили участки земли, по которым намечалось проложить дороги к отрубам [21].

В д. Липовке Сарапульского уезда 20 хуторян жаловались также на притеснения со стороны соседей: «Однообщественники наши, препятствуя нашему, просителей, свободному выходу из общественного владения, всевозможно стараются устроить нам неприятности и подорвать наше хозяйственное положение» [22]. «Неприятности» эти заключались в краже и вывозе общинниками заготовленных хуторянами лесных материалов, самовольной рубке их леса и запрете хуторянам рубить свой лес.

К ущемлению прав единоличных владельцев относится также избрание собственников вне очереди на общественную службу, которая была крестьянам в тягость и которую они всячески старались избежать. Так, четырнадцать крестьянами-собственниками из д. Кинери Малмыжского уезда были поданы ходатайства о снятии с них этой службы, на имя сначала земских начальников, а затем и самого П. А. Столыпина [23]. Та же история в одном из селений Вятского уезда: пятеро хуторян жаловались на угрозы со стороны общинников и писали, что те уже вы-

брали всех единоличных владельцев на общественную службу на следующий 1914 г. [24]

Если при укреплении земли в частную собственность значительная часть общин губернии либо мирилась с фактом укрепления, либо рано или поздно сдавала свои позиции, то выдел на хутора и отруба сопровождался практически повсеместно незаконными формами крестьянского протеста. Многообразие проявлений враждебного отношения поражает. Сообщения о жизни хуторян того времени больше напоминали уголовную хронику. Общинники в своём стремлении удержать наделную землю в пределах своего общества шли на различные меры, начиная от угроз и ругани, заканчивая убийством и поджогами. Угрозы, оскорбления, издевательства преследовали хуторян со времени обнаружения ими своих планов по укреплению и уже после свершившегося факта выдела. Например, несколько жителей д. Сарафановской Вятского уезда в мае 1914 г. после начала работ по выделу земли под хутора пьяными ходили по деревне ночью и кричали: «Задавим, зарежем, сожжём, а выделиться к одному месту не дадим». Один же из зачинщиков беспорядков во время следствия говорил: «Отсеки голову по плечи, а выделиться не дадим» [25]. Эти явления получили широкое распространение. Так, в жалобе другой группы хуторян в Вятскую уездную землеустроительную комиссию говорилось: «Есть такие ухальники, как например И. П. Костин: не признаём мы ни комиссии, ни начальства; второй А. П. Костин: вот-де подождём попутного ветра и подожжём всех хуторян; третий П. Е. Мельников: тоже убить или что-нибудь вроде поджога сделать» [26]. Крестьянин д. Большие Кизели А. Я. Жупегов в жалобе приставу заявлял, что местные крестьянки теснили собственников, угрожая нанесением побоев за то, что они выходят на хутора. А ему лично нанесли оскорбление словами и даже бросали палками, но он успел скрыться [27].

Угрозы сопровождались применением силы. При отводе хуторов четырём домохозяевам в д. Малая Кивара Сарапульского уезда враждебно настроенные против выделенцев общинники выбили у них окна, а к одному из укрепляющихся ворвались ночью домой и потребовали выдать для расправы сына, так как якобы именно он являлся инициатором выделов. После этого инцидента перепуганные хуторяне заявили землемеру, что они от выделов отказываются, и на работы по нарезке хуторов не пошли. Местному земскому начальнику лишь осталось задаться риторическим вопросом: «Почему они [общинники. — Е. К.] так враждебно и грубо себя проявляют, когда их интересы не только не нарушены, а даже не затронуты выделами?» [28].

Как видим, от угроз общинники нередко переходили к делу. Не имея другой возможности доказать свои права на наделную землю, они подвергали порче имущество выделенцев, поджигали дома и хозяйственные постройки отрубников. Чаще всего крестьяне объединялись в небольшие группы и действовали коллективно. Примеров тому множество. У хуторянина с. Козлова Сарапульского уезда Д. С. Мерзлякова общинники в 1914 г. разрушили начатый строиться кирпичный сарай, сломали изгородь и сожгли стог сена, нанеся выделенцу урон в 175 руб. [29]. В д. Баюны Слободского уезда у укрепленцев сгорели дома и надворные постройки на сумму 1500 руб. [30] В Нолинском уезде ночью в саду крестьянина с. Кузнецовского В. Мокрушина было спилено 50 яблонь. По словам земского начальника, озлобление против выделившегося на хутор Мокрушина дошло до того, что ему угрожают сожжением всего хлеба и даже лишением жизни [31]. Тенденция эта сохранялась и позднее, так, за один лишь 1911 г. в губернии было 50 случаев поджога имущества выделенцев [32].

Случалось, что враждебные действия следовали с обеих сторон. Заметки по поводу землеустройства на страницах вятских газет представляли собой криминальные сводки. В д. Паникле общинник выстрелил дробью в лицо одному из хуторян, а в д. Горевы (обе Котельничского уезда) общинник выбил в доме хуторянина рамы за то, что сын хуторянина ранил его в руку из ружья. В д. Байновской у двух крестьян-общинников сгорели дома. Соседи показали на хуторян, тогда потерпевшие сожгли два дома выходцев [33].

Таким образом, не только моральное давление было в арсенале средств борьбы общинников с выделенцами, нередко угрозы приводились в исполнение, и дело заканчивалось физической расправой. Газета «Петербургские ведомости» 25 июля 1912 г. сообщала о самосуде крестьян д. Таранты Вятского уезда одноимённой губернии над своим соседом Иваном Косимным, «имевшим дерзость против воли соседей выделиться на хутор». Они встретили его в поле и жестоко избили, проломив голову, повредив руку и рёбра [34]. А в д. Шишкино Уржумского уезда крестьяне избили не только хуторян, но и должностных лиц [35].

Одним из действенных методов общинников в борьбе с расхищением, по их мнению, общинной земли было всяческое противодействие процессу выдела. Оно принимало различные формы и выражалось чаще всего в изгнании землемера и специальных рабочих, выкапывании межевых столбов и пр. Причина, по словам общинников, неправильность землеотводных работ, т. е. пренебрежение властями интересов общины при на-

резке хуторов и отрубков. Жители д. Сарафоновской Вятского уезда всем селением договорились вырыть и выбросить межевые столбы, поставленные землемером, и препятствовали производить землеустроительные работы [36]. В поч. Липовском Яранского уезда общинники сначала отказались выбрать из своей среды уполномоченных для присутствия на землеотводных работах. Когда же землемер Чирков приступил к работам вопреки согласию общества, то к нему явились крестьяне починка и заявили, что не допустят к работам, даже если дело дойдёт до насилия. В результате землемер покинул селение, но в дело вмешалась полиция, и в ходе следствия 20 человек были признаны виновными [37]. Один из земских начальников Елабужского уезда сообщал о событиях в д. Арзамасцевая: крестьяне слушать ничего не хотят, и когда рабочие и землемер отправились в поле, то общинники их не пустили. Все-таки явившийся на место работ землемер был через полчаса выгнан оттуда, а общинники требовали его немедленного отъезда. На этом работы были прекращены [38]. Подобные же беспорядки произошли в д. Красный Яр Сарапульского уезда и д. Новая Анзирка Елабужского уезда и других, где землемеры не были допущены к работе, а рабочие избиты [39].

Об инциденте, связанном с выделением на хутор крестьянина д. Озон Глазовского уезда Самгина, печатались сообщения как в центральной («Русское слово»), так и местной («Вятская речь») прессе. Дело началось с того, что общинники отказали выделяющемуся Самгину в приговоре сельского схода. Когда же работы по выделу все-таки начались в обязательном порядке, то они отняли у рабочих заготовленные материалы для межевания и инструменты. Затем двое местных крестьян ворвались во двор Самгина, а когда им навстречу вышел земский начальник Теплов и предложил покинуть двор и не мешать работать, то «один из крестьян бросился на земского начальника и схватил его за бок, старался ухватить за грудь. А когда земский начальник отпихнул его, то на помощь первому крестьянину поспел второй и, схватив земского начальника за руку, старался схватить за горло» [40].

Происходившие в губернии события показывали, что конфронтация сельского мира с землеустроителями и полицией, никогда не затухавшая в годы столыпинской аграрной реформы, достигала временами такого накала, что выливалась в массовые столкновения крестьян с полицией и даже войсками. В июле – августе 1912 г. газеты «Земщина», «Русские ведомости», «Петербургские ведомости» напечатали заметки о крупных аграрных беспорядках в д. Кырынды Елабужского уезда Вятской губернии. В описываемом ниже случае известную роль сыграл так-

же национальный фактор, так как местное сельское общество состояло из татар и русских. Последние и заявили о выделе на хутора, что встретило ожесточённое сопротивление татарского населения: они толпой, с малыми детьми, препятствовали измерению границ и сваливали межевые столбы. Землемер Суслов, владея татарским языком, слышал со стороны толпы угрозы об избиении его и выделяющихся. Работы были восстановлены только через некоторое время и продолжались под охраной полиции. Как сообщали газеты, выезды к кырындинскому обществу стражников и полиции были вполне обычным явлением [41].

Сложная обстановка на почве переустройства земельного быта крестьян сложилась в д. Большие Кизели Сарапульского уезда, где не раз происходили столкновения общинников с хуторянами, властями и даже войсками. Общинники вышли на свои наделы и поклялись не отдавать их под отруб. Газета «День» писала: «В первую линию были поставлены бабы. До 500 баб, большей частью беременных, встали стеной плечом к плечу. Прискакал урядник, но бабы не дрогнули... Вызвали войска, приехал становой, помощник исправника и одиннадцать стражников верхом с винтовками» [42]. На некоторое время выступление крестьян было подавлено. Но их сопротивление укреплению наделной земли продолжалось.

Иногда, опасаясь возможных стычек и беспорядков, местные власти заранее просили откомандировать в то или иное селение отряд полиции и войска. Например, земский начальник с подобной просьбой обратился в вышестоящие инстанции, так как «сделать отвод единоличных владельцев с. Колесникова в фактическое владение отрубам будет делом невозможным ввиду злобного отношения к этому общинников» [43].

Организаторы и главные участники аграрных беспорядков на почве столыпинской реформы подвергались взысканиям и арестам. Так, 13 человек с. Ларет Сарапульского уезда были арестованы за то, что не позволили землемеру производить нарезку хуторов [44]. В д. Большие Кизели того же уезда уполномоченных от крестьян, участвовавших в беспорядках, власти арестовали и под конвоем направили в тюрьму [45].

Наказания, применяемые к тем, кто каким-либо образом оказывал сопротивление делу переустройства, были различны. Так, в «Уложении о наказаниях» правительство ввело новую статью, которая предусматривала за противодействие указу 9 ноября 1906 г. каторжные работы сроком от 4 до 6 лет [46]. Однако вятские крестьяне подвергались в основном аресту от нескольких недель до нескольких месяцев. К примеру, за недопущение землемера производить землеустрои-

тельные работы и угрозы выделяющемуся лишить его жизни и имущества, двое его соседей были арестованы на 2 месяца, а двое других – на срок до двух недель [47]. Братья же Шестаковы из д. Зяблицевской Вятского уезда за распространение ложных слухов, угрозы и избиение своего соседа, желающего покинуть общину, получили сроки ареста 2,5 и 3 месяца [48].

Но не всегда наказания были адекватными и соответствующими правовым нормам начала XX в. В д. Балунской ночью у единоличного владельца Степана Михайлова сгорела дотла кладь хлеба. Приехали власти и начали расследование. Прямых улик не было. Но Степан указал на двух соседей-общинников. Их арестовали и стали бить. Газета «Голос правды» сообщала: «Били много, били чем попало. Били по чему попало. И когда те, избитые, не сознавались, их снова били» [49]. Били до тех пор, пока не сказали, что подожгли они. Крестьян бросили в тюрьму, но общинники дошли до суда. Суд оправдал виновных, а пристав, допустивший такое беззаконие, был отстранён от занимаемой должности.

Зачастую масла в огонь подливали разнообразные печатные издания. Они раздували, приукрашивали некоторые события, связанные с протестными отношениями крестьян по поводу закрепления общинной земли в собственность отдельных домохозяев. Сохранились сведения о переписке Департамента государственных земельных имуществ с вятским губернатором за полевой период 1914 г. «о волнениях крестьян Вятской губернии в связи с выделением на отруб». Архивное дело содержит заметки из «Вятской речи» и «Русского слова», а также комментарии и разъяснения к ним вятского губернатора. Упомянутые издания прокадетского толка подавали сообщения о событиях в Вятской губернии достаточно тенденциозно, не всегда, по всей видимости, проверяя факты и заботясь об их достоверности. Губернатор, в свою очередь, пытался оправдаться перед вышестоящей инстанцией и также, возможно, несколько искажал реальное положение дел.

Так или иначе, в видении прессы и губернатора, они предстают в совершенно различном свете. Приведём лишь один пример. «Вятская речь» сообщала, что крестьяне с. Синегорье Глазовского уезда Буторин и Копысов скупили землю вокруг села и выделили её под хутора таким образом, что земля хуторян заперла село с юга и запада, как раз в тех направлениях, в которых росло село. По свидетельству газеты, общинники лишились возможности не только отводить земли для вновь образующихся дворов, но не могли даже выстроить помещение для необходимых культурных учреждений: «Школу поставить негде. Конечно, кулаки не откажут в земле, но

за какую цену?» [50] Со слов же вятского губернатора, эта ситуация выглядит так: упомянутые крестьяне В. А. Буторин и Я. Д. Копысов, жившие вовсе не в с. Синегорье, а в д. Таракановской, желая выделить свою наделную землю, а не купленную, как было сказано в записке, возбудили ходатайство о землеустройстве. Причём, ходатайство это, как не отвечающее целям землеустройства, не было удовлетворено и, следовательно, загородить село в тех направлениях, в которых оно росло, не могло [51].

«Вятская речь», орган кадетской партии, была главным рупором критики реформы в губернии. Не случайно один из земских начальников Яранского уезда в донесениях вятскому губернатору отмечал, что «главным тормозом успешного проведения в жизнь закона 9 ноября служит агитационная деятельность газеты «Вятская речь», которая хотя и получается немногими, развращёнными в политическом отношении, крестьянами, но вредное влияние помещаемых в этой газете корреспонденций (может быть даже вымышленных) распространяется на многих крестьян... потому что помещаемые в газете корреспонденции действуют устрашающим образом на всех крестьян, желающих выделиться из общины» [52].

Говоря о тяжёлом положении крестьян-единоличников, Сарапульская уездная комиссия, констатировала: «...Отрубщики и хуторяне в защите своих интересов среди местного населения совершенно одиноки, никто им не помогает. На вопросы, как же охранять вновь образуемые отрубные и хуторские хозяйства от недоброжелательства, обещаешь им судебную защиту. Администрация защищает хозяйственные интересы отрубщиков и хуторян, но отсутствие поддержки и недоброжелательство со стороны местного населения делают эту защиту малоценной» [53].

Однако есть сведения о том, что власти не всегда должным образом реагировали на крестьянские беспорядки. Иногда наказания зачинщикам были очень жёсткими, в других случаях власть и полиция предпочитали не вмешиваться и оставляли выделенцев без помощи. О том, что земским начальникам, полицейским урядникам факты столкновения единоличников с обществом были известны, говорят многочисленные жалобы будущих и настоящих хуторян, когда о безобразиях «властям всеизвестно, а реакции нет» [54]. Губернатор также предпочитал не вмешиваться и на многочисленные жалобы укреплёнцев по поводу притеснений их общинниками зачастую отвечал односложно: «С моей стороны никакого распоряжения не требуется». В крайнем случае, губернатор советовал просителям обратиться в суд [55]. Бывали также случаи, когда земские начальники вставали на сторону об-

щества, а не выходцев. Так, в разъяснении одного из земских начальников Елабужского уезда говорилось, что сведения, сообщаемые укреплёнными в жалобе на соседей, были ложными: «...Если недовольство общества и проявляется, то не в такой резкой форме, а лишь в одном отказе им в укреплении земли. А если укреплёнными были нанесены побои, то не на сходе и без участия сельского старосты» [56]. Причиной тому было то обстоятельство, что многие чиновники губернии не сочувствовали делу землеустройства, а только лишь формально выполняли свои служебные обязанности.

Если подвести итог в количественном выражении, то за три наиболее активных года проведения реформы в губернии (1908–1910 гг.), согласно отчётам земских начальников, произошли следующие виды беспорядков на почве применения указа 9 ноября 1906 г.:

- Препятствование проведению землеустроительных работ, недопущение рабочих и изгнание землемеров (иногда с применением физической силы) – 4 случая.
- Порча движимого и недвижимого имущества укреплёнцев и хуторян (поломка сох и изгороди, битьё стёкол, перепашки и потравы, уничтожение собранного урожая) – 14 случаев.
- Недопущение скота на общественное пастбище – 3 случая.
- Поджоги – 4 случая.
- Убийства – 1 случай [57].

Поскольку количество столкновений по поводу применения аграрного законодательства характеризовало весь землеустроительный процесс и работу местного чиновничьего аппарата, то здесь прослеживается такого рода тенденция: каждый уровень власти сообщал вышестоящим должностным лицам чуть меньше негативной информации, чем получал сам. Так, по сообщениям вятских земских начальников, за 1908–1910 гг. насчитывается около 30 различного рода инцидентов, связанных со столыпинской реформой, в то время как губернатор ставил в известность своё руководство только об одном таком случае, произошедшем в 1909 г. в Сарапульском уезде [58]. Кроме этого, частыми во всех уездах и селениях региона являлись угрозы и оскорбления «словами и действием» в адрес новых собственников, которые за своей многочисленностью редко фиксировались властями. Поэтому подсчитать точное количество крестьянских выступлений невозможно. Земский начальник из Сарапульского уезда рисовал такое положение дел: «...На этой почве [применения указа 9 ноября 1906 г. – Е. К.] часто бывают мелкие ссоры и угрозы, вследствие скрытности остающиеся всегда невыясненными, а потому и судить о них приходится лишь по молве» [59].

Несмотря на обострённые отношения между сельским «миром» и выделенцами, несмотря на многочисленные формы и виды протеста крестьян против передачи общинной земли в частную собственность, в докладной записке неперменного члена Вятской губернской землеустроительной комиссии И. С. Мациовича в 1913 г. звучали оптимистические нотки по поводу внедрения в крестьянскую жизнь указа 9 ноября 1906 г.: «Надо полагать, что принимаемые меры направления деятельности землеустроителей к соглашениям сторон при подготовке, а при недостижении сего, к возможно справедливым по отношению обеих сторон проектировкам и подготовкам дел, привычка населения к землеустройству и связанного с ним улучшением хозяйства, увеличение числа дел по разверстанию на отруба целых селений постепенно будут уменьшать число случаев враждебного и отрицательного отношения остающихся в общине к выделяющимся и к землеустройству» [60].

Моральное и физическое давление общинников на крестьян-собственников играло решающую роль в принятии решения о выходе из общины, но среди вятских крестьян постепенно увеличивалось число тех, кто решался порвать со старым укладом жизни и пользовался реформой для заведения собственного самостоятельного хозяйства. Так, несмотря на многочисленные препоны со стороны «мира» (запрет пользоваться общим пастухом и услугами общего пастуха, битьё стёкол и угрозы), первым хуторянином Малмыжского уезда стал Г. Кулаков. Вопреки сложностям экономического, социального, психологического характера, он по собственной инициативе создал образцовое хуторское хозяйство, за что в 1913 г. и был награждён высшей премией в честь 300-летия царствования дома Романовых [61].

Подводя итоги реализации столыпинской аграрной реформы в регионе, следует отметить, что по главному направлению реформы – разрушение общинного хозяйства и создание на его месте частного индивидуального – результат был более чем скромным: землю в частную собственность укрепили только 4,9% крестьянских дворов. По этому показателю Вятская земля вкупе с соседними ей губерниями Северо-Восточного региона стоит особняком в сравнении с данными укрепления земли в целом по России (20–27% от общего числа крестьянских дворов). Образование индивидуальных хозяйств в губернии также успехом не пользовалось: на землях сельских обществ за годы реформы к 1 января 1916 г. было образовано 4 663 таких хозяйства (что составило около 0,8% всех домохозяев губернии), площадью 50 102 дес. [62]

Одним из явлений, сопутствующих реформе на всём её протяжении, стало сопротивление общины её проведению, которое имело различные формы и виды, включая мирные и немирные, вплоть до убийства выделенцев. Под давлением соседей огромная масса вятских крестьян забирала ходатайства об укреплении или выделе. Бывало также, что уже вышедшие из общины нередко пытались снова в ней оказаться. Именно беспокойство сельского населения в годы Первой мировой войны повлекло за собой известный циркуляр А. В. Кривошеина № 31 (апрель 1915 г.) о производстве только тех дел, по которым уже достигнуто добровольное соглашение.

Таким образом, исторические условия в Вятской губернии сложились так, что определяющим типом хозяйствования вплоть до 1917 г. оставалась крестьянская община. Своеобразие природно-климатического фактора здесь обусловило жизнеспособность общинного института, без которого большинство населения не смогло бы выжить в одиночку. Вместе с тем нередко община уже становилась тормозом на пути различных сельскохозяйственных улучшений, сковывала инициативу наиболее предприимчивых крестьян. Однако на деле крестьян, готовых создать индивидуальное хозяйство и тем самым противопоставить себя обществу и обрекать на одиночество в борьбе с природной стихией, оказалось очень немного.

Примечания

1. Герасименко, Г. А. Влияние последствий столыпинской аграрной реформы на крестьянские организации. 1917 г. [Текст] / Г. А. Герасименко // История СССР. 1981. № 1; Он же. Обострение борьбы в деревне в годы столыпинской реформы [Текст] / Г. А. Герасименко // Вопросы истории. 1983. № 4; Он же. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики [Текст] / Г. А. Герасименко. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985; Мальцева, Н. А. О количестве крестьянских выступлений в период столыпинской аграрной реформы (3 июня 1907 г. – 1 августа 1914 г.) [Текст] / Н. А. Мальцева // История СССР. 1965. № 1; Осипова, Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции [Текст] / Т. В. Осипова. М., 1974; Кравчук, Н. А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября [Текст] / Н. А. Кравчук. М., 1971; Иерусалимский, А. Ф. Некоторые вопросы развития крестьянского движения в 1910–1914 гг. [Текст] / А. Ф. Иерусалимский // История СССР. 1959. № 4.

2. Горякина, В. С. Крестьянское движение на Ураине в 1907–1914 гг. [Текст] / В. С. Горякина // История СССР. 1972. № 1; Кабытов, П. С. Борьба крестьян Среднего Поволжья за отмену столыпинского земельного законодательства [Текст] / П. С. Кабытов // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период феодализма и капитализма. Чебоксары, 1980; Кузьмин, В. А. Крестьянское движение в Чувашии в период подготовки Октябрьской револю-

- ции [Текст] / В. А. Кузьмин. Чебоксары, 1957; Волков, Н. В. Крестьянское движение в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях в период столыпинской аграрной реформы [Текст] / Н. В. Волков // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1971; Евдокименко, Г. С. Аграрная политика самодержавия в Белоруссии. 1907–1917 [Текст] / Г. С. Евдокименко. Гомель, 1975.
3. Анфимов, А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны [Текст] / А. М. Анфимов. М., 1962. С. 335.
4. Мусихин, В. Е. Вятские крестьяне в начале XX века [Текст] / В. Е. Мусихин // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. Киров, 1994. С. 293.
5. См., напр.: ГАКО. Ф. 716. Оп. 4. Д. 203 (всё дело посвящено); ГАКО. Ф. 718. Оп. 1. Д. 59. Л. 8; Д. 93. Л. 33.
6. ГАКО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 1221. Л. 54–54 об.
7. ГАКО. Ф. 584. Оп. 21. Д. 899. Л. 110.
8. ГАКО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 962. Л. 68–69.
9. Попов, С. Столыпинская реформа в Вятской губернии, 1906–1915 гг. [Текст] / С. Попов // Кировская правда. 1944. 11 мая. С. 2.
10. Из речи депутата Вятской губернии крестьянина-трудовика А. Е. Кропотова [Текст] // Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С. 246–248.
11. Зырянов, П. Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914 гг. [Текст] / П. Н. Зырянов. М.: Наука, 1992. С. 147.
12. ГАКО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 898. Л. 104 об.–105.
13. ГАКО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 962. Л. 69–69 об.
14. ГАКО. Ф. 622. Оп. 2. Д. 1269. Л. 121.
15. ГАКО. Ф. 584. Оп. 20. Д. 194. Л. 80.
16. Дубровский, С. М. Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века [Текст] / С. М. Дубровский. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 579, 581.
17. Бородин, А. П. Столыпин. Реформы во имя России [Текст] / А. П. Бородин. М.: Вече, 2004. С. 193.
18. Дубровский, С. М. Указ. соч. С. 574–576.
19. ГАКО. Ф. 584. Оп. 19. Д. 213. Л. 352.
20. ГАКО. Ф. 715. Оп. 3. Д. 51. Л. 216–216 об.
21. Герасименко, Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной реформы. С. 275.
22. ГАКО. Ф. 584. Оп. 19. Д. 86. Л. 4.
23. РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 60. Л. 15.
24. ГАКО. Ф. 715. Оп. 3. Д. 51. Л. 16 об.
25. Там же. Л. 174–174 об.
26. Там же. Л. 16 об.
27. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 740. Л. 38–38 об.
28. Там же. Л. 83–83 об.
29. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1464. Л. 80; РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 498. Л. 219–219 об.
30. Попов, С. Указ соч. С. 2.
31. Там же.
32. Мусихин, В. Е. Указ. соч. С. 292.
33. Андреев, А. «А Вятка против?» [Текст] / А. Андреев // Вятский край. 1991. 8 янв. С. 3.
34. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 21. Л. 52.
35. Крестьянское движение в России. Июнь 1907 – июль 1914 гг. [Текст]: сб. док. / под ред. А. В. Шапкина. М.; Л., 1966. С. 617.
36. ГАКО. Ф. 715. Оп. 3. Д. 51. Л. 174–174 об.
37. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1175. Л. 1–1 об.
38. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 740. Л. 66.
39. Крестьянское движение в России. С. 549, 593.
40. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 740. Л. 23–23 об.
41. Газетные вырезки см. в: ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 21. Л. 50.
42. Герасименко, Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной реформы. С. 206.
43. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1543. Л. 51.
44. Герасименко, Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной реформы. С. 207.
45. Там же. С. 206.
46. Там же. С. 105.
47. ГАКО. Ф. 715. Оп. 3. Д. 51. Л. 175.
48. ГАКО. Ф. 622. Оп. 2. Д. 1269. Л. 121.
49. Герасименко, Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной реформы. С. 213; Андреев, А. Указ. соч. С. 3.
50. РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 498. Л. 212.
51. Там же. Л. 210.
52. ГАКО. Ф. 584. Оп. 21. Д. 903. Л. 15–15 об.
53. Луковников, Н. Столыпинская аграрная реформа в Удмуртии [Текст] / Н. Луковников // Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора при Совете Министров Удмуртской АССР. Ижевск, 1954. Вып. 16. С. 104.
54. РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. Д. 60. Л. 3; См. также: ГАКО. Ф. 584. Оп. 19. Д. 86. Л. 4; Оп. 22. Д. 170. Л. 250; Ф. 627. Оп. 1. Д. 1151. Л. 36.
55. ГАКО. Ф. 584. Оп. 21. Д. 903. Л. 19, 27.
56. Там же. Л. 36–37.
57. Подсчёты наши по: ГАКО. Ф. 584. Оп. 22. Д. 167. Л. 66–250.
58. Крестьянское движение в России. С. 549.
59. ГАКО. Ф. 584. Оп. 22. Д. 167. Л. 200.
60. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 740. Л. 148.
61. ГАКО. Ф. 1254. Оп. 2. Д. 1125. Л. 22 об.–23, 30.
62. Дубровский, С. М. Указ. соч. С. 588.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Н. О. Осипова

МИФ В ПРОСТРАНСТВЕ СТЕРЕОТИПОВ СОВРЕМЕННОГО ПОВСЕДНЕВНОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются некоторые аспекты функционирования и трансформации «основного мифа» культуры в стереотипах современного повседневного сознания. На материале знаковой специфики таких сфер, как *ремонт, приготовление пищи, пластическая операция* и др., анализируется характер связей их мифосемиотической основы с контекстом «гламурной культуры».

Современной культурологией накоплен значительный опыт исследования форм и функций мифа и мифического мышления. Между тем, несмотря на изученность механизмов мифотворчества, есть сферы, которые пока еще не попали в поле зрения культурологов, оставаясь в зоне внимания иных областей научного знания – психологии, медицины, экономики, политологии и др. Сложность заключается и в том, что мифологические «конструкты» в ряде случаев оформляются в немифологических «текстах» культуры, что в свое время блестяще показал Р. Барт в своих «Мифологиях». Мифологические стереотипы настолько вошли в пространство повседневности, что стали неотъемлемой частью обыденного сознания – мыслью, вещью, действием, существом, образуя своеобразный знаковый код, связанный с вечными и всеобщими структурам бессознательного. Неожиданное внутреннее родство древнего и современного человека стало причиной востребованности мифа. Для обыденного сознания миф – наиболее приемлемая форма освоения мира, позволяющая ориентироваться в нем. Оно превращает архетипы в повседневность, охватывая при этом все формы культуры – мораль, искусство, науку, технику. Как показал М. Элиаде, современный человек не делает ничего такого, чего не было бы уже сделано и пережито до него кем-то другим. Жизнь – это сознательное или бессознательное повторение действий в рамках определенной парадигмы, что и обуславливает их онтологическую сущность [1].

ОСИПОВА Нина Осиповна – доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии и рекламы ВятГУ
© Осипова Н. О., 2007

Одна из причин тотальной мифологизации ментального пространства современного общества – идеальная приспособленность конструкции мифа к психологическим механизмам массового сознания при (как это ни кажется парадоксальным) усилившейся самооценности частной жизни. В пространстве повседневности, таким образом, соотносятся две сферы – сфера массовых стереотипов, с одной стороны, и сфера своего, индивидуального – с другой, «тело» общества и организм человека. На этом парадоксе выстраиваются отношения «я» и общества, обнаруживая в стремлении к древним архаическим моделям потребность адаптации и упорядоченности бытия в перегруженном катастрофами и хаосогенными процессами пространстве последних двух столетий.

В данном случае архетип, сформировавшийся в глубинных «структурах» культуры, оказавшись в зоне влияния массового сознания, приобрел высокую напряженность и огромный энергетический потенциал. Характеризуя этот процесс, К. Г. Юнг подчеркивал, что архетипы «ведут себя эмпирически как силы или тенденции к повторению того же самого опыта. Ведь всякий раз, когда какой-нибудь архетип появляется в сновидениях, в фантазии или в жизни, он всегда привносит с собой некое особенное “влияние” или какую-то силу, благодаря которой он действует “нуминозно”, т. е. ослепляюще, завораживающе, и побуждает к поступкам» [2].

Большинство образов, составляющих современную картину мира, имеют мифологический характер, и эти образы взаимодействуют на основе мифологических принципов. Назову только наиболее часто встречающиеся мифологемы, составляющие сущность обозначенных отношений: миф о «золотом веке», близкий ему миф о «потерянном и обретенном рае», мифологическая оппозиция *своего/чужого*. Становясь ядром политической мифологии, рекламных кампаний, подчиняясь искусственному конструированию, знаки и образы мифологического пространства, многократно воспроизведенные экранными искусстваами и фотографией, СМИ, закрепляются в коллективной памяти наших современников, как закреплялись они сказаниями и ритуалами в памяти архаического человека.

Миф стал дискретным, фрагментарным, утратил свою цельность и органичность, как бы скрываясь и исчезая, вступая в «реакцию» с усиливающимся индивидуализмом, и поэтому его влияние становится еще более жестким и тотальным. Распадаясь, мифологические модели трансформируются в новые формы, присутствуя в обычном «культурно-гастрономическом», или «культурно-медицинском», или гендерном контекстах. Обобщающей формулой, характеризующей эти модели, может служить рекламный слоган «*моя семья*», представляющий своеобразную матрицу, регулирующую синтез родового и индивидуально-личностного. Архетипичность в данном случае свидетельствует о каких-то близких и понятных вещах, не выходящих за рамки повседневности.

В обозначенную сферу попадает фигурирующая сегодня практически на всех телеканалах кулинарная тема (с ее знаковым комплексом действий, предполагающим инсценирование космогонического мифа), в контексте которой *кухня*, *печь* и *огонь* [3] приобретают статус ритуальных атрибутов архаического культа еды и жертвоприношения (*гастика* как сфера семиотики в последнее время становилась предметом многих серьезных исследований).

Возникает вопрос, какую же цель преследуют эти кулинарные шоу, в которых заняты, как правило, самые «раскрученные» ведущие и актеры – личности, достаточно яркие в своем индивидуальном проявлении? По-видимому, это своеобразное вовлечение зрителя в ритуально-магическую сферу, где каждому предоставляется виртуальная возможность соприсутствия и соучастия в действиях «шамана-кулинара». Атрибутика рекламной кухни с ее металлически-стеклянным блеском, эксклюзивной посудой и приборами, яркими цветами продуктов завораживающе действует на среднестатистического телезрителя, лишенного оных, обнажая глубины архаического сознания. Он приобщается к «божественному творению», создавая совершенный по вкусу, свежести и питательным свойствам «венец кулинарного мастерства». В подобном же контексте могут интерпретироваться и многочисленные ток-шоу, где публичное присутствие и оценка зрителей (они же – «семья», «община»), являющихся конкретными участниками спора, конфликтной ситуации, воссоздают мифологическую «канву» ритуала.

Примечательно, что, будучи осмысленными искусством, многие мифологемы приобретают характер художественно-философской метафоры, как, например, в недавнем телесериале о Лениде Брежнев, где были удачно найдены и реализованы мотивы охоты и последующей раздачи мяса жертвенного животного, что, в свою оче-

редь, «перемещается» авторским и зрительским сознанием в ассоциативный ряд, связанный с политической «кухней».

Представленные в трансформированном виде ритуальные практики, связанные с приготовлением пищи, лечением-очисткой организма, диетами и прочими элементами нашей повседневной жизни, одновременно парадоксально являют оппозицию этой повседневности, будучи направленными на символизацию отдельных моментов жизни, а следовательно, участвуют в процессе творения, выполняя регулирующую функцию и нейтрализуя деструктивные тенденции. Силовое поле подобных ритуалов – интуитивно освоенные механизмы воздействия на человеческую (чужую и свою) психику. И в этом контексте участие в ритуале, по мнению психологов, ослабляет контролирующую функцию сознания, смягчает деструктивное воздействие негативных явлений социума на человека.

Один из ярких стереотипов современного мифологического сознания связан с реализацией т. н. «основного мифа» культуры – мифа об уходе и возвращении, «ядро» которого, в свою очередь, составляют архетипы обновления, очищения, инициации и т. д. Современная мода на голодание, диеты, лечение, увлечение оздоровительными программами построена на том же механизме – только чистота, обновление и перестройка обращены на себя и внутрь себя (доказательство тому – обилие глянцевого изданий на эту тему, обилие аптек, стремительно размножающихся на улицах наших городов, фитнес-центров, SPA-салонов и пр.). Быть здоровым стало не только необходимо, но и модно, потому что здоровье связывается с красотой, молодостью, профессиональной карьерой, удачным браком и т. д.

«Структуры повседневности» демонстрируют сегодня свою семиотическую природу, связь со знаковым комплексом основного мифа. Остановимся еще на двух типичных для нашего времени явлениях повседневной культуры, связанных с современной реализацией архетипических схем в их неомифологической представленности. Оба могут быть обозначены как архетип обновления (очищения) либо поняты в контексте инициальной ритуальной традиции и реализации мифа об уходе и возвращении.

Прежде всего, это знаковый комплекс, связанный с феноменом *ремонта*. Уборка и особенно ремонт квартиры становятся вариацией архетипа очищения и обновления организма. Согласно данным статистики, реклама стройматериалов занимает второе место по количественным показателям и финансовым затратам после рекламы парфюмерии и косметики. Она предлагает все составляющие «ремонтного ритуа-

ла» – от полной перестройки (евроремонт) до косметической покраски-побелки. И если раньше для ремонта достаточно было простой смены обоев и покраски пола, то теперь евростандарт требует полной смены облика квартиры или офиса (на логике этой же схемы, как мы увидим далее, будет основан и феномен пластической операции). Демиургический характер «перестроечной» символики (не без влияния перестройки общественной) подчеркивается космическими масштабами ремонтно-строительного «действия» (специализированные журналы и пособия, магазины и строительно-ремонтные фирмы с выразительными названиями – «Планета обоев», «Ирида», «Сантехника Феникс», «Окна века», «Сезон ремонта», «Мир плитки», «Империю дома», «Рождение дома», «Миф-сервис» и др.). Приведу один из последних примеров. В журнале «Земледелец» (2007. № 1) была опубликована статья с весьма выразительным названием: *«Время для ремонта (морфология и мифология ремонта)»*. Примечательно в аспекте поставленной проблемы, что ритуально-магический комплекс ремонта вписан автором в ритм календарного цикла, то есть (скорее всего, бессознательно) ориентирован на миф. Исходя из этой логики, строительству, естественно, отводится «летне-осенний» период, а ремонту и проектированию – «зимне-весенний». И далее подробно и эпически прописывается строгая (!) последовательность ремонтных операций при исполнении работ – от строительно-монтажных до пусконаладочных (что, по-видимому, и составляет, по мнению авторов, «морфологию» ремонта).

Строительные ритуалы, отмеченные в деятельности человека (как это показывают исследования М. Элиаде, А. Байбурина и др. [4]), воспроизводят первичный акт космогонии. Ритуальность стройки-ремонта проявляется и в том, что на всех ее этапах акцентируется образ и демиургическая роль хозяина-строителя, творящего космос вокруг себя.

Естественно, что семиотичность ремонтно-строительного комплекса обусловлена в значительной степени и повышенной семантикой дома в современной культуре, дома, пространство которого на фоне опасного и безумного «чужого» воспринимается как свое, защищенное. Отсюда – стремление подчеркнуть его изоляцию от мира, наполнить его знаками «райского» топоса и дома как его центра. Не случайно особое внимание в мифологии ремонта отводится «кухонным работам» (семантика домашнего очага), а также окнам и дверям с их функцией «пороговости»: евроокна, сквозь которые не проходят шум и пыль с улицы, особые двери, обладающие сверхпрочностью, дизайн внутренних дверных проемов и т. д.

Другой аспект, восходящий к модели «основного мифа», связан с феноменом *пластической операции*, которая только в последнее время стала обнаруживать свою мифологическую сущность, обусловленную тем, что тело человека в традиционной культуре всегда было символично и наполнено семантическими значениями. В связи с этим можно говорить о нем как о специфической семиотической системе (или символическом коде), связанной с важными процессами и явлениями социальной жизни. Это выражалось, в частности, в том, что все изменения, происходившие с человеком на социальном уровне, обязательно отражались на теле в виде запретов или разрешения украшать тело, волосы, наносить татуировки и т. д. Особую актуальность подобные изменения приобретали в переходных ритуалах, когда человек утрачивал свою старую социальную, а иногда и личностную идентичность и приобретал новую [5].

Пластическая операция сегодня стала делом обычным и уже никого не удивляет, воспринимаясь как стремление продлить молодость, достигнуть совершенства. На первый взгляд причина этого кроется в желании соответствовать голливудским стандартам, тиражированным в СМИ и Интернете, в создании феномена «человека-мифа», отвечающего современным стереотипам понимания совершенства как вечной молодости (идеальным, красивым и здоровым может считаться только то, что молодо). На звезды хотят быть похожими, подсознательно ассоциируя их внешность с их успехами.

В то же время это достаточно архетипическая ситуация, если вспомнить многочисленные примеры из мифологии и фольклора о царевне-лягушке, «молодильных яблоках», живой и мертвой воде, кипящем молоке (воде), обладающем чудодейственной силой, о Кумской Сивилле, трагическая судьба которой заключалась в том, что, попросив у Аполлона бессмертия, она забыла попросить вечной молодости и превратилась в безобразную старуху. Сюжеты о превращениях, функционирующие в рамках оппозиций старость/молодость (=безобразие/красота), относятся к числу самых распространенных в фольклоре [6].

По сути дела, сегодня пластическая операция, выйдя за границы киностудий и став явлением повседневности, приобретает характер ритуального действия, в котором заложено ядро «второго рождения», ухода и возвращения, восходящих к инициальным ритуальным практикам. К этому же ряду явлений относятся татуировки, пирсинг, скарификация и иные формы, связанные с физическим воздействием на человеческое тело [7]. Рассмотренная в контексте обо-

значенных явлений, пластическая операция есть аналог ритуальной смерти, маркированной наркотическим «сном» и операционным столом – своеобразными зонами «перехода» из одного мира в другой, ритуального ухода-умирания и последующего возвращения. Человек воспринимает свой новый облик как «второе рождение», поэтому, по наблюдениям врачей и психологов, изменения в его теле вызывают изменения и на психоэмоциональном уровне [8]. По сути, он «рождается» другим, часто с кардинально изменившимся образом мыслей, поведением и, как правило, желанием перманентного совершенствования. Область совершенствования при этом распространяется и на интеллектуальные способности, и на профессиональный успех, которые ожидаются пациентами после операции и достижению которых мешала собственная внешность. Специалисты-психологи называют этот эффект «дисморфоманией», или «синдромом Квазимодо», или «синдромом Ван Гога». Для этого состояния, описанного впервые итальянским психиатром Энрико Морселли в 1891 г., характерно заикливание на мнимых или переоцененных физических недостатках. Несоответствие собственной внешности стандартизированному идеалу становится маниакальной идеей, мешающей полноценной жизни, что вызывает потребность преодолеть комплекс неполноценности в соответствии с нормами, которые восстребованы на данный момент в социуме и гарантируют высокий статус соответствующего этим стандартам индивида. Так, становится модным иметь не только «своего» визажиста, модельера, психотерапевта, но и личного пластического хирурга. Как показывают последние социологические опросы, пластическая операция все чаще становится способом решения многих личных и социальных проблем, так как, в числе прочих, срабатывает так называемый принцип компенсации: недовольство собой и невозможность самореализации объясняются недостатками внешности, что, в свою очередь, вызывает стремление изменить эту ненавистную внешность [9].

Люди нередко связывают с привлекательными внешними данными счастье в личных, сексуальных отношениях и даже успех в карьере, зачастую «подсаживаясь» на пластику, как на наркотик, маниакально исправляя все новые и новые детали своей наружности в соответствии с очередной картинкой в гламурном журнале. Стремясь преодолеть свое прошлое, многие из переживших пластику кардинальным образом меняют свою жизнь, иногда профессию, семью...

Семантика «второго рождения», кроме того, маркируется знаком боли, мучений, послеоперационного «уродства», вызванного опухолью мы-

шечных тканей, что близко к последствиям инициальной обрядовости, сопровождающейся телесными испытаниями, маркирующими процесс символического умирания и воскресения в новой социальной роли.

Человек шаг за шагом констатирует, как из уродливой личинки рождается новое существо, его своеобразный двойник (а именно так воспринимают себя многие пациенты после операции, будучи не в состоянии в ряде случаев привыкнуть к этому двойнику). Ритуальный характер операции подтверждается, например, публичным стремлением запечатлеть его. Например, приблизительно два года назад на Первом телеканале было продемонстрировано очередное реалити-шоу под названием «Формула красоты», где участники добровольно согласились на пластическую операцию, ход которой подробно освещался на экране по принципу «до» и «после». Эффект чуда и нового рождения демонстрировал магическое преобразование в разных ракурсах «здесь и сейчас».

Повышенная знаковость представленного явления, выход за границы медицины, психофизиологии подтверждаются возможностью его перехода в текст искусства, где оно приобретает статус художественно-эстетического символа и обрастает дополнительными коннотациями. В качестве примера можно привести художественный проект «Пластическая операция» Матиаса Кестера, представленный в Москве в 2006 г. Главным символом серии художник выбирает силикон, представленный в разных техниках исполнения, а в качестве моделей выступают «размноженные» звезды классического западного кинематографа, изображенные на стальной поверхности в разных позах, иногда с забинтованными лицами, над которыми невидимая рука заносит шприц. Отполированность и блеск стальных пластин создают дополнительный эффект отшлифованной, наполненной силиконом и натертой кремом кожи. Акцент усиливается представленным в качестве дополнения к экспонатам скандальным фильмом Марко Феррери «Большая жратва», гиперфизиология которого достойно закрепляет «силиконовый» образ мира. Искусство, таким образом, обнаруживает все новые и новые грани диалога повседневного и художественно-эстетического сознания, формируя в поле их взаимодействия новую систему смыслов.

В последнее время на страницах научных изданий все чаще встречается термин «гламурная культура» [10], что свидетельствует о появлении нового понятия в культурологии, нуждающегося в специальном научном осмыслении и анализе. Как представляется, вектор исследований «гламурной культуры» (а, по-видимому, именно в ее

поле могут быть вписаны обозначенные в статье феномены) не должен ограничиваться описанием типов ее репрезентации в современном сознании. Культурные явления и тенденции не возникают спонтанно, они являются результатом сложных взаимодействий и пересечений разных культурных кодов и парадигм, отличающихся устойчивостью и в то же время способностью к бесконечным трансформациям. Анализ этих связей, характера их изменчивости в историческом, социальном, художественном и иных аспектах – одна из задач интегративного, комплексного подхода в методологии гуманитарного знания.

Примечания

1. *Элиаде, М.* Архетипы и повторяемость: постановка проблемы [Текст] / М. Элиаде // Элиаде М. Миф о вечном возвращении: архетипы и повторяемость. Гл. 1. СПб., 1998.
2. *Юнг, К. Г.* Структуры психики и процессы индивидуализации [Текст] / К. Г. Юнг. М., 1996. С. 125.
3. По одной из версий, предложенной А. Н. Афанасьевым («Мифопоэтические воззрения славян на природу»), этимология слова «воскресать» восходит к основе «кресс» (пламя), что связано с сакрализацией огня и печи как атрибутов творения.
4. *Элиаде, М.* Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость [Текст] / М. Элиаде. СПб., 1998; Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов [Текст] / А. К. Байбурин. СПб., 1993.
5. *Байбурин, А. К.* Указ. соч. С. 101.
6. *Пропп, В. Я.* Исторические корни волшебной сказки [Текст] / В. Я. Пропп. М., 2004.
7. О связи медицинского дискурса с этнокультурным и эстетическим опытом человека см.: *Кириленко, Е. И.* Опыт тела в восточнославянской культурной традиции [Текст] / Е. И. Кириленко // Бюллетень сибирской медицины. 2006. № 4. С. 112–121.
8. См. подробнее: *Золотова, Е.* В поисках утраченного лица [Электронный ресурс] / Е. Золотова. Режим доступа: <http://www.polit.ru/culture/2006/07/10/plastika.html>
9. *Кириленко, Е. И.* Указ. соч. С. 112–121.
10. В частности, целая секция, посвященная «гламурной культуре», работала в рамках международного научного симпозиума «Время культурологии», посвященного 75-летию Российского института культурологии (Москва, май, 2007).

Н. И. Поспелова

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ИГРОВЫЕ АСПЕКТЫ МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

Автор статьи исходит из представлений о музыке как форме «праздных упражнений духа», раскрывая проблему соотносительности, взаимополагания и родства игровых и интеллектуальных оснований музыкального творчества. На примерах творчества композиторов XX в. (Скрябин, Стравинский, Шенберг, Ксенакис, Мессиян и др.) делается вывод о доминировании рационального компонента в интеллектуальных опытах авангардистов, о том, что рубеж 1960–1970-х гг. – это пик интеллектуализма, «точка золотого сечения» рационалистических устремлений музыкантов, за гранью которой начинается новый период – не менее интеллектуальный, но переориентированный с «музыки придуманной» на «музыку естественную».

Как в пустоте кружащаяся твердь,
Наш дух к игре высокой устремлен.
Г. Гессе

В одной из бесед в «игуменском покое», где обсуждался вопрос о «ликвидации пропасти между высоким и низким», главный герой романа Т. Манна «Доктор Фаустус» – из далеких 1930-х – высказывает свои наболевшие мысли о современном искусстве, мечтая вырваться из «интеллектуального холода в рискованный мир нового чувства» [1].

Адриан Леверкюн – собирательный образ композитора XX в., и его слова имеют прямое отношение к музыкальному творчеству, состояние которого уже в те годы многие характеризовали как кризисное. Монолог о «спасении искусства» предвосхищает будущие дискуссии о целесообразности отрыва от традиции, о проблемах, порожденных пресыщенным интеллектом. Практически устами Леверкюна Томас Манн выносит обвинение в адрес амбициозности искусства, породившегося с научно-техническим прогрессом, против утраты им жизненности и человечности. Опасения великого немецкого гуманиста, воспитанного на традициях Вагнера, не были ни одинокими, ни напрасными. В контексте экзистенциальных рефлексий времени по поводу «заката» старых ценностей культуры они выглядят актуально и элегантно контрапунктируют с проблематикой романа Германа Гессе «Игра в бисер». То, чем занимается «грешный музыкант», автор кантаты «Плач Доктора Фаустуса» Леверкюн, рассматривается им как значительное и серьезное «дело жизни». В свою очередь, интересы Магистра Йозефа Кнехта из вымышленной Кас-

ПОСПЕЛОВА Наталья Ивановна – кандидат искусствоведения, доцент по кафедре культурологии и реклады, декан факультета культурологии ВятГГУ
© Поспелова Н. И., 2007

талии целиком сосредоточены на праздных упражнениях духа. При всем внешнем различии этих культурных текстов ясно одно: и тот и другой роман имеют отношение к сфере интеллектуального с выходом на далеко идущее сходство между музыкой и игрой. Игровые и интеллектуальные основания музыки лишь на первый взгляд кажутся «сами собой разумеющимися». Однако проблема состоит в их соотнесенности, взаимоположении и родстве, на чем мы и сосредоточим внимание, обратившись к некоторым параллелям из музыки XX в.

В своем исследовании «Homo ludens» Й. Хёйзинга, рассуждая об игровых свойствах и функциях искусства, приходит к мысли, что «музыка есть чистейшая и высшая демонстрация самой человеческой *facultas ludendi* (игровой способности)» [2]. Действительно, игровой элемент имманентен музыке, в равной степени так же, как умозрительно постигаемая выразительность (интеллигибельность). Одно с другим корреспондирует, подобно тому, как соотносятся между собой музыка и математика. Субстанция музыки амбивалентна: ей в высшей степени присущ и «пламень чувств, и жар холодных чисел».

Как мыслимая, но до конца не познаваемая вещь в себе, музыка конструируется в алгоритме закономерностей. Именно так, а не иначе складывается игра. Ситуация добровольного подчинения и строгого применения условных правил, касающихся исполнения и собственно онтологии музыки, особенно показательна для XX в., накопившего богатый игровой арсенал. Никогда ранее музыкальное искусство не знало такого обилия жанров и форм, ансамблевых вариаций и исполнительских интерпретаций, стилевых моделей и направлений, композиторских техник и эстетических теорий. Музыка стала ассоциироваться с метафорой игры, столь блистательно «обыгранной» в интеллектуальных романах века (Т. Манн, Г. Гессе, А. Карпентер и др.).

Можно ли говорить о причинно-следственной зависимости игрового и интеллектуального компонентов применительно к музыке? Вне сомнения. И зависимость эта сложна, многоаспектна, как и сами категории. Нередко одно подменяет другое, нивелируя или растворяя критерии различия. Подтверждением тому могут служить такие знаковые фигуры, как А. Скрябин, И. Стравинский, А. Шенберг.

Если А. Скрябин, экспериментируя с синтезом звука и цвета, вкладывая философско-символические смыслы в свои сочинения, вплотную подошел к границам искусства; если И. Стравинский выступил подлинным Магистром игры со стилями, то А. Шенберг открыл новое – доде-

кафонное мышление, наметив пути к тотальной математизации не только теории, но и всего творческого процесса. Еще оставаясь в пределах феноменологии эстетической ценности, эти «владельцы дум» не одного поколения композиторов предприняли попытку изменить статус музыкального произведения как завершенного и автономного целого и положили начало процессу, в котором «методы существеннее, чем результаты» [3]. Опыты послевоенного авангарда обострили этот процесс и вошли в пространство, расположенное «по ту сторону традиционной противоположности между техническим прогрессом и эстетической вечностью» [4]. Музыка обнажила свой рационалистический нерв и превратилась в интеллектуальную игру. В «силовое поле» ее игровой сущности оказались втянутыми композиторские техники (сериализм, алеаторика, сонористика, минимализм и др.), семантические смыслы, исполнительские интерпретации, способы функционирования музыки в социальной среде. Все чаще и охотнее композиторы стали употреблять слово «концептуализм». От итальянских деклараций группы Маринетти, проекта-утопии «Свободной музыки» Н. Кульбина, манифестов А. Матюшина, А. Лурье и И. Вышнеградского берет свое начало тенденция нарушения субординации теории и практики музыки, понимания произведения как «иллюстрации изначально сформулированного принципа» [5].

Центр тяжести в диалоге «композитор – слушатель» смещается на слушателя: он становится активным участником творческой игры, к которой приглашает его автор. Именно от слушательской восприимчивости и интеллекта теперь особенно зависит расшифровка авторского смысла произведения и, в идеале – «доведение музыки до теоретического понятия» (Т. Адорно). В вопросе о роли слушателя смыкаются позиции авангарда и первой и второй половины XX в. [6]

Питательной средой для причудливой игры интеллекта в 50–60-е гг. XX в. стали следующие факторы: во-первых, проникновение в музыку методов точных наук (прежде всего математики); во-вторых, абсолютизация проблем языка и, как следствие, – приоритетное положение семиотической методологии мышления; в-третьих, «открытость формы», на принципе которой выстраивается игра со звуком и процессуальностью, с барьерами «искусство – не-искусство», приводящими нередко к таким эстетическим качествам, как «порог молчания».

Обратимся к некоторым примерам.

В 1963 г. в Париже выходит программное теоретическое исследование Яниса Ксенакиса «*Musiques formelles*» («Формализованная музыка»), где дается обоснование музыки как звуко-

вой реализации математических проектов. Чем же привлекательна личность этого музыканта? Ксенакис – не только композитор и признанный авторитет современного музыкального авангарда, но математик и архитектор. Он является собой характерный для второй половины XX в. тип интеллектуального художника, чье мышление тяготеет к синтезу абстрактно-логического и образно-эмоционального начал. Свой творческий метод Ксенакис строит на теории вероятностей и теории алгоритмов, воплощая на практике эстетическое кредо «творить искусство посредством «геометрии» [7]. Уже в сочинениях 1950-х гг. им последовательно воплощается принцип «стохастической музыки» – вероятного расчета больших и малых «звуковых облаков», напоминающих скопление частиц в атмосфере. Ксенакис создает такой тип сочинения, в котором переход от одного раздела композиции к другому решается математически – на основе теории групп, изоморфизма, а главное – на основе так называемых «цепей Маркова», определяющих вероятность данного состояния в связи с непосредственно предшествующим ему состоянием. В качестве примеров такой «интеллектуальной аранжировки» музыки могут служить «Метастазис» («Переход»); «Пифопракта» («Действие вероятностей»); «Ахоррипис» («Брошенное эхо»); «Дуэль. Музыкальная игра для двух дирижеров и двух оркестров»; «ST/10-1, 08026»; «Диатон» [8].

Ксенакис – далеко не единственный, кто использует математические методы и категории и, тем самым, интеллектуализирует процесс музыкального творчества. В связи с этим следует упомянуть, например, Б. Блахера – автора идеи математической упорядоченности переменных (вариабельных) метров, апробированной, в частности, в фортепианном цикле «Орнаменты». Его система основана на точном цифровом расчете метроритмической материи произведения. Любопытно, что варьируемые числовые циклы, по замыслу композитора, должны восприниматься на слух, отражая стройность и порядок. Особую привязанность к числам и их символике питали также О. Мессиян, П. Булез, Д. Кейдж и другие композиторы.

Если абстрагироваться от проблемы реальной звуковой воспринимаемости умозрительных расчетов (что Т. Манн и вкладывал в понятие «интеллектуальный холод»), то можно обратить внимание на усилившуюся в музыке XX в. роль ритмических модификаций и желание композиторов идти вслед за Стравинским, упорядочивая правила не только «игры с ритмом», но и «большой игры» – игры со стилями, тембрами, техникой, смыслами меняющимися в зависимости от структурного орнамента сочинения [9].

Слово «структура» в конце 1950-х приобрело чуть ли не магический смысл. Ясно, что это была мода на технологии языка и их абсолютного приоритета над всеми остальными проблемами творчества, вылившаяся в устойчивую семиотическую традицию. Практически все лидеры западного авангарда (и, прежде всего, П. Булез, Я. Ксенакис, Э. Варез, Д. Лигети) интуитивно почувствовали «резервные» возможности структуралистского метода и увлеклись поисками новой выразительности через игру чистых звуковых структур. «Красота – в раскрытии чистой структуры, поэтому сочинение музыки теряет свою сущность “художественного творчества”». Сочинять музыку – значит разведывать новые возможности соединения материи», – декларировал Д. Лигети [10]. Постепенно игра из приема превращается в самоцель.

Рубеж 60–70-х гг. – это пик интеллектуализма, некая «точка золотого сечения» рационалистических устремлений композиторов, за гранью которой начинается новый период – «период великого синтеза» (К. Пендерецкий) – не менее интеллектуальный, но переориентированный с «музыки придуманной» на «музыку естественную». Как в свое время авангард «охладил» эмоциональный пыл музыки, так и публика последних двух десятилетий XX в. охладела к экспериментальным забавам авангардистов. Бывшие ниспровергатели устоев внезапно получили разрешение заниматься тем, чем хочется. У каждого обозначился свой путь духовной реализации. «Интеллектуальные турниры» по части дозволенного и недозволенного, искусства и не-искусства утратили свою остроту. Эпоха устала. Общество (как на Западе, так и в России) вдруг преобразилось в том смысле, что каждому отдельному его члену «стал важен именно его личный, субъективный, персональный духовный путь, а вовсе не опосредованный академическим истэблишментом» [11], суеверным культом науки и техники.

Прорыв из «интеллектуального холода» в мир «нового чувства», о котором мечтал Адриан Леверкюн, состоялся. Свидетельство тому – эволюция творчества К. Штокхаузена и К. Пендерецкого, Х. Розенберга и Д. Адамса, А. Пярта, В. Сильвестрова и многих других композиторов. Но музыкальная картина новой эпохи – эпохи поставангарда (или new age, как ее называют) не стала менее интересной. Просто вслед за изменением культурного сознания, развернувшегося в сторону проблем планетарно-космического масштаба, с одной стороны, и человека – с другой, изменилось и качество интеллектуальных рефлексий и, соответственно, сам художественный результат. По-прежнему продолжают поиски новых звуковых комбинаций и по-прежнему

му композиторы – с почти наивной безотчетностью – предаются увлекательной игре творческого духа: «Выбираю самые понравившиеся тексты, записываю их на карточки и тасую, тасую, как карты...» [12].

Примечания

1. Манн, Т. История «Доктора Фаустуса» [Текст]: роман одного романа / Т. Манн // Манн Т. Собр. соч. Т. 9. М., 1960. С. 416.
2. Хёйзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня [Текст] / Й. Хёйзинга. М., 1992. С. 211.
3. Дальхауз К. Цит.: Чередниченко, Т. Карл Дальхауз: философско-методологическая рефлексия истории музыки [Текст] / Т. Чередниченко // Вопросы философии. 1999. № 9. С. 123.
4. Там же.
5. Соколов, А. Музыкальная композиция XX века: диалектика творчества [Текст] / А. Соколов. М., 1992. С. 54.
6. Требование интеллектуального сотворчества (правда, в отношении другого искусства) достаточно категорично высказал Павел Филонов: «Пусть картина говорит за себя и действует на интеллект зрителя, заставляя его, напрягаясь, понимать написанное без всякого суфлера». Цит.: Петровчук, О. Футуризм [Текст] / О. Петровчук // Модернизм. Анализ и критика основных направлений. М., 1980. С. 108.
7. Ксенакис Я. Цит.: Житомирский, Д. Западно-европейский музыкальный авангард после второй мировой войны [Текст] / Д. Житомирский, О. Леонтьева, К. Мяло. М., 1989. С. 71.
8. Кстати, относительно «Диатона». В своем интервью журналу «Курьер Юнеско» Я. Ксенакис подробно комментирует сложную аудио-визуальную материю этого произведения, сотканную из лазерных лучей и электронных вспышек: «Нетрудно использовать целые пласты математической мысли, которая представлена в музыке иногда даже в гораздо более развитом виде, чем в математике», – признается композитор. Ксенакис, Я. Музыка и наука [Текст] / Я. Ксенакис // Курьер Юнеско. 1986. Май. С. 6.
9. Для примера приведем «Четыре ритмических этюда» О. Мессиана, «Игру перекрещиваний» и «Контра-пункты» К. Штокхаузена, «Структуры» П. Булеза, «Встречи» Л. Ноно, «Continuos Creation» («Непрерывное творение») П. Хамеля.
10. Лигети Д. Цит.: Крейнина, Ю. Лигети в зеркале своих суждений о музыке [Текст] / Ю. Крейнина // Дьёрдь Лигети. Личность и творчество. М., 1993. С. 153.
11. Горохов, А. Музпросвет. ru [Текст] / А. Горохов. М., 2001. С. 399.
12. Губайдулина, С. Из наблюдений о работе над кантатой «Ночь в Мемфисе» [Текст] / С. Губайдулина // Холопова В., Рестаньо Э. София Губайдулина. М., 1996. С. 166.

М. В. Логинова

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ КУЛЬТУРНОГО БЫТИЯ

В центре внимания автора – категория выразительности, выступающая, по мнению автора, не только в эстетическом, но и общефилософском значении. За выразительностью признается выявление скрытых моментов или глубинных смыслов. Для доказательства того, что выразительность как принцип человеческого проявления делает мир наполненным смыслами и всегда двойственна, автор выделяет и обосновывает следующие подходы к рассмотрению проблемы выразительности: трансцендентальный идеализм, представленный в работах Б. Кроче; феноменологическая теория «выразительных форм» С. Лангер; эстетика фрагментарного Т. В. Адорно; онтология всеединства (Вл. С. Соловьев, С. Л. Франк, П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев).

Особенностью современного философского дискурса является смещение интересов из недоступного человеку абсолютного бытия в область человеческой деятельности и порожденной ею культуры. Это означает, что различные философские модели реальности понимаются как средства ориентации человека в мире. Современные исследователи проблем культуры признают ее социально опосредованный характер, поскольку концепты воспроизводят не абстрагированный «мир в целом», а социальную действительность как сложноорганизованную систему. Данная статья направлена на аргументацию значения выразительности как *категории человеческого присутствия в мире*.

В современной ситуации развития общества значение выразительности как культурологической и философской категории сложно переоценить. Связь с проблемами социального творчества выводит выразительность из лингвистической и искусствоведческой сферы в круг функционирования ценностей культуры. Объективистский взгляд становится невозможным, когда последствия культурной деятельности человека носят для него неоднозначный характер. В связи с этим выразительность предстает необходимым условием подлинно человеческого, глубоко личного бытия человека как субъекта культуры. Несмотря на интерес к данной проблеме, отсутствует общая теория выразительности, которая бы определила мировоззренческий и философский статус данной категории.

Обратимся к словарному смыслу выразительности [1]. С. И. Ожегов выделяет два значения слова «выразительный»: «1) хорошо выражающий что-нибудь, яркий по своим свойствам, внеш-

ЛОГИНОВА Марина Васильевна – доктор философских наук, профессор по кафедре культурологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева
© Логинова М. В., 2007

нему виду... 2) многозначительный, как бы сообщающий что-нибудь...». В словаре иностранных слов «экспрессия (лат. *expressio*) – выразительность» определяется как «сила проявления (чувств, переживаний)». В современном словаре-справочнике по искусству «экспрессия в искусстве – *выразительность* художественной формы, сила проявления чувств в произведении искусства». Приведенные здесь определения выразительности фиксируют, во-первых, принадлежность данного понятия к проявлению чувств; во-вторых, связь выразительности с искусством. Выразительность в искусстве связывают с экспрессионизмом как направлением западноевропейского искусства первой трети XX в., противопоставившим себя импрессионизму.

Современный английский эстетик Х. Осборн, изучая экспрессионизм, пришел к выводу, что вопрос о «выражении» в контексте мировой эстетики оказался более сложным, нежели привычные ссылки на трагические состояния, специфичные для экспрессионизма. «Происхождение термина “экспрессионизм”, – пишет он, – в связи с описанием стиля или школы искусства остается неопределенным. Начиная от красивого общего термина, относящегося к французскому авангарду, это понятие в промежутке 1910 и 1915 гг. было распространено на характеристику специфики немецкой школы... С этого времени слово “экспрессионизм” стало употребляться в неопределенном смысле, означая “новое движение” в живописи...» [2].

Исследователи [3] признают разноликость экспрессионизма, а единство, на котором он строится, касается скорее философских, чем стилистических категорий. Решающую роль психологических и философских оснований подчеркивает Д. В. Сарабьянов, выделяя такие признаки экспрессионизма, как повышенное ощущение кризиса жизни, краха привычных устоев, эсхатологические предчувствия, стремление раскрыть за внешними проявлениями внутренний смысл мира, желание говорить громким голосом. Это свидетельствует не только об изменении мировосприятия, но и о приближении к небывалой выразительности самой «живой формы», поиски которой характерны для искусства XX в.

Таким образом, проблема экспрессивности в искусстве определяет, во-первых, напряженную передачу индивидуальных особенностей художника; во-вторых, эмоциональное «заражение» зрителей по поводу изображаемых художником ситуаций. Подобная трактовка экспрессивности была связана с пониманием сущности искусства, которая признавалась либо миметичной, воспроизводящей некую иную реальность по сравнению с действительной, либо заключалась в функции искусства поддерживать определенную и значи-

мую для общества доктрину (социальную, религиозную, моральную и др.).

Хотя термин «экспрессивность» вошел в теорию и практику искусства в XX в., необходимо отметить, что учение о художественной выразительности начинает формироваться в романтизме в связи с концепцией «гения». Считалось, что человеческий гений в любой сфере обладает благодаря своему слиянию с духовным миром – Абсолютом – превосходством по сравнению с обычным человеком и что, выражая свое личное превосходство, он способен привести простых смертных к похожему сопрокосновению.

В основе романтического отношения искусства к действительности лежало новое понимание природы художественного творчества, возникшего под воздействием философии И. Г. Фихте. Поэтически-художественное творчество приобретало для романтиков выдающееся значение, так как оно выражало собой способность человеческого сознания созидать из самого себя мир, отличный от эмпирической действительности и подчиненный его собственной воле и фантазии.

Весь смысл поэзии состоял, с точки зрения романтиков, в выражении внутреннего мира художника как единственно истинного и противоположного действительному миру как неистинному. Истинность же внутреннего мира заключалась в том, что человек выступал в нем сопричастным бесконечному, божественному, тогда как в эмпирической действительности он был обусловлен, конечен, ограничен. Только во внутреннем мире своей души человек находил убежище от враждебного ему реального мира. Внешний мир как бы вытеснялся, подменялся внутренним миром поэтического гения.

Наиболее полно учение о художественной выразительности как проявлении поэтического гения представлено в эстетике Ф. В. Шеллинга. Задача гения – в гармонии мироздания узреть ту высочайшую красоту, которую он обрел в Боге. Гений должен действовать с помощью той силы, из которой возникает праобраз: это «священная, вечно творящая прасила мира, порождающая из самой себя и деятельно созидаящая все вещи». Лишь в этом смысле искусство подражает природе. «Задачу искусства, – говорил Шеллинг, – мы поймем в изображении подлинно сущего» [4]. Природа характеризуется тем, что каждое ее создание лишь одно мгновение бывает подлинным совершенством. В искусстве, таким образом, осуществляется полное и действительное выражение идей.

В своей речи «Об отношении изобразительных искусств к природе» [5]. Шеллинг поставил вопрос о развитии искусства от «пластичности» к «живописности». Искусство движется от чувственного к духовному, возвышая дух над материей. Таким образом, романтики поставили про-

блему художественной выразительности как проблему, которая способна решить противоречивое отношение искусства и действительности. Задача искусства состоит не в подражании формам природы, не в абстрактной идеализации, но в «выявлении общего единства».

Рассмотрение выразительности в романтической традиции стало возможным в связи с постановкой следующих проблем:

а) нового понимания природы художественного творчества как процесса активного проявления конкретного, индивидуального, творческого Я, или некоего идеализированного народного целого;

б) поэтизации мышления как процесса вытеснения внешнего мира внутренним миром поэтического гения;

в) «всеохватывающей» сущности искусства как единения субъективного и объективного, реального и идеального, человека и природы;

г) мифологической природы искусства как вечной материи всех форм, универсума в своем абсолютном облике.

Проблема выразительности в дальнейшем развитии философского знания будет рассматриваться преимущественно в связи с эстетической проблематикой. В XX в. возникнет попытка обосновать положение, что выразительность в искусстве имеет самостоятельность и, более того, может рассматриваться как общеполитическое понятие. В таком аспекте за выразительностью признается выявление скрытых моментов или глубинных смыслов. Выделим следующие подходы к рассмотрению проблемы выразительности:

1. Трансцендентальный идеализм, представленный в работах Б. Кроче. Для Кроче как представителя итальянского неогегельянства основным понятием в философии выступает дух. Эстетический уровень «выражения» – начальная фаза в развитии духа. Но, в отличие от гегелевской традиции, в концепции Кроче эстетическая фаза развития духа не только начальная, но и вечно возобновляющаяся фаза. Книга Кроче «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» [6] представляет собой критику эстетического сознания, а именно – критику традиционной эстетики с ее изоляционистской идеей искусства как особой формы деятельности. Искусство как совокупность «удачных выражений» потеряло в концепции итальянского философа свою специфику в бесконечности выражений, растворилось в «общей лингвистике», но перестало быть изолированным и оказалось распахнутым в область непосредственного жизненного опыта. Подход Кроче оказался плодотворным для выявления связей искусства и «первичных выражений». Среди таких теорий – учение М. М. Бахтина о «речевых жанрах» [7], концепция Б. В. Асафьева о форми-

ровании «интонационного словаря» музыки на основе «интонационного общения людей» [8], поразительно перекликающаяся с бахтинской же идеей «интонационного фонда определенной социальной группы». Не случайно новое, модернистское искусство первой половины XX в. признавало «эстетику выражения» как собственную теорию и на ее основе разработало эстетику экспрессионизма.

2. Феноменологическая теория «выразительных форм» С. Лангер, в которой она показывает диалектическую взаимосвязь чувства и формы в искусстве [9]. Для доказательства активной роли формы в искусстве Лангер использует термин «выразительная форма», которую понимает в духе символизма. Для Лангер символ – это способность мыслить что-либо с помощью априорных, рациональных форм, не нуждаясь в предпосылке реального существования объекта. Как и для Э. Кассирера, для Лангер проблема познаваемости мира превращалась в проблему конструирования мира при помощи символических форм. Она подчеркивает иллюзорный характер искусства, не имеющего ничего общего с реальным, физическим пространством и временем. Теория репрезентативного символизма Лангер обладает определенными недостатками, на которые указывают современные исследователи [10]. Главный из них – это принижение коммуникативной функции искусства. Поскольку искусство относится к недискурсивному типу символизма, оно не переводится на язык рациональной логики и имеет скорее экспрессивную природу. Е. Я. Басин отмечает противоречие между «непосредственным выражением чувства» («самовыражением») и логической проекцией чувства. Противоречие очевидно: выразительная форма носит логический характер, но вместе с тем эта форма познается только с помощью интуиции и чувства. Таким образом, учение о «выразительной форме» строится на основе гносеологизма, отрицающего онтологическую сущность искусства.

3. Эстетика фрагментарного Т. В. Адорно направлена на понимание выражения как критики всего замкнутого в себе, «снимающего изъяснимости». Философ стремится придерживаться гегелевской программы чистого созерцания, не искажая вещи насильственным актом изначального субъективного формообразования, а побуждая заговорить их «безъязыковую», неидентичную сущность. В эстетике Адорно фрагмент имеет методологическое значение, позволяя цельной теории распасться на фрагменты, высвобождая тем самым содержание истины. «Категория фрагментарного... не носит характера случайной подробности, детали, частности – фрагмент является частью тотального произведения, которому он противостоит» [11].

В системе Адорно выражение противостоит видимости. В искусстве выражаемое человеком «больше», чем воспроизведение действительности. Произведения искусства становятся таковыми именно благодаря созданию этого «больше»; они создают собственную трансцендентность, а не просто являются ареной, на которой эта трансцендентность разворачивается.

Проблема выразительности выводится из выражения. Если под выражением автор понимает форму, отделяющую от видимости, то выразительным является искусство, субъективно выражающее объективную реальность. Концептуальное построение эстетики Адорно одновременно основано на тождестве и различии выражения и мимезиса. Выделяя «апории выражения» (соотношение внутреннего и внешнего мира, субъективного и объективного, наличие и отсутствие языка), мыслитель остается верен своему основному положению – фрагментарности. Это означает, что подход к решению апорий возможен только относительно того или иного фрагмента, но не эстетической теории в целом.

Теория в силу своего философского содержания обречена на использование «паратактической» формы изложения, причем форма эта со временем обрела характер апории; она требует решения проблемы, в конечной неразрешимости которой средствами теории у Адорно не было никаких сомнений. Но в то же время обязательность теории связана с тем, что вся работа мысли, все мыслительные усилия по-прежнему направлены на «разрешение неразрешимого». Поэтому при выявлении специфики художественного выражения философ провозглашает логическое затруднение, непреодолимое при разрешении проблемы.

4. Онтология всеединства, представленная в работах русских философов Вл. С. Соловьева, С. А. Франка, П. А. Флоренского, А. Ф. Лосева. Значение данного подхода, несмотря на различия в системах философов, состоит в обосновании гуманистических ценностей, затрагивающих фундаментальные проблемы человеческого существования. Созвучная христианской традиции идея всеединства дает русским философам направление для решения вопроса о выразительности как соотношении внутреннего и внешнего мира. Взаимопереливы и взаимораскрытие двух бытийных пластов, постоянное ощущение трансцендентного бытия за рамками житейского мира, актуализация экзистенции – все это делает выразительность онтологической категорией. Значимость выразительности в этой философской традиции состоит в достраивании, моделировании того непостижимого, что несет с собой становящийся смысл. Выразительность как самоутверждение человека в мире делает произведение

искусства самостоятельным по отношению к объективной реальности. Выразительность в эстетической концепции С. А. Франка может рассматриваться как вертикаль, связывающая дихотомию бытия, которая представлена как реальное–трансцендентное, вечное–земное. Выразительность является здесь условием бытия человека в мире, сближающим эти сферы, воссоздающим «непостижимое». Для А. Ф. Лосева выразительность есть условие построения эстетики через взаимораскрытие категорий выразительного ряда. Горизонт понимания выразительности состоит в соотношении смысла с внесмысловой реальностью, существующее смысловое приращение происходит в силу символического характера выразительности.

Исток философии П. А. Флоренского традиционен и восходит к началу самой философии – удивление перед подлинным, перед явлением ноуменального; удивление, заставляющее забыть о себе и рождающее познание, не разоблачающее объективное, но приобщающее к Истине, являющейся в символическом покрове. Именно конкретность, которая являет себя в обыденном, стала основой для построения метафизики. Конкретность для него означает не отсутствие духовного предмета, ноумена (когда реальность приравнивается к чувственной данности, к голому эмпирическому факту), но именно конкретный характер этого духовного предмета, обретаемый им за счет его неперменной воплощенности в чувственном. Внутренняя суть и внешний облик, духовное и чувственное, ноумен и феномен есть для Флоренского две стороны любого явления, две стороны самой реальности, а отношение, связь этих сторон были его главной философской проблемой.

Такая ориентация Флоренского соответствовала современным устремлениям мировой философской мысли от абстрактного системотворчества к конкретности человеческого опыта и ее попыткам укоренения онтологических интуиций в анализе антропологической ситуации. Общая установка Флоренского на онтологизацию фундаментальных аспектов человеческого опыта и их использование как основания конкретной метафизики соответствует задачам онтологии М. Хайдеггера, с которым его роднит сближение философского и поэтического языка и использование этимологических интерпретаций для возвращения к изначальному смыслу понятий. Его поэтика изначально направлена на извлечение бытия из небытия, превращение пустоты несуществования в реальность предметного мира. Это возможно лишь в мгновении называния, когда дается имя предмету и он начинает существовать.

Актуальность методологии русских философов применительно к проблеме выразительности в современной культуре состоит в том, что

краеугольным камнем их мировоззренческих конструкций является идея *духовности искусства*. Поиски выразительности в культуре неклассики можно свести к той же проблеме – выявлению возможностей искусства в процессе овладения «новой духовностью».

Для русской культуры идея духовности искусства имела особое значение. Культура XX в. находилась в состоянии напряженного ожидания неминуемых перемен, новаторских открытий, суливших новые представления о мире, о бытии. Идея положительного всеединства, идущая от Соловьева и ставшая своеобразной русской традицией, была воспринята неклассической культурой, ставившей целью соединение реальности и абстрактности, интуитивизма и рационализма как единства земного и космического бытия, а также признание общности конечных целей науки и искусства. Поэтому для анализа выразительности неклассической культуры онтологический подход Лосева представляется весьма актуальным и значимым. Существенная особенность его заключается в стремлении *целостного* понимания связей человека и бытия.

Выделив наиболее важные подходы к изучению проблемы выразительности, отметим значение данной проблемы для изучения структурной парадигмы бытия. Мы предлагаем рассматривать выразительность как *категорию проявления культурного бытия, активный динамический принцип в процессе становления смысла*.

Имея статус философской категории, выразительность позволяет не только наполнять мир человеческим значением, но и раскрывать сущностные характеристики самого бытия, обнаруживать внутримировое сущее. Поэтому, на наш взгляд, выразительность может быть рассмотрена в ряду онтологических категорий, позволяя раскрываться бытию-для-человека и человеку-в-бытии. Она одновременно и объективна, как объективно само бытие, так и субъективна в силу своей принадлежности миру человека. В силу своего характера выразительность всегда рассматривалась в историко-философском плане как компромисс. Выразительность направлена на *транс*субъективные явления, она есть форма связи субъекта и объекта, которая, однако, не признает эту полярность как установленную навсегда, окончательно и бесповоротно. Уникальность выразительности состоит в том, что она есть опредмечивание беспредметного, которое осуществляется таким образом, что выразительность посредством своего опредмечивания становится вторым пластом беспредметности, тем, что выражается артефактом, а не является имитацией субъекта. С другой стороны, именно объективация выразительности, которая совпадает с искусством, нуждается в субъекте, которого она

создает. Если бы выразительность была простым дублированием субъективных чувств, значение ее было бы минимальным.

Выразительность как принцип человеческого проявления делает мир наполненным смыслами. Она всегда двойственна: дает представление о *целостности* мира, но всегда в *неповторимо-чувственной* форме.

Наконец, необходимо сказать о перспективах исследования. Они связаны с определением общей теории выразительности, создание которой не завершено. Поскольку все более очевидной становится необходимость изучения границ, рамок, собственно терминологических признаков, особенностей и объема содержания категории выразительности, мы надеемся, что наше предварительное исследование может способствовать выработке общенаучного, философского определения, облегчая дальнейшие подходы как к изучению этой, так и других проблем философии культуры. Проблема выразительности культуры является актуальной в связи с поиском новых альтернативных импульсов, способных наделять культуру глубокими онтологическими основаниями.

Примечания

1. См.: Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1999. С. 117; Словарь иностранных слов [Текст]. 15-е изд., испр. М., 1988. С. 576; Современный словарь справочник по искусству [Текст] / науч. ред. и сост. А. А. Мелик-Пашаев. М., 1999. С. 768.
2. Современная западноевропейская и американская эстетика [Текст]: сб. пер. / под ред. Е. Г. Яковлева. М., 2002. С. 102.
3. См.: Сарабьянов, Д. В. В ожидании экспрессионизма и рядом с ним [Текст] / Д. В. Сарабьянов // Искусствознание. 2002. № 2. С. 471–480; Современная западноевропейская и американская эстетика [Текст]: сб. пер. / под ред. Е. Г. Яковлева. М., 2002.
4. См.: Литературная теория немецкого романтизма [Текст]. Л., 1934. С. 299.
5. Шеллинг, Ф. В. Сочинения [Текст] / Ф. В. Шеллинг. М., 1998. С. 897–932.
6. Кроче, Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика [Текст] / Б. Кроче. М., 2000.
7. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. М., 1986. С. 250–258.
8. Асафьев, Б. В. Музыкальная форма как процесс [Текст] / Б. В. Асафьев. Л., 1971. С. 268.
9. Лангер, С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства [Текст]: пер. с англ. / С. Лангер. М., 2000.
10. См.: Басин, Е. Я. Семантическая философия искусства (критический анализ) [Текст] / Е. Я. Басин. М., 1997; Немировская, Е. М. Теория презентативного символизма (к критическому анализу семантической концепции искусства С. К. Лангер) [Текст] / Е. М. Немировская // Вопросы философии. 1972. № 7. С. 119–127.
11. Адорно, Т. В. Негативная диалектика [Текст]: пер. с нем. / Т. В. Адорно. М., 2003. С. 70.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

П. И. Кононов

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ВИДАХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ

В статье рассматривается актуальный для науки административного права вопрос о правовом статусе органов, осуществляющих административно-публичную деятельность в России. Автор предлагает именовать эти органы административными, определяет понятие, признаки и виды данных органов.

Понятие «административный орган» в административно-правовой литературе не используется. В качестве властвующих субъектов, осуществляющих государственное управление, в науке административного права называются органы государственного управления и органы исполнительной власти. При этом не проводится четкого разграничения между органами исполнительной власти и иными органами государственного управления. Очевидно, что государственно-управленческая деятельность осуществляется не только органами исполнительной власти, входящими в предусмотренную действующим законодательством систему этих органов, но и иными государственными органами и даже государственными учреждениями. Однако система таких государственных органов и учреждений, их организационно-правовые формы, компетенция, порядок взаимоотношений с органами исполнительной власти до настоящего времени действующим законодательством не определены. Не исследован правовой статус указанных государственных органов и учреждений и в науке административного права.

В связи с этим представляется, что с учетом предложенного нами понимания административно-публичной деятельности в целях отграничения субъектов, осуществляющих эту деятельность, от органов, осуществляющих законотворчество и правосудие, следует ввести в понятийный аппарат административно-правовой науки понятие «административный орган». Федеральный законодатель в некоторых федеральных законах уже использует данное понятие. В частности, в пара-

графе 2 гл. 25 Арбитражного процессуального кодекса РФ употребляется понятие «административные органы», в качестве которых рассматриваются государственные органы и органы местного самоуправления (административные комиссии), имеющие право принимать решения о привлечении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к административной ответственности.

Под административным органом, с нашей точки зрения, следует понимать созданную в установленном законодательством порядке государственную или муниципальную организацию, а также индивидуального субъекта, которая (которое) уполномочена (уполномочено) на осуществление в пределах предоставленной ей (ему) компетенции административно-публичной деятельности от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования и наделена (наделено) соответствующими властно-публичными полномочиями нормотворческого, распорядительного и (или) охранительно-защитного характера.

В целях унификации рассматриваемого понятия и возможности его универсального использования в нормативных правовых актах, регулирующих осуществление административно-публичной деятельности, рамками данного понятия, с нашей точки зрения, следует охватывать не только собственно государственные органы и органы местного самоуправления, но и государственные и муниципальные учреждения, публичных должностных лиц и иных индивидуальных субъектов, действующих в административных правоотношениях от имени государства или муниципального образования и наделенных определенными властно-публичными полномочиями.

Определим основные признаки административного органа, отличающие его от иных государственных органов и организаций, органов местного самоуправления и муниципальных организаций, негосударственных организаций, иных субъектов административных правоотношений.

1. Административный орган – это организация или индивидуальный субъект, действующие от имени Российской Федерации, субъекта РФ или муниципального образования в целях реализации общих (публичных) интересов Российской Федерации, соответствующего субъекта РФ или муниципального образования.

2. Административный орган функционально создается для осуществления административно-публичной деятельности внутренней и (или) внешней направленности и имеет собственную компетенцию (круг вопросов ведения) в сфере этой деятельности.

3. Административный орган наделяется необходимыми ему для реализации имеющейся у него компетенции властно-публичными полномочиями нормотворческого, распорядительного и (или) охранительно-защитного характера. Под властно-публичными полномочиями административного органа, с нашей точки зрения, следует понимать имеющиеся у него административные права по изданию (принятию) нормативных и индивидуальных правовых актов и по совершению властных юридически значимых действий, влекущих правовые последствия для других субъектов административных правоотношений, в том числе не подчиненных этому органу организационно.

4. Административный орган осуществляет в пределах предоставленной ему компетенции административно-публичную деятельность посредством использования специальных административно-правовых методов.

Все административные органы, функционирующие в настоящее время в России и осуществляющие внешнюю административно-публичную деятельность, с нашей точки зрения, могут быть классифицированы на виды по следующим основным критериям.

1. В зависимости от места в механизме публичной власти и особенностей организационно-правовой формы:

1.1. *Органы исполнительной власти*, в том числе должностные лица, действующие от имени этих органов, например Правительство РФ, федеральные министерства и действующие от их имени федеральные министры.

1.2. *Органы государственного управления, непосредственно не входящие в систему органов исполнительной власти*, в том числе должностные лица, действующие от имени этих органов, например органы военного управления (штабы округов и флотов, армий, дивизий и т. п.).

1.3. *Иные государственные органы, не входящие в систему органов исполнительной власти, но осуществляющие внешнюю административно-публичную деятельность*, например органы прокуратуры, Счетная палата РФ, избирательные комиссии всех уровней.

1.4. *Государственные должностные лица, не представляющие какие-либо государственные органы, действующие непосредственно от имени государства (Российской Федерации или субъекта Российской Федерации) и самостоятельно осуществляющие внешнюю администра-*

тивно-публичную деятельность, например Президент РФ, Уполномоченный по правам человека РФ, Президенты республик в составе РФ, губернаторы и главы администраций иных субъектов РФ.

1.5. *Государственные учреждения, наделенные полномочиями по осуществлению внешней административно-публичной деятельности*, например учреждения Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования РФ, Государственные регистры морских и речных судов, бассейновые управления по охране, воспроизводству водных биологических ресурсов и регулированию рыболовства, государственные администрации морских рыбных портов.

1.6. *Исполнительно-распорядительные и юрисдикционные органы местного самоуправления*, в том числе должностные лица, действующие от имени этих органов, в частности главы местных администраций, административные комиссии городов, районов и других муниципальных образований, районные и городские комиссии по делам несовершеннолетних.

1.7. *Должностные лица местного самоуправления, не состоящие в штате органов местного самоуправления и самостоятельно осуществляющие внешнюю административно-публичную деятельность*, в частности главы муниципальных образований.

1.8. *Должностные лица и иные работники как государственных, так и негосударственных организаций, уполномоченные действующим законодательством на осуществление административно-публичной деятельности по отдельным вопросам, возникающим в административно-публичной сфере*, например командиры воздушных, речных и морских судов, капитаны морских и речных портов, начальники железнодорожных станций, контролеры-ревизоры пассажирских поездов.

2. В зависимости от выполняемых функций в механизме административно-публичной деятельности, то есть от видов этой деятельности:

2.1. *Административно-распорядительные органы* – это органы, осуществляющие преимущественно внешнюю административно-распорядительную деятельность. Например, органы управления в различных сферах экономики, сельского хозяйства, транспорта, в социально-культурной сфере, органы управления государственным имуществом и финансами, регистрационные органы, местные администрации.

2.2. *Административно-наблюдательные (контролирующие, надзорные) органы* – это органы, осуществляющие преимущественно функции административного наблюдения (административного контроля, надзора). Например, различные государственные инспекции, налоговые органы,

Счетная палата РФ, органы государственного надзора в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, органы государственного пожарного надзора.

2.3. Административно-охранительные органы – это органы, осуществляющие преимущественно функции охраны общественного порядка, обеспечения государственной и общественной безопасности, борьбы с административными правонарушениями и преступлениями. К таким органам относятся, например, органы внутренних дел, юстиции, прокуратуры, государственной безопасности, госнаркоконтроля, административные комиссии и иные органы, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях.

2.4. Административно-арбитражные органы – это органы, осуществляющие преимущественно или в том числе функции разрешения в административном порядке споров и разногласий, возникающих между физическими и (или) юридическими лицами или между административными органами. К числу таких органов можно, в частности, отнести образуемые в системе исполнительной власти апелляционные и согласительные комиссии, палаты и иные подобные органы, а также отдельные федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие указанные функции. Например, Федеральная служба по тарифам, которая рассматривает разногласия, возникающие между органами исполнительной власти в области государственного регулирования тарифов на электрическую и тепловую энергию.

Подразделение административных органов на виды по указанному критерию является достаточно условным, поскольку многие административные органы осуществляют в соответствии со своим правовым статусом различные виды внешней административно-публичной деятельности, некоторые из которых являются для них основными, а другие – дополнительными. Например, основными функциями для органов внутренних дел являются борьба с преступлениями и административными правонарушениями. В то же время указанные органы осуществляют и административно-распорядительную и административно-наблюдательную деятельность, в частности выдают специальные разрешения (лицензии) на приобретение, хранение и ношение огнестрельного оружия, на осуществление частной детективной и охранной деятельности и при этом контролируют соблюдение физическими и юридическими лицами лицензионных требований и условий. Некоторые административные органы в комплексе осуществляют в административно-публичной сфере все указанные выше функции. Например, таможенные органы осуществляют распорядительные (регистрацион-

ные и лицензионно-разрешительные) функции, функции административного (таможенного) контроля, функции борьбы с таможенными правонарушениями, а также функции разрешения споров, возникающих между организациями и индивидуальными субъектами, с одной стороны, и нижестоящими таможенными органами, – с другой.

3. В зависимости от объема и содержания компетенции (круга подведомственных органов вопросов):

3.1. Административные органы общей компетенции – это органы, определяющие основные направления деятельности иных, подведомственных и подчиненных им административных органов по широкому спектру вопросов, подлежащих решению в административно-публичной сфере (Правительство РФ, правительства субъектов РФ).

3.2. Административные органы отраслевой компетенции – это органы, осуществляющие текущую административно-публичную деятельность в определенной однородной сфере жизнедеятельности государства и общества, направленную на решение всего комплекса вопросов, возникающих в этой сфере (Министерство транспорта РФ, Министерство образования и науки РФ, Министерство внутренних дел РФ, Министерство обороны РФ, Центральный банк РФ, управления образования, здравоохранения города, района и т. п.).

3.3. Административные органы межотраслевой компетенции – это органы, осуществляющие текущую административно-публичную деятельность и координацию деятельности других субъектов (иных административных органов, индивидуальных субъектов и организаций) по вопросам, требующим единообразного решения на единой правовой основе независимо от того, в какой сфере жизнедеятельности государства и общества они возникают, то есть по вопросам межотраслевого характера (Федеральная таможенная служба и ее территориальные органы, Федеральная налоговая служба и ее территориальные органы, Федеральная служба по труду и занятости и ее территориальные органы, Счетная палата РФ и т. п.).

3.4. Административные органы специальной компетенции – это органы, осуществляющие административно-публичную деятельность и координацию деятельности других субъектов (иных административных органов, индивидуальных субъектов и организаций) по специальным, в том числе временно возникающим вопросам жизнедеятельности государства и общества, которые не имеют сквозного, межотраслевого значения (Федеральное космическое агентство, Федеральное агентство по атомной энергии, Федеральная

служба по оборонному заказу, Центральная избирательная комиссия РФ и иные избирательные комиссии, государственные комиссии по расследованию техногенных аварий и катастроф и т. п.).

4. В зависимости от порядка разрешения подведомственных административным органам вопросов:

4.1. Единоначальные органы – это административные органы, в которых подведомственные им вопросы рассматриваются и решаются единолично руководителями этих органов с принятием (изданием) соответствующих нормативных или индивидуальных правовых актов. В качестве примеров таких органов можно назвать федеральные министерства, федеральные службы, органы прокуратуры, управления и департаменты в субъектах РФ.

4.2. Единоличные органы – это административные органы, состоящие из одного государственного должностного лица или должностного лица местного самоуправления, имеющего собственную компетенцию, действующего непосредственно от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования имени и самостоятельно принимающего властные решения (нормативные и индивидуальные правовые акты) по подведомственным ему вопросам. К числу таких органов относятся, например, такие должностные лица, как Президент РФ, президенты республик в составе РФ, губернаторы (главы администраций) в других субъектах РФ, главы муниципальных образований.

4.3. Коллегиальные органы – это административные органы, в которых подведомственные им вопросы рассматриваются и решаются коллегиально, на заседаниях членов этих органов посредством голосования с принятием соответствующих нормативных или индивидуальных правовых актов. Примерами таких органов являются Правительство РФ, Правительства субъектов РФ, избирательные комиссии, административные комиссии.

Общие правовые основы организации и деятельности всех административных органов, с нашей точки зрения, должны быть определены в специальном федеральном законе – Административном кодексе или в федеральном законе «Об основах организации и осуществления административно-публичной деятельности в Российской Федерации».

Е. С. Кошечева

ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются основы правового регулирования исполнительного производства в РФ. Особое внимание автор уделяет понятию и элементам правового регулирования, его основам и исходным началам.

Механизм правового регулирования общественных отношений представляет собой сложное системное образование, элементами которого выступают: единый предмет правового регулирования, единый метод, проявляющийся в трех типах правового регулирования – гражданско-правовом, административно-правовом и уголовно-правовом, реализация которого происходит главным образом с помощью соответствующих видов юридического процесса и трех одноименных процессуальных отраслей российского права [1]. Для разрешения проблемы единообразного подхода к регулированию правоотношений, возникающих в ходе исполнительного производства, необходимо во взаимосвязи осветить следующие вопросы: метод правового воздействия на общественные отношения в процессе принудительного исполнения, сочетание в нем публичных и частных начал, способы закрепления методологических основ регулирования на уровне нормы права. На основании выводов по указанным проблемам может быть однозначно решен вопрос отраслевой принадлежности норм, регулирующих исполнительное производство, в целом.

Общее понятие метода правового воздействия со стороны государства, по мнению Н. И. Матузова, предполагает установление границ и содержания регулируемых отношений; закрепление норм, предусматривающих предписания о должном и возможном поведении субъектов, определение мер их ответственности [2]. В теории выделяют два основных метода правового регулирования: метод автономии (диспозитивный), который применяется главным образом в сфере действия частного права, и императивный (авторитарный) метод, имеющий сферу применения в публичном праве [3]. В проведенном в 80-е гг. исследовании М. К. Юков отмечал, что основное отличие метода, применяемого к отношениям в исполнительном производстве, «заключается в общем положении субъектов, которое существенно связано с характером испол-

КОШЧЕВА Елена Сергеевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВятГГУ
© Кошечева Е. С., 2007

нения, видом решения и органом, вынесшим решение» [4].

Рассмотрим особенности методологического воздействия с точки зрения границ и содержания регулируемых отношений. Правоотношения в исполнительном производстве следует характеризовать как «властеотношения» [5], где властным субъектом выступает судебный пристав-исполнитель (административный орган). Речь идет о правоприменительной деятельности исполнительного органа, то есть о практической реализации им в этих целях принадлежащих ему юридически властных полномочий распорядительного характера, что, по мнению многих административистов [6], является предметом регулирования административных норм. Властное воздействие на поведение людей характерно для публичного права в целом и сферы исполнительного производства в частности. Органам, осуществляющим принудительное исполнение, предоставлено право возлагать на граждан, организации или бюджеты всех уровней обязанности по передаче другим гражданам, организациям или соответствующие бюджеты денежных средств или иного имущества либо совершению в их пользу определенных действий или воздержанию от их совершения [7]. Кроме того, ст. 4 ФЗ «Об исполнительном производстве» указывает на обязательность требований судебного пристава-исполнителя по исполнению требований судебных актов и актов иных органов для всех органов, организация, должностных лиц и граждан на всей территории Российской Федерации. Санкции за неисполнение его требований и связанная с этим ответственность предусмотрена целым рядом федеральных законов, нормами исполнительного и уголовного законодательства.

Если элемент властного воздействия рассматривать в рамках отношений «взыскатель-должник», то встает вопрос о равенстве их правового статуса [8]. Во-первых, ФЗ «Об исполнительном производстве» не содержит статьи, определяющей равенство прав должника и взыскателя [9], в п. 2 ст. 31 Закона отсутствует указание на конкретный перечень обязанностей сторон исполнительного производства. Применительно к каждому виду исполнительных действий у сторон имеются как права, так и обязанности, при этом «если взыскатель является преимущественно управомоченной стороной, то должник – в основном обязанной» [10]: взыскатель имеет право требования, причем оно подкрепляется принудительной силой, которой обладает судебный пристав-исполнитель, а «само существо принудительного взыскания ставит должника в положение обязанного лица» [11]. Во-вторых, возможность принудительного взыскания со стороны судебного пристава-исполнителя ставится в

зависимость от волеизъявления взыскателя и т. д. Необходимо отметить, что присутствие властных отношений и степень властности в исполнительном производстве определяются не соотношением прав и обязанностей сторон, а наличием только у одной стороны возможности самостоятельно в рамках предоставленных законом полномочий восстанавливать нарушенные права, добиваться выполнения другой стороной ее обязанностей.

Таким образом, с точки зрения правового положения субъектов в исполнительном производстве преобладают императивные начала регулирования правоотношений.

Также не меньшего внимания требует освещение проблемы «активности органа исполнения» [12]. М. К. Юков выделял принцип активности и инициативности органа исполнения в качестве специфического принципа исполнительного права [13]. Согласимся с позицией М. А. Клепиковой, что только «разрешение вопроса о соотношении частно-правовых и публично-правовых начал позволяет определить, что должно преобладать в исполнительном производстве – инициатива сторон или органов принудительного исполнения» [14].

Еще в Древнем Риме различалось право частное (*jus privatum*) и право публичное (*jus publicum*). Предметом публичного права является сфера публичных интересов (общества, государства), а предметом частного права – сфера частных дел и интересов, в зависимости от предмета регулирования соответственно определяется и метод. Таким образом, основной смысл разграничения частного и публичного права «состоит в установлении пределов вторжения государства в сферу имущественных и иных интересов индивидов» [15], и как сочетаются властные полномочия, применяемые публичным субъектом – государством в лице судебного пристава-исполнителя, и диспозитивность в действиях частных субъектов – сторон исполнительного производства. Именно подобная постановка проблемы выявит приоритеты в регулировании правоотношений, возникающих в процессе принудительного взыскания. Некоторые правоведы [16] склонны рассматривать не грань частных и публичных интересов субъектов в исполнительном производстве, а модель построения системы принудительного исполнения в государстве. Однако после решения вопроса «частичной приватизации» самой службы исполнения» [17] или сохранения ее в рамках органов исполнительной власти государства проблема выбора приоритетного метода регулирования в процессе принудительного взыскания останется. Следовательно, постановка вопроса, предложенная В. В. Ярковым и И. В. Решетниковой [18], предполагает не определение объема применяемых публичным субъектом вла-

стных полномочий, а выбор субъекта – носителя властных полномочий. Именно поэтому существенное значение имеет определение пределов вмешательства органов исполнения в частные интересы субъектов.

Граждане и организации, чьи права нарушаются или могут быть нарушены неисполнением или несвоевременным исполнением со стороны обязанного субъекта, имеют возможность реализовать свое право на исполнение при помощи системы принуждения. В данном случае требующий исполнения субъект права, во-первых, вправе обратиться к механизму принудительного взыскания для понуждения должника к исполнению, т. е. свободен в вопросе реализации права на обращение за применением принудительной силы; во-вторых, в обоих случаях (при обращении или отказе от него) его поведение будет расцениваться как правомерное.

Правомерное поведение может выражаться в различных формах: в зависимости от характера действий субъектов, степени их юридической активности и направленности деятельности различают соблюдение, исполнение, использование и применение права [19]. Таким образом, если взыскатель решает использовать свое право на предъявление исполнительного документа в Федеральную службу судебных приставов, тем самым он выбирает юридические средства механизма правореализации. Здесь проявляется принцип диспозитивности в охранительных правоотношениях, которые в дальнейшем облекаются в форму исполнительных процессуальных отношений.

Принцип диспозитивности в правоотношениях, возникающих в исполнительном производстве, не проявляется. Однако остановимся на анализе принципа подробнее. В качестве основ правового регулирования ряд ученых-правоведов выделяют принцип «ограниченной диспозитивности сторон» [20].

В. В. Ярков полагает, что «диспозитивность характерна только для действий взыскателя... Выбор варианта поведения для должника практически ограничен, поскольку он обязан исполнить юрисдикционный акт – исполнительный документ» [21]. Должник вправе только выбрать в пределах, определенных законом, более удобный для себя вариант реализации решения, то есть своего поведения. При этом он может сделать выбор лишь до определенного момента, пока не вступает в действие механизм принудительного исполнения [22].

В правоотношениях, складывающихся по поводу принудительного исполнения судебных актов и актов иных органов, действует принцип диспозитивности, поскольку юридическими фактами для возникновения правоотношений в исполнительном производстве выступают, в том

числе, действия взыскателя. Однако принцип диспозитивности проявляется с определенными ограничениями [23].

В первую очередь следует определиться в понимании принципа диспозитивности. С одной стороны, если включать в его содержание возможность сторон распоряжаться предоставленными законом правами, то можно утверждать, что рассматриваемый принцип полностью (без каких-либо ограничений) реализуется в процессе принудительного исполнения, хотя объем реализуемых прав, в частности должника, нельзя назвать широким. С другой стороны, если исходить из общего смысла гражданско-правового регулирования и понимать диспозитивность как возможность субъекта действовать своей волей и в своем интересе, где «дозволено все, что не запрещено законом», то можно полностью отрицать проявление рассматриваемого принципа в исполнительном производстве. Также в пользу подобной точки зрения можно привести следующие доводы: во-первых, действие диспозитивности в любой отрасли гражданско-правового блока (гражданском процессуальном, арбитражном процессуальном праве) обеспечивается взаимосвязью с остальными принципами. Так, ст. 2 ГК РФ, определяющая гражданские отношения как основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, взаимосвязана со ст. 421 (принцип свободы договора), ст. 24 (принцип имущественной ответственности гражданина по своим обязательствам) и т. д.

Нормы ГПК РФ, устанавливающие право на судебную защиту, предполагают равный объем прав и обязанностей сторон в судопроизводстве, возможность для истца и ответчика доказывать обстоятельства, на которые они ссылаются, и т. п.

ФЗ «Об исполнительном производстве» не предполагает равный объем прав сторон, равную степень их активности в реализации предоставленных полномочий. Следовательно, нельзя, даже определив диспозитивность как возможность распоряжаться предоставленными правами, говорить о ее существовании, как основной идее, начале правового регулирования исполнительного производства, рассматривая ее в отрыве от иных основоположений, поскольку возможность ее реализации не обеспечена комплексом сопутствующих принципов. Во-вторых, также нельзя говорить об ограничении принципа диспозитивности в регулировании исполнительного производства, поскольку невозможно принципы, основы правового регулирования общественных отношений со стороны государства определить как ограниченные. Поэтому согласимся с положением В. А. Рязановского о том, что «субъективные публичные права и право на наказание не подлежит свободному распоряжению» [24].

Следовательно, в методе правового регулирования отношений, возникающих в ходе принудительного исполнения, следует признать преобладание публичных начал.

Чрезмерные отклонения в сторону преобладания частно-правовых начал по сравнению с публично-правовыми ослабляют влияние государства, и отношения по принудительному исполнению судебных решений и актов иных просто перестают быть правовыми [25].

Правовое регулирование исполнительного производства имеет основы, исходные начала. Ряд сторонников формирования в рамках системы права самостоятельной отрасли – исполнительного права (гражданского исполнительного права и т. д.) выделяют ряд специфических принципов, присущих данной отрасли: «диспозитивность, равенство участников перед законом, реальность исполнения, язык исполнительного производства и отдельных действий, поощрение добровольного исполнения, независимость и объективность судебного пристава-исполнителя» [26]. К принципам, характеризующим исполнительное право как отрасль, М. К. Юков относит принцип сочетания отраслевой и территориальной организации исполнения; принцип добровольного исполнения решения; принцип участия органа, вынесшего решение, в его исполнении; принцип полноты и справедливости удовлетворения требований; принцип активности и инициативности органа исполнения решения [27].

Остановимся подробнее на анализе некоторых принципов, которые, по мнению указанных авторов, и составляют ту специфику в правовом регулировании, которая позволяет говорить о самостоятельности комплекса регулирующих исполнительное производство норм. В первую очередь рассмотрим принцип «поощрения добровольного исполнения». Раскрывая содержание этой основы, авторы имели в виду срок, устанавливаемый при возбуждении исполнительного производства судебным приставом-исполнителем, предоставляющий возможность для должника исполнить решение юрисдикционного органа до того, как орган исполнительной власти применит к нему комплекс мер принуждения и прибегнет к штрафной санкции (исполнительскому сбору). Однако с подобной формулировкой принципа согласиться сложно: во-первых, система исполнительного производства не предусматривает мер поощрения должника, так как поощрение всегда понимается как предоставление какого-либо рода благ в качестве стимулирующего к действию (или исполнению) элемента. Исполнение же должником обязанности в пределах установленного приставам срока влечет только невозможность применения к нему мер принудительного исполнения и штрафной меры взыскания имущественного ха-

рактера – исполнительского сбора; во-вторых, предложение добровольного исполнения решения содержится в постановлении о возбуждении исполнительного производства, т. е. употребление в данном случае термина «добровольно исполнить» весьма условно, поскольку должнику сообщается, что взыскатель выбрал механизм принудительного взыскания, осуществляемого властным государственным органом и правомерным с его стороны будет только один вариант поведения. Таким образом, выделять рассмотренный принцип в качестве основы регулирования не представляется возможным, однако данное положение можно рассматривать как основную гарантию защиты прав и интересов должника в исполнительном производстве.

Принцип «участия органа, вынесшего решение, в его исполнении», который выделяет М. К. Юков, актуален только в отношении правоотношения по добровольному исполнению. Кроме того, ст. 7 ФЗ «Об исполнительном производстве» к числу исполнительных документов относит и нотариально удостоверенные соглашения об уплате алиментов; удостоверения комиссий по трудовым спорам; требования органов, осуществляющих контрольные функции; постановления органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях; постановления судебного пристава-исполнителя; постановления иных органов. В процессе принудительного исполнения этих актов указанный принцип не применяется, следовательно, как универсальную основу в регулировании правоотношений его рассматривать нецелесообразно.

В качестве основ правового регулирования исполнительного производства можно рассматривать общепроцессуальные конституционные принципы (законности, равенства граждан перед законом) и принципы, обусловленные особенностями императивности в методологическом регулировании (принцип активности и инициативности органа исполнения, принцип справедливости и полноты удовлетворения требований). Преобладание императивности в целях реализации публичного интереса в процессе принудительного исполнения можно отнести к системе административного регулирования.

Именно в административном праве (процессе) наиболее ярко выражается обеспечиваемый правом публичный интерес... проявляются властные начала и реализуются властные полномочия, применяются меры принуждения, запрета и т. д. [28] На основании процессуального характера правоотношений, возникающих в исполнительном производстве, в силу преобладания в них публичных начал, а также специфики целей принудительного исполнения, правовое регулирование можно охарактеризовать применением админи-

стративного метода с учетом основ процессуального регулирования.

Кроме того, при смене вида государственного органа, осуществляющего свои функции в рамках механизма защиты права, меняется и отрасль нормативного регулирования. Этот факт не должен рассматриваться как явление, приводящее к противоречию в процессе правоприменения, поскольку:

во-первых, понятие механизма защиты права государством является достаточно содержательным и включает в себя несколько стадий или этапов;

во-вторых, эффективной работа механизма защиты права становится только в том случае, если в зависимости от содержания и целей, которые ставятся на конкретном его этапе, участвует именно тот орган, который обладает необходимыми полномочиями и действует в рамках предусмотренной законом компетенции;

в-третьих, наличие конкретных задач, стоящих перед тем или иным государственным органом на разных стадиях механизма защиты права, не умаляет значимость общей единой цели всего процесса защиты, направленного на восстановление права лица.

На основании изложенного можно сделать ряд выводов:

1) целевое назначение исполнительного производства предполагает поиск единого метода его правового регулирования. Окончательный вывод о приоритетах правового воздействия позволяет сделать комплексная оценка: правового статуса основных субъектов рассматриваемого правоотношения, сочетания публичных и частных начал во взаимоотношениях субъектов, а также основ нормативного регулирования;

2) в основе регулирования исполнительного производства находятся общепроцессуальные принципы, а специфику составляют особенности цели института принудительного взыскания;

3) в методе регулирования должны преобладать императивные начала;

4) анализ метода и основ правового регулирования исполнительного производства не позволяет сделать вывод о самостоятельности отрасли исполнительного права, поскольку могут рассматриваться в рамках правового блока процессуальных норм, урегулированных с помощью административного метода.

В целях наиболее полного исследования правовой природы исполнительного производства важным является не только выражение метода регулирования, но и способы его закрепления на уровне нормы права, поскольку выводы об отраслевой принадлежности возможны только при наличии всех составляющих правового воздействия на рассматриваемые правоотношения.

Примечания

1. См.: *Сорокин, В. Д.* Правовое регулирование: предмет, метод, процесс [Текст] / В. Д. Сорокин // Известия вузов. Сер. Правоведение. 2000. № 4. С. 45.
2. См.: *Матузов, Н. И.* Теория государства и права [Текст] : курс лекций / Н. И. Матузов; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997. С. 354.
3. См.: *Общая теория права и государства* [Текст] : учебник / под ред. В. В. Лазарева. М., 1994. С. 136.
4. *Юков, М. К.* Исполнение решений в отношении социалистических организаций [Текст] / М. К. Юков. М., 1984. С. 118.
5. Подобный признак гражданских процессуальных отношений выделяют большинство ученых. См., в частности: *Гражданское процессуальное право России* / ред. М. С. Шакарян. М.: Изд-во «Былина», 1998. С. 65.
6. См.: *Алехин, А. П.* Административное право РФ [Текст] / А. П. Алехин, А. П. Кармолицкий, Ю. М. Козлов. М.: «Юрист», 2001. С. 386.
7. Статья 1 ФЗ «Об исполнительном производстве».
8. Сразу следует оговориться, что рассматриваемая проблема не касается вопроса правоспособности сторон исполнительного производства как предпосылки возникновения правоотношений.
9. Утверждение никоим образом не оспаривает равенства сторон перед законом.
10. *Ярков, В. В.* Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» (постатейный) и к Федеральному закону «О судебных приставах» [Текст] / В. В. Ярков. М.: «Юрист», 2002. С. 147.
11. *Бурмаков, И. Ю.* Проблемы организации исполнительного производства в РФ [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 33.
12. Актуальность данной проблемы поддерживают многие правоведы: см., в частности: *Исаенкова, О. В.* Концепция исполнительного кодекса РФ (тезисы) [Текст] / О. В. Исаенкова, В. М. Шерстюк, В. В. Ярков // Арбитражная практика. 2002. № 6. С. 5.
13. См.: *Юков, М. К.* Исполнение решений... С. 121.
14. *Клепикова, М. А.* Проблемы правового положения органов принудительного исполнения в исполнительном производстве [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / М. А. Клепиков. Екатеринбург, 2001. С. 18.
15. *Протасов, В. Н.* Теория права и государства [Текст] : учеб. пособие / В. Н. Протасов. М., 2001. С. 107.
16. См.: *Решетникова, И. В.* Гражданское право и гражданский процесс в современной России [Текст] / И. В. Решетникова, В. В. Ярков. М.: Изд-во «Норма», 1999.
17. Там же. С. 219.
18. Там же. С. 219.
19. См.: *Теория государства и права* [Текст]: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997. С. 412–417.
20. *Гражданское исполнительное право* [Текст]: учебник / под ред. А. А. Власова. М.: Изд-во «Экзамен», 2004. С. 32.
21. *Ярков, В. В.* Комментарий... С. 12.
22. Там же. С. 12.
23. См.: *Клепикова, М. А.* Проблемы правового положения... С. 94.
24. *Рязановский, В. А.* Единство процесса [Текст] / В. А. Рязановский. М., 1996. С. 45.
25. См.: *Клепикова, М. А.* Проблемы правового положения... С. 40.

26. Исаенкова, О. В. Концепция... С. 5.
27. См.: Юков, М. К. Исполнение решений... С. 118–122.
28. См.: Тихомиров, Ю. А. Публичное право [Текст] / Ю. А. Тихомиров. М.: БЕК, 1995. С. 25–52, 332–334.

И. Н. Сурманидзе

КЛАССНЫЕ ЧИНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ

В статье рассматривается один из ключевых элементов государственной гражданской службы – «классный чин». Дается определение указанной правовой категории «классный чин», а также выделяются ее особенности. Приводится подробная характеристика основных элементов системы классных чинов государственной гражданской службы. Особое внимание автор уделяет проблеме обеспечения стабильности системы классных чинов государственных гражданских служащих как залога эффективности функционирования государственной гражданской службы. Проведенный автором анализ позволяет рассматривать «классный чин» не только как специальное звание на государственной гражданской службе, но также как психологический феномен и инструмент позитивного воздействия на государственного гражданского служащего.

Государственная гражданская служба придает огромное значение чинам и званиям. Именно чины и связанные с ними статус и материальные блага и являются тем стержнем, на который в значительной степени опирается карьера государственного гражданского служащего. Чин интересен государственному гражданскому служащему не только как абстрактное звание, хотя психологическая составляющая данного понятия тоже сильна, а, в первую очередь, как звание, наделяющее статусом и дающее определенные блага, выражающиеся в соответствующих денежных надбавках к должностному окладу.

Начнем с определения правового понятия «чин» как одной из наиболее важных правовых категорий, используемых в системе государственной гражданской службы.

Так, согласно данным энциклопедического словаря Брокгауза – Ефрона, «чин – это звание, в постепенной последовательности присваиваемое лицам, проходящим государственную службу и сообщающее им определенные права и преимущества» [1].

В. И. Даль определял чин как степень жалованного служебного значения, достоинства, класс [2].

Толковый словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает следующее определение чина: «У военных и гражданских служащих: служебный разряд (класс)» [3].

П. Я. Черных в историко-этимологическом словаре современного русского языка определил чин как «звание, присваиваемое государственным служащим и военным в соответствии с “табелью о рангах”» [4].

Большая советская энциклопедия трактует чин как «служебный разряд военных и гражданских служащих, с которым связаны определенные должностные права и обязанности» [5].

Энциклопедический словарь характеризует чин как «служебный военный и гражданский разряд, с которым связаны определенные права и обязанности служащих» [6].

По высказыванию Астольфа де Кюстина, чин есть «гальванизирующая сила, видимость жизни тел и умов, это страсть, что переживет любую другую. Чин – это нация, разделенная на полки, это военное положение, на которое переведено все общество. О милости повышения в чине никогда не просят, но домогаются ее всегда... Петр привил лихорадку тщеславия всему своему народу, дабы сделать его податливее и править им по собственному смотрению... Из подобного общественного устройства происходит столь мощная лихорадка зависти, столь неодолимый зуд честолюбия...» [7].

По замечанию В. А. Евреинова, «чин давал право на замещение должностей государственной службы, а также на совокупность прав, без которых человеку, хоть несколько развитому и образованному, невыносимо было жить в обществе» [8].

Рассмотренные определения позволяют выделить следующие особенности чина.

1. Это звание, наделяющее государственного служащего определенными правами и корреспондирующими им обязанностями, дающее определенные привилегии.

2. Это звание, определяющее (помимо замещаемой должности) статусное положение государственного служащего, его место в служебно-чиновной иерархии.

Основываясь на вышеуказанных определениях классного чина, а также на действующем федеральном законодательстве о государственной гражданской службе (Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [9], Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [10], Положение о порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской

Федерации федеральным гражданским государственным служащим, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 113 [11]) можно определить базовые составляющие рассматриваемой правовой категории «классный чин»:

1. Звание, присваиваемое государственным гражданским служащим.

2. Звание, характеризующее наличие у государственного гражданского служащего определенного уровня знаний, опыта и профессиональной подготовки и, что не менее важно, стажа прохождения государственной гражданской службы.

3. Присваивается в соответствии со специальными нормативными правовыми актами, содержащими классификацию, основания и порядок его (чина) присвоения.

4. Указывает на определенное положение государственного гражданского служащего в служебно-чиновной иерархии.

5. Характеризует наличие у государственно-гражданского служащего определенных дополнительных преимуществ, которыми не обладает лицо, имеющее более низкий по иерархии чин.

6. Присваивается государственному гражданскому служащему, замещающему должность соответствующей группы. На данной составляющей хотелось бы остановиться особо. Современное российское законодательство, регулирующее вопросы государственной гражданской службы, устанавливает подчиненное положение классного чина по отношению к замещаемой должности. Таким образом, именно замещаемая должность определяет тот классный чин, который может быть присвоен государственному гражданскому служащему.

7. Присваивается государственному гражданскому служащему на основе государственного квалификационного экзамена.

8. Присвоение конкретного классного чина производится руководителем государственного органа.

9. Присвоение очередного классного чина государственному гражданскому служащему непосредственно зависит от выслуги лет в предыдущем классном чине.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что **классный чин** государственного гражданского служащего – это персонально присваиваемое на основании результатов процедуры государственного квалификационного экзамена звание, соответствующее служебному положению (замещаемой должности), уровню профессиональной подготовки, выслуге лет, принадлежности к определенному государственному органу и заслугам.

Выделим основные элементы построения и функционирования системы классных чинов государственных гражданских служащих [12].

1. Опора на действующее законодательство о государственной гражданской службе – следует рассматривать в двух аспектах: а) базисом построения системы классных чинов государственных гражданских служащих, а также процедур их присвоения, сохранения и лишения являются нормативные правовые акты федерального и регионального уровней; б) должностные лица, государственные квалификационные (аттестационные) комиссии, а также судебные органы, рассматривающие вопросы присвоения, сохранения и лишения классных чинов, в своих решениях должны действовать исключительно в рамках действующего законодательства, особенно это касается вопросов отказа в присвоении классных чинов, а также лишения указанных званий, весьма болезненных для государственных гражданских служащих.

2. Единообразие в построении систем классных чинов для федеральных государственных гражданских служащих и государственных гражданских служащих субъектов Российской Федерации – означает: а) единые названия классных чинов для федеральных государственных гражданских служащих и государственных гражданских служащих субъектов Российской Федерации; б) единые требования, предъявляемые к процедурам присвоения и сохранения классных чинов государственных гражданских служащих; в) единые механизмы соотношения классных чинов федеральных государственных гражданских служащих и государственных гражданских служащих субъектов Российской Федерации.

3. Открытость процедур присвоения и сохранения классных чинов государственных гражданских служащих – предполагает: полный доступ государственного гражданского служащего к нормативным правовым актам, а также материалам личного дела, имеющим отношение к вопросам присвоения и сохранения классных чинов; открытость для государственного гражданского служащего процедуры квалификационного экзамена.

4. Обязательность наделения лица, состоящего на государственной гражданской службе, классным чином. Означает, что любому государственному гражданскому служащему (как впервые принятому на государственную гражданскую службу, так и уже проходящему ее) государственный орган (в лице его должностных лиц), в случае успешного прохождения служащим процедуры квалификационного экзамена, обязан присвоить соответствующий замещаемой должности классный чин и проводить данную проце-

дуру по присвоению классного чина регулярно в соответствии с законодательством о государственной гражданской службе.

5. Наличие возможности лица, состоящего на государственной гражданской службе, продвижения по иерархии классных чинов – означает, что государственный гражданский служащий пребывает в том или ином классном чине в течение определенного, законодательно установленного, периода времени, после чего государственный орган (в лице его должностных лиц) обязан на основании процедуры квалификационного экзамена присвоить ему следующий по иерархии классный чин. Данное условие является одним из определяющих для системы классных чинов государственных гражданских служащих, так как в противном случае резко снижаются стимулирующие мотивы добросовестного исполнения должностных обязанностей, а также мотивы долгосрочного построения служебной карьеры. Федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации о государственной гражданской службе установлены сроки нахождения в том или ином классном чине [13]. Стоит заметить, что исключительно важным является устранение необоснованных задержек в присвоении очередного классного чина и связанных с этим моральных и материальных потерях государственного гражданского служащего. Так, в ряде нормативных правовых актов предусмотрена ответственность должностного лица, необоснованно задерживающего присвоение (или представление к присвоению) очередного классного чина государственному служащему [14].

Необходим единый механизм для государственной гражданской службы, оформленный соответствующим нормативным правовым актом, предусматривающий ответственность должностных лиц за необоснованную задержку в представлении либо в присвоении очередного классного чина, а также механизм компенсации государственному гражданскому служащему денежных средств, недополученных в результате такого рода задержек. Для ряда высших классных чинов не установлены сроки пребывания в них [15], однако это не противоречит рассматриваемому элементу, так как при присвоении высших чинов определяющую роль должна играть не выслуга, а заслуги и результаты государственного гражданского служащего в служебной деятельности.

6. Постоянство и устойчивость системы классных чинов государственных гражданских служащих. Уже отмечалось, что классные чины государственных гражданских служащих являются не только правовой категорией, но также и психологическим феноменом, а учитывая тот факт, что

уровень заработной платы на государственной гражданской службе уступает таковому в иных сферах трудовой деятельности, то классные чины являются также стержневым фактором, вокруг которого строится чиновно-служебная карьера и институт государственной гражданской службы. Таким образом, любые поспешные действия, касающиеся реформирования системы классных чинов государственных гражданских служащих либо их отмены, могут привести к серьезной дестабилизации государственной гражданской службы, подорвать сильнейший стимулирующий фактор. Попытки реформирования и отмены чинов государственных служащих неоднократно предпринимались как в Российской Империи, так и в РСФСР. Как отмечал в своих исследованиях Л. Е. Шепелев, «...в условиях царской России чинам постоянно придавалось важное значение и как фактору формирования состава бюрократии и даже как одному из средств устранения пороков в организации государственного управления. Все варианты реформирования чиновпроизводства... хотя и предусматривали отмену чинов как особой правовой категории, однако не отнимали привилегий чиновничества, а лишь переносили их с чина на должность. Попытки улучшить реформой гражданского чиновпроизводства работу государственного аппарата были заведомо тщетными» [16].

Одними из первых декретов большевиков были именно декреты об уничтожении чинов государственных гражданских служащих и военных. Так, Декрет СНК РСФСР от 10 ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [17] указывал, что все наименования гражданских чинов (тайные, статские и прочие советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование – граждане Российской Республики. Декрет СНК РСФСР от 16 декабря 1917 г. «Об уравнивании в правах всех военнослужащих» [18] указывал, что все чины и звания в армии, начиная с ефрейторского и кончая генеральским, упраздняются. Декрет СНК РСФСР от 16 декабря 1917 г. «О выборном начале и об организации власти в армии» [19] вводил выборные должности командиров всех уровней управления армией. Позже возникла необходимость опять вернуться к чинам и военным званиям гражданских и военных государственных служащих [20], что говорит о невозможности функционирования института государственной гражданской (как и всех иных видов государственной служебной деятельности) службы без базовой составляющей – классных чинов.

7. Сохранение классных чинов государственных гражданских служащих включает в себя следующие составляющие: а) сохранение классных чинов при переводе (переходе) государственно-

го гражданского служащего на иной вид государственной службы, в иной государственный или муниципальный орган; б) сохранение классного чина государственного гражданского служащего при прекращении служебных правоотношений [21] – в данном случае речь идет о пожизненном сохранении за государственным гражданским служащим последнего присвоенного ему классного чина, что подчеркивает его сопричастность служебному сообществу даже в отставке.

Таким образом, классный чин сохраняется за государственным гражданским служащим пожизненно, однако существует несколько моментов, когда возможно и применение такой меры (санкции), как лишение классного чина.

8. Лишение классного чина государственного гражданского служащего за совершенные им тяжкие или особо тяжкие противоправные деяния – предполагает, что наделение государственного гражданского служащего классным чином не является абсолютным, лишение чина может иметь место и при однократном совершении служащим указанных противоправных деяний (совершенных как при выполнении служебных обязанностей, так и при иных обстоятельствах). Действующее законодательство о государственной гражданской службе четко регулирует данный вопрос [22]. Стоит подчеркнуть следующие моменты: во-первых, лишение классного чина не может иметь место при совершении государственным гражданским служащим дисциплинарных проступков, для этого имеются иные меры воздействия (предупреждение, выговор, лишение премии, увольнение); во-вторых, лишение классного чина не может иметь место и при совершении государственным гражданским служащим административного правонарушения, для этого существуют меры воздействия, предусмотренные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях; в-третьих, лишение классного чина следует рассматривать как дополнительную меру уголовного санкционного воздействия, налагаемую на государственного гражданского служащего вместе с основным уголовным наказанием; в-четвертых, лишение государственного гражданского служащего классного чина может иметь место только при совершении уголовных преступлений; в-пятых, лишение классного чина может производиться только решением суда, а не решением государственного органа (и его должностных лиц), где работал служащий.

9. Формальное закрепление наличия (и соответствующего статуса) классного чина у государственного гражданского служащего. Предполагает законодательное закрепление соответствующих документов, удостоверяющих

наличие у государственного гражданского служащего определенного классного чина (например, дипломов о присвоении первого или очередного классного чина), а также внесение соответствующих записей в личное дело и трудовую книжку государственного гражданского служащего.

Таким образом, мы завершили рассмотрение некоторых аспектов правовой категории «классный чин» государственной гражданской службы. Подчеркнем еще раз, указанный правовой феномен является одним из столпов, на который опирается государственная гражданская служба. Помимо того, он выступает инструментом позитивного воздействия на государственного гражданского служащего, играющим немаловажную роль в определении статусного положения служащего.

Система классных чинов, как и система должностей государственной гражданской службы, крайне чувствительна к любым изменениям, что требует от законодателя и правоприменительных органов аккуратного подхода к указанным системам, дабы не допустить дестабилизации государственной гражданской службы как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Примечания

1. Малый энциклопедический словарь [Текст]: в 4 т. Т. 4. / репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. М.: Терра, 1997. С. 2031.
2. См.: *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4 т. Т. 3 / В. И. Даль. СПб.: ТОО «Диамант», 1998. С. 605.
3. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН; Институт русского языка; Российский фонд культуры. М.: Азъ Ltd., 1992. С. 917.
4. *Черных, П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов [Текст]: Т. 1–2 / П. Я. Черных. Второе изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1994. Т. 2. С. 390.
5. Большая советская энциклопедия [Текст]. М.: Изд-во «Сов. энцикл.», 1978. Т. 29. С. 603.
6. Иллюстрированный энциклопедический словарь [Текст] / редкол.: В. И. Бородин, А. П. Горкин, А. А. Гусев, Н. М. Ланда и др. М.: Большая Рос. энцикл., 1995. С. 773.
7. *Кюстин, А.* Россия в 1839 году [Текст]: в 2 т. Т. 1 / А. Кюстин. М.: Изд-во им. Собашикова, 1996. С. 337–340.
8. *Евреинов, В. А.* Гражданское чиновничество в России [Текст]: исторический очерк / В. А. Евреинов. СПб., 1887. С. 83. По данному вопросу см. также: *Глиноецкий, Н. П.* Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чиновничества в русской армии [Текст] / Н. П. Глиноецкий // Военный сборник. 1887. № 4.
9. См.: *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2003. № 22. Ст. 2063.

10. См.: *Российская газета*. 2004. № 162.
11. См.: *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2005. № 6. Ст. 440.
12. Рассматриваемой проблематике посвящен ряд научных исследований, затрагивающих отдельные вопросы государственной службы (в частности, чинопроизводство). См., напр.: *Винокуров, В. А.* Организационно-правовые вопросы чинопроизводства при прохождении государственной службы [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Винокуров. СПб., 1999. С. 35–45.
13. Например, *Положение о порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы РФ* федеральным государственным гражданским служащим устанавливает следующие сроки пребывания в классных чинах: секретаря государственной гражданской службы РФ 3-го и 2-го класса, референта государственной гражданской службы РФ 3-го и 2-го класса – не менее одного года; советника государственной гражданской службы РФ 3-го и 2-го класса, государственного советника РФ 3-го и 2-го класса – не менее двух лет; действительного государственного советника РФ 3-го и 2-го класса – не менее одного года. Как можно видеть, классные чины жестко привязаны к определенной группе должностей и дальнейшее продвижение по лестнице чинов возможно только путем повышения в должности. Однако законодательством о государственной гражданской службе никак не регулируются вопросы сроков пребывания в конкретной должности, поэтому любые задержки в продвижениях из одной группы должностей в другую автоматически приводят к задержкам в продвижении из одной группы классных чинов в другую. Таким образом, еще раз стоит повторить, что классные чины на государственной гражданской службе не самостоятельны, а подчинены замещаемым должностям.
14. Например, *Федеральный закон* от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» указывает, что начальник таможенного органа, необоснованно задержавший представление сотрудника таможенного органа к присвоению очередного специального звания, несет дисциплинарную ответственность, а при необоснованной задержке представления к присвоению очередного специального звания сотрудник таможенного органа имеет право на компенсацию положенных видов довольствия, которые он получил бы при своевременном присвоении указанного специального звания // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997. № 30. Ст. 3586.
15. Например, действительный государственный советник РФ 1, 2, 3-го класса.
16. *Шепелев, А. Е.* Чиновный мир России [Текст] / А. Е. Шепелев. СПб.: «Искусство СПб.», 1999. С. 188.
17. См.: *Собрание указов РСФСР*. 1917. № 3. Ст. 31.
18. См.: *Собрание указов РСФСР*. 1917. № 9. Ст. 139.
19. См.: *Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства*. 1917. № 35.
20. См., напр.: *Постановление ЦИК и СНК СССР* от 22 сентября 1935 г. № 19/2135 «О введении персональных военных званий начальствующего состава РККА и об утверждении Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» // *Собрание законодательства СССР*. 1935. № 57. Ст. 468; *Постановление ЦИК и СНК СССР* от 7 октября 1935 г. № 20/2256 «О специальных званиях начальствующего состава Главного Управления государственной безопасности НКВД СССР» // *Собрание законодательства СССР*. 1935. № 64. Ст. 440; *Указ Президиума Верховного Совета СССР* от 9 мая 1941 г. «Об установлении рангов для дипломатических представителей СССР за границей» // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1941. № 21; *Указ Президиума Верховного Совета СССР* от 28 мая 1943 г. «Об установлении дипломатических рангов» // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1943. № 22; *Указ Президиума Верховного Совета СССР* от 16 сентября 1943 г. «Об установлении классных чинов для прокурорско-следственных работников органов прокуратуры» // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1943. № 43; *Указ Президиума Верховного Совета СССР* от 19 июля 1972 г. «О введении персональных званий для лиц начальствующего состава таможенных учреждений СССР» // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1972. № 30. Ст. 263; *Указ Президиума Верховного Совета СССР* от 11 февраля 1981 г. «Об установлении дипломатических классов» // *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1981. № 7. Ст. 156.
21. Например, *Положение о порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации* федеральным государственным гражданским служащим указывает, что присвоенный классный чин сохраняется за федеральным гражданским служащим при освобождении от замещаемой должности гражданской службы и увольнении с гражданской службы (в том числе в связи с выходом на пенсию), а также при поступлении на гражданскую службу вновь.
22. Например, *Положение о порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации* федеральным государственным гражданским служащим указывает, что гражданин Российской Федерации может быть лишен классного чина судом при осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, тогда как утратившее силу *Положение о порядке присвоения и сохранения квалификационных разрядов федеральным государственным служащим* указывало, что все вопросы, связанные с порядком присвоения и сохранения квалификационных разрядов, рассматриваются соответствующим государственным органом в пределах его полномочий или в суде.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. А. Поздеев

СКАЗОВЫЙ ДИСКУРС В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЯРОСЛАВА ГАШЕКА, САШИ ЧЕРНОГО, СЕРГЕЯ КЛЫЧКОВА

В статье рассматривается сказовый дискурс в произведениях трех писателей: Ярослава Гашека, Саши Черного, Сергея Клычкова. Они в своих произведениях использовали различные типы сказового повествования. В романах Гашека и Клычкова и сказках Черного установка на устную речь, сказовость, анекдотичность расширила рамки традиции и сформировала новый тип автора и героя, солдата начала XX в., а также дала возможность открыть для слушателя/читателя многогранный мир как текстовых, так и внетекстовых ассоциаций.

Ярослав Гашек, Саша Черный, Сергей Клычков – писатели, в биографиях которых много общего. Они участвовали в Первой мировой войне, создав в 1920–1930-х гг. произведения о солдатах: Гашек – бессмертный роман о храбром солдате Швейке, Саша Черный – «Солдатские сказки», С. Клычков – роман «Сахарный немец». Гашек и Саша Черный печатались в сатирических периодических изданиях. С. Клычков – один из новокрестьянских поэтов.

В творчестве Гашека, Черного и Клычкова, периода создания их главных прозаических произведений, особенно отчетливо проявилось онтологическое начало их художественного сознания. Исторические, социальные, политические обстоятельства первых десятилетий XX в. повлияли на формирование их философского восприятия мира и особого типа мышления, включающего в себя как мифологическое начало, так и сатирико-юмористический взгляд на действительность. Своеобразие подобного типа художественного мышления нашло свое воплощение в конкретных текстах/произведениях, в их концептуальных и формально-логических элементах (структуре, поэтике).

Однако если к роману Гашека исследователи обращались достаточно часто и произведение великого чешского сатирика изучено достаточно полно, то этого нельзя сказать о цикле «Солдатские сказки» Саши Черного и тем более о проза-

ическом творчестве С. Клычкова («Сахарный немец» (1925), «Чертухинский балакирь» (1926) и «Князь мира» (1928)). По замыслу автора, эти произведения должны были войти составной частью в «трилогию трилогий» под общим названием «Живот и смерть».

Гашек, Черный, Клычков были, как отмечалось выше, участниками военных действий, они слушали и воспринимали солдатскую речь, солдатский фольклор в живом общении. Солдатские байки, облеченные в сказочную, сказовую и анекдотическую форму, помогли выработке стилизующих начал повествования, определяли общие речевые доминанты. Естественно, что эти авторы насыщают свои произведения фольклорными элементами, в их произведениях явственно присутствует природа фольклорного текста. На наш взгляд, фольклорный текст всегда дискурсивен вне зависимости от жанровой принадлежности, так как фольклор – это устное и коммуникативное творчество. Дискурс понимается нами в данном случае как связный текст, и как речевое поведение в коммуникативной ситуации, взятое в совокупности с внетекстовыми, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами [6:90].

Сказ как фольклорный и литературный жанр стал привлекать внимание исследователей в XX в. Это общетеоретические работы известных литературоведов: Б. М. Эйхенбаума [17, 18], Ю. Н. Тынянова [15], В. В. Виноградова [13], М. М. Бахтина [14], Б. О. Кормана [12], Н. М. Федя [16], и других [5, 6, 7, 8], а также исследования, которые раскрывают особенности поэтики конкретных произведений.

С первых же страниц анализируемых произведений авторами заявлен определенный принцип построения текста: главным является субъект речи – повествователь или рассказчик. Это обуславливает и сюжетно-композиционную структуру романов Гашека и Клычкова, и цикла «Солдатские сказки». «Похождения храброго солдата Швейка» и «Солдатские сказки» не только по форме, но и по сути напоминают народные сказки, так как построены на балагурно-сказовых, анекдотических началах. Отмечалось, что «вышедшая уже после его (Саши Черного. – В. П.) смерти книга «Солдатские сказки» продемонстрировала виртуозное владение искусством сказа» [10:199]. В романе «Сахарный немец» доми-

ПОЗДЕЕВ Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор по кафедре русской литературы ВятГУ
© Поздеев В. А., 2007

нирует коммуникативная событийность и субъективное, перцептивное изложение событий: «Мы все приподнялись с нар, закурили, приготовились все заранее вдосталь от новой Сенькиной выдумки посмеяться...» [3:193].

Существует два типа сказовой формы повествования: однонаправленный и разнонаправленный сказ. Оценки автора и рассказчика событий, о которых ведется повествование, в однонаправленном сказе близки. В разнонаправленном сказе оценки автора и рассказчика лежат в разных плоскостях, чаще всего не совпадают. Однако даже в однонаправленном сказе между рассказчиком и автором всегда сохраняется дистанция. Таким образом, говоря о «чужом слове», нужно иметь в виду, прежде всего, своеобразную автономность, самостоятельность сознания, воли и речевой манеры рассказчика по отношению к автору, вне зависимости от того, близок рассказчик автору или противостоит ему. И все-таки для сказовой формы повествования главным элементом является сам рассказчик, именно с ним как с субъектом речи связаны основополагающие черты этого жанра. Авторское сознание выражается в своеобразии первичного субъекта речи, то есть рассказчика.

Рассказывание предполагает слово не записанное, а произносимое. Рассказчик творит своё высказывание по законам устной речи, а литературный сказ – это письменная форма, зафиксировавшая устную речь. В литературном сказе целенаправленно создается иллюзия устной речи, поэтому и повествователю, и рассказчику характерны и особые речевые манеры повествующего.

Тип повествования Саши Черного и С. Клычкова – это манера рассказчика-солдата, в меру патетическая (гордость за русского солдата и оружие), в меру ироничная (солдат может подтрунивать над собой и другими), в меру сатиричная (недостатки устройства солдатской службы всегда были в поле зрения сказочников).

Манера Гашека – неторопливый развернутый рассказ с вкраплениями «монологов» Швейка и других персонажей, которые напоминают солдатские байки или анекдоты, а также разнообразных авторских комментариев, в которых проявляется общая комическая тональность.

«Так очаровательно и мило вступил в мировую войну бравый солдат Швейк. Историков заинтересует, как сумел он столь далеко заглянуть в будущее. Если позднее события развернулись не совсем так, как он излагал “У чаши”, то мы должны иметь в виду, что Швейк не получил нужного дипломатического образования» [1:37].

В диалогах Гашека также явственно слышится анекдотическое начало.

«Едва Швейк кончил свою защитную речь в пользу современного тюремного заключения, как

надзиратель открыл дверь и крикнул:

– Швейк, оденьтесь и идите на допрос!

– Я оденусь, – ответил Швейк, – против этого я ничего не имею. Но боюсь, что тут какое-то недоразумение. Меня уже раз выгнали с допроса. И кроме того, я боюсь, как бы остальные господа, которые тут сидят, не рассердились на меня за то, что я иду уже во второй раз, а они еще ни разу за этот вечер не были. Они могут быть на меня в претензии.

– Вылезти и не трепаться! – последовал ответ на проявленное Швейком джентльменство» [1:43].

«В трактире “У чаши” сидел только один посетитель <...> Паливец слыл большим грубияном. Каждое второе слово у него было “задница” или “дерьмо”...

– Хорошее лето стоит, – завязывал Бретшнейдер серьезный разговор.

– А всему этому цена – дерьмо! – ответил Паливец, убирав посуду в шкаф...» [1:31–32].

Исследуя языковую картину мира, представленную в романе Гашека, Е. В. Евпак отмечает, что «Гашек пишет свой роман языком нарочито простым, даже вызывающе грубым. Он не побоялся ввести в текст просторечные обороты, шутки, анекдоты и истории, подслушанные в чешских народных кварталах Праги. Страницы его романа написаны на том пражском жаргоне, на котором говорят жители рабочих окраин Праги: Жижкова, Смихова, Вршовиц: «Palivec byl znamy sprost’ak, kazde jeho druhe slovo byla zadnice nebo... Drzte hubu...» [Hasek, 1984:15, 2]. И далее «A byl tu i nadpis otrasajici svou hloubkou Milost, velky boze... Polibte mne p... U potucku zarmouceny sedim, slunko se za hory ukryva... – что-то на народный мотив и др.» [4:130] Длинные монологи Швейка – это своеобразные «сказы-байки», однако сказовость в них другой природы. Гашек несколько по-иному, чем Саша Черный и С. Клычков, создает иллюзию устной речи. Он использует не только установку на устную речь, он создает имитацию импровизационной, ассоциативной речи, заранее не обдуманной, творимой как бы в присутствии читателя/слушателя. Особую значимость имеет выстраивание разговорной интонации и установка на жест. Большинство исследователей отмечают, что интонация Швейка – ровная и лишена эмоциональных всплесков. Она часто идет вразрез с эмоциональной ситуацией, что является характерным приемом народного анекдота. Гашек в целях создания образа Швейка использовал «сниженный язык» (язык «третьей культуры»), на котором говорили персонажи чешского фольклора. «В мировой литературе, – отмечает С. В. Никольский, – трудно назвать другое произведение, в котором принцип и механизм смеховой игры, розыгрыша, комической

мистификации был бы так широко и органично использован в качестве принципа литературного художественного построения, применен на разных уровнях художественной структуры и стал важнейшим принципом поэтики и повествования. Гашек создал не только новый комический тип, но и во многом новую художественно-повествовательную систему» [9:74].

Повествование в сказках Саши Черного и романе С. Клычкова как бы воспроизводит голос рассказчика, закрепляет его словесные жесты. Такой тип повествования более характерен для русской сказовой манеры.

Иллюзию звучащей речи Гашек, Клычков и Черный создают некими сигналами говорения, мимико-произносительными приемами, подчеркивающими устный характер повествования: ходячими разговорными формулами, тавтологией, частым употреблением вводных конструкций, повторением одних и тех же слов, обмолвками, эффектными образованиями, имитирующими разные формы расстройства речевой функции, инверсированным построением фраз и другими особенностями, характерными для лексики и синтаксиса устной речи.

В романе С. Клычкова сказовая манера рассказчика нарочито просторечна. Подчеркнута и «цветистость» речи. Если сравнить манеру речи рассказчика в начале романа и его речь во второй части романа, то по многим параметрам можно заметить, что его балагурство, игра со словом автором заменяется на более ровную «правильную» речь:

«Простояли мы так, почитай, два года в этой самой Хинляндии, подушки на задней части отрастили – пили, ели, никому за хлеб-соль спасибочка не говорили и хозяину в пояс не кланялись: рад бы каждый от стола убежать, из лесной лужи пить, березовое полено вместе с зайцами грызть – лишь бы спать на своей печке!» [3:8].

«Место это нам мало по духу пришлось, та же Двина, те же окопы на том берегу, хотя у немцев ни деревца, ни кусточка, а у нас за спиной высокие сосны, ели по земле подолгами пушатся, кое-где у них сбиты макушки, как ножом обрезаны пулеметным огнем сучья с боков, сперва можно подумать, что в этом месте стрельбы большой не бывает, но в первую же ночь оказалось иначе» [3:191].

Особую функциональность приобретает у Гашека, Черного и Клычкова (и это объединяет манеры писателей) так называемый «письменный жест». Он обусловлен внетекстовой ситуацией рассказывания. Рассказчик как конкретный человек может вводить в свою речь частицы, междометия, междометные словосочетания, вводные слова и предложения, характерные для речи го-

ворящего, – это и есть словесные обозначения мимики, жеста, «ужимок».

Например, у Клычкова: *«Уселась мы на лавку возле блиндажа»* [3:207], *«мы все приподнялись с нар, закурили, приготовились все заранее вдосталь от новой Сенькиной выдумки посмеяться...»* [3:193], *«накануне вечером отнесли мы шагов на двести или триста выше по течению от острова кошку и канаты...»* [3:198].

В плане выражения авторского сознания важно подчеркнуть, что дискурсивность у Гашека, Клычкова и Черного отражает следующие общие черты: установку на чужое слово и устную речь; имитацию импровизационной, ассоциативной речи, заранее не обдуманной, творимой тут же, сейчас, в нашем присутствии; выстраивание разговорной интонации и установку на жест.

Сказ «как форма, тяготеющая к драматическим видам литературы» [11:54], воспринимается слушателями и читателями как ситуация рассказывания в момент осуществления изображаемого события (рассказа, разговора, беседы рассказчика). Однако в отличие от драматических форм эпическая форма всегда фиксирует уже свершившееся, поэтому в сказе возникает иллюзия одноментности ситуации и повествования о ней.

– Прохор, не спишь?

– Нет, сон черту продал!..

– Дорого взял?

– За твою башку меньше дадут!..

– У моей башки, Прохор, ума есть лишки, а у тебя и впереди и сзади ни склада ни ладу!

– Шея курья, голова дурья!

– Тьфу те в прорву!

Смотрим мы на них и за животы держимся, каждому подбивало ввязаться, да на язык так горазды не были [3:168].

У Клычкова можно ощутить драматичность и поддержание иллюзии непосредственно производимой речи, творимой именно в данную минуту, в момент ее восприятия слушателями. Однако рассказчик «возвращает» слушателя/читателя в рамки романного времени.

В сказке Черного «Армейский спотыкач» рассказчик передает, как солдат ведет разговор со старушкой:

Сидит как-то солдат под вечер на завалинке. <...>

Подсела тут старушка одна знакомая, – черный шлык, глазки шильцем, язык мыльцем, голова толкачиком.

– Что ж, бабушка, – говорит солдат, – внучки твои малинки лесной хучь бы кузовок принесли... С молоком важная вещь. <...>

Пожевала старушка конец платка, головой покачала.

– Эх, сынок, ясная кокарда! Стало быть, ты про беду нашу и не слышал? Какие грибы да

малина, ежели в лес не то что дите, – и сам кузнец шагу теперь не ступит...

– Вот какая клюква! Медведи к вам, что ли, с западного фронта по случаю отступления на постой перешли? [2:254–255]

Чаще рассказчик не дословно передает речь говорящего, а склоняется к пересказу. «В сказе диалог, включаясь в речь героя-рассказчика, утрачивает свойства прямой речи, <...> поскольку облекается настроением и смыслом, характеризующими в первую очередь самого рассказчика <...> Рассказчик редуцирует голос того или иного персонажа, интонацию, манеру говорить; <...> следовательно, преобладает установка на уподобление, на растворение других голосов в голосе рассказчика» [10: 88, 176].

Особенно отчетливо заметна подобная редукция в романе «Сахарный немец»:

«Утром читали всей роте инструкцию... В инструкции сказано было, что от успеха этого дела зависит исход всей войны и слава и благополучное будущее государства. А дело это хоть и трудное, и трудности этой начальство не прячет, но зато уж верное, потому что если вот так мы из моря в тылу у немцев вылезем да сонному ему руки свяжем, так тогда немец очень испугается и у нашего царя пощады просить будет... А потому, дескать, твердо все это помни, и когда тебя будут вроде как на отмель ссаживать, за полверсты от берега, куда пароходы потащат особые баржи-плоскуши, так слезай прямо в воду и по воде иди молча, утопнуть не бойся, от воды криком не заходишь, а как вылезешь на берег, так сапог не сымай, штанов не выжимай, а в боевой порядок и – приступом в полной готовности на немецкие береговые батареи да немцев в плен и забирай» [3:16].

С. Клычков в романе очень органично, как писатель есенинского круга, представляет русскую деревню с её сложными процессами начала XX в. В формировании новых социокультурных ценностей более явно обнаруживается принцип противопоставления «своего» и «чужого», составляющий сущностную, типологическую особенность прозы «третьей культуры», ее онтологическую природу, которая запечатлевается в слове.

Гашек и Черный опираются на народную сатиру именно в контексте «третьей культуры», в которой наиболее ярко протекает процесс переосмысления и переоценки ряда традиционных понятий. Среда возникновения и бытования произведений «третьей культуры» во многом предопределяла творческий потенциал автора/исполнителя в сказках и романах. На протяжении столетий складывался своего рода набор «символьных структур», «концептов», связанных с авторскими/исполнительскими ментальными репрезен-

тациями и с рецепцией слушателя/читателя «третьей культуры».

«Солдатские сказки» и «Сахарный немец» внесли свое особое видение в изображение русского солдата, в раскрытие и изучение народной психологии. В «Сказках» и в «Сахарном немце» прослеживается преемственность Саши Черного и С. Клычкова от Н. Лескова, его умения в сказовой форме выразить глубинные мысли и чувства людей разных профессий, сословий.

Однако сказовый тип повествования у Черного имеет свои отличительные черты: он не только отчасти декларируется, но вместе с тем и реализуется в тексте, причем содержит все основные характеристики, свойственные сказовой форме. «Образ самого автора в сказках, – пишет Л. А. Спиридонова, – нигде не выступает на первый план. А. Черный не создает никакой сатирической маски, как было в дореволюционных сатирах, посвященных “всем нищим духом”. Там он дистанцировался от героя и даже обижался, когда критики принимали его сатирическую маску за авторскую. Здесь роль автора состоит в том, чтобы создать жизненно правдивый, реалистически точный, даже в деталях, образ русского солдата» [10:201].

Художественный мир Гашека, Клычкова и Саши Черного населен различными персонажами, которые говорят, употребляя просторечия, «профессионализмы», военные, медицинские и другие термины. Однако эти слова приобретают часто иную огласовку, подвергаются переосмыслению, что создает комический эффект, и в то же время придает речи живость и непосредственность, – это один из приемов, который сознательно используют и Гашек, и Клычков, и Черный.

Характерны ссылки рассказчиков в произведениях о том, кто сообщил о событиях или свидетелем которых не был сам говорящий, что сближает с фольклорной прозой: «После Зайчик Иван Палычу объяснял, что привиделся ему вдруг не Пенкин – ефрейтор Прохор Акимыч, а наш рыжий дьякон с Николы-на-Ходче» [3:14], «да после и о том мы узнали, что у нас недели уже три лежала бумага с тремя сургухами из дивизионного штаба, которую сунул было, как рассказывали тишком писаря, полковой адъютант...» [3:56], «Известно: у солдата язык бабий! Вся рота в ту же ночь узнала...» [3:15].

Особое значение в «сказовой прозе» приобретает категория «слушателя». Это одна из важных доминант структуры сказа вообще. Слушатели сказа – это, как правило, «своя» аудитория или стремящаяся стать таковой; рассказчик доверительно рассчитывает на сочувствие и понимание слушающих. Связь рассказчика со слушателями реализуется различными способами.

Прежде всего, это прямое обращение к собеседнику, название его, и введение в монолог элементов диалога, и ссылка на опыт слушателя, и повторы, эмоционально активизирующие собеседника, и т. д., причем собеседник и рассказчик в сказе единомышленники. Отсюда и усложнение в сказе системы восприятия в отличие от книжно-литературного способа повествования. Первая ступень восприятия – оценка происшедшего рассказчиком: связь элементов «рассказчик – слушатель». Вторая ступень апперцепции – это оценка рассказываемого читателем так, как воспринимает его автор: «автор – читатель». Таким образом, для литературного сказа характерна опосредованная цепь восприятия: «автор – рассказчик – слушатель – читатель». В литературном произведении схема имеет другой вид: «автор – повествователь – читатель».

Многообразие приемов и способов повествования, проявляющихся в тексте, приводит к двум противоположным тенденциям. Одна связана с выдвиганием на первый план рассказчика, который занимает все внимание читателя не содержанием, а формой, манерой повествования: затейливостью речи, звуковыми каламбурами, игрой словами. Другая тенденция представляет собою полное растворение повествователя в потоке событий, лиц, фабульных ходов. У читателя должна возникнуть и поддерживаться иллюзия, что перед ним не книга, а жизнь, и она не протискивается, а совершается в его присутствии. Первая, как нам представляется, в большей степени характерна для Черного и Клычкова, а вторая – для Гашека.

Еще одна особенность выражения авторского сознания Черного, Клычкова и Гашека проявляется в сюжетно-фабульной организации текста. Текст их произведений постоянного прерывается побочными эпизодами той сюжетной линии, которая определяется как основная. Любой устный рассказ заключен в рамки какого-либо события: исчерпывается тема разговора – заканчивается рассказывание. По этому принципу должен был бы строиться весь роман Гашека как текст, формально принадлежащий одному рассказчику, но в действительности в романе их множество. Также сказовая форма цикла Саши Черного и романа Клычкова, вполне определенно заявленная, не становится доминантой организации текста и разрушается другими способами повествования. Это очевидно уже при первом взгляде на композиционную структуру цикла сказок и романа Клычкова.

Фольклорный дискурс в романах Гашека, Клычкова и «Солдатских сказках» Черного позволил авторам в значительно большей степени

расширить возможности и формы выражения авторского сознания. Традиционно «реалистическая» форма повествования, переживавшая на рубеже веков известный кризис, уже не могла вместить нового жизненного содержания. Установка на устную речь, сказовость, анекдотичность расширила рамки традиции и сформировала новый тип автора и героя, солдата начала XX в., а также дала возможность открыть для слушателя/читателя многогранный мир как текстовых, так и внетекстовых ассоциаций.

Примечания

1. *Гашек, Ярослав*. Похождения бравого солдата Швейка [Текст] / Ярослав Гашек; пер. с чеш.; пер. и примеч. П. Богатырева. М., 1967.
2. *Черный, Саша*. Собрание соч. [Текст] : в 5 т. Т. 3 / Саша Черный. М., 1996.
3. *Клычков, С. А.* Сахарный немец [Текст] / С. А. Клычков // Клычков С. А. Чертухинский балакирь: романы. М., 1988. С. 8–226.
4. *Евпак, Е. В.* Образ Швейка Ярослава Гашека в чешской языковой картине мира [Текст] / Е. В. Евпак // Язык и культура. Новосибирск, 2003. С. 126–130.
5. *Каргашин, И. А.* Сказ в русской литературе. Вопросы теории и истории [Текст] / И. А. Каргашин. Калуга, 1996. С. 54.
6. Краткая литературная энциклопедия [Текст]. Т. 3. М., 1966. С. 606.
7. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1990.
8. Поэтика сказа [Текст] / Е. Г. Мущенко, В. П. Скобелев, Л. Е. Кройчик. Воронеж, 1978. С. 88, 176.
9. *Никольский, С. В.* История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке [Текст] / С. В. Никольский. М., 1997.
10. *Спиридонова, Л. А.* Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья [Текст] / Л. А. Спиридонова. М., 1999.
11. *Тюпа, В. И.* Аналитика художественного. Введение в литературоведческий анализ [Текст] / В. И. Тюпа. М.: Лабиринт: РГГУ, 2001.
12. *Корман, Б. О.* Избранные труды по теории и истории литературы [Текст] / Б. О. Корман. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1992.
13. *Виноградов, В. В.* Проблема сказа в стилистике [Текст] / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980.
14. *Бахтин, М. М.* Проблемы творчества Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М., 2000. Т. 2.
15. *Тынянов, Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино [Текст] / Ю. Н. Тынянов. М., 1977.
16. *Федь, Н. М.* Зеленая ветвь литературы: Русский литературный сказ [Текст] / Н. М. Федь. М., 1981. 304 с.
17. *Эйхенбаум, Б. М.* О прозе; о поэзии [Текст] : сб. ст. / Б. М. Эйхенбаум. Л., 1986. 453 с.
18. *Эйхенбаум, Б. М.* О литературе. Работы разных лет [Текст] / Б. М. Эйхенбаум. М., 1987. 540 с.

А. В. Калинина

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
«ЧЕЛОВЕК», «ЧЕЛОВЕЧЕСТВО»,
«ЧЕЛОВЕЧИНА» И «ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ»
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье рассматриваются четыре имени существительных, образованных от одного корня, но относящиеся к разным лексико-грамматическим разрядам: *человек*, *человечество*, *человечина*, *человечность*. Показывается специфика семантики и функционирования каждого из этих слов.

В русском языке имеются четыре лексико-грамматических разряда имён существительных: конкретные (*окно*, *парта*, *волк*), собирательные (*травя́н*, *листва́*, *гнус*), вещественные (*осетрина*, *молоко*, *цемент*) и абстрактные (*любовь*, *страх*, *мужество*). Данные разряды не являются изолированными друг от друга группами слов. В частности, объединять их может происхождение от общего корня. Вполне типичны случаи, когда однокоренные существительные представлены в двух разрядах, ср.: *снег* (веществ.) – *снежинка* (конкр.), *берёза* (конкр.) – *березняк* (собр.), *глупец* (конкр.) – *глупость* (абстр.). Несколько реже встречаются однокоренные существительные в трёх разрядах, ср.: *аристократ* (конкр.) – *аристократия* (собр.) – *аристократизм* (абстр.); *дети* (конкр.) – *детвора* (собр.) – *детство* (абстр.). И одним из самых редких, если не единственным случаем является наличие однокоренных существительных во всех четырёх лексико-грамматических разрядах: *человек* (конкр.) – *человечество* (собр.) – *человечина* (веществ.) – *человечность* (абстр.). В настоящей статье мы попытаемся ответить на вопрос, почему именно от корня *человек*- образуются существительные всех четырёх лексико-грамматических разрядов и в чём специфика семантики и функционирования каждого из этих слов.

Известно, что каждый лексико-грамматический разряд имён существительных представляет в языке одну из важных для человека сторон предметного мира. Так, конкретные существительные называют отдельные объекты, значимые для человека даже в одном экземпляре. Вещественные существительные называют объекты, ценные как сырьё для поддержания материальной жизни человека. Собирательные существительные называют объекты, значимые только в своей совокупности. Абстрактные существительные представляют собой имена идей, важные для обес-

печения интеллектуально-духовной жизни человека. См. об этом: [1]. Следовательно, для того чтобы быть представленным во всех четырёх разрядах существительного, объект должен быть материальным (иначе будут невозможны конкретное и/или вещественное существительное); должен быть способным выступать в виде единой совокупности (иначе будет отсутствовать собирательное существительное) и должен обладать каким-либо отличительным значимым качеством, заключать в себе идею этого качества (иначе не будет условий для образования абстрактного существительного). В окружающем мире есть только один объект, отвечающий всем этим требованиям, интересующий человека и с материальной и с идеальной стороны, и по отдельности и в совокупности. Это сам человек. И тот факт, что существительные с корнем *человек*- представлены во всех четырёх лексико-грамматических разрядах этой части речи, является наглядным подтверждением положения об антропоцентричности языка.

«Человек в языке» неоднократно становился предметом лингвистического изучения [2]. Мы в настоящей статье сосредоточимся на сопоставлении четырёх слов: *человек*, *человечество*, *человечность*, *человечина*.

Все эти слова представлены в словарях русского языка и имеют отдельные словарные статьи (за исключением существительного *человечность*, которое обычно приводится как производное от прилагательного *человечный*). Нами были проанализированы следующие источники: «Большой толковый словарь русских существительных» [3]; «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [4]; «Комплексный словарь русского языка» [5]; «Словарь русского языка» С. И. Ожегова [6]; «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [7]; «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского [8]; «Толковый словарь русского языка» [9]; «Толковый словарь современного русского языка» [10]; «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика [11].

Существительное *человек* присутствует во всех перечисленных словарях. В его толковании в качестве основных отмечаются следующие значения: «Живое существо, в отличие от животного обладающее даром речи и мысли и способностью создавать и использовать орудия в процессе общественного труда» [6; 7; 9]; «Живое существо, имеющее много общих признаков с животными, но отличающееся от них прямохождением, высоким развитием головного мозга, мышлением и членораздельной речью» [3]; «Живое существо, которое обладает мышлением, речью, способностью создавать орудия труда и пользо-

ваться ими, а также отдельная личность» [5]; «Существо человеческого рода» [8]; «Каждый из людей, высшее из земных созданий, одарённое разумом, свободной волей и словесною речью» [4]. В этой группе определений внимание обращается прежде всего на биологическую природу человека, на сходство человека с другими существами (живое существо) и эволюционные отличия от них (дар членораздельной речи, высокоразвитый головной мозг, мышление, прямая походка, умение создавать и использовать орудия труда). В трёх словарях отмечается, что человек – существо социальное, «обладающее... способностью создавать и использовать орудия в процессе общественного труда» [6; 7; 9]. В двух источниках подчёркивается «отдельность» человека как особи с перечисленными характеристиками: «...а также *отдельная личность*» [5], «*каждый из людей...*» [4].

В качестве дополнительных значений в словарях даются такие: «Обладатель лучших моральных и интеллектуальных качеств (книжн., ритор.)» [9]; «Лицо, являющееся носителем каких-либо внутренних характерных качеств, свойств, принадлежащих к какой-либо среде, обществу и т. п.» [3]; «Человек как член общества» [8]. В этих определениях с разной степенью подробности говорится о внутренней сущности человека, его обладании такими качествами, которые проявляются в отношениях человека с другими людьми, с социумом и позволяют человеку вписываться в то или иное общество.

В ряде словарей приводятся устаревшие значения: «При крепостном праве – дворовый слуга или вообще помещичий служитель (в частности – в отличие от крестьян земледельцев; истор.)» [9]; «При крепостном праве: дворовый слуга, служитель, лакей, а позднее официант, слуга» [6; 7]; «Находящийся на службе у кого-л. (чей-л. человек)» [8]; «Служитель, прислуга, лакей или комнатный» [4]. Из этих толкований можно понять, что прежде слово *человек* могло использоваться для обозначения индивида ничем не выдающегося, незнатного и незначительного, характеризующегося только самой принадлежностью к человеческому роду и в силу этой принадлежности способного выполнять определённые функции, приносить практическую пользу своему хозяину.

Наконец, в отдельных словарях имеются специфические значения существительного *человек*. Ср.: «Употр. в знач. местоимения: *всякий* (т. е. любой человек), *никто* (т. е. никакой человек); *кто-нибудь* (т. е. какой-нибудь человек) и т. п.» [9]; «Человек как единица при счёте» [8]; «Человек божий, пророк, избранец» [4]. Эти значения не являлись и не являются центральными для данного слова. Нельзя считать первостепенно

важными и те значения, которые отмечаются в словарях, в задачу которых не входит исчерпывающее толкование слова и которые отражают лишь специфику его употребления или сочетаемости в том или ином типе дискурса. Ср.: «Без бумажки ты букашка, а с бумажкой – *человек*. Как *белый человек* (*белые люди*), сравнит., в зн. нареч. Шутл., разг. В хороших условиях, комфортно, удобно. • Образность, основанная на стереотипах колониальных времён в некоторых западных странах» [11]; «Права *человека*. Вирус иммунодефицита *человека*» [10].

Стало быть, судя по словарным толкованиям, центральными для существительного *человек* являются два значения: «биологическое» (человек как живое существо, отличающееся по уровню своего развития от других животных) и «социальное» (человек как носитель определённых внутренних качеств, благодаря которым он может успешно сосуществовать с себе подобными). Остальные значения этого слова можно отнести к периферийным. Но как на самом деле употребляется слово *человек* в речи и что выходит в его значении на первый план?

Сразу можно сказать, что «биологическое» значение слова, как правило, бывает востребовано лишь в специальных естественнонаучных текстах. Ср.: *Головной мозг – самый сложный человеческий орган. Такого сложного мозга нет ни у одного животного. Именно этим человек и отличается от животных* (А. Мирер. Анатомия человека).

В обычной речи для характеристики человека более важными оказываются значения 'социальное существо' и 'отдельный представитель класса людей', которые тесно взаимосвязаны. С одной стороны, человек должен уметь вписываться в социум и демонстрировать определённые качества, благодаря которым социум его принимает; с другой стороны, он не должен утрачивать своей самостоятельности, отдельности, обособленности от других, не должен растворяться в других и безоговорочно подчиняться другим. Причём в современной речи, как показывают наши наблюдения, более ярко выражается значение 'отдельный представитель класса людей'. См. об этом: [12]. Однако человек в своём стремлении к «отдельности» нередко вступает в противоречие с необходимостью быть «частью целого». Поэтому в контекстах, описывающих отношения человека и общества, могут присутствовать такие разные коннотации 'человека отдельного', как 'независимый', 'самодостаточный', 'эгоистичный', 'одинокый', 'незначительный', 'один из многих'. Ср. наши примеры: *Человек по своей природе свободен* (Литературная газета. 2006. № 51); *Насилие, запрет всегда вызывают противодействие, и, пока это есть, человек останется че-*

ловеком (Ю. Нагибин. Постоянный подписчик); *Каждый хочет жить в собственном коконе, и это право защищено многочисленными законами* (Т. Толстая. Золотая середина); *Берендеев неукоснительно следовал первой заповеди нашего общества: всё для человека. Человеком он считал прежде всего самого себя, но и другим, коли нужны были, не отказывал в этом звании* (Ю. Нагибин. Срочная командировка, или Дорогая Маргарет Тэтчер); *Тема: только о себе думаешь – была самой ходовой в доме, хотя Суржиков никогда о себе не думал и даже порой утрачивал чувство своей отдельности в мире, настолько растворялся в семье* (Ю. Нагибин. Срочная командировка, или Дорогая Маргарет Тэтчер); *Я никому ничего не должен. Потому что я у людей ничего не прошу. Я не обуза этому миру! Потому что я себя предупреждаю: «Витя! Не навязывайся, не канючь! До тебя были миллионы и после тебя будут миллионы. Ты даже не частица этого мира, а частица частицы»* (Аргументы и факты. 2006. № 23, из интервью В. Сухорукова); *Он чувствовал, что они ведут себя с ним подобным образом, пока он внутри этого круга, его часть, его составное звено, а выйди он чуть-чуть за его пределы, сдвинься наружу буквально на какой-нибудь микрон, – оболочка благорасположения тут же прорвётся... Его не было для них вне этого круга – самого по себе, – он существовал для них только его частью, то есть частью самих себя, поскольку и они были частями круга* (А. Курчаткин. Веснянка).

Существительное *человек* является конкретным, поэтому оно и называет именно индивидов, отличающихся друг от друга теми или иными характеристиками. Ср. описание сочетаемости существительного *человек* в «Комплексном словаре русского языка»: «Хороший, добрый, грустный, весёлый, честный, умный, глупый, деловой, трудолюбивый, (не)высокий, сильный, слабый, здоровый, больной, внимательный, богатый человек. Человек (чего?) дела, слова; (без чего?) без собственного мнения, без совести; (с чем?) с каким-либо лицом, с какими-либо глазами, с какими-либо волосами...» [5]. Предназначенным для такой «штучной» (или иной отличительной, выделительной, дифференцирующей) номинации обычно является и слово *люди*, которое выступает как форма множественного числа к существительному *человек*. Ср.: *Человек действия, он мысленно опережал ход событий* (А. Грин. Алые паруса); *Целью существования... жизни на Земле является... построение нового общества, свободного от эксплуатации человека номер один, два и три человеком номер четыре, пять, шесть, семь* (В. Пелевин. Омон Ра); *Леночка, вещизм – это бич современного человека* (Н. Толстая. Ком-

мунистка); *Быть человеком толпы ещё интереснее, чем просто человеком* (С. Лукьяненко. Ночной дозор); *Но и на эту приманку Суржиков не клюнул, прекрасно зная, каким запасом... подавляющих психику советского человека средств располагают враги* (Ю. Нагибин. Срочная командировка, или Дорогая Маргарет Тэтчер); *Порода наблюдательных людей в течение дня замечала неоднократно страшную на взгляд девушку* (А. Грин. Алые паруса); *Есть такие люди... для которых писаная история важнее живой жизни, а ботаника вкуснее цветущего поля* (М. Осоргин. Воспоминания. Про бабушку); *Люди садов, оранжерей и букетов знают запах цветов, но ещё не знают, что воздух может быть пропитан им от земли до облаков на сотни вёрст. Многого не знают люди города* (М. Осоргин. Воспоминания. Кузины).

Как и любой другой «конкретный объект», человек имеет в жизни определённое предназначение, цель жизни, идею своего существования. Ср.: *А идея эта – сознание значительности каждой, самой мелкой личности... Мы не средства для внешних целей, мы сами цели!* (Ю. Нагибин. Злая квинта); *Да неужели он только и нужен ей был – для постели да чтобы быть облегчать?.. То есть сам по себе, как человек, имеющий своё назначение в жизни... он для неё не существует* (А. Курчаткин. Веснянка). Ср. также: «Лучше быть готовым к сюрпризам погоды», – думал Сантьяго с чувством благодарности к куртке за то, что она такая тяжёлая и тёплая. В общем, как у неё своё предназначение, так у Сантьяго – своё (П. Коэльо. Алхимик). См. об этом подробнее: [1].

Следовательно, в реальном употреблении в семантике существительного *человек* на первое место выходит значение «отдельное человеческое существо», «индивид», которое упоминается далеко не всеми словарями. По-видимому, «отдельность» человеческой особи входит в пресуппозицию конкретного существительного *человек*, подразумевается сама собой. Но в современной речи, по нашим наблюдениям, эта пресуппозиция получает объективированное, подчёркнутое выражение.

Однако в слове *человек* (*люди*) заключены и возможности выражения обобщённого смысла. Ср.: *Человек хорошеет просто-таки на глазах, то есть он на глазах становится всё человечней и человечней* (В. Пьецух. Предсказание будущего); *Но люди есть люди, и как ни старайся, а вылезет, вырвется какая-нибудь ерундавина, что-нибудь мелкое и бытовое среди сверхажного порядка* (М. Рощин. Шура и Просвирия); *Менялы, солдаты, торговцы, ремесленники, дети, женщины с золотыми сеточками в причёске. Словом – люди, те же люди, ничем не*

отличающиеся от нас, такие же люди на паре ног, с парой глаз, с парой рук, с соринками, летающими в ветреный день в глаз (Ю. Олеша. Ни дня без строчки). Для выражения обобщённых смыслов, связанных с человеком, существуют слова *человечество* и *человечность*.

Существительное *человечество* является собирательным. В словарях русского языка оно определяется так: «Люди, человеческий род» [6; 7; 9]; «Все люди, человеческое общество» [5]; «Человечество, человеческий род, люди вообще» [8]; «Все люди вместе взятые» [4]. В этих толкованиях человечество понимается как единое, совокупное множество людей. Для этого множества неважно, из каких индивидов оно состоит; индивидуальность в этой массе нивелируется. Ср.: *Да, они не гении, даже не таланты, дюжинные, средние люди, из которых и состоит человечество* (Ю. Нагибин. Когда погас фейерверк); *Мы достаточно опытные, чтобы знать, до чего мы разные; но только все вместе мы составляем Отечество, не говоря уже о человечестве. Какие есть* (С. Аверинцев. Попытки объясниться).

Взамен индивидуальных различий понятие 'человечество' начинает выражать некое новое общее качество, которое присутствует в некоторых словарных определениях рассматриваемого существительного. Ср.: «Человеческие свойства» [8]; «Добрые свойства и природа людей, милосердие, любовь к ближнему, сочувствие» [4]. Ср. также сочетаемость слова *человечество*, приведённую в «Комплексном словаре русского языка»: «Прогрессивное, современное человечество. История, достижения человечества. Жертвовать (пожертвовать) чем-л. для человечества» [5]. То есть человечество представляется носителем самых лучших человеческих качеств, квинтэссенцией всего доброго и разумного, что есть в человеческой природе. Однако примеры современного словоупотребления, имеющиеся в нашем материале, не подтверждают этого. Судя по нашим примерам, человечество — это такая совокупность людей, которая от факта простого увеличения количества вовсе не улучшает своего качества. Ср.: *Усталое человечество падко на бездумное, лёгкое, не утруждающее мозг и душу* (Ю. Нагибин. Где стол был яств...); *Наконец-то весь мир поделили на чёрное и белое! Сбылась мечта человечества, стало ясно, кто хороший, а кто плохой* (С. Лукьяненко. Ночной дозор); *Мы, люди духа, своими поисками истины... создаём ту сумму добра, которая, хочется верить, превзойдёт в конечном счёте всю мерзость современного человечества* (В. Пелевин. Числа); *Человечеству нет дела до божественных озарений... великого чудака* (Ю. Нагибин. Перед твоим престолом); *В нашей жизни даже нет места горю, если, конечно, сбросить со счетов разные глупости, кото-*

рые только потому называем горем, что человечество — это, конечно, большая дура (В. Пьецух. Освобождение); *Впрочем, человечество — миф* (Ю. Нагибин. Перед твоим престолом).

Но слово *человечество* употребляется с нейтральной или положительной окрашенностью в тех случаях, когда в контексте указывается, что человечество состоит из отдельных конкретных людей. Ср.: *Основу духовного наследия Сахарова составляет философия нового гуманизма. Нового прежде всего в том, что для него одинаково значимы личность и человечество* (Литературная газета. 2001. № 44–45); *Отдельный человек и даже сообщества людей могут быть поработаны, но это — нетерпимое состояние, с которым надо бороться. Прогрессивное развитие человечества ведёт к расширению и углублению пространства свободы* (Литературная газета. 2006. № 51); *Исправляются допущенные ошибки, творится счастливое будущее для отдельно взятого человека и для человечества в целом* (С. Лукьяненко. Ночной дозор); *Мечталось совершить в жизни что-то большое, прекрасное, нужное всем, каждому человеку в отдельности и всему человечеству вместе* (В. Курчаткин. Веснянка); *Всего человечества в нашей деревне сто девяносто душ. Живут у нас только Пудиковы да Петраковы* (В. Пьецух. Освобождение); *Осенью сорок первого выходили они из окружения на Смоленщине, двенадцать человек, все из разных частей, до этой поры не знавшие друг друга. И вот эти двенадцать человек — понял тогда Николай Иванович, почувствовал это — и есть человечество. Не бывает стыдно перед всем человечеством, это пустой звук, а вот перед одним кем-нибудь, двумя... Двенадцать человек, которых вёл он из окружения, веривших ему, и были — человечество* (Г. Бакланов. Свет вечерний).

Мы снова убеждаемся, что идея отдельности, индивидуальной значимости «человеческой единицы» оказывается, судя по данным языкового материала, более привлекательной, чем идея обезличенной социальной совокупности.

Абстрактное существительное *человечность* представлено далеко не во всех словарях. Особые словарные статьи мы находим лишь в двух изданиях, ср.: «Человечность, и, мн. нет, ж. Отвлеч. сущ. к *человечный*, гуманность, человеческое отношение к окружающим» [9]; «Человечность — состояние человеческого, человеческого» [4]. Также может сообщаться, что *человечность* — это отвлечённое существительное к прилагательному *человечный*. Ср.: «Человечный, -ая, -ое... Достойный человека, отзывчивый, гуманный... || сущ. *человечность*, и, ж.» [6; 7]. Подобные определения, конечно же, не исчерпывают сути понятия 'человечность', поскольку это-

му понятию очень трудно дать полное и однозначное истолкование. Ср.: *«Что такое **человечность**, откуда она возникает и в чем её смысл? Видимо, **человечность** обречена быть постигнутой только из самой себя, то есть из содержания человеческих чувств, помыслов и переживаний, ибо вне человеческого способа её познания нет... Человечность – одно из самых загадочных и многогранных слов, с которыми не в силах совладать сполна никакое познание и никакая практика... Предмет **человечности** никогда не может быть постижимым сполна для отдельного человека. Поэтому **человечность** является уделом бесконечных исканий»* (М. Курбанов. Философские искания человечности и исторический процесс). Возможно, трудность определения существительного **человечность** объясняется тем, что оно слишком отвлечённо и требует пояснений, конкретизации: какие именно действия и качества индивида можно назвать проявлением человечности. А такой конкретизации позволяют достичь другие слова: *сердечность, жалостливость, доброта, отзывчивость, сострадательность, милосердие* и под. При этом выражение «человечность человека» звучит как тавтология, а выражение «самый человеческий человек» (из очерка М. Горького «В. И. Ленин») стало прецедентным текстом и вызывает вполне определённые ассоциации.

Из примеров использования существительного **человечность** в речи видно, что оно называет одну из высших ценностей общества, но эта ценность нуждается в защите, в сознательном труде по её сохранению. Ср.: *Человечность превыше всего* (Известия. 1989. 24 июня, из интервью А. Гумилёва); *Главное в искусстве – это **человечность*** (Вечерний Минск. 2006. 27 окт., из интервью В. Зельдина); *Свет свободы и **человечности*** (А. Лазарев. О Василии Гроссмане и его книгах); *Человечность* мнимая и подлинная (Н. Шафер. Дворянги, друзья мои); *Думаю, **человечность** будет разрушена, нарушена и поругана, если это уже не происходит. К середине века от **человечности** ничего не останется* (Полярная звезда. 2005. 12 авг., из интервью А. Проханова); *О неистребимости **человечности*** (Топос. 2003. 23 июля); *Эти строки благодарной памяти... дань глубокого уважения к её личности и её доброй деятельности, заражавшей молодёжь **человечностью** прекрасных общественных порывов* (М. Осоргин. Воспоминания. Юлия Михайловна Астрова).

Вещественное существительное **человечина**, казалось бы, должно иметь минимальную степень употребительности, так как его значение – «Мясо человека как пища диких зверей или людоедов» [6; 7]; «О человеческом трупе, о человеческом мясе как пище диких зверей» [9]. Поскольку нормальный человек в нормальных об-

стоятельствах не ест себе подобных и вовсе об этом не помышляет, то и слово **человечина** в вещественном значении должно быть одним из низкочастотных. Однако в современной прессе и текстах сети Интернет мы находим достаточно примеров употребления существительного **человечина**. Ср.: *Любовь к **человечине**. В Донецкой области на прошлой неделе задержали людоедов* (Окна. 2007. № 3); *...их ожидал целый пир! Мать умело приготовила **человечину*** (Моя семья. 2007. № 14); *Андрей Макаревич хочет отведать **человечины**!.. Отвечая на вопрос, есть ли на свете блюдо, которое он ещё не едал, Андрей Вадимович выдал: – Когда я был в Новой Гвинее, мне предлагали попробовать человеческого мяса. Я тогда отказался. Теперь, кажется, созрел* (Жёлтая пресса. Ежедневное Интернет-издание. 2007. 6 июля); *Оказавшиеся рядом мужики отобрали трупик у псины, и чтобы она, не дай бог, наелась **человечины**, велели Василию закопать его снова, но не в снег, а в землю* (Премьер. Вологодская областная еженедельная газета. 2002. № 7).

У слова **человечина** может быть и иной оттенок употребления, тоже вещественный, но уже не связанный с поеданием человеческого мяса и не отражённый в словарях. **Человечина** может иметь значение 'мёртвая или лишённая духа человеческая плоть'. Ср.: *На крупные следственные кадры одинаково бурых кусков **человечины** и железа смотреть невыносимо* (Комсомольская правда. 2006. 15 авг., из статьи о взрывах в Московском метро); *Вон у «теоретиков» идеал определён, ясен, да чёрта ли в нём? Фаланги усовершенствованной **человечины** дружно возделывают всеобщий грушевый сад* (Ю. Нагибин. Злая квинта). Близкий смысл ('человеческое тело само по себе, лишённое души насильственно или бездуховное изначально') выражается и в таких контекстах, ср.: *На войне погибли отец и дядя Суржикова... много тела роздали Суржиковы в других войнах и немало сами перепластали народа* (Ю. Нагибин. Срочная командировка, или Дорогая Маргарет Тэтчер); *Да, он отыскивает и возделывает, но не таланты, не дарования, а некое сырьё для очередного проекта, фантомы, манекены, марионетки, чья функция – соответствовать не эстетическим, а почти физиологическим запросам публики и по мере сил их провозгласить* (Литературная газета. 2006. № 33).

Существительное **человечина** может выступать и в конкретном значении, которое отмечается (причём в качестве первого) в «Толковом словаре русского языка»: «**Человечина**, ы (разг.) 1. м. и ж. Увелич. к **человек** в 1 знач. (фам.).» [9]. То есть мы имеем дело со случаями типа *домины* 'большой дом', *волчина* 'большой волк' и под. Ср.: *Дикая лесная **человечина** была очень рослая, массивная: с непомерно большими грудями, что*

вообще характерно для гоминоидов, свисавшими до живота, толстым задом, мускулистыми руками и ногами (из Интернета). Ср. также: *Симпатичная человечина; пьющая человечина* (из Интернета).

Таким образом, слова с корнем *человек*- представлены во всех четырёх лексико-грамматических разрядах имени существительного. Конкретное существительное *человек* имеет наибольшее количество значений и содержит в себе семантические зачатки всех остальных слов: человек – это существо физическое, материальное, состоящее из плоти и крови, то есть из «человечины»; человек – это существо социальное, и все вместе люди составляют человечество; человек – это существо духовное и разумное, носитель такого качества, как человечность. Но самым важным, как показал анализ языкового материала, является то, что человек – это существо «отдельное» и самоценное; именно из отдельных людей состоит человечество, и именно на уровне отдельного человека может проявляться человечность.

Примечания

1. Калинина, Л. В. Лексико-грамматические ряды существительных как средство прагматической характеристики действительности [Текст] / Л. В. Калинина // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67; Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. М., 2003; Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси [Текст] / В. В. Колесов. Л., 1986; Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира [Текст]. М., 1988; Человеческий фактор в языке и порождение речи [Текст]. М., 1991; Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис [Текст]. М., 1992; Чернова, С. В. Целенаправленная деятельность человека как предмет лингвистической характеристики [Текст] / С. В. Чернова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: науч.-метод. журнал. Киров, 2004. № 10. С. 33–41.

2. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67; Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. М., 2003; Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси [Текст] / В. В. Колесов. Л., 1986; Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира [Текст]. М., 1988; Человеческий фактор в языке и порождение речи [Текст]. М., 1991; Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис [Текст]. М., 1992; Чернова, С. В. Целенаправленная деятельность человека как предмет лингвистической характеристики [Текст] / С. В. Чернова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: науч.-метод. журнал. Киров, 2004. № 10. С. 33–41.

3. Большой толковый словарь русских существительных [Текст] / под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005.

4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. Т. 4 / В. И. Даль М., 1991.

5. Комплексный словарь русского языка [Текст] / под ред. А. Н. Тихонова. М., 2001.

6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. М., 1981.

7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 2005.

8. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка [Текст] : в 3 т. Т. 3 / И. И. Срезневский. СПб., 1903.

9. Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4 т. Т. 4. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940.

10. Толковый словарь современного русского языка: языковые изменения конца XX столетия [Текст] / под ред. Г. Н. Складневской. М., 2001.

11. Химик, В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи [Текст] / В. В. Химик. СПб., 2004.

12. Калинина, Л. В. От единства к единице [Текст] / Л. В. Калинина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: науч.-метод. журнал. Киров, 2005. № 12. С. 77–82.

В. А. Береснева

ЯВЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СИНКРЕТИЗМА В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЯВЛЕНИЯМИ КОНТАМИНАЦИИ, ИГРЫ СЛОВ, ОМОНИМИИ И ПОЛИСЕМИИ

Статья посвящена проблеме отграничения лингвистического синкретизма от контаминации, игры слов, омонимии и полисемии. Проводится мысль о недопустимости отождествления и смешивания этих явлений в силу принципиального различия их природы и языкового статуса.

Хотя термин «синкретизм» (греч. *synkrētismos* = соединение, объединение) не нов в лингвистике, к ситуации, сложившейся вокруг проблемы синкретизма на современном этапе его развития, вполне применимы следующие слова В. В. Колесова: «Часто, употребляя одни и те же термины, мы не можем сговориться по существу, поскольку индивидуальные представления о предмете дискуссий не сведены в приемлемые для всех (или многих) понятия и определения» [1]. В самом общем виде *лингвистический синкретизм* может быть определен как совмещение *двух и более функций одним языковым знаком*. Неадекватность восприятия термина «синкретизм» обнаруживается прежде всего в том, что синкретизм нередко усматривают там, где на самом деле имеют место совсем другие явления. Случаи же проявления синкретизма часто идентифицируются как омонимия, многозначность.

Уже традиционным в лингвистике можно считать рассмотрение «синкретизма» в связи с явлениями переходности. Так, В. В. Бабайцева полагает, что синкретичные образования являются следствием явлений переходности, обусловлены ими [2].

Различая «типичные (центральные, ядерные) грамматические категории морфологического и синтаксического уровней», обладающие «полным набором дифференциальных признаков», и переходные явления, В. В. Бабайцева отмечает, что последние «характеризуются синкретизмом свойств: они совмещают дифференциальные при-

БЕРЕСНЕВА Виктория Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре романо-германской филологии ВятГГУ
© Береснева В. А., 2007

знаки типичных грамматических категорий, проявляющиеся в разной мере» [3].

Различение «типичных» и «переходных (синкретичных)» категорий, а также «шкалу переходности», разработанную В. В. Бабайцевой, используют очень многие исследователи при анализе языковых явлений (В. И. Фурашов, Л. Д. Чеснокова, Н. Г. Денисова, Г. Н. Кондратьева, А. А. Калинина, Н. С. Малофеева, Н. Д. Рыбка, Г. Г. Инфантова, Л. В. Шалина, Е. Н. Лагузова, М. А. Сорокина, Л. Н. Голайденко, Н. В. Юдина, Л. Н. Омельченко, И. Н. Политова, А. Н. Бертякова и др.).

Предлагаемое В. В. Бабайцевой и ее последователями истолкование синкретизма нельзя признать верным. Слишком широкое понимание синкретизма как совмещения различных содержательных признаков в одной единице выражения привело исследователей к отождествлению синкретизма и контаминации (гибридности, диффузности) [4].

Синкретизм и контаминация, однако, – в корне различные явления. При контаминации речь идет о взаимодействии двух языковых единиц, о совмещении их *отдельных* элементов, приводящем к появлению *третьей*, контаминированной, единицы. При синкретизме же имеет место *не частичное*, как в случае с контаминацией, а *полное* совмещение различных содержательных элементов *одним* языковым знаком. Образования новой языковой единицы при синкретизме не происходит.

Выделение на шкале переходности «синкретичных» периферийных и промежуточных звеньев, как кажется, носит умозрительный характер. Неслучайно сами авторы отмечают «зыбкость и неустойчивость границ среди разных групп синкретичных образований» [5].

В связи с теорией «переходности и синкретизма» необходимо высказать еще одно замечание. К явлениям синкретизма представляется неправомерным применять термины «переход» (например, «переход» слов из одной части речи в другую или из одного разряда в другой) и «переходность» (В. В. Бабайцева обозначает случаи $A - Ab - AB - aB - B$ синхронной переходностью [6]), поскольку речь при синкретизме идет об *одновременном* совмещении в системе языка двух и более функций одним языковым знаком..

Наряду с различением синкретизма и контаминации необходимо также четко разграничивать **синкретизм и игру слов**, отождествление которых можно наблюдать у С. В. Друговейко [7] или, например, также у В. В. Бузарова, который рассматривает каламбур в качестве разновидности синкретизма [8].

Синкретизм, как уже было сказано выше, есть совмещение функций одним языковым знаком. Игра слов же, помимо функций одного слова,

может быть основана на комическом использовании омонимов, паронимов или других внешне сходных вещей. То обстоятельство, что различные функции одного знака могут быть соединены в каламбур, ни в коей мере не подтверждает идентичности рассматриваемых явлений. Несмотря на столкновение при каламбуре различных функций знака, совмещения их не происходит. Более того, ни одна из функций не находит при этом своего воплощения, поскольку такая задача в случае каламбура просто-напросто не ставится. Здесь уместно процитировать Е. В. Падучеву, которая так говорит о каламбуре: «Высказывание, допускающее два или несколько осмыслений, которые все “имеются в виду” [...], следует признать семантически аномальным: назначение такого высказывания состоит не в том, чтобы выразить какой-либо из его смыслов, а в том, чтобы обратить внимание слушающих на игру смыслов друг с другом» [9]. Игра слов и синкретизм – разные явления. Синкретизм *совмещает, объединяет* функции. Игра слов, напротив, *сталкивая, противопоставляет* их.

Перейдем далее к рассмотрению соотношения «**синкретизм – омонимия – полисемия**». Синкретизм имеет общий с полисемией критерий отграничения от омонимии, а именно: *один* языковой знак (синкретизм, полисемия) vs. *два* языковых знака (омонимия). Критерием же установления тождества языкового знака в противоположность различию языковых знаков является, в свою очередь, единство происхождения. Прав В. И. Абаев, который, предостерегая против «неправомерно расширенного понимания омонимии» [10], настаивает на «глубоком и тщательном изучении истории слов» [11]. Например, презенс в функции настоящего времени, презенс в функции будущего времени и презенс в функции прошедшего времени в немецком языке – это *три* разные функции *одной* синкретичной формы «презенс», поскольку эти функции представляют результат закономерного семантического развития *одной* формы.

Применение критерия единства происхождения позволяет также избежать противоположной ошибки, когда случаи омонимии интерпретируются как синкретизм. В. И. Кураков внес существенный вклад в развитие теории синкретизма. Но с ним нельзя согласиться в том, что, например, формы *fragte* (претерит 1-го лица единственного числа индикатива) и *fragte* (претерит 1-го лица единственного числа конъюнктива) в немецком языке являются синкретами [12]. Установить истинное положение вещей здесь можно только с помощью исторического метода. Синхронный подход нам не поможет.

В древневерхненемецком языке формы претерита индикатива и конъюнктива ни сильных,

ни слабых глаголов не совпадали по звучанию, ср., например: *bant-* (претерит 1-го лица единственного числа индикатива глагола *bintan* «binden») – *bunt-i-* (претерит 1-го лица единственного числа конъюнктив глагола *bintan* «binden»); *teil-t-a* (претерит 1-го лица единственного числа индикатива глагола *teilen* «teilen») – *teil-t-i* (претерит 1-го лица единственного числа конъюнктив глагола *teilen* «teilen») [13]. Совпадение звучания этих форм произошло лишь позже вследствие фонетических изменений. Поскольку «фонетические изменения происходят стихийно, независимо от воли носителей языка или языковых законодателей», то «их результаты носят случайный характер» [14]. И совпадение звучания слов, ранее различавшихся по звучанию, является *случайным*. Эти слова не связаны генетически. В результате фонетической конвергенции могут возникать только *омонимы*.

В. И. Кураков допускает, что фонетические изменения могут привести не только к омонимии, но также и к синкретизму, слиянию ранее различавшихся знаков в один [15]. Он пишет: «Если мы считаем первородный знак синкретичным, потому что из него впоследствии образуются два, то, естественно, и породившийся из двух один следует признать тоже синкретичным» [16]. Такая мысль, однако, противоречит объективным данным. В. И. Кураков полагает, что явления синкретизма и омонимии «близки и взаимопереходны» [17]. В действительности же синкретизм и омонимия не имеют ничего общего. Синкретизм никогда не может стать омонимией, а омонимия – синкретизмом. Да, В. И. Кураков прав, когда говорит, что синкретизм – «не только первородное свойство лингвистических знаков, но и результат развития языковой системы» [18]. Но вступить в новую свободную связь (синкретизм как свободный синтез) могут лишь элементы, которые некогда представляли *внешнее единство*, а затем *обособились*. В случаях же, подобных случаю с претеритом индикатива и претеритом конъюнктив, которые *никогда* не представляли единства, о синкретизме говорить нет оснований.

Вопрос о соотношении синкретизма и полисемии можно предварить следующим замечанием. В. И. Абаев, справедливо выступая против «широкого» понимания омонимии, в результате чего, по его мнению, «полностью запутались отношения между омонимией и полисемией» [19], сам «широко подводит» под полисемию несколько случаев, которые являются не полисемией, а синкретизмом. Таковы, например, случаи «субстантивации прилагательных и причастий», употребления слова в «переносно-образном значении» [20]. Представление о некоторой неуверенности самого автора в проблеме полисемии создается

из его суждений о «безбрежном море полисемии» [21], наличии у полисемии множества «видов, степеней, градаций» [22]. «Насколько легко провести границу между омонимией (истинной) и полисемией, настолько трудно провести ее между разными степенями и аспектами полисемии», – пишет В. И. Абаев [23]. Провести четкую «демаркационную линию», однако, необходимо и возможно не только между омонимией и полисемией, вместе с тем и синкретизмом, но также между полисемией и синкретизмом.

В литературе можно часто наблюдать, как синкретизм растворяется в полисемии. Смешивание явлений синкретизма и полисемии, возможно, отчасти происходит потому, что они в какой-то мере соприкасаются друг с другом. Оба эти явления, исходя из классификации Н. Д. Арутюновой [24], подходят под тип формально-содержательной асимметрии 2:1, где одному элементу плана выражения соответствуют два и более в плане содержания. Несмотря на наглядность, данный тип отношения формы и содержания в классификации Н. Д. Арутюновой, следовательно, не обладает достаточной эксплицитностью и скрывает существенные различия рассматриваемых категорий формально-содержательной связи. Оба явления располагают, несомненно, своими собственными характеристиками, что обусловлено различием самой природы их асимметрии.

При определении лингвистического статуса полисемии и синкретизма разумнее всего исходить из функционального понимания языка, идущего от Пражской лингвистической школы. Функция понимается при этом как назначение языка и каждого его отдельного элемента, в то время как значение представляет собой конкретную языковую реализацию этой функции. Значения видоизменяют функцию, модифицируют, варьируют, сохраняя ее основной содержательный стержень.

Исходя из такого понимания соотношения функции и значения и было дано выше определение синкретизма как совмещения *двух и более функций одним* языковым знаком. Полисемию же можно трактовать как ряд значений *одной* функции. Футур I и II в немецком языке, например, – не только синкретичные, но также и многозначные языковые единицы. На синтагматическом уровне они реализуют целую гамму модальных признаков, которые являются дифференциальными для различных значений футура I и II. Значения же эти являются конкретными реализациями денотативных функций футура I и II.

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем необходимость четкого ограничения явления синкретизма от явлений контаминации, игры слов, омонимии и полисемии. У каждого из этих явлений *своя природа и свой языковой статус*.

Примечания

1. Колесов, В. В. Семантический синкретизм как категория языка [Текст] / В. В. Колесов // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. Л., 1991. Вып. 2. № 9. С. 40.

2. Ср., напр.: Бабайцева, В. В. Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи) [Текст] / В. В. Бабайцева // Переходность и синкретизм в языке и речи: межвуз. сб. науч. тр. М.: Изд-во «Прометей» МПГУ им. В. И. Ленина, 1991. С. 14; Она же. Система членов предложения в современном русском языке [Текст]: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1989. С. 86.

3. Бабайцева, В. В. Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи) [Текст] / В. В. Бабайцева // Переходность и синкретизм в языке и речи: межвуз. сб. науч. тр. М.: Изд-во «Прометей» МПГУ им. В. И. Ленина, 1991. С. 3.

4. Ср., напр.: Бабайцева, В. В. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / В. В. Бабайцева; гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 446.

5. Сорокина, М. А. Переход имени существительного *правда* в категорию модальных слов [Текст] / М. А. Сорокина // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». Вып. 7 / под ред. К. Э. Штайн. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. С. 123; ср. также: Юдина, Н. В. Качественные и относительные прилагательные (явления переходности) [Текст] / Н. В. Юдина // Там же. С. 136.

6. См., напр.: Бабайцева, В. В. Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи) [Текст] / В. В. Бабайцева // Переходность и синкретизм в языке и речи: межвуз. сб. науч. тр. М.: Изд-во «Прометей» МПГУ им. В. И. Ленина, 1991. С. 3.

7. Друговейко, С. В. Синкретизм языкового знака в поэзии постмодернизма [Текст] / С. В. Друговейко // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. СПб., 2000. Вып. 2. № 10. С. 58–61.

8. Бузаров, В. В. Синкретизм как равноуровневое средство реализации языковой экономии [Текст] / В. В. Бузаров // Лингвистические категории в синхронии и диахронии. Пятигорск, 1996. С. 24–25.

9. Цит. по: Зализняк, А. А. Феномен многозначности и способы его описания [Текст] / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. М., 2004. № 2. С. 30.

10. Абаев, В. И. О подаче омонимов в словаре [Текст] / В. И. Абаев // Вопросы языкознания. М., 1957. № 3. С. 43.

11. Там же.

12. Кураков, В. И. Некоторые критерии разграничения омонимии и синкретизма [Текст] / В. И. Кураков // Теоретические вопросы немецкой филологии (Лексикология, стилистика): республиканский сб. Горький: Изд-во ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, 1974. С. 55.

13. Москальская, О. И. История немецкого языка [Текст]: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / О. И. Москальская. М.: Высш. шк., 1977. С. 105–112.

14. Малаховский, Л. В. Омонимия слов как абсолютная лингвистическая универсалия [Текст] / Л. В. Малаховский // Иностранные языки в высшей школе: сб. Вып. 12. М.: Высш. шк., 1977. С. 95.

15. Кураков, В. И. Указ. соч. С. 53.

16. Кураков, В. И. Явление синкретизма в морфологии современного немецкого языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. И. Кураков. Ульяновск, 1976. С. 4.

17. Кураков, В. И. Некоторые критерии разграничения омонимии и синкретизма [Текст] / В. И. Кураков // Теоретические вопросы немецкой филологии (Лексикология, стилистика): республиканский сб. Горький: Изд-во ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, 1974. С. 53.

18. Кураков, В. И. Явление синкретизма в морфологии современного немецкого языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. И. Кураков. Ульяновск, 1976. С. 4.

19. Абаев, В. И. О подаче омонимов в словаре [Текст] / В. И. Абаев // Вопросы языкознания. М., 1957. № 3. С. 43.

20. Там же. С. 37.

21. Там же. С. 34.

22. Там же.

23. Там же.

24. Арутюнова, Н. Д. О значимых единицах языка [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука, 1968. С. 93.

Т. В. Щербакова

РАССУЖДЕНИЯ Т. ГОББСА О ПОЭЗИИ И ПОЭТЕ В ЭССЕ «ОТВЕТ ДАВЕНАНТУ»

В статье на материале критического эссе Т. Гоббса «Ответ Давенанту» рассматриваются основные положения литературной теории выдающегося английского философа XVII в.

В переходный период от Возрождения к XVII столетию в английской литературе возникает сложное переплетение маньеристических, барочных, классицистических тенденций, которое сохранялось на протяжении всей эпохи. Кроме социально-политических событий, на литературу нового столетия оказывала влияние и философия, в том числе философия Томаса Гоббса (1588–1679).

В основе его философии лежит сочетание строгого эмпиризма с рационалистическим и дедуктивным методом. Его теория познания и психология основаны на убеждении, что все наши знания, в конечном счете, извлекаются из чувственного опыта. Гоббс также утверждает, что люди могут добыть истинное знание, исходя из точных определений, используя дедуктивный метод. Посредством процесса рассуждения полученные факты соединяются в логически последовательную цепь аргументов,

ЩЕРБАКОВА Татьяна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре лингвистики и перевода ВятГУ
© Щербакова Т. В., 2007

философия для Гоббса не что иное, как рассуждение.

Литературные интересы Гоббса проявлялись на протяжении всей долгой творческой деятельности философа. Его первой публикацией был перевод Фукидида (1629), а одной из последних – перевод «Илиады» Гомера (1676). Его перу принадлежат перевод на английский язык «Риторики» Аристотеля (1637). В «Левиафане» немало строк посвящено использованию языка в поэтических произведениях.

В предисловии к переводу Гомера Гоббс вступает в модный в то время диспут о том, кто является лучшим поэтом: Гомер или Вергилий, – и отдает предпочтение первому. Наиболее важной частью предисловия являются рассуждения о специфике и достоинствах эпической поэзии, а также принципы анализа «героических поэм». Самое полное изложение взглядов Гоббса на литературное творчество приходится на 1650 г.

В этом году в Париже, а на следующий год в Лондоне была опубликована незавершенная героическая поэма Давенанта «Гондиберт». Издание предваряли «Предисловие» автора, обращенное к Гоббсу, «Ответ» философа на это послание и похвальные стихи Уоллера и Каули [1].

В последние годы литературная теория Гоббса стала предметом изучения отечественных исследователей. Содержание и связь «Ответа» и «Предисловия» подробно рассмотрено в монографии В. Г. Решетова «Джон Драйден и становление английской литературной критики», в учебном пособии «Истории английской литературы: эпоха Возрождения – XVII век» того же автора. И. В. Островский в кандидатской диссертации «Драматургия Джона Драйдена 1670-х годов: от героической драмы к трагедии» прослеживает трактовку Гоббсом вопроса о «сверхъестественном» и тех утверждений по этому вопросу, с которыми полемизировал Драйден [2].

Мы рассмотрим «Ответ» как работу, связывающую ренессансную литературную теорию с теорией классицистической.

Критическое эссе «Ответ Давенанту» не разделено автором на отдельные части, но, согласно С. Талмеру, в нем можно выделить четыре раздела: 1) рассуждение о поэтическом искусстве в целом; 2) характеристика эпической поэмы; 3) качества, которыми должен обладать поэт и 4) язык и стиль поэзии [3].

Гоббс начинает с лестных отзывов о поэме. По его мнению, поэма хороша уже потому, что Давенанту присущи качества, необходимые достойному поэту: опыт, рассудительность, обузданное воображение. Уже в первом абзаце Гоббс высказывает важную мысль о различиях между

поэтом и философом. Философ, согласно автору, изучает вселенную, а поэт – мир, но не физический мир или мир природы, а мир социальный, и основные качества поэта, определяющие его пригодность к данному занятию, существенно отличаются от тех, что характеризуют философа. Далее Гоббс добавляет, что у него самого недостаточно опыта, чтобы судить о поэме, ведь он не поэт, и определяет то, что он способен сделать как философ, а именно проанализировать природу и виды поэзии.

Поэзию Гоббс разделяет на три вида: героическую, комическую и пасторальную, которые являются отражением жизни двора, города и деревни и соответствующих классов: аристократии, буржуазии и крестьянства. Каждый вид, в свою очередь, делится на драматический и повествовательный. Исходя из этого он выделяет шесть видов поэзии: эпическая поэма и трагедия, сатира и комедия, пастораль и пасторальная комедия. «Такое деление поэзии по классовой принадлежности и образу жизни можно назвать материалистическим или, по крайней мере, социологическим. В любом случае, это оригинальное деление, которого не делал до Гоббса ни один из писателей» [4].

Далее Гоббс определяет назначение поэзии: «изображая человеческую жизнь в прекрасных и размеренных строках, уберечь людей от пороков и направить их на совершение добрых и благородных поступков». Эту точку зрения, распространенную в Августинский век, отстаивал еще Филипп Сидни, заявляя вслед за Горацием, что цель поэзии – наставлять и развлекать. Кроме того, Гоббс соглашается с традиционным Аристотелевским взглядом на поэзию как на подражание. Однако в последней части предложения, «уберечь людей от пороков и направить их на совершение добрых и благородных поступков», очевидно влияние христианской эпохи, которая не могла принять классический взгляд на поэзию как удовольствие, хотя и удовольствие особого рода.

Наиболее интересные суждения Гоббса относятся к разделу о героической поэзии.

Предметом героической или эпической поэзии Гоббс называет «изображение великих людей и великих поступков» и «достойных (соответствующих) обстоятельств». Под «великими людьми» он понимает тех, кого писатели античности называли героями – людей, превосходивших остальных по своему происхождению или статусу, а также – и это самое важное – по особому уровню мышления и характеру. Именно благодаря этим качествам они являлись образцами поведения, достойного подражанию.

Гоббс предъявляет очень высокие требования к истинному герою. По мнению биографов,

этот идеал Гоббс позаимствовал не из прочитанных книг, а из собственного жизненного опыта. Кейт Томас упоминает круг близких друзей Гоббса, с которыми он встречался еще до Гражданской войны в доме Фолкланда в Грейт Тью [5]. Среди них был поэт Сидни Годолфин, в котором Гоббс, видимо, и нашел свой идеал «благородной натуры». Гоббс описывает его как человека, обладающего высокими нравственными и интеллектуальными качествами: «ясностью суждения и широтой воображения; силой мысли и изысканным красноречием; мужеством на войне и страхом перед законом» [6]. Похожий список добродетелей мы найдем и в эссе. Гоббс не скупится на похвалы своему другу Давенанту. В его поэме он не видит «ничего, кроме постоянного мужества, чистого благородства, мудрости, искренней любви, одного или двух проявлений честолюбия, которое, хотя и является недостатком, но содержит в себе долю героического и поэтому должно присутствовать в героической поэме».

Честолюбие – худший из недостатков благородного разума, но это героический недостаток и он должен присутствовать в героической поэме, которая представляет великих людей и их поступки, а значит должна изображать и их естественные недостатки. По мнению Гоббса, только великие люди честолюбивы, поскольку все остальные слишком заняты житейскими проблемами.

Однако здесь Гоббс проводит границу. Он утверждает, что эпический поэт не должен изображать неправильное, или, как он называет, «непристойное» поведение, не говоря уж о действительно безнравственных поступках. По Гоббсу, существуют два вида не подлежащих описанию вещей: «несоответствие либо между людьми и их действиями, либо между художественной манерой поэта и самой поэмой». Первый вид наиболее важен и относится к нравственному поведению героев, второй – к их языку. Поэту следует избегать «изображения в великих людях нечеловеческой жестокости или таких отвратительных пороков, как похоть и пьянство».

Данное требование опровергает мнение тех комментаторов, кто считает, что Гоббс сторонник максимально реалистичной и приближенной к жизни поэзии. Гоббс прекрасно понимал, что в реальной жизни все люди, и высокопоставленные, и простые, иногда могут быть жестокими, чувственными или пьяными. Но при этом он считал, что поэт обязан показать возвышенный образ добродетели, и, следовательно, герои его должны быть более искренними, более благородными и более великодушными, чем в реальной жизни.

Так, к примеру, Гоббс хвалит Давенанта за то, что тот в своем эпосе дал «отличное изображение добродетели», и в качестве образца такого изображения Гоббс выделяет Берту, героиню поэмы «Гондиберт». Он считает, что ни античным, ни современным поэтам не удалось так, как Давенанту, столь успешно «изобразить правдивую, совершенную и естественную любовь к жизни и использовать при этом лишь чистые линии без обращения к непристойным теням».

Гоббс считает Берту успешным воплощением не потому, что она каким-то образом олицетворяет реального человека, а потому, что она воплощает собой совершенную любовь, которую «никогда не отыщешь в реальной жизни». Он предполагает, что в жизни всегда есть место «непристойной тени», но, когда называет любовь Берты «естественной», вероятно, он думает, что в природе каждого человека заложено стремление искать и добиваться такой совершенной любви.

Однако было бы неверно считать, что для Гоббса доброта, правда, благородство не существовали в реальных людях. Он сам восхваляет Давенанта за благородную цель, которую он преследовал при написании своей эпической поэмы – «воспеть добродетель и показать ее возлюбленным; нет ничего более стоящего, чем этот творческий замысел, который влечет за собой становление благородной поэзии».

Вторая половина эссе посвящена анализу элементов стиля и средств выражения героической поэмы. Ключевое слово здесь – «*property*» (достоинство), то, что Аристотель называл уместностью, а классицисты – декорумом.

У средств выражения или стиля, «в которых заключается образ прекрасной музыки», существует два источника: либо они создаются самим поэтом, либо заимствуются у других. Гоббс предпочитает первый, так как он демонстрирует изобретательность и оригинальность поэта, а второй – лишь подражание. Когда поэт использует собственный способ выражения мысли, основанный на раскрытии его индивидуального опыта и знаний человеческой природы, говорят, что у него есть собственный стиль. Поэт, который формирует свой стиль, подражая другим, например, заимствует из книг, а не из своего опыта, может легко выдать отсутствие оригинальности, если его язык не соответствует предмету поэзии. Гоббс имеет в виду, что содержание и форма поэмы должны быть согласованы.

Хороший стиль рождается из собственного опыта поэта и из его знания человеческой природы. Гоббс уточняет это высказывание, заявляя, что хороший стиль является результатом

хороших знаний. Знать хорошо – значит иметь ясные и четкие представления в памяти, результатом чего будет ясность изложения, правильность стиля и уместность в изображении характеров. Знать много значит привести разнообразие и новизну выражения, которые повлекут за собой удивление, любопытство и восхищение.

О качествах каждого поэта читатели могут судить по стилю произведения, по ясным и четким образам, созданным с использованием особых средств выражения. Гоббс полагает, что поэты признают прежде всего за его владение языком, владение, которое появляется в результате практики и наблюдения.

Когда говорят, что Гомер, Вергилий или Давенант хорошо знают природу человека, то имеют в виду, что вымышленные персонажи, созданные этими поэтами, убедительны, индивидуальны, они живые и естественные. А это как раз и достигается посредством использования ясного, естественного и понятного языка, который Гоббс называет «естественным сплетением слов»: «порядок слов, если они расположены верно, освещает их смысл, благодаря ему можно предвидеть конец периода. Он словно фонарь, который освещает в темноте все препятствия на дороге. Неправильный порядок слов ведет к тому, что читатель сталкивается с препятствиями, и это заставляет его возвращаться и разыскивать смысл прочитанного. Причем он чувствует себя так же неловко, как если бы ехал в телеге по колее».

В этой метафоре о языке как фонарике, освещающем читателю путь, а также в метафоре о неправильном порядке слов как свете, не позволяющем видеть путь, Гоббс заостряет внимание на важности естественных выражений. Только тот поэт, как отмечает Гоббс, становится великим, чей стиль написания освещает читателю путь так, что он с уверенностью может сказать, куда он идет и к чему ведет этот путь.

Хотя использование естественных выражений является первым требованием для поэта, Гоббс знает, что одной лишь естественности недостаточно. В поэтическом языке используются также и фигуры речи, например метафоры и сравнения. Но точно так же, как и порядок слов, который может быть правильным или неправильным, метафоры и сравнения тоже могут быть хорошими или плохими. В данном случае хорош тот поэт, в языке которого эти фигуры речи постоянно видоизменяются, принося новый смысл высказыванию. Ведь именно благодаря обширным и основательным познаниям в языке поэта появляются разнообразие и новизна.

Далее философ переходит на уровень слова. Он критикует «вычурную» лексику и говорит о том, что у англичан сейчас употребляется много слов, которые величественно звучат, но не име-

ют смысла, или же таких, которые теряют смысл, будучи неверно соединенными между собой. К этой «очевидной темноте» можно добавить «амбициозную неясность выражения... или истолкование меньшими словами, чем требуется. Такие выражения, хотя они и имеют честь называться сильными строками, в действительности не лучше, чем загадки, причем не только для читателей. Спустя некоторое время они и самому писателю кажутся темными и раздражающими». Гоббс предполагает, что слова должны соответствовать мыслям, они должны выражать ни больше, ни меньше того, что задумано. Неясность и загруженность языка мешает читателю понимать значение используемых слов, а следовательно, не дает возможности «увидеть» описываемые предметы. Очевидно, Гоббс доказывает необходимость соответствия слов и мыслей и, возможно, слов и описываемых ими предметов. Неприязнь к заимствованным словам и научным неологизмам, к изощренности и виртуозности доказывают пуризм Гоббса: наилучший стиль – это естественный стиль, без примеси иноязычных элементов.

Суровая критика Гоббсом высокопарного, напыщенного и искусственного стиля предвещает появление стиля, который будет почитаться в XVIII столетии.

Несомненно, номинализм Гоббса, а именно его положение о том, что «слова должны соответствовать мыслям», его требование ясности языка, конкретности и точности речи, использовался им в непрерывной борьбе против оккультных, метафизических и схоластических доктрин. В своей философии Гоббс утверждает, что все наши мысли так же, как и поэтическое творчество, проистекают из нашего сознания, памяти, наблюдения и опыта – следовательно, из практики. Назначением наших мыслей, воображения и творчества также является практика. Она снова и снова указывает нам, как те, кто использует ученые слова или, наоборот, слова, не имеющие определенного значения, – особенно это касается схоластов, католической церкви и представителей, занимающихся вопросами средневековой психологии, – вводят в заблуждение несведущих в этих вопросах людей и сохраняют этим самым власть над человеческим разумом. И то, что относится к схоластам, религиозным и профессиональным философам, является истинным и для поэтов – «рифмоплетов».

Таким образом, настаивая на двух основных качествах поэта – «знать много» и «знать хорошо», – Гоббс уверен, что поэт должен быть мастером слова. Более того, используемые им слова должны точно (а не приблизительно) выражать его мысли. Поэт, как и философ, должен обладать этими способностями и твердо знать, что он хочет сказать и как это выразить. Эти

навыки, как и многие другие, прививаются методом проб и ошибок. Размышления человека о любых вещах могут быть как верными, так и неверными; они либо точные, либо неточные; определенные, либо неясные; мысли понятные или спутанные, хорошо или плохо обоснованные и т. д. Более того, свои мысли можно выразить также точно или неточно, понятно или неоднозначно, – одним словом, хорошо или плохо.

В целом, это как раз то, что Гоббс попытался доказать в своей работе «Ответ Давенанту». Его заслугой является изучение особого «союза компетентности и способностей», необходимых для написания поэзии, особенно эпоса. И он убедительно показал, что, как и в любом другом искусстве, создание литературного произведения требует знания языка, наблюдений и соответствующего опыта. Одним словом, это требует особой практики.

«Предисловие» Давенанта и «Ответ» Гоббса отнюдь не являются «манифестом классицизма», как иногда утверждают исследователи их творчества. Они представляют собой лишь важное звено, соединяющее ренессансную литературную теорию с теорией классицистической. Многие положения, выдвинутые ими, прозвучат несколько лет спустя в критических работах Драйдена, Раймера, Денниса. Трактовка Давенантом и Гоббсом жанра героической поэмы имела определенное

значение в истории развития литературной теории, но все же лучшие образцы эпической поэзии Англии, поэмы Джона Мильтона, будут создаваться без оглядки на их суждения.

Примечания

1. *Hobbes, T.* Discourse upon Gondibert. The Answer of Mr. Hobbes to Sir. William Davenant's Preface before Gondibert [Text] / T. Hobbes // Critical Essays of the Seventeenth Century / ed. by J. E. Spingarn. Blumington, 1909. Vol. 1. P. 278–290. Все последующие цитаты даны из этого издания.

2. *Решетов, В. Г.* Джон Драйден и становление английской литературной критики XVI–XVII веков [Текст] / В. Г. Решетов. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. 246 с.; *Решетов, В. Г.* История английской литературы: эпоха Возрождения – XVII век [Текст]: учеб. пособие / В. Г. Решетов. Рязань: Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2006. 324 с.; *Островский, И. В.* Драматургия Джона Драйдена 1670-х годов: от героической драмы к трагедии [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / И. В. Островский. Рязань, 2005.

3. *Talmer, S.* The Rhetoric of Criticism. From Hobbes to Coleridge [Text] / S. Talmer. Oxford: Pergamon Press, 1989. P. 4.

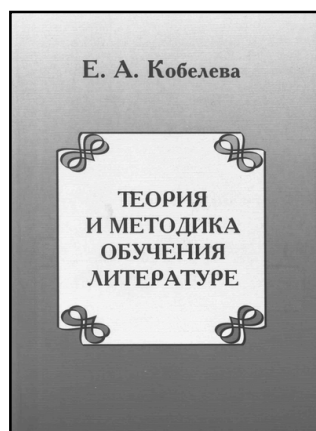
4. Ibid. P. 5.

5. *Thomas, K.* The Social Origins of Hobbes's Political thought [Text] / K. Thomas // Hobbes Studies / ed. by K. C. Brown. Oxford: Basil Blackwell, 1965. P. 185–236.

6. *Thorpe, C. D.* The Aesthetic Theory of Thomas Hobbes [Text] / C. D. Thorpe. New York: Russel & Russel Inc., 1964. P. 159.

НОВЫЕ КНИГИ

Кобелева, Е. А. Теория и методика обучения литературе [Текст]: учебно-методическое пособие / Е. А. Кобелева. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – 185 с.

Настоящее издание является реализацией методического обеспечения образовательного процесса по специальностям «Учитель русского языка и литературы», «Филолог-преподаватель». Пособие содержит курс лекций, семинарских и практических занятий. Каждая тема сопровождается вопросами и заданиями для самостоятельной работы, списком рекомендуемой литературы. В книге также представлены контрольные и зачетные работы, тест-билеты к экзамену, тематика курсовых работ, образец защиты творческого проекта, содержание выпускной педагогической практики, вопросы к государственному экзамену.

Пособие предназначено для студентов-филологов, которые слушают курс «Методика обучения литературе», а также для преподавателей-словесников и всех интересующихся проблемой преподавания литературы в школе.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Е. О. Галицких

БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ АЛЬБЕРТА ЛИХАНОВА В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Автор статьи с позиции контекстно-биографического подхода обращается к проблеме осмысления биографии в гуманитарном образовании и на примере жизненного пути писателя Альберта Лиханова, почетного профессора Вятского государственного гуманитарного университета, президента Международной ассоциации детских фондов, раскрывает истоки и результаты биографии гражданина, «защитника детства», общественного деятеля, представителя культуры. Альберт Лиханов сумел воплотить в своих жизни и творчестве единство слова и дела.

Значение человека не сводится к тому, что он после себя оставил, а заключается главным образом в том, как он действовал при жизни и на что откликался, а также в том, пробудил ли он в своих современниках потребность действовать и отдаваться новым веяниям.

И. В. Гете

Проблема биографии как объекта изучения в литературоведении, истории и педагогике, поставленная филологом Г. О. Винокуром (1924 г.), остается и до сегодняшнего дня предметом исследования и научного осмысления категории времени жизни человека в жанре историко-филологических разысканий. Проблема биографии актуальна и в педагогических поисках понимания «стратегии жизни» [1]. Г. О. Винокур формирует научное и оригинальное представление о биографическом исследовании как изучении «личной жизни» человека в широком ее смысле, многомерном, а не узком. Г. О. Винокур приходит к выводу, что биография лишь в том случае сохранит научность и будет соответствовать своему предмету, если будет помещена в исторические рамки. Вот почему обращение в этой статье к контексту времени в его философском смысле: времени жизни писателя, времени как исторической эпохе, времени художественного произведения – не является случайным. Переизданная

в 2007 г. книга Г. О. Винокура «Биография и культура» [2] является методологическим основанием нашего исследования и раскрывает биографию писателя Альберта Анатольевича Лиханова в контексте гуманитарного образования и определенных «исторических рамках».

Идея Г. О. Винокура о структурированности биографии вызвала несомненный интерес и у филологов, и у педагогов, и у лингвистов [3]. Его понимание филологии как метода, основанного на критике и интерпретации, доказывает, что «биография, как и всякая иная историческая наука, входит в круг проблем филологической энциклопедии» [2, с. 70] и что «вся биография вообще – только внешнее выражение внутреннего» [2, с. 26] и что любой социально-исторический факт может стать содержанием личной жизни, если он пережит личностью, потому что, «становясь предметом переживания, исторический факт получает биографический смысл» [2, с. 37]. «Переживание есть внутренняя форма биографической структуры и в этом качестве – носитель специфически биографического значения и содержания» [2, с. 38]. В своем изучении биографии писателя мы руководствуемся идеей переживания как внутренней пружины личной жизни и ее разворачивании в биографической стилистике, жизненной манере персонажа, особого стиля его действия. Разнообразные стили личной жизни, названные Г. О. Винокуром: мечтатель, игрок, бунтарь, джентльмен, – мы дополним еще одним – гражданин. Мы принимаем во внимание «стилизацию как результат рефлексии, направленной на свое поведение, поскольку и она является отражением стиля эпохи», подчеркивает В. А. Виноградов [2].

И биография Альберта Лиханова (1936 г.) нам интересна как исследователям именно потому, что он – знаменитый писатель, наш земляк, общественный деятель и современник, жизнь которого вместила в себя поворотные исторические события эпохи, которые он пережил и художественно представил в своих произведениях. А поскольку миссия гуманитарного образования заключается в сохранении культуры человечества, в создании образа человека мыслящего, говорящего и действующего в пространстве культурных ценностей, то биография нашего современника, писателя Альберта Лиханова может служить для выпускников университета образцом

ГАЛИЦКИХ Елена Олеговна – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой новейшей литературы и методики обучения литературе ВятГУ
© Галицких Е. О., 2007

воплощения этой миссии, нравственным идеалом «стратегии жизни», соединившей слово и дело в реальной биографии человека.

В 1987 г. Альберт Анатольевич Лиханов выступил инициатором создания Советского детского фонда, в этом году самая крупная в стране благотворительная организация для детей – Российский детский фонд – отмечает свое двадцатилетие. А ее организатор и вдохновитель президент Международной ассоциации детских фондов Альберт Анатольевич Лиханов является не только академиком Российской академии образования, но и почетным профессором Вятского государственного гуманитарного университета.

Каждый год в октябре проходит в нашем городе большое событие – общественно-литературные Лихановские чтения, они являются временными вехами общественно-литературной жизни области. Преподаватели и студенты филологического факультета являются не только их участниками, но и организаторами. Уже защищены курсовые и дипломные работы, посвященные исследованию творчества А. А. Лиханова, проведены мастерские творческого чтения и письма для школьников и студентов, изданы книги с материалами чтений и выступлениями А. Лиханова [4]. Но интерес к проблемам детства, жизни детей-сирот, вдохновляющего и спасающего детского чтения в эпоху социальных катастроф остается злободневным, неисчерпанным. В прошлом году, который был назван годом памяти Д. С. Лихачева, писатель А. Лиханов издал книгу «Заветное» [5], которая вдохновила на проведение открытых лекций и уроков Лихачева, на перечитывание его книг, писем, воспоминаний. Насколько востребованы мысли и мудрость Д. С. Лихачева современными студентами и школьниками? На этот вопрос мы искали ответ и результаты этого поиска обобщили в книге «Племя младое, незнакомое» в диалоге с Д. С. Лихачевым» [6], изданной в нашем университете. Время жизни Альберта Лиханова отражается на окружающих его людях, потому что, с точки зрения К. Паустовского, самое занятие писательством заставляет человека вести разнообразную, напряженную жизнь, вмешиваться в разные области нашей действительности, встречаться со множеством людей и проникать во все углы страны...

Мы считаем необходимым актуализировать интерес к личности и творчеству А. А. Лиханова у всех студентов гуманитарного университета, ставящего перед собой идеальную цель образования – воспитание интеллигентных людей, самостоятельных в своих поступках, нравственных в своих выборах и решениях, читающих классику и новую литературу и понимающих все величие и неисчерпаемость русской культуры. Гуманитарный университет – это та среда, в которой необходи-

мо каждому самостоятельно сформировать свой профессионально-личностный идеал и образ своей жизни, обогатить свой опыт жизнетворчества наукой, культурой, образованием. Одним словом, увидеть перспективу своей биографии, своей жизни, профессиональной карьеры.

К. Г. Паустовский считал, что золотой запас писателя – это запас его мыслей и наблюдений над жизнью. Иными словами, это его биография, поэтому писатель не может не обладать содержательной внешней или внутренней биографией. С этой позиции мы обратимся к исследованию биографии Альберта Анатольевича Лиханова – известного прозаика, публициста, педагога и общественного деятеля, председателя Российского детского фонда и президента Международной ассоциации детских фондов, академика Российской академии образования.

Сам А. А. Лиханов считает, что самое главное в его жизни – писательство. «Но писатель рождается не с первых строк, легших на бумагу из-под пера. Писатель рождается в человеке тогда, когда в его сердце, как на скрижалях, проступают слова завета: о пережитом должны знать все!» – так считает исследователь биографии и творчества А. А. Лиханова писатель В. Бахревский в своей книге «Поле жизни Альберта Лиханова» [7].

Во многом выбор жизненного пути Лиханова и главные на нем ценностные ориентиры определило время детства, традиции семьи и воспоминания и впечатления трудных военных и послевоенных лет в городе Кирове, который жители с любовью называют по имени реки Вяткой. Все взрослые когда-то были детьми, но не все по-

мнят это. «Воспоминания, вынесенные из детства из родительского дома» были связаны с войной, с первой учительницей Апполинарией Николаевной Тепляшиной, с холодами и голодом, но кроме этого с нежной благодарностью библиотеке, школе, книге. Алик Лиханов сохранил в своем воображении образы, картины детства: цирк, библиотеку, вишневый сад, овраг, бабушкин буфет, пахнущий хлебом, стихи...

Детство дало один очень важный жизненный исток – выбор темы творчества, обращенного к детям. А. А. Лиханов считает, что «все, что бывает в детстве, кажется замечательным и неповторимым потом, много лет спустя, но ты уже безвозвратно изгнан временем из детской и счастливой поры. Маленький человек всегда норовит поскорее стать взрослым, и это ему удастся. Но вернуться назад не дано никому. **Только вот память – таинственная и волшебная пряжа, протянутая из настоящего в прошлое, золотая нить воспоминаний – способна соединить времена и повернуться лицом назад, лишь одна она...**» [8, с. 338].

И память Альберта Лиханова наполнена «пламенной благодарной любви» [8, с. 301] к первой учительнице, к детской библиотеке, родителям, всем добрым людям.

Судьба одарила Лиханова встречей с первой учительницей, давшей ему главный урок нравственности – добрую заботу о детях. Позднее писатель Лиханов определил свой жанр так – роман в повестях и назовет его «Русские мальчики» [8], вписав свое слово в литературную классическую традицию и подчеркнув этим выбором и названием эпичность повествования, значительность событий и истоки духовного опыта детства.

Я переделать мир хочу –

И от бессилия кричу.

Я Достоевского читаю,

Я русских мальчиков учу (Инна Кабыш)

В этих повестях: «Крутые горы», «Музыка», «Деревянные кони», «Магазин ненаглядных пособий», «Кикимора», «Детская библиотека» и «Последние холода», а затем «Кресна», «Лежачих не бьют», «Те, кто до нас» – будут разные «русские мальчики», но они дают возможность читателю увидеть характер, процесс его воспитания в себе и ясно представить любимого героя автора – мальчишку-подростка, открывающего мир и себя в мире, ищущего свои «книги в красном переплете», читающего в библиотеке «собрание сочинений Пушкина в одном томе» [8, с. 329]. Героям лихановских книг: Коле, Михаське [9], Толику, «в детстве хочется быть постарше». А «человек, который посещает библиотеку, – самостоятельный человек. И библиотека – заметный признак этой самостоятельности...» [8, с. 287], если в этой детской библиотеке происходит очень важная встреча в жизни

ни – встреча с книгой: «Помнишь ли ты свою первую книгу?»

Нет, не ту, что прочитала бабушка или мама возле постели, когда у тебя была ангина и тебе отчего-то хотелось плакать над каждой страницей, и не ту тонкую книжицу, по которой ты, словно птенец, пробуя звуки собственного голоса, складывал из букв знакомые слова.

Нет, я спрашиваю про книгу, которую ты выбрал – или тебе помогли выбрать – среди множества других, которую ты раскрыл дома, оставшись один, и которая навсегда запала в твою память чудесными мыслями, волнующими словами, чернотой отчетливых, красивых букв, рисунками, переплетом – прекрасным или вовсе неказистым и даже запахом – резким запахом типографской краски, смешанной с клеем, или запахом какого-то другого дома, в котором, перед тем как оказаться у тебя, побывала эта книга?» [8, с. 293]

«Помню, что я был бесконечно счастлив, усаживаясь с книгой в руках поближе к печи и натянув – для уюта – старый и уже дырявый от старости бабушкин шерстяной платок на плечи. Счастлив и просветлен.

Книга делала со мной чудо: она говорила со мной разными голосами детей и взрослых, я чувствовал, как надо мной покачивается палуба белоснежного парохода, видел всплески огромных рыб в тяжелых струях реки, слышал металлический грохот якорной цепи и команды капитана. Хотя и не морского, речного, а все-таки с трубкой в зубах. Я ощущал прикосновения человеческих ладоней, чувствовал запахи дыма рыбацкого костра, который доносился с берега, слышал мерное чмокание волны о дебаркадер и наслаждался сахаристым вкусом астраханского арбуза. Будто волшебная власть уносила меня в другое пространство и время, раскрывая безмерные дали и вознося в облачные небеса» [8, с. 307].

Может быть, этот «роман с книгой» [10] и развил творческое воображение будущего писателя, был началом длинной жизни, которая впитала в себя и военное голодное детство, и столько ярких событий профессии журналиста, впечатлений от стран и людей, большую любовь, к которой подходит определение: «Любовь – это годы, прожитые вместе», и смену государственных «режимов» и почестей от властей и признание современников. И все это вместило время одной человеческой жизни, описание которой можно лишь условно назвать биографией одного человека, потому что любая конкретная жизнь соприкасается и выстраивается в контексте времени, других жизней, исторических событий, которые в ней отражаются. Есть три времени памяти – прошлое, настоящее и будущее. У М. Осоргина так названа книга о его жизни – «Времена». Вот времена души Альберта Лиханова.

ва – это его внутренняя биография, и она находит свое воплощение в художественном творчестве, в котором все реальные события и люди – только материал для другой реальности – литературной, образной, художественной. Большая душевная работа преобразует воспоминания, соединяет все «времена» в ткань художественного текста. И этот художественный мир писателя обогащает наши впечатления от жизни новым опытом, развивает наше воображение, выстраивает перспективы биографии читателя в форме мечты, идеала, стремления, цели и смысла жизни.

В этом особенность жизни писателя, биография которого отражается в биографии читателей, влияет на их представления о жизни реальной, окружающей, на понимание своего времени, своей эпохи, своего столетия.

А. Лиханов напишет посвящение к «Последним холодам» как заклинание: «Посвящаю детям минувшей войны, их лишениям и вовсе не детским страданиям. Посвящаю нынешним взрослым, кто не научился поверять свою жизнь истинами военного детства. Да светят всегда и не истают в нашей памяти те высокие правила и неумирающие примеры – ведь взрослые всего лишь бывшие дети».

Судьбоносным поворотным моментом в биографии и творчестве стала повесть «Голгофа» (1979 г.) с главным героем, бывшим солдатом Алексеем Пряхиным. «Как бы ни жил человек, что бы он ни делал – благого или дурного, – говорил Лиханов в интервью «Литературной газете», – на него во все глаза глядит ребенок, человек, продолжающий нас». В этой повести есть важный биографический источник – посвящение автора: «Посвящаю эту повесть Анне Ивановне Зыкиной, бабушке моей жены, сохранившей в тяжелые годы войны трех своих внуков» [11, с. 135]. Война становится прошлым, историей народа, но остается в памяти, в литературе, в благодарности тем людям, которые защитили детство.

К произведениям А. Лиханова обращались режиссеры театра и кино. Интерес театрального искусства и кинематографа к книгам А. Лиханова обусловлен яркой социальной направленностью его произведений, желанием автора активно защищать гуманистические идеи и проповедовать «нравственный закон» человеческого достоинства. Поэтому фильм «Карусель на базарной площади» (1986 г.), снятый по повести «Голгофа» на Мосфильме, заставляет зрителя размышлять над смыслом жизни, над связями мира и войны, над «судьбой человека» в контексте времени и истории. Герой фильма обращает каждого к своей совести и пониманию своего долга перед близкими, родными, детьми и Богом.

Факультет журналистики Уральского университета в Свердловске открыл новую страницу

биографии Альберта Лиханова – время накопления журналистского опыта, впечатлений от людей и жизни. Стремление писать закрепилось в работе с редакторами газет и журналов, в командировках, поездках по стране и встречах с людьми. С 1975 г. Лиханов возглавлял журнал «Смена», семь лет был ответственным секретарем, тринадцать с половиной – главным редактором. Но успевает и книги писать, и журналом руководить. «Мой генерал» (1975 г.) – роман для детей младшего школьного возраста. Сколько бы лет ни читали мы со студентами и школьниками этот роман, всегда неизменен интерес у юных читателей и их родителей. Этот роман продолжает традицию лучших гайдаровских книг, которые помогали детям становиться взрослыми, быть активными участниками жизни, помощниками своим родителям. Роман «Мой генерал» наполнен детской романтикой, высокими чувствами, светлыми слезами. Он не случайно назван автором «романом», потому что идея памяти, связи поколений – это эпическая идея на все времена: «Посвящаю всем генералам. Всем полковникам. Всем подполковникам. Всем майорам. Всем капитанам. Всем лейтенантам. Всем старшинам. Всем сержантам. Всем рядовым. Посвящаю всем солдатам минувшей войны, которым их дети, их внуки, их правнуки и будущие праправнуки обязаны вечно – зеленой травой, голубой речкой, синим небом, серебряным воздухом – всем, что называется ЖИЗНЬ». Такое посвящение автора – это и слова благодарности своему отцу, участнику Великой Отечественной войны, и желание пробудить смелость в юных читателях перед встречей с настоящим романом.

В 1980 г. выходит повесть «Благие намерения», открывающая не только тему сиротского детства, но и ставящая проблему педагогического призвания. Судьба Надежды Георгиевны – это воплощение педагогики сердца, в которой нельзя себя беречь, где нужно любить ребенка, быть его земным ангелом – хранителем. За эту книгу А. А. Лиханов получил Международную премию имени М. Горького.

Есть такая профессия – любить детей, и эта профессия – учитель. «Чтобы полюбить книгу, надо сначала полюбить школу, а чтобы школа тебя ждала и ты летел каждое утро в свой родной класс на крыльях, надо любить учительницу». Образы учителей в книгах Лиханова не схематичны и не идеализированы, в каждом из них происходит непрерывная духовная работа: «Великий и тонкий человек была наша мудрая и любимая Анна Николаевна» [8, с. 301], умевшая утешать добрым словом и воспитывать просто своим присутствием в классе, а учитель математики Иван Алексеевич Метелин из рассказа «Смерть учителя» учил ребят не только решать

задачи, но и задавать себе вопросы и делать смысловые жизненные выборы [11, с. 524].

Педагоги повести «Благие намерения» работают в школе-интернате с социальными сиротами: жизнеутверждающим благородством молодости заражает коллег Надежда Победоносная, которая верит в свою педагогику сердца, понимает, как важно уметь признавать свои ошибки, а директор школы-интерната Аполлон Аполлинарьевич, имея «педстажа лет триста», мучительно ищет пути воспитания детдомовцев и задает себе мучительные вопросы о том, как сделать этих детей счастливыми. Надежда Победоносная, вспоминая свой первый год работы в школе, думала о себе в третьем лице так: «Время изменило меня, я ничуть не лучше других в этом смысле, состарило на десять лет. Но, кроме времени, есть еще одна категория, воздействующая на тебя, может, даже сильнее, чем время. Это образ жизни, отношение к ней, сострадание к другим» [11, с. 217].

В другое время учит детей литературе героиня романа «Сломанная кукла» Елизавета Петровна, по прозвищу Лизуня, она не выдерживает экзамен на сострадание, не может помочь своим ученикам: Маше, Анечке Бочкаревой, Алеше Благому. Она не понимает, что дело «не в похвалах и пятерках», а в «необыкновенных мыслях» ее учеников, в трагических вопросах о жизни и смерти, о Боге и любви, о чести и предательстве, о добре и зле, которые ставит перед ними жизнь и которые «выступили из полутемных кулис древности, и их, новых людей другого века, просто ударили» [12].

К сорока пяти годам А. Лиханов издал тридцать книг. Самое интересное, что книги А. Лиханова полезно и интересно перечитывать в любом возрасте. Они в равной мере обращены к родителям, взрослым читателям, педагогам, воспитателям, студентам, школьникам.

Работа в ЦК ВАКСМ расширила опыт организаторской, управленческой деятельности и открыла новые проблемы для творчества. От повести «Высшая мера» долгий путь до романа «Сломанная кукла», но в центре конфликта – семья, ее мир, ее мера ответственности за судьбы детей. Маленькая Маша из романа «Сломанная кукла» стоит в литературе рядом с Козеттой Виктора Гюго и ждет руки взрослого человека, способного взять на себя ответственность за жизнь ребенка и помочь пережить это трагическое время детства. «Сломанная кукла» вызвала дискуссии не только в литературной критике, но и учителей, но это был смелый роман, заявляющий право писателя бороться за сохранение детства «здесь и сейчас».

«У всякого времени своя жестокость...» – считает писатель. И эта жестокость заставляет взрос-

лых помнить о том, что мы в ответе за свои выборы, решения, политические катаклизмы. И у Альберта Лиханова хватает мужества открыть новую тему – разбитое детское сердце, сломанное детство, сиротство, горе детской души. Педагогическая проза и публицистика А. Лиханова – это «Драматическая педагогика» [13], это «Письма в защиту детства» [14], это отчаянное стремление быть услышанным своими современниками и желание активно помочь миру сохранить право на веру, надежду и любовь, сохранить «человеческое в человеке». Публицистический диалог с читателями требует от писателя откровенности, искренности и убедительности. Публицистика Альберта Лиханова – это отражение его биографии на рубеже веков, это стремление быть современным, то есть помогать согражданам понять цели и смыслы, испытания и поражения, победы и открытия нового века. Не случайно Альберта Лиханова приняли в почетные академики Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, тем самым включив его в число лучших людей эпохи, сделавших свой вклад в сохранение и развитие культуры России.

Журналистский опыт, писательский дар и многогранный личностный потенциал, организаторский энтузиазм, гражданская позиция дали возможность А. Лиханову взять на свои плечи заботу о создании Российского детского фонда. Общественное признание, награды патриарха и президента, авторитет международного уровня пришли к любимому писателю. Книги А. Лиханова востребованы в детских библиотеках и стоят на книжных полках домашних библиотек у взрослых читателей. Неутомимый труженик и подвижник детского фонда, он никогда не позволяет себе почивать на лаврах, торопится успеть все, что может сказать, сделать, сохранить.

Особая заслуга писателя и веха в его творческой биографии – серия видеофильмов для молодежи под названием «Уроки нравственности». Писатель ощутил пульс «эпохи перемен» – тревогу за сохранение «человеческого в человеке», поиск авторитетов, нравственных истин. Он выстроил диалоги о смысле жизни, профессии, воспитании, образовании с лучшими людьми эпохи – своими современниками. Гениальный замысел, потому что со-временников объединяет время, исторический контекст событий, они стремятся сохранить понимание между «отцами и детьми», между «временами», золотое сечение между духовной и материальной жизнью. Встречи А. Лиханова с патриархом Московским и всея Руси Алексием, физиком Жоресом Алферовым, актером Сергеем Безруковым, хирургом Лео Бокерия, генералом Валентином Варенниковым, муфтием Равилем Гайнутдиновым, модельером Вячеславом Зайцевым, певцом Иосифом Кобзоном, олимпий-

ской чемпионкой Ириной Родниной, драматургом Виктором Розовым стали «уроками нравственности» [15] о милосердии, об искренности, о сострадании, о патриотизме, о терпимости, о вдохновенности, о порядочности, об упорстве, о совестливости. Прекрасно, что в библиотеке нашего университета есть эти видеодialogи, важно только, чтобы они «работали», а не стояли на полках, чтобы студенты слушали эти беседы, всматривались в лица своих современников, выстраивали свои размышления о нравственном опыте этих людей, об их биографиях. Обсуждение этих фильмов может помочь каждому вдумчивому читателю и зрителю воспитать в себе интеллигентного человека, которым, с точки зрения Д. С. Лихачева, притвориться нельзя.

Альберт Лиханов занимает гражданскую позицию защитника нравственных ценностей и традиций своего Отечества, поэтому борется словом писателя и делами Детского фонда за увеличение счастья в жизни каждого ребенка, за ответственность взрослых за будущее своих детей. Его писательская позиция – защитник детства, поэтому он считает, что истинное искусство – форма выражения добра; это своеобразная концентрация всего лучшего, что может быть в человеке, концентрация такой силы, которая рождает вокруг себя свет, очищающий, облагораживающий, возвышающий стоящих рядом. Его жизненное кредо может быть выражено в поэтической форме:

*И я хочу на свете белом,
Чтоб слово снова стало делом.
Чтоб для послов
И для ослов,
Между вождей,
В кругу пророков
Прекрасный смысл
Прекрасных слов
Освободился от пороков.
Чтобы святое слово
Честь –
Не вызывало слова
Месть.
Чтоб утвердительное
Да
Произносилось
Навсегда.
Чтоб перед будущим ответ
Всегда держало слово: нет!
Чтобы ценою всех свобод
Хранил достоинство народ.
Чтоб мир светлее стал и шире
И не пускался в распри вновь.
Чтоб вечно царствовали в мире
Надежда,
Вера
И Любовь! [16]*

Время благосклонно к Альберту Лиханову, он построил дом, вырастил сына, сделал счастливой любимую женщину, реализовал свой писательский дар. Но его кругозор никогда не ограничивался личным благополучием, он всегда заботился о воспитании молодежи, о сохранении «памяти на добро» и строительстве домов для сиротевших и незащищенных детей. Поэтому и может с гордостью прочитать оценку В. П. Астафьева своей роли в контексте времени: «Гражданином в наше время быть трудно, да необходимо, чтобы характер был, а без характера нет писателя, как нет и общественного деятеля. Лиханов – хороший гражданин, по-вятски трудолюбив, по-русски стоек. И я предвижу и предчувствую, что он много и достойно еще поработает на ниве нашего отечества, на подзапущенных его полях и поможет упасть сорняку и созреть злаку» [7].

Таким образом, осуществив анализ «стилистических форм личной жизни» [2, с. 68] писателя, мы подошли к философскому уровню биографического исследования и увидели, что стиль жизни писателя А. Лиханова – это реализация осознанной позиции гражданина, «защитника детства», заинтересованного в общественном благе как единстве слова и дела.

Альберт Анатольевич Лиханов в наследство оставляет современникам не только десятки томов любимой читателями художественной прозы, но и библиотеку для детей и юношества в родном городе Кирове, где огромные фонды – это книги из его личной библиотеки, да премию учителям начальной школы имени А. Н. Тепляшиной, да детскую роман-газету с классикой для детского чтения, да «Уроки нравственности» на видеокассетах для всех школ России, да семейные детские дома по всей стране, да традицию общественно-литературных Лихановских чтений, да книгу «Заветное» с письмами Д. С. Лихачева, да педагогическую прозу и публицистику, защищающую детство, а скольким детям-сиротам он помог как председатель Российского детского фонда.

Примечания

1. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни [Текст] / К. А. Абульханова-Славская. М., 1991.
2. Винокур, Г. О. Биография и культура [Текст] / Г. О. Винокур. М., 2007.
3. Бочаров, С. Энциклопедия наук [Текст] / С. Бочаров // Литературная газета. 2007. 6–12 июня. № 24. С. 6.
4. Воспитание гражданина [Текст] / под ред. Е. О. Галицких. Киров, 2005.
5. Лихачев, Д. С. Заветное [Текст] / Д. С. Лихачев. М., 2006.
6. «Племя младое, незнакомое» в диалоге с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым [Текст] : сб. / под ред. Е. О. Галицких. Киров, 2007.

7. Поле жизни Альберта Лиханова [Текст] : сб. / В. Бахревский и др. М., 2005.
8. Лиханов, А. А. Русские мальчики [Текст] / А. А. Лиханов. М., 1995.
9. Галицких, Е. О. Подготовка студентов к воспитательной работе на практических занятиях [Текст] / Е. О. Галицких // Пути совершенствования подготовки студентов к воспитательной работе с учащимися. Киров, 1991. С. 141–148.
10. Пеннак, Д. Как роман [Текст] : эссе / Д. Пеннак. М., 2005.
11. Лиханов, А. А. Благие намерения [Текст] / А. А. Лиханов // Лиханов А. А. Собр. соч.: в 4 т. М., 1987. Т. 3.
12. Лиханов, А. А. Сломанная кукла [Текст] / А. А. Лиханов // Лиханов А. А. Собр. соч.: в 3 т. М., 2002. Т. 1.
13. Лиханов, А. А. Драматическая педагогика [Текст] / А. А. Лиханов. М., 2002.
14. Лиханов, А. А. Письма в защиту детства [Текст] / А. А. Лиханов. М., 2002.
15. Лиханов, А. А. Уроки нравственности [Текст] / А. А. Лиханов. М., 2004.
16. Дудин, М. Песни моему времени [Текст] : стихотворения и поэмы в двух книгах / М. Дудин. М., 1986.

М. П. Бандаков, И. Ю. Зыков

АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ГРУПП К УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ АДАПТИВНОГО ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

В статье дана оценка уровня физического развития и физической подготовленности студентов специальных медицинских групп, осуществлен анализ и сделаны предположения о возможных путях совершенствования процесса адаптивного физического воспитания в средних специальных учебных заведениях.

Деятельность человека в условиях современного общества неразрывно связана с периодическим, иногда довольно длительным и интенсивным воздействием на него неблагоприятных экологических, социальных, профессиональных, экономических, политических и других факторов. Современное общество предъявляет все более высокие требования к качеству подготовки специалистов для всех областей социальной практики. Перемены, происходящие в России, требуют от большинства населения мобилизации имеющихся ресурсов, деятельности в экстремальных условиях в

течение ряда лет. В настоящее время, когда принципиально изменилась парадигма общественной жизни, а императивом, стимулирующим адапционные процессы, как у общества, так и отдельно индивида являются рынок, демократические процессы, возникает острая необходимость не только в исследовании деятельности человека в экстремальных условиях, но и в подготовке к ним». По мнению С. В. Калмыкова, «интересна деятельность человека... способность его адаптации к рынку, конкуренции, соперничеству, риску, в целом относительно новым социально-экономическим реалиям» [1].

Профессиональное образование выполняет сегодня ряд социальных функций – дает профессиональные знания и умения, готовит к жизни, формирует мировоззрение. Однако главная его задача – становление человека, создание максимально благоприятных условий для развития личности. Принимая во внимание все вышесказанное, эта важнейшая функция может быть реализована только при наличии особой организации развивающей среды, в которой учащийся мог бы раскрыть и развить свои возможности.

Динамизм нашего времени, потребность в новых знаниях, усложнение системы социальных отношений приводят к качественным изменениям характера адаптации человека к современной действительности. Сущностными чертами адаптации к миру становится потребность к максимальной индивидуализации личности в контексте ее социокультурной интеграции. В основе решения данной проблемы, осмысления ее с точки зрения психолого-педагогических механизмов адаптации личности лежит потребность разработки и внедрения инновационных образовательных технологий. Идея создания образовательной среды как благоприятного социального окружения, актуализирующего интеллектуальные, моральные и коммуникативные возможности личности, обеспечивающего ее комфортную интеграцию в социокультурную среду, сегодня очень актуальна.

В последние годы увеличилось количество научно-исследовательских и методических работ по решению задач адаптации школьников и студентов с отклонениями в состоянии здоровья к новым условиям жизнедеятельности.

Анализ результатов теоретических исследований и практических рекомендаций свидетельствует о том, что вопросы, связанные с проблемами перехода школьников из общеобразовательной школы в средние профессиональные учебные заведения и обеспечения психолого-педагогических условий для их адаптации в новых социальных условиях, привлекают внимание все большего числа исследователей в разных областях научных знаний. Сегодня это актуально и

БАНДАКОВ Михаил Петрович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре адаптивной физической культуры и методики обучения ВятГГУ
ЗЫКОВ Илья Юрьевич – старший преподаватель кафедры адаптивной физической культуры и методики обучения ВятГГУ
© Бандаков М. П., Зыков И. Ю., 2007

связано со значительным ухудшением здоровья как всего населения страны, так и студентов в частности [2, 3, 4, 5].

Может быть, этим объясняется то, что приобретение профессиональных знаний и умений в среднем профессиональном учебном заведении возможно только при создании особой образовательной среды и благоприятного социального окружения, что в конечном итоге обеспечит высокий уровень физической и умственной работоспособности студентов.

В широком смысле адаптация понимается:

- как изменения, сопровождающие процесс активного приспособления индивида к новым условиям жизнедеятельности на уровне психической регуляции [6];

- процесс приспособления индивидуальных и личностных качеств к жизни и деятельности человека в изменившихся условиях существования [7];

- процесс активного взаимодействия личности и среды [8];

- процесс взаимодействия личности с окружающей средой, ведущий, в зависимости от степени активности личности, к преобразованию среды в соответствии с потребностями, ценностями и идеалами личности или к преобладанию зависимости личности от среды [9];

- аспект жизнедеятельности особи и вида (популяции), в котором реализуется фундаментальное свойство материи к самосохранению и развитию в конкретных условиях существования [10];

- сложный процесс приспособления первокурсников к новым условиям деятельности и общения [2];

- многомерные физические, психические и социальные приспособительные возможности личности к окружающей среде [11].

Таким образом, адаптацию следует рассматривать как процесс формирования состояния индивида, адекватного условиям обитаемости и осуществления необходимой деятельности.

Анализ научно-методической литературы, касающейся исследования адаптивных процессов человека, показал, что расширение функциональных возможностей организма и использование их в профессиональной подготовке возможно только при предъявлении организму значительных по воздействию факторов внешней среды, вызывающих срочную и в дальнейшем долговременную реакцию адаптации. Изменение условий жизни, работы, учебы и быта людей предъявляет новые требования к жизнедеятельности современного человека, которые немыслимы без напряжения нервной системы и отрицательных эмоций.

В то же время необходимо отметить, что профессиональная подготовка должна находиться в границах психофункциональных возможностей

человека и не вызывать патологические состояния и болезни [12].

За период обучения в среднем специальном учебном заведении (ссуз) студенты подвергаются воздействию ряда как неспецифических (климатогеографические, экологические), так и специфических факторов (возрастные, физиологические и психологические особенности, эмоциональные перегрузки, малоподвижный образ жизни), сказывающихся на их здоровье [13].

Труд студентов относится преимущественно к умственному, существенной чертой которого является уменьшение объема интенсивной двигательной активности. Для студентов, как и для людей умственного труда, это в основном повседневная двигательная активность с преимущественно статической нагрузкой [14, 15].

Длительные наблюдения за учащейся молодежью показали, что в последнее время отмечается снижение объема двигательной активности, что отрицательно сказывается на состоянии физических и психических возможностей студентов, ведет к ухудшению здоровья и снижает показатели физического развития, неблагоприятно сказывается на их работоспособности [3, 5].

Отметим, что длительное и значительное ограничение двигательной активности человека приводит к отрицательным изменениям, к которым можно отнести ухудшение умственной работоспособности, снижение функций внимания, мышления, памяти.

Постоянное и психоэмоциональное напряжение, а также нарушение режима труда, отдыха, питания часто приводят к срыву процесса адаптации и развитию целого ряда заболеваний [16].

Ряд авторов отмечают, что активный двигательный режим является эффективным средством устранения неблагоприятного влияния нервно-эмоционального напряжения, укрепления здоровья и обеспечения высокого уровня умственной и физической работоспособности. Кроме того, значительное снижение уровня двигательной активности в экзаменационные периоды отрицательно сказывается на общем состоянии здоровья студентов, их физической и умственной работоспособности [3, 17].

В то же время Е. Д. Хомская, И. В. Ефимова, П. Холст [18] отмечают лучшую способность к мобилизации памяти, эмоциональную устойчивость, большую уверенность в своих действиях у студентов с более высоким уровнем двигательной активности.

Студенты с более высокой двигательной подготовленностью лучше адаптируются к новым условиям и различным негативным факторам окружающей среды (социально-бытовым условиям, эмоциональному стрессу, учебному процессу).

Физическая культура представляет собой важное средство развития и сохранения высокой психической активности человека, позволяет успешно снимать явления умственного утомления, выступая важным средством сохранения устойчивости умственной работоспособности при длительной напряженной деятельности [19].

Научными исследованиями установлено, что физическая подготовленность студентов, их физическая активность взаимосвязаны с продуктивностью учебной и общественной деятельности, успеваемость у физически активных студентов значительно выше. При этом физическая культура как основная, специально организованная форма двигательной активности может служить средством профилактики переутомления, сокращения периода адаптации студентов к условиям ссуза [4, 20].

В настоящее время численность студентов с серьезными отклонениями в состоянии здоровья, с выраженными структурными и функциональными нарушениями в организме растет и уже составляет 18–25% от общего числа студентов. Увеличивается число студентов, отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе. В 2003 г. их стало 1 млн 400 тыс. человек, что на 5% больше, чем в 2002 г. С каждым годом этот показатель увеличивается в связи с возрастающим негативным влиянием социально-экономических факторов [21].

По данным Комитета по здравоохранению Санкт-Петербурга за 2003 г., заметно увеличились различия в выявляемой хронической патологии среди детей в зависимости от возраста. Так, соотношение выявленных заболеваний у школьников и студентов средних специальных учебных заведений следующее:

- болезни костно-мышечной системы: 55% – у школьников, 95% – у учащихся средних специальных учебных заведений;
- болезни глаза и его придатков: 48% – у школьников, 82% – у учащихся ссуз;
- болезни органов дыхания: 40% – у школьников, 46% – у учащихся ссуз;
- болезни органов пищеварения: 39% – у школьников, 72% – у учащихся ссуз;
- болезни мочеполовой системы: 25% – у школьников, 31% – у учащихся ссуз;
- болезни нервной системы: 20% – у школьников, 28% – у учащихся ссуз.

Изучение состояния здоровья студентов свидетельствует о том, что в среднем у каждого студента имеется от одного до двух заболеваний. В то же время отмечается рост заболеваний внутренних органов (42% студентов имеют заболевания желудочно-кишечного тракта, 27% – мочеполовой системы), более 50% девушек нуждаются во внимании врача-гинеколога, 93% из них уже

имели воспаление придатков, у 48% отмечается нарушение биологического цикла; заболевания органов дыхания (ЛОР-органов) отмечено у 16,1% студентов; отклонения в эндокринной системе – 29%; в нервной системе – 11,3% [20, 22].

Значительная часть абитуриентов, поступающих в ссузы, уже имеет различные отклонения в состоянии здоровья и физическом развитии. В свою очередь рост объема научной информации, повышение требований к подготовке специалистов неизбежно ведут к интенсификации процесса обучения. Это отрицательно сказывается на здоровье студентов: все чаще обнаруживается недостаточная физическая, функциональная и психологическая готовность студентов к поддержанию высокого уровня учебно-трудовой активности.

Кроме того, следует отметить, что процесс ухудшения состояния здоровья студентов в период их обучения в ссузе продолжается. Например, количество студентов, не имеющих заболеваний, на первом курсе больше, чем на втором. С каждым годом численность студентов в основной медицинской группе снижается (хорошее физическое развитие, нет заболеваний) и повышается их численность в подготовительной и в специальной медицинских группах (слабое физическое развитие, наличие заболеваний).

К специальной медицинской группе (СМГ) относят студентов, имеющих значительные отклонения в состоянии здоровья постоянного или временного характера, обучающихся по обычной учебной программе, но имеющих противопоказания к занятиям физической культурой по государственным программам в общих группах.

Вопросы организации занятий по физическому воспитанию со студентами специальной медицинской группы привлекают внимание многих исследователей. Анализ научно-методической литературы, которая попала в поле зрения нашего исследования, позволил выделить несколько подходов к организации занятий по физическому воспитанию с данной категорией студентов:

1) комплектование групп осуществляется из студентов, имеющих однородные заболевания, т. е. по *нозологическому* признаку [23, 24];

2) А. Г. Щедрина предлагает формировать специальные медицинские группы по уровню развития здоровья, определяемому по *функциональному состоянию основных физиологических систем и резистентности организма* к различным социальным и экологическим факторам [25];

3) И. П. Чабан предлагает формировать специальные медицинские группы по *уровню физической подготовленности* [26];

4) по мнению В. Д. Прошлякова, наиболее полную картину об уровне здоровья человека при решении вопроса о допуске его к занятиям фи-

зической культурой дает анализ *уровня функционального состояния физического развития и физической подготовленности* [27, 28];

5) ряд авторов считает возможным организовать учебный процесс в специальных медицинских группах на *основе спортивных специализаций* плавания, ритмической гимнастики, шейпинга, группы тенниса и бадминтона [3, 5].

Таким образом, установлено отсутствие единства мнений по вопросам комплектования и распределения студентов в специальные медицинские группы. Сегодня комплектование студентов по специальным медицинским группам проводится на основе результатов углубленного функционального обследования с определением величины общей физической работоспособности. Как правило, в специальную медицинскую группу зачисляются студенты и учащиеся с низкими показателями физической работоспособности.

Подтверждением этому заключению служат исследования ряда авторов, которые отмечают, что при организации занятий со студентами специальной медицинской группы необходимо обращать особое внимание на уровень физического развития, физической подготовленности и функциональных возможностей организма занимающихся [5, 29, 30].

На приемах в поликлиниках врачи редко дают конкретные рекомендации учащимся с отклонениями в состоянии здоровья, каким видом физических упражнений, в каком объеме и режиме им необходимо заниматься. Такие учащиеся часто необоснованно освобождаются от занятий физической культурой в тех случаях, когда именно дозированные физические нагрузки являются одним из наиболее эффективных средств повышения работоспособности и восстановления здоровья. Возможно, именно по этой причине во многих учебных заведениях не проводятся занятия по физическому воспитанию с лицами, имеющими ограниченные физические и функциональные возможности и отнесенными к специальной медицинской группе. Такое отношение к занятиям физическими упражнениями приводит к тому, что многие студенты, отнесенные по состоянию здоровья к специальной медицинской группе, не в полном объеме готовы к выполнению нагрузок, предусмотренных стандартной учебной программой. Отсюда очевидно, что такие студенты оказываются неприспособленными к специфическим нагрузкам, связанным с пребыванием длительное время на лекциях, семинарских и лабораторных занятиях. Создаются дополнительные предпосылки для возникновения повторных и сопутствующих заболеваний [3, 5, 30, 31].

Студенты специальной медицинской группы характеризуются слабым физическим развитием и низким уровнем функциональной работоспо-

собности. Они имеют недостаточную физическую подготовленность и по этой причине не могут выполнять многие физические упражнения, участвовать в подвижных играх.

Организация и методика учебного процесса со студентами специальных медицинских групп имеет свои особенности. Это приводит к необходимости совершенствовать учебный процесс физического воспитания, разрабатывать и внедрять новые подходы и технологии работы со студентами, отнесенными по состоянию здоровья, физическому развитию, физической подготовленности к специальной медицинской группе [28, 30].

Эффективность применения физических упражнений на занятиях со студентами, имеющими отклонения в состоянии здоровья, во многом зависит от организации занятий, подбора адекватных средств и методов физического воспитания [5].

Авторы считают, что в занятиях лечебной физической культурой (ЛФК) при миопии необходимо сочетать общеразвивающие упражнения с гимнастикой для глаз. Для работы с этой категорией больных нужно учитывать, что в упражнениях силового характера степень прилагаемых усилий должна быть небольшой; нежелательны длительные и напряженные переходы из положения лежа в положение сидя и обратно; противопоказаны прыжки, резкие движения головы. В качестве разминки возможно использование ходьбы и бега в течение 5–7 минут. Рекомендуемая частота сердечных сокращений в занятиях – до 140 уд./мин [32, 33].

При заболеваниях органов пищеварения рекомендуется использовать ходьбу, общеразвивающие упражнения, ритмическую гимнастику. Установлено, что небольшие и умеренные мышечные напряжения стимулируют основные функции желудочно-кишечного тракта, а интенсивные – угнетают. В то же время при язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки, гастрите с повышенной секрецией целесообразно выполнение длительных упражнений в медленном темпе. При гипосекреции, напротив, полезны эмоциональные упражнения, возбуждающие нервную систему [34].

Основными задачами лечебной физической культуры при остеохондрозе являются увеличение подвижности позвоночного столба, создание «мышечного корсета» как естественного стабилизатора, укрепление мышц плечевого пояса, тазового дна и нижних конечностей, восстановление правильной осанки и походки. Для решения этих задач используются следующие специальные упражнения: разгрузка позвоночного столба; упражнения на вытяжение позвоночного столба; упражнения на развитие гибкости, укрепления мышц живота и спины, для выработки

правильной осанки и походки. Полезны плавание, ходьба на лыжах по равнине, пешие прогулки, а также волейбол, теннис, бадминтон, но без элементов соревнования.

Для студентов, имеющих нарушения в деятельности сердечно-сосудистой системы, наибольшая эффективность занятий достигается при комплектовании различных средств в одном занятии. Рекомендуются основная, корректирующая, художественная гимнастика, дыхательные упражнения, бег, прыжковые упражнения, в том числе со скакалкой, элементы спортивных игр, лыжи, плавание.

Однако, по мнению Г. А. Апанасенко с соавторами, при заболеваниях сердечно-сосудистой системы нужно с большой осторожностью использовать упражнения, связанные с сотрясением корпуса (прыжки), с рывками рук (спортивные игры). Автор рекомендует упражнения глобального характера, вовлекающие в работу большие мышечные группы. Они в меньшей степени способствуют повышению артериального давления, чем упражнения с участием малых мышечных групп [35].

С учащимися, имеющими заболевания опорно-двигательного аппарата (сколиоз, плоскостопие), И. М. Николаичева рекомендует в занятиях использовать сочетание ритмической гимнастики (44% от времени занятий в учебном году), элементов спортивных игр (11%), координирующей гимнастики (13%) и силовых упражнений (12%). Автор отводит 4% от времени занятий на циклические упражнения, 3% – на дыхательные, 13% – на отдых. Предпочтение отдается нагрузкам, выполняемым в смешанном режиме энергообеспечения [31].

При пиелонефрите, учитывая высокий процент гипертонических реакций, предпочтительнее использовать циклические упражнения умеренной интенсивности. Нагрузки в зоне субмаксимальной и максимальной мощности противопоказаны [32].

О. Н. Токмакова предлагает использовать на занятиях со студентами специальных медицинских групп дозированную ходьбу и бег в сочетании с упражнениями на развитие силы; упражнениями на развитие координационных возможностей; упражнениями на развитие гибкости; скоростно-силовыми упражнениями; упражнениями на дыхание с отдыхом; контрольным разделом [36].

По мнению Т. Д. Ильницкой, в основной части занятия со студентами специальной медицинской группы следует использовать спортивные игры (бадминтон, волейбол, настольный теннис), гимнастику, легкую атлетику, специальные упражнения ЛФК [27].

Н. К. Новиков, А. М. Кочаров рекомендуют активно использовать в лечебно-профилактических

целях при самых различных заболеваниях физические упражнения системы Хатха-йога. По мнению авторов, разумное и целенаправленное сочетание таких упражнений (3 раза в неделю) с традиционными физическими упражнениями (дозированная ходьба или бег 3 раза в неделю) могут дать значительный оздоровительный эффект [37].

Вместе с тем необходимо отметить, что еще недостаточно освещены в научной литературе вопросы, касающиеся регламентации физических нагрузок в специальных медицинских группах.

Наличие большого разнообразия заболеваний у студентов специальной медицинской группы, постоянно меняющегося процентного соотношения студентов с различными заболеваниями в разных учебных заведениях и даже в одном учебном заведении на разных специальностях и в разные годы затрудняет выработку единых подходов в организации учебных занятий по физическому воспитанию студентов специальной медицинской группы [28].

Анализ и обобщение научно-методической литературы дает основание сделать вывод о том, что при разработке различных комплексов физических упражнений в оздоровительных целях должны ставиться и решаться такие задачи, как отбор упражнений, отличающихся простотой, доступностью, индивидуальной дозировкой; применение различных методик для повышения активности центральной нервной системы и коррекции двигательного аппарата; увеличение дееспособности мышечных групп.

Высокая эффективность занятий в СМГ достигается конкретным выбором методических приемов. Характерная черта занятий в СМГ – комплексное освоение материала программы, освоение основ знаний по заболеваниям, овладение двигательными действиями, связанными с ними, умениями и навыками самостоятельных занятий. Практикуется написание контрольной работы по своему заболеванию.

Анализ научно-методической литературы показал, что исследования в области совершенствования современной системы физического воспитания в ссузе посвящены, главным образом, методике занятий с группами основного и подготовительного отделений [5]. Работы, направленные на оптимизацию процесса физического воспитания в СМГ, отражают подходы к планированию занятий с группами студентов, имеющих сходные заболевания [27, 31]. В то же время СМГ, как правило, формируются без учета характера вторичных отклонений в состоянии здоровья студентов. В связи с этим возникает необходимость поиска нового подхода к планированию учебного процесса по физическому воспитанию, который будет способствовать адаптации студентов

к условиям обучения в ссузе, повышению оздоровительной эффективности занятий и в то же время обеспечит возможность индивидуализации нагрузок.

Установлено, что в средних специальных учебных заведениях меняется социальная ситуация для развития личности, происходит увеличение видов деятельности, которые человеку приходится осуществлять, изменяется круг лиц, включенных во взаимодействие, а также спектр решаемых проблем и возможностей для принятия решений.

Исследования показывают, что качество решения задач по адаптации на начальных этапах образования в среднем специальном учебном заведении, во многом зависит от умения правильно организовать эту работу с первокурсниками. К сожалению, при организации учебно-воспитательного процесса, в том числе и по физическому воспитанию, не всегда учитывается степень психофизического и функционального состояния здоровья первокурсников, что в конечном итоге ведет к негативным последствиям в состоянии их здоровья и отражается на успешности обучения.

Вопросы адаптации выпускников общеобразовательных школ на начальном этапе обучения в рамках среднего профессионального образования рассмотрены на сегодняшний день недостаточно. Более того, комплексной методики адаптации студентов специальной медицинской группы средствами физического воспитания к обучению в ссузе, в доступной литературе выявить не удалось.

Анализ литературных источников по проблеме адаптации студентов ссузов к условиям учебы средствами физического воспитания позволил выявить следующие противоречия:

- между объективной необходимостью создания оптимальных условий для адаптации студентов первых курсов, с одной стороны, и недостаточной научно-теоретической и практической разработанностью данной проблемы в области физического воспитания – с другой;

- между наличием высоких интеллектуальных, эмоциональных и физических нагрузок у первокурсников СМГ в период адаптации к условиям обучения в среднем профессиональном учебном заведении и отсутствием системы непрерывных оптимальных педагогических воздействий в рамках процесса физического воспитания;

- между общественной потребностью в подготовке социально и профессионально компетентных, физически и духовно развитых специалистов разных профессий и отсутствием в системе физического воспитания средних профессиональных учебных заведений продуктивных здоровьесберегающих технологий, основанных на непрерывности и взаимовлиянии на учащихся различных форм занятий физическими упражнениями,

на знаниях состояния здоровья студентов, их физического развития и физической подготовленности.

Обозначенные противоречия позволили определить проблему исследования, которая заключается в разработке таких педагогических условий, при которых процесс адаптации студентов специальной медицинской группы средних специальных учебных заведений к условиям их жизнедеятельности средствами физического воспитания станет процессом продуктивным и целенаправленным.

Примечания

1. Калмыков, С. В. Индивидуальная деятельность человека в экстремальных условиях в контексте дихотомии «Восток-Запад» [Текст] / С. В. Калмыков // Восток-Запад: Проблемы физической культуры и спорта: сб. науч. трудов. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998. Вып. 1. 176 с.

2. Журбенко, Н. Б. Отбор и адаптация к обучению студентов колледжей физической культуры на основе учета профессионально значимых качеств личности [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Н. Б. Журбенко. Краснодар, 2000. 163 с.

3. Батова, Е. А. Организационно-педагогические условия и факторы, определяющие адаптацию студентов к учебно-профессиональной деятельности средствами ритмической гимнастики [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Е. А. Батова. М., 2003. 152 с.

4. Павлюк, Н. Б. Адаптация к обучению студентов первого курса педагогического вуза средствами физической культуры [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н. Б. Павлюк. Ярославль, 2006. 20 с.

5. Перепелюкова, Е. В. Оптимизация психофизиологического состояния студенток-первокурсниц специальной медицинской группы в процессе занятий оздоровительным шейпингом [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Е. В. Перепелюкова. Тюмень, 2005. 213 с.

6. Бушурова, В. Г. Психологическая адаптация курсантов к условиям вуза [Текст] / В. Г. Бушурова // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. 6. 1985. № 27. С. 34–41.

7. Сиомичев, А. В. Психологические особенности адаптации студентов в сфере познания и общения в вузе [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. В. Сиомичев. А., 1985. 17 с.

8. Ронгинская, Т. И. Изменение системы личностных характеристик в процессе адаптации студентов [Текст]: автореф. ... дис. канд. психол. наук / Т. И. Ронгинская. А., 1987. 16 с.

9. Мацкевич, А. А. Специфические характеристики субъекта общения в процессе профессиональной адаптации будущего молодого специалиста [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. А. Мацкевич. А., 1987. 17 с.

10. Мокиенко, Г. С. Роль двигательного режима в формировании исходного уровня физической подготовленности и состояния здоровья первокурсников [Текст] / Г. С. Мокиенко, Н. М. Полковников // Физкультура и здоровье студентов: сб. науч. тр. М.: МГУ, 1988. С. 63–68.

11. Шубин, Д. А. Совершенствование адаптационных возможностей студентов с нарушением опорно-двигательного аппарата [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2006. 24 с.

12. Основы психофизиологии экстремальной деятельности [Текст] : курс лекций / под ред. А. Н. Блера. М., 2006. С. 61.
13. Воронина, Г. А. Валеологические подходы в оценке и решении проблемы здоровья учащихся в процессе обучения [Текст] / Г. А. Воронина, В. А. Демидов // Тезисы докладов IV Всероссийской научно-практической конференции «Образование и здоровье». Калуга, 1998. С. 61–62.
14. Характеристика гигиенических навыков студентов в процессе учебного курса по формированию здоровья [Текст] / С. Г. Ахмерова [и др.] // Гигиена и санитария. 1996. № 1. С. 44–47.
15. Агаджанян, Н. А. Особенности адаптации сердечно-сосудистой системы юношеского организма [Текст] / Н. А. Агаджанян, И. В. Руженкова, Ю. П. Старшинов // Физиология человека. 1997. Т. 23. № 1. С. 93–97.
16. Лившиц, О. Д. Влияние режима питания на показатели напряженности умственного труда студентов [Текст] / О. Д. Лившиц, А. А. Меньшикова // Гигиена и санитария. 1992. № 1. С. 331–333.
17. Цветков, В. Н. Особенности влияния различных видов физических упражнений на эмоциональное состояние студентов [Текст] / В. Н. Цветков, Г. В. Буланова // Теория и практика физической культуры. 1990. № 2. С. 34.
18. Хомская, Е. Д. Динамические характеристики интеллектуальной деятельности у студентов с различным уровнем двигательной активности [Текст] / Е. Д. Хомская, И. В. Ефимова, П. Холст // Вопросы психологии. 1986. № 5. С. 141–148.
19. Бандаков, М. П. Индивидуализация средств и методических подходов на уроках физической культуры как условие эффективного развития физических качеств и психических процессов школьников (на материале исследования учащихся 4–5 классов) [Текст] : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1981. 18 с.
20. Богатырев, В. С. Образ жизни и здоровье студентов [Текст] / В. С. Богатырев; РАН, Ин-т социологии, Кировский региональный центр. Киров: Изд-во ВГПУ, 2001. 171 с.
21. Семенов, С. А. Управление развитием социально значимых качеств у студентов высших учебных заведений с использованием средств физической культуры и спорта [Текст] : автореф. дис. ... канд. пед. наук / С. А. Семенов. СПб., 2004. 23 с.
22. Абаскалова, Н. П. Теория и практика формирования здорового образа жизни учащихся и студентов в системе «ШКОЛА – ВУЗ» [Текст] : автореф. ... д-ра пед. наук / Н. П. Абаскалова. Барнаул, 2000. 40 с.
23. Ким, В. В. Изменение показателей здоровья и физической подготовленности студенток специальной медицинской группы с диагнозом нейроциркуляторная дистония под влиянием статодинамических упражнений [Текст] / В. В. Ким, И. Э. Юденко // Теория и практика физической культуры. 2003. № 4. С. 45.
24. Частные методики адаптивной физической культуры [Текст] : учебное пособие / под ред. Л. В. Шапковой. М.: Сов. спорт, 2003. 464 с.
25. Щедрина, А. Г. Морфофункциональные показатели здоровья студентов в связи с различными видами учебной деятельности и влиянием физического воспитания [Текст] : дис. ... д-ра мед. наук / А. Г. Щедрина. Новосибирск, 1982. 443 с.
26. Чабан, И. П. Аспекты оптимального программирования занятий по физической культуре со студентами специального медицинского отделения [Текст] / И. П. Чабан // Физическое воспитание студентов творческих специальностей. 2002. № 6. С. 37–42.
27. Ильницкая, Т. Д. Дифференцированная методика физического воспитания для студентов специальной медицинской группы как средство профессионально-прикладной физической подготовки [Текст] : дис. ... канд. пед. наук / Т. Д. Ильницкая. М.: РГАФК, 1993. 152 с.
28. Прошляков, В. Д. Медико-биологическое обоснование физического воспитания студентов с нарушениями в состоянии здоровья [Текст] : дис. ... д-ра мед. наук / В. Д. Прошляков. Рязань, 1997. С. 41–43.
29. Токмакова, О. Н. Совершенствование физической подготовленности студенток специального медицинского отделения вуза на основе расширенного использования дозированной ходьбы и бега [Текст] : дис. ... канд. пед. наук / О. Н. Токмакова. М., 1999. 120 с.
30. Коваленко, Т. Г. Биоинформационные оздоровительные технологии при проблемно-модульном обучении в системе физического воспитания и реабилитации студентов с ослабленным здоровьем [Текст] : дис. ... д-ра пед. наук / Т. Г. Коваленко. Волгоград, 2000. 364 с.
31. Николаичева, И. М. Физическая подготовка девушек специальных медицинских групп среднего учебного заведения на основе учета оздоровительной эффективности нагрузок [Текст] : дис. ... канд. пед. наук / И. М. Николаичева. Малаховка, 1997. 159 с.
32. Чоговадзе, А. В. Физическое воспитание в реабилитации студентов с ослабленным здоровьем [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / А. В. Чоговадзе, В. Д. Прошляков, М. Г. Мацук; под ред. А. В. Чоговадзе. М.: Высш. шк., 1986. 144 с.
33. Анфилатова, О. В. Методика непрерывного адаптивного физического воспитания детей старшего дошкольного возраста с нарушением зрения [Текст] / О. В. Анфилатова // Физическая культура. 2005. № 2. С. 50.
34. Козырева, О. В. Лечебная физкультура при заболеваниях органов пищеварения [Текст] : лекция / О. В. Козырева. М.: РГАФК, 1993. 13 с.
35. Апанасенко, Г. А. ЛФК при заболеваниях сердечно-сосудистой системы [Текст] / Г. А. Апанасенко, В. В. Волков, Р. Г. Науменко. Киев: Здоровье, 1987. 120 с.
36. Токмакова, О. Н. Указ. соч.
37. Новиков, Н. К. Физические тренировки как средство немедикаментозной коррекции повышенного артериального давления [Текст] / Н. К. Новиков, А. М. Кочаров // Теория и практика физической культуры. 1996. № 2. С. 9–12.

В. П. Кузьмина

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМПАТИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ*

В статье представлены теоретические подходы исследователей к эмпатии и ее основным конструктам, раскрыта содержательная сторона феномена.

Эмпатия как психологический феномен имеет достаточно длительную историю изучения в зарубежных исследованиях и сравнительно короткую в отечественных.

Отправной точкой, или исходным уровнем, можно считать становление понятия в рамках философских дисциплин, где оно обозначалось термином «симпатия» и «связывалось» с развитием моральных чувств и альтруистическим поведением (Г. Спенсер; А. Смит; А. Шопенгауэр и др.). Проанализировав их работы, Т. П. Гаврилова отмечает, что «симпатия» понимается авторами как свойство человеческой души и рассматривается в качестве регулятора взаимоотношений между людьми в обществе, основы совести, альтруизма, справедливости [1].

Следующим может быть выделен социально-психологический уровень (Т. Рибо; В. Штерн; Т. Шибутани и др.), дальнейшая разработка которого осуществлялась в основном в рамках американской психологии (Е. Титченер; Мак Дауголл; Ф. Олпорт; В. Штерн; С. Аш; А. Бандура и др.; К. Роджерс), где эмпатия представлена во всех традиционных гранях психического: и как процесс, и как свойство, и как состояние, обнаруживая в своем составе компоненты всех основных психических образований: эмоциональных (чувства), когнитивных (познание), поведенческих (мотивация, воля). На этом уровне разрабатывается понятийный аппарат, который используется в психофизиологических, психических и социально-психологических характеристиках феномена.

Следует отметить, что предъявляемые к понятийному аппарату требования определяются рядом параметров, в том числе и минимальным количеством предельно общих категорий, необходимых при рассмотрении выделенного понятия. Что касается эмпатии, то она характеризуется как

концептуальной, так и терминологической неразработанностью (А. П. Стрелкова; И. М. Юсупов; О. И. Цветкова; В. П. Кузьмина).

Анализ исследований показал, что одни психологи рассматривают эмпатию в эмоциональном аспекте, определяя ее как вчувствование в объекты социальной действительности (Т. Шибутани), как основу помогающего поведения (Т. Рибо; А. Валлон; Т. П. Гаврилова; В. П. Кузьмина и др.). Другие психологи, сторонники когнитивного направления, трактуют эмпатию как процесс понимания, «когнитивную реконструкцию внутреннего мира другого человека, способность представить поведение других людей» (А. В. Орлов, М. А. Хазанова). По утверждению Т. П. Гавриловой и А. П. Стрелковой, в зарубежной психологии наиболее распространено в когнитивном аспекте понимание эмпатии как перцептивного акта, характеризующего способность личности оценивать чувства и мысли другого в воображаемом плане, или как социальный инсайт, коммуникацию во внутреннем плане.

Существуют взгляды на феномен эмпатии и с позиций взаимосвязи эмоциональных и когнитивных процессов (З. Фрейд; К. Хорни; И. М. Юсупов). Так, И. М. Юсупов, объясняя структуру эмпатии, вводит понятие «комплементарность». Автор объясняет свою позицию: «Эмоциональные и когнитивные компоненты эмпатийного понимания находятся между собой в отношениях комплементарности. Включение одного в другое происходит при дефиците информации в эмпатируемом объекте с целью «проникновения» в скрытый мир другого человека или антропоморфизированного объекта. Включение протекает как осознанная или подсознательная децентрация субъекта» [2].

В качестве следующего уровня изучения феномена может быть выделен уровень прикладных исследований. Исследуются механизмы эмпатии (В. К. Вилюнас; А. П. Сопиков; М. Хоффман; Т. И. Пашукова), изучается роль эмпатии в профессиональной деятельности (К. Роджерс; С. Б. Борисенко; А. Е. Штейнмец; Р. Гринсон; И. М. Юсупов; О. И. Цветкова; Е. А. Ичаловская и др.), рассматривается и ее роль в практике психотерапии (К. Роджерс; Р. Гринсон; М. И. Буянов; А. И. Захаров и др.), изучается взаимосвязь между воспитательными взаимодействиями в семье, в детских образовательных учреждениях и личностными характеристиками ребенка (С. Бек; А. Валлон; Е. И. Васильева; О. И. Цветкова; В. П. Кузьмина; С. Н. Сорокоумова).

Наконец, предельно конкретный уровень – это выход в практику психологического консультирования и коррекции (А. С. Спиваковская; Г. В. Бурменская; Г. А. Лэндрет; А. П. Гримак; Р. В. Овчарова и др.).

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 05-06-06-254 а.

В свете изложенного необходимо конкретизировать понятие «эмпатия». Слово «эмпатия» произошло от греческого «*empathia*» – сопереживать и рассматривается в психологии как способность человека эмоционально отзываться на переживания другого, постижение его эмоционального состояния. В Большом толковом психологическом словаре А. Ребера эмпатия трактуется:

1) как когнитивная осведомленность и понимание эмоций и чувств другого человека. В этом случае основной коннотацией термина является интеллектуальное или концептуальное понимание аффектов другого;

2) викарная эмоциональная реакция на эмоциональные переживания другого человека, которая отражает эти эмоции или подражает им. В этом случае явно подразумевается, что эмпатические переживания представляют собой разделение эмоций с другим человеком;

3) принятие в собственном сознании роли другого человека. Это значение образовано от первого, но немного отличается тем, что добавляется представление о том, что эмпатия включает в себя принятие направления другого человека [3].

Исследователь Т. П. Гаврилова дает определение эмпатии как «специфической способности человека отзываться на переживания другого, будь то человек, животное или антропоморфизированный предмет. Эмпатия, как правило, возникает при непосредственном восприятии переживания другого» [4]. По мнению автора, эмпатия существует как устойчивое свойство... способ эмоционального реагирования по отношению к различным объектам. Такая трактовка феномена делает акцент на роли эмпатии в качестве механизма восприятия человека человеком.

Одной из характеристик изучения любого феномена принято считать функциональные возможности. Т. П. Гаврилова обнаружила при анализе зарубежных психологических источников две функции феномена: эмпатия как «детерминанта поведения», эмпатия как специфическая форма познания. Психолог И. М. Юсупов говорит о трех функциях: отражении, регуляции и коммуникации. Он пишет: «Коммуникативная функция имплицитно включена в функцию отражения и регулирования. Последние две выступают в действительности как основные. Без включенности в них коммуникативная функция применительно к структуре эмпатии теряет всякий смысл» [5]. Отражательно-оценочная функция связана с отношением личности к миру вокруг нее, к предметам и явлениям действительности и может быть положительной, отрицательной и нейтральной. Регулятивная функция обусловлена социальной средой, где личность учится регу-

лировать свое поведение на основе правил и норм общественной жизни. В основе регулятивной функции – «нравственное совершенствование индивида под влиянием общества» [6]. Коммуникативная функция реализуется в условиях общения с другими людьми и обеспечивает их совместную деятельность, их взаимосвязи и взаимоотношения.

Отечественные психологи также выделяют терапевтическую функцию эмпатии, но в большей степени функции эмпатии исследователями связываются:

– с профессиональной деятельностью, где эмпатия выступает как один из основных факторов успешности деятельности педагога, психолога;

– с развитием личности ребенка, его отношений с окружающими, развитием социальной децентрации;

– с детско-родительскими отношениями, где эмпатия выполняет функцию оптимизации этих отношений и способствует накоплению гуманистического опыта у детей, проявляющегося позднее в отношениях с другими людьми. В рамках нашего исследования особое внимание отводится личностно-образующей функции эмпатии в онтогенезе.

В современной психологической литературе употребляется несколько терминов для обозначения форм эмпатии, но все отечественные исследователи, несмотря на различную трактовку, сводят все их проявления к эмоциональному отклику, к способности осознать эмоциональные состояния другого человека.

Мы относим себя к той группе исследователей, которые выделяют две формы эмпатии – сопереживание и сочувствие. Мы полагаем, что сопереживание формируется у ребенка раньше на способности подражания взрослому. Подражание обеспечивает социальное развитие личности и представляет собой по своей сущности и природе социально обусловленную деятельность индивида, состоящую в отражении действительности. Причем подражание имеет и более ранние, простые формы – инстинктивные. В. В. Зеньковский, анализируя работы З. Фрейда, С. Бека, В. Штерна и других авторов, пишет о проявлениях сострадания у детей в очень раннем возрасте и указывает на то, что ученые выявили случаи проявления сострадания не только к людям, но и к курам, животным, растениям, образцам людей или животных в картинках или рассказах [7].

Вторая форма – сочувствие, переживание по поводу чувств другого, но отличных от них, без соотнесения с собой. Способность к сочувствию является одной из фундаментальных характеристик личности. Это социальное чувство дает возможность человеку поставить себя на место другого человека, оказать ему помощь. Сочув-

ствие выражается в понимании чувств другого человека, его мыслей и в готовности содействовать их осуществлению. Сочувствие определяется как более высокая форма эмпатического отреагирования (Т. П. Гаврилова; Н. Н. Обозов; И. М. Юсупов; В. П. Кузьмина). Способность к сочувствию зависит от пола, возраста и от того, каким по счету в семье является ребенок (Л. Симонова). Исследователь утверждает, что первые дети в семье более проявляют сопереживание, а рожденные позднее – сочувствие, что представляется весьма спорным [8].

Среди отечественных исследований наиболее значимой, на наш взгляд, работой по описанию эмпатического процесса является теоретическая разработка А. П. Стрелковой.

Автор выделила звенья эмпатического процесса, их направленность и последовательность, и объяснила функционирование звеньев соответствующими психологическими механизмами. Эмпатия А. П. Стрелковой рассматривается «как единый, направленный в сторону альтруистического действия процесс, разворачивающийся при адекватном функционировании всех его звеньев». Отправной точкой эмпатического процесса является эмпатогенная ситуация, которая «эмоционально заражает» субъекта эмпатии. Если ситуация оказывается достаточно развернутой для установления в ней причинно-следственных связей, включается следующее звено – сопереживание, где механизмом выступает уже не эмоциональное заражение, а эмоциональная идентификация. При наступлении следующей стадии, стадии сочувствия, роль эмоциональной идентификации ослабевает, включаются когнитивные компоненты. Стадия сочувствия характеризуется большей степенью осознанности и произвольности. Последующее развертывание процесса, происходящее благодаря сильному сочувствию, актуализирует сначала внутреннее, а затем и реальное содействие – оказание помощи. Последнее звено, по мнению автора, выходит за рамки эмпатического процесса, вызывая «положительные сдвиги в эмоционально-мотивационной сфере субъекта эмпатии» и оказывает большее влияние на объект эмпатии.

Теоретическую разработку А. П. Стрелковой взяла за основу А. П. Выговская для выделения пяти уровней эмпатии:

- 1) проявление равнодушия, агрессивности, злобы, раздражительности к окружающим (квазиэмпатийное отношение);
- 2) пассивное, неустойчиво-отрицательное отношение (сопереживание объекту эмпатии);
- 3) пассивное, неустойчиво-положительное отношение (сочувствие объекту эмпатии);
- 4) действенное, неустойчиво-положительное отношение (проявление внутреннего содействия или реального, но не в ущерб себе);

5) действенное, устойчиво-положительное отношение соответствующего проявления реального содействия (включая помощь в ущерб себе).

Однако предложенная автором модель не вызывает критики.

На наш взгляд, первый уровень – «квазиэмпатийное отношение» – нельзя выделять как уровень проявления эмпатии даже самый низкий, так как равнодушие, агрессивность, злоба не могут считаться проявлениями эмпатии. Далее мы видим достаточно свободную трактовку содержания понятий сопереживания и сочувствия. Но, несомненно, сам факт обращения к этой проблеме заслуживает внимания, так как авторы обычно не уделяют особого внимания определению уровней эмпатии. В основном деление на уровни строится на классическом подходе: низкий – средний – высокий или очень низкий – низкий – средний – высокий – очень высокий – и используется как основа построения интерпретации полученных в ходе экспериментальных исследований результатов.

К описанию видов эмпатии исследователи обращались не часто, в основном же о видах эмпатии упоминается в ходе изложения других проблем, связанных с эмпатией, в частности при определении феномена эмпатии, наполнении его психологическим смыслом. Часть авторов вообще не обращалась к вопросу о видах эмпатии, включая их в структуру эмпатии в виде ее компонентов, не существующих изолированно. Так или иначе, в исследованиях были выделены следующие виды эмпатии:

- когнитивная эмпатия – способность понимать эмоциональное состояние другого;
- предиктивная эмпатия – способность предсказывать аффективные реакции, предвидеть замыслы другого в определенной ситуации благодаря перенесению в мысли, чувства, действия другого;
- рефлексивная эмпатия – способность понять истинные состояния человека при искажении его поведения защитными механизмами;
- эмоциональная эмпатия – аффективная связь с другими, способность проникать – вчувствоваться – разделять переживания другого;
- оценочная эмпатия – способность одного человека оценивать действия, высказывания и личностные качества другого, имеющие отношение к моральной сфере личности;
- поведенческая (действенная) эмпатия – характеризующаяся помощью другому на основе эмоционального соучастия.

Первые три вида эмпатии принадлежат к одной группе и могут рассматриваться в совокупности.

Оценочная эмпатия – термин, введенный Р. Б. Карамуратовой, подвергается серьезной кри-

тике другими авторами, в частности А. П. Стрелковой. Мы придерживаемся позиции автора, которая считает невозможным исключение эмоционального компонента из содержания феномена эмпатии. Мы полностью разделяем высказанное А. П. Стрелковой мнение о том, что рассмотрение отдельных видов эмпатии при исключении эмоционального компонента и представленность эмоциональной эмпатии как самостоятельного существующего вида эмпатии «обескровливает» другие виды и лишает их энергетического заряда и толчкового механизма.

Таким образом, мы подходим к пониманию трехкомпонентной структуры эмпатии, которая описывалась в отечественной психологии Н. Н. Обозовым, Ю. Б. Гиппенрейтер, Т. Д. Карягиной, Е. Н. Козловой, А. П. Выговской, Н. И. Сарджвеладзе.

Н. Н. Обозов считает, что выделение трех компонентов межличностного взаимодействия плодотворно для понимания других социально-психологических феноменов, в частности эмпатии.

К трехкомпонентной структуре эмпатии обращались Н. И. Сарджвеладзе, представляя эмпатийное взаимодействие как единство когнитивного, эмоционального и моторного компонентов, и А. П. Выговская, включающая в структуру эмпатии когнитивный, аффективный и конативный компоненты. Здесь мы видим лишь терминологические расхождения, содержание же выделенных Н. Н. Обозовым взаимосвязанных компонентов эмпатии остается, по сути, прежним.

Включая в структуру эмпатии аффективный компонент как реагирование чувствами на чувства объекта и когнитивный – как понимания внутреннего мира другого в целом, Ю. Б. Гиппенрейтер, Т. Д. Карягина и Е. Н. Козлова рассматривают также коммуникативный структурный компонент как способность передавать партнеру его переживания или внутренней ситуации в вербальной и невербальной формах. В связи с этим мы согласны с критическим замечанием А. Б. Орлова и М. А. Хазановой, что эмпатизируемый может быть «слеп и глух» даже к адекватно и полно выраженной в словах эмпатии. Эмпатия с предельно редуцированным поведенческим компонентом может быть гораздо более эффективной, нежели эмпатия с выраженным коммуникативным компонентом. Таким образом, мы вновь возвращаемся к структурной схеме, предложенной Н. Н. Обозовым.

А. В. Петровский акцентирует внимание на поведенческом компоненте эмпатии, считая активное вмешательство с целью оказания помощи неотъемлемой частью эмпатии, и критикует понимание эмпатии как «пассивно-созерцательного отношения к переживаниям другого».

Зарубежный исследователь М. Каллиопуска расширяет структурную модель эмпатии, включая в нее физиологический, кинестетический, аффективный, когнитивный и мотивационный компоненты. О правомерности включения физиологического компонента говорят данные другого исследования, в котором описываются случаи возникновения и развития болезни у здоровых людей в ответ на болезни близких им людей. Роль мотивационного компонента раскрывается в работах Т. П. Гавриловой и А. И. Божович, Т. Е. Конниковой при описании форм эмпатии.

Серьезное внимание в диссертационном исследовании И. М. Юсупов уделил разработке структурной модели эмпатии. Он отталкивался от понимания эмпатии как сложного психологического феномена, содержащего множество описывающих его лексических единиц. Логические и семантические связи организованы автором в понятийный тетрабазис, составленный на основе регулирующей и отражающей функций психики, а также ее активности-реактивности. Структурные связи отражаются в триадах:

- 1) аттракция + синтония + сопереживание – область аффективного (реактивного) регулирования;
- 2) интроекция + социальная сензитивность + сочувствие – область подсознательного отражения;
- 3) проекция + атрибуция + интуиция – область опережающего отражения;
- 4) интеракция + рефлексия + содействие – область произвольного регулирования (И. М. Юсупов).

На наш взгляд, дескриптивная модель эмпатии, предложенная И. М. Юсуповым, с включением в нее такого числа лексических единиц лишь затрудняет понимание структуры эмпатии.

В рамках нашего исследования наиболее важным является вопрос о механизмах эмпатии. Большинство исследователей говорят о том, что эмпатия осуществляется посредством ряда механизмов. В психологическом словаре под общей редакцией А. В. Петровского отмечается, что эмоциональная эмпатия функционирует благодаря механизму проекции и подражания моторным и аффективным реакциям другого человека, а когнитивная эмпатия базируется на интеллектуальных процессах (А. В. Петровский).

З. Фрейд видел механизм эмпатии как имитационный, «проходящий» от «идентификации через подражание... к вживанию» в позицию другого человека. И Миллер, и Доллард, придерживаясь условно-рефлекторной теории эмпатии, указывали на значимость подкрепления (вознаграждения). По мнению А. Бандуры, вознаграждение вовсе не является главным в научении, в том числе и эмпатии. Основным механизмом он

называл замещающее научение, при котором реакция модели на высшие стимулы интерпретируется наблюдателем, а ответы затем используются в определенных условиях. Благодаря такому научению наблюдатель способен пережить состояние объекта, получая эмоциональное удовлетворение от обратной положительной эмоции на его сочувствие. Как видим, зарубежные исследователи неоднозначны в подходах к механизму эмпатии.

В отечественной психологии развитие механизмов эмпатии ряд исследователей связывают с подражанием и заражением – самыми первыми механизмами общения. А. В. Петровский отмечает двойственную роль подражания в развитии эмпатии. Ребенок, подражая эмоциям других, учится быть субъектом эмпатии, а присваивая подражание других, он учится быть объектом эмпатии.

Большинство исследователей выделяют два механизма эмпатии: заражение и идентификацию. П. Фресс, характеризуя эти механизмы, говорит о двух типах заражения: 1) когда ситуация вызывает реакцию у одного, а затем у нескольких одинаковую реакцию; 2) ситуация не охватывает нас, а эмоции охватывают. При этом автор утверждает, что все облегчающее идентификацию усиливает заразительность эмоций.

Механизм эмпатии В. К. Вилюнас определяет как «ответные» эмоции, предметом которых являются состояния другого человека, характеризующиеся как приятные или неприятные и вследствие этого вызывающие у нас определенные отношения.

Исследователь А. П. Сопиков использует для понимания механизмов эмпатии открытые и латентные переменные как некоего способа аналогового моделирования субъектом эмпатии объекта эмпатии. По автору, субъект сначала воспринимает «открытые переменные» объекта эмпатии, затем считывает с них информацию о состоянии объекта и присоединяется к нему, стимулируя тем самым показать скрытые стороны.

Т. И. Пашукова отталкивается от предложенного В. К. Вилюнасом механизма возникновения эмпатии по типу «ответных эмоций», но оговаривается, что необходимыми условиями являются сензитивность к восприятию эмоций других людей и воображение, помогающее дополнить и составить более широкую картину об объекте эмпатии.

Достаточно большая группа авторов считает механизмом эмпатии идентификацию. Так, Б. Д. Парыгин определял идентификацию глубинной основой проявления сопереживания и сочувствия, Н. Н. Обозов, говоря о механизмах эмпатии, выделяет осознанную и неосознанную идентификацию. Т. П. Гаврилова определяет ме-

ханизмом эмпатии эмоциональную социальную децентрацию. «Воссоздание индивидом переживаний другого» – эмоциональная децентрация – функционально частично совпадает с идентификацией, но, по мнению автора, более адекватно описывает механизм возникновения и протекания эмпатии.

Исследователь А. П. Стрелкова отмечает, что механизм эмпатии должен рассматриваться в динамике эмпатийного процесса. Она считает, что первоначально возникает эмоциональное заражение, переходящее на стадии сопереживания в эмоциональную идентификацию – разделение эмоциональных состояний объекта эмпатии и переживание их как своих собственных. Переход к следующей форме – сочувствию – ослабляет идентификацию вплоть до полного ее исчезновения, характеризуясь усилением когнитивного компонента. Внутреннее, а затем и реальное содействие основывается на сильном сочувствии. Такой подход имплицитно включается в предложенную А. П. Стрелковой схему эмпатийного процесса [9].

С. Б. Борисенко видит различные механизмы у разных форм эмпатии. Низшую форму – сопереживание – она связывает с процессом идентификации, а более высшую – с личностной рефлексией, понимаемой как процесс самосознания субъектом внутренних психических актов и состояний, а также – удвоенного зеркального взаимоотношения субъектами друг друга и воссоздание особенностей друг друга.

Е. А. Ичаловская видит механизм протекания эмпатического процесса в такой последовательности:

- на первом этапе – восприятие «открытых переменных» объекта эмпатии;
- на втором – расшифровка внешних сигналов;
- на третьем – присоединение к объекту эмпатии и чтение «скрытых переменных»;
- на четвертом – децентрация субъекта эмпатии;
- на пятом – моделирование содействия объекту эмпатии;
- на шестом – выражение содействия.

Такое выделение стадий в механизме эмпатии достаточно условно, что признает и автор исследования. На наш взгляд, такая схема возможна, если исследователи выделяют три формы эмпатии: сопереживание, сочувствие, содействие (А. П. Стрелкова; Е. А. Ичаловская и др.). При опоре в исследованиях на две формы эмпатии – сопереживание и сочувствие – возможно объединение этапов: первого и второго, пятого и шестого. Эмпатический процесс не будет от такого объединения усеченным, тем более что в реальной жизни отдельные стадии находятся в постоянном взаимопроникновении.

Анализ значительного качества работ показал, что исследователи включают в структуру эмпатического процесса эмоциональную идентификацию и личностную рефлексию, то есть механизмы социальной перцепции, что позволяет рассматривать эмпатию одним из механизмов социальной перцепции.

Исследователь В. А. Лабунская и другие определяют эмпатические способности как эмоционально-психологическое свойство личности, которое формируется в процессе взаимодействия людей. По их представлению, эмпатия состоит из ряда способностей:

- 1) способности эмоционально реагировать и откликаться на переживания другого;
- 2) способности распознавать эмоциональное состояние другого и как бы переносить себя в его мысли, чувства и действия;
- 3) способности делать адекватный эмпирический ответ как вербального, так и невербального типа на переживания другого [10].

Автор подчеркивает, что способности как свойства личности отвечают за успешность деятельности и что в них отражается социальный опыт взаимодействия субъекта с другими людьми.

Е. А. Ичаловская предприняла попытку выделить в структуре эмпатических способностей отдельные компоненты:

- 1) альтруистическую направленность;
- 2) эмоциональную активность;
- 3) широту эмоционального репертуара;
- 4) адаптивную гибкость эмоций;
- 5) коммуникативную толерантность;
- 6) развитость экспрессии;
- 7) способность к синтонии;
- 8) наблюдательность;
- 9) воображение;
- 10) интуицию;
- 11) способность к идентификации.

Мы считаем, что представленные компоненты проявляются на всех стадиях формирования эмпатического процесса, но не отражают содержания самого феномена, а только характеризуют способы ее проявления по отношению к объекту эмпатии.

Представленные подходы и понятия «эмпатии» и ее конструктам не исчерпывают содержания феномена и могут лишь способствовать его дальнейшей теоретической и практической разработке, осмыслению его значимости в структуре личностных образований.

Примечания

1. Гаврилова, Т. П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии [Текст] / Т. П. Гаврилова // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 147.

2. Юсупов, И. М. Психология эмпатии (теоретические и прикладные аспекты) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / И. М. Юсупов. СПб., 1995. С. 11.

3. Ребер, А. Большой толковый психологический словарь [Текст] / А. Ребер. М., 2001. С. 513.

4. Гаврилова, Т. П. Эмпатия и ее особенности у детей младшего и среднего школьного возраста [Текст] : дис. ... канд. психол. наук / Т. П. Гаврилова. М., 1977. С. 4.

5. Юсупов, И. М. Указ. соч. С. 62.

6. Мак-Дауголл, У. Основные проблемы социальной психологии [Текст] / У. Мак-Дауголл. М., 1916. С. 13.

7. Зеньковский, В. В. Психология детства [Текст] / В. В. Зеньковский. Екатеринбург: «Деловая книга», 1995. С. 197.

8. Симеонова, А. Человек рядом... [Текст] / А. Симеонова; пер. с болгар. М., 1989. С. 62.

9. Стрелкова, Л. П. Психологические особенности развития эмпатии у дошкольников [Текст] : дис. ... канд. психол. наук / Л. П. Стрелкова. М., 1987. С. 70.

10. Лабунская, В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание [Текст] / В. А. Лабунская. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 171.

С. Б. Башмакова

КОНЦЕПЦИЯ НАРУШЕННОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается актуальная научно-практическая проблема современности – нарушения развития психики. Обосновываются содержание и закономерности формирования отклонений детского развития. Определяются условия их проявления. Логическое объединение основных научных теорий о дизонтогенезе позволяет лучше осознать суть данного явления, использовать их в качестве методологической базы при построении научных исследований и в коррекционно-педагогической практике.

Современные статистические данные об увеличении числа детей с проблемами развития вызывают закономерную обеспокоенность родителей, педагогов и всего социума в целом. Около 60% детей относятся к группе риска по различным показателям – медицинским, педагогическим, социально-поведенческим. Все они нуждаются в специальных формах педагогической помощи.

До недавнего времени проблему социализации детей с отклонениями развития решала дефектология – комплексная наука, объединяющая разносторонние знания причин, проявлений нарушений развития, организации педагогической помощи детям с особыми образовательными потребностями. Однако круг решаемых данной наукой проблем был ограничен практикой коррекционного образования детей с выраженными нарушениями.

Современная концепция социально-образовательной политики позволила расширить научно-де-

БАШМАКОВА Светлана Борисовна – дефектолог, кандидат педагогических наук, доцент по кафедре психологии ВятГГУ
© Башмакова С. Б., 2007

фектологическое направление, выделив и углубив его составляющие – специальную психологию и специальную (коррекционную) педагогику, не разрушив при этом их связи и практической ориентации. Это определило проблему разработки, уточнения методологических основ сформировавшихся самостоятельных дисциплин. Отправной точкой, объектом исследования обеих наук является дизонтогенез как нарушение естественного хода становления психики, представляющий собой особую модель детского развития.

Изучением особенностей психического развития детей занимались многие ученые. Особенно актуальной эта проблема стала в середине XIX в. при определении зависимости между педагогикой и психологией. Огромное влияние на психологическое понимание процесса детского развития оказала эволюционная теория Ч. Дарвина. Открытие её фактически означало расширение предмета психологии, включение в него вопросов взаимосвязи морфологии и функции, поведения и сознания. Однако самое большое значение имел тот факт, что с теорией эволюции в психологии появились два новых постулата: 1) об адаптации как главной детерминанте, определяющей психическое развитие; 2) о генезисе психики, о том, что психические процессы не появляются в готовом виде, а проходят определенные, закономерные этапы в своем развитии.

В конце XIX – начале XX в. изучение проблемы детского развития было тесно связано с педологией – комплексной наукой о ребенке, где впервые было обращено внимание на важность изучения процесса становления психики конкретного ребенка. В этом научном направлении активно развивалась идея саморазвертывания тех задатков, которые существуют у ребенка при рождении. При анализе движущих сил психического развития доказывалось, что на духовное становление влияют приобретенные и врожденные качества, а социальная среда и наследственность определяют уровень достижений человека в данном обществе. Индивидуальные же различия, связанные с наследственностью, заключаются не только в скорости усвоения, но и в возможности адаптации к тем нормам, которые приняты в обществе.

В основных психологических направлениях было сформулировано разное понимание сути и природы психического развития. В каждом из них отражается один из реальных аспектов психической жизни человека. Отечественная психология рассматривает одну из важнейших проблем – движущие силы развития и факторы, оказывающие на него влияние. Психофизиологическое созревание – процесс, определяющий последовательность возрастных изменений в ЦНС и других системах организма, обеспечивающих усло-

вия для возникновения и реализации психических функций. Основным источником психического развития являются социальные условия жизнедеятельности ребёнка.

По мнению А. С. Выготского [1], «развитие» – это процесс приобретения «идеальной формы», продукта исторического развития человечества. В процессе развития изменяются не отдельные стороны личности ребенка, а происходит перестройка личности в целом: личность ребенка изменяется в своем внутреннем строении, и законами изменения этого целого определяется движение каждой его части. Новая структура сознания означает новый характер восприятия внешней действительности и деятельности в ней, новый характер восприятия жизни самого ребенка и внутренней активности его психических процессов. Тем самым происходит переход к новой стадии развития его психической жизни. Развитие целого происходит посредством перехода одной возрастной структуры в другую, по спирали, где каждый виток представляет собой законченный этап. Каждому возрасту присуща «ведущая деятельность», которая обеспечивает кардинальные линии психического развития именно в этот период (А. Л. Леонтьев) [2].

А. С. Выготский рассматривает также динамику перехода от одного возраста к другому: «На разных этапах изменения в детской психике могут происходить медленно и постепенно, а могут – быстро и резко. Соответственно выделяются “стабильные” и “нестабильные” (кризисные) стадии развития» [3]. Для стабильного периода характерны плавное течение процесса развития, без резких сдвигов и перемен в личности ребенка, незначительные, минимальные изменения, происходящие на протяжении длительного времени. Определяющее значение А. С. Выготский придавал кризисному периоду развития, когда происходит качественная перестройка функций и отношений ребенка.

Главные изменения, происходящие во время кризиса, внутренние. Новообразования, возникшие в бурный, непродолжительный период, оказываются неустойчивыми и в следующем стабильном периоде трансформируются, поглощаются другими новообразованиями, растворяются в них и, таким образом, отмирают. В кризисные периоды обостряются основные противоречия: с одной стороны, между возросшими потребностями ребенка и его все еще ограниченными возможностями, а с другой – между новыми потребностями ребенка и сложившимися ранее отношениями со взрослыми. Подлинным содержанием психического развития является борьба внутренних противоречий, борьба между отживающими формами психики и новыми, нарожда-

ющимися. Переход из одного возраста в другой связан с изменением физических данных и психических характеристик человека, с перестройкой его организма и поведения.

Каждый ребенок имеет свой путь развития, свои индивидуальные особенности. Наличие более или менее определенных критериев для оценки зрелости ребенка на каждом возрастном этапе позволяет говорить о существовании возрастной нормы. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что понятие нормы вообще и возрастной в частности определить и операционализировать, т. е. представить в доступной для измерения форме, весьма сложно.

В настоящее время понятие «норма» по отношению к развивающемуся ребенку, к динамичному изменению не только отдельных психических процессов, состояний, но и к изменению показателей их взаимодействия подвергается большому сомнению. Как совершенно справедливо отмечал К. М. Гуревич, «проблема нормативности диагностики развития далека от своего разрешения и смыкается с проблемой нормативности психического развития в разные возрастные периоды, а она очень сложна и мало разработана» [4]. Понятие «норма» должно быть соотносено не только непосредственно с уровнем физического, психологического и тем самым социального развития ребенка в конкретные периоды его взросления, но и с требованиями, которые окружающий ребенка социум предъявляет к нему. Выделяется несколько научных подходов к определению нормы развития.

Статистическая норма – тот уровень психосоциального развития человека, который соответствует среднестатистическим (количественным) показателям, полученным при обследовании представительной группы людей одного и того же возрастного диапазона, пола, культуры и т. д.

Функциональная норма понимается не как набор стандартных критериев, а как процесс, определяющий функциональный оптимум деятельности человека. Психологическая и физиологическая норма в этой теории трактуется как интервал оптимального функционирования живой системы с подвижными границами, в рамках которых сохраняются оптимальная связь со средой и оптимальное согласование всех функций организма. Возрастную норму при этом следует рассматривать как биологический оптимум функционирования живой системы, обеспечивающий адаптивное реагирование на факторы внешней среды.

Это своего рода индивидуальная норма развития, которая является отправной точкой и одновременно целью развивающей работы с человеком, независимо от характера имеющихся у него особенностей, когда в процессе самостоя-

тельного развития, обучения наблюдается сбалансированное взаимоотношение, гармоничный баланс между личностью и социумом, при котором удовлетворяются основные потребности личности и личность полностью удовлетворяет тем требованиям, которые социум к ней предъявляет.

Такой подход позволяет по-новому подойти к толкованию понятия нормы и обеспечивает теоретическую интерпретацию его содержания в отличие от статистической нормы. Однако подобное толкование имеет слишком обобщенный характер и нуждается в конкретизации.

Социально-психологический норматив (СПН) разработан группой ученых под руководством К. М. Гуревича [5] и определяется как система требований, которые общество предъявляет к психическому и личностному развитию каждого из его членов. Требования, составляющие содержание СПН, являются идеальной моделью требований социальной общности к личности. Такие требования закреплены в виде правил, норм, предписаний. Они присутствуют в образовательных программах, в профессиональных и квалификационных характеристиках, общественном мнении учителей, воспитателей, родителей. Такие нормативы историчны, они меняются вместе с развитием общества. Время их существования зависит от отнесенности к той или иной сфере развития, с одной стороны, и от темпов развития общества – с другой. В соответствии с этим критерием оценка развития должна проводиться по степени близости к данному для этого времени, культуры, географическому положению СПН, который дифференцируется в образовательно-возрастных границах.

Идеальная норма (идеальный онтогенез) – не существующее в реальности образование, имеющее исключительно теоретическую значимость как объект, обладающий набором свойств и качеств, присутствующих в сознании одного человека или группы лиц. Идеальная норма (модель нормы) не может служить критерием оценки реально протекающих процессов или состояний психики, но позволяет вычленить объективные закономерности психического развития, необходимые и достаточные условия для обеспечения успешности их формирования.

Подобная модель служит целям исключительно теоретического «программного» описания развития. Она позволяет определить ту позицию, начиная с которой будет «отсчитываться» в начале индивидуальный вариант нормативного развития (условно-нормативное развитие), а затем, «на выходе» показателей психического развития, его составляющих из области «условно-нормативного развития» (той области, которая задается требованиями социально-психологического

норматива). Подобную идеальную норму, идеальную модель развития следует рассматривать как «программу развития» ребенка в идеальных социокультурных условиях. В реальной практике оценки психического развития ребенка подобная идеальная норма нужна для создания методологической базы, включающей универсальные принципы и подходы к оценке общих закономерностей психического развития.

Выдающийся вклад в изучение аномалий детского развития сделал А. С. Выготский. В рассматриваемом нами контексте необходимо определить виды воздействий, влияющих на возникновение различных отклонений в психофизическом и личностно-социальном развитии человека. Можно выделить основные 4 условия, которые необходимы и для нормального развития ребенка.

Первое важнейшее условие – нормальная работа головного мозга; при наличии патологических состояний, возникающих вследствие различных патогенных воздействий, нарушается нормальное соотношение раздражительных и тормозных процессов, затруднено осуществление

сложных форм анализа и синтеза поступающей информации; нарушается взаимодействие между блоками мозга, отвечающими за различные аспекты психической деятельности человека.

Второе условие – нормальное физическое развитие ребенка и связанное с ним сохранение нормальной работоспособности, нормального тонуса нервных процессов.

Третье условие – сохранность органов чувств, которые обеспечивают нормальную связь ребенка с внешним миром.

Четвертое условие – систематичность и последовательность обучения ребенка в семье, в детском саду и в общеобразовательной школе.

Изменение, какого либо из условий приводит к отклонениям нормального хода развития. Так, неправильно организованное обучение и воспитание могут стать причиной социально отклоняющихся вариантов развития. Полное выпадение социальных связей в детском возрасте вызывает появление «маугли» – биологического существа человеческого вида с несформированной специфической способностью психического реагиро-

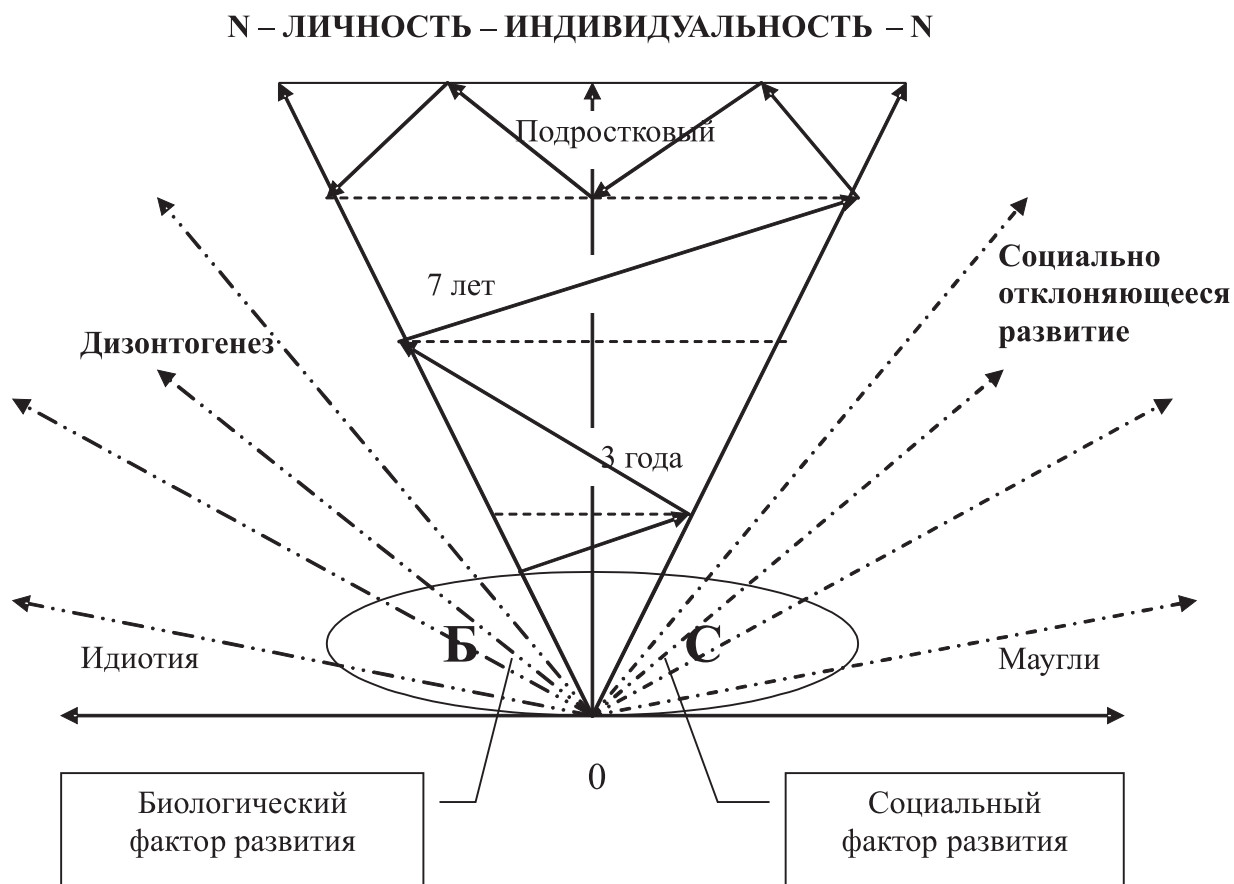

Рис. 1. Психическое развитие в норме и патологии

вания. Это единственный вариант социальных отклонений, который не поддаётся педагогической коррекции, так как социально-личностные качества не формируются совсем. Во всех остальных случаях своевременное вмешательство в социально неблагоприятные условия позволяет достаточно успешно исправить отклоняющийся ход развития.

Нарушение строения и функционирования мозга приводит к более стойкому дефекту развития – дизонтогенезу (см. рис. 1). Для адаптации лиц, имеющих дизонтогении развития, необходимо длительное специально организованное педагогическое воздействие.

Таким образом, проанализировав основную культурно-историческую теорию онтогенетического развития, можно сказать, что дизонтогенез – это стойкое отклонение от нормы хода психического развития, обусловленное нарушением строения и функционирования центральной нервной системы.

В основу разработки структуры дизонтогенеза легла теория Л. С. Выготского [6] о дефекте развития, в которой рассматривается ход нарушения онтогенеза. Выготский показал, что при дизонтогенезе дефект развития развёртывается постепенно (рис. 2).

На начальном этапе возникает «Первичный дефект» – биологическое нарушение. Оно проявляется в виде повреждения клеток ЦНС и их функционирования. Выделяют две основные группы причин, которые приводят к нарушениям на этом уровне развития: эндогенные, то есть внутренние (генетические), и экзогенные, то есть внешние (факторы среды). Повреждение центральной нервной системы может возникнуть на любом уровне. Нарушение определённых отделов вызывает дисфункции соответствующих психических функций.

При нарушениях психического характера к экзогенным причинам можно отнести неблагоприятные условия социальной среды, которые травмируют психику детей, что отражается на их поведении.

Вслед за первичными биологическими нарушениями в процессе развития возникает «Вторичный дефект» – психические нарушения. Появляются симптомы и синдромы неблагополучия функционирования психических процессов. Возникновение второго уровня дефекта обязательно и неразрывно связано с первым.

В современной специальной психологии разрабатывается теория, объясняющая механизмы формирования дизонтогенеза (см. рис. 3). Данная

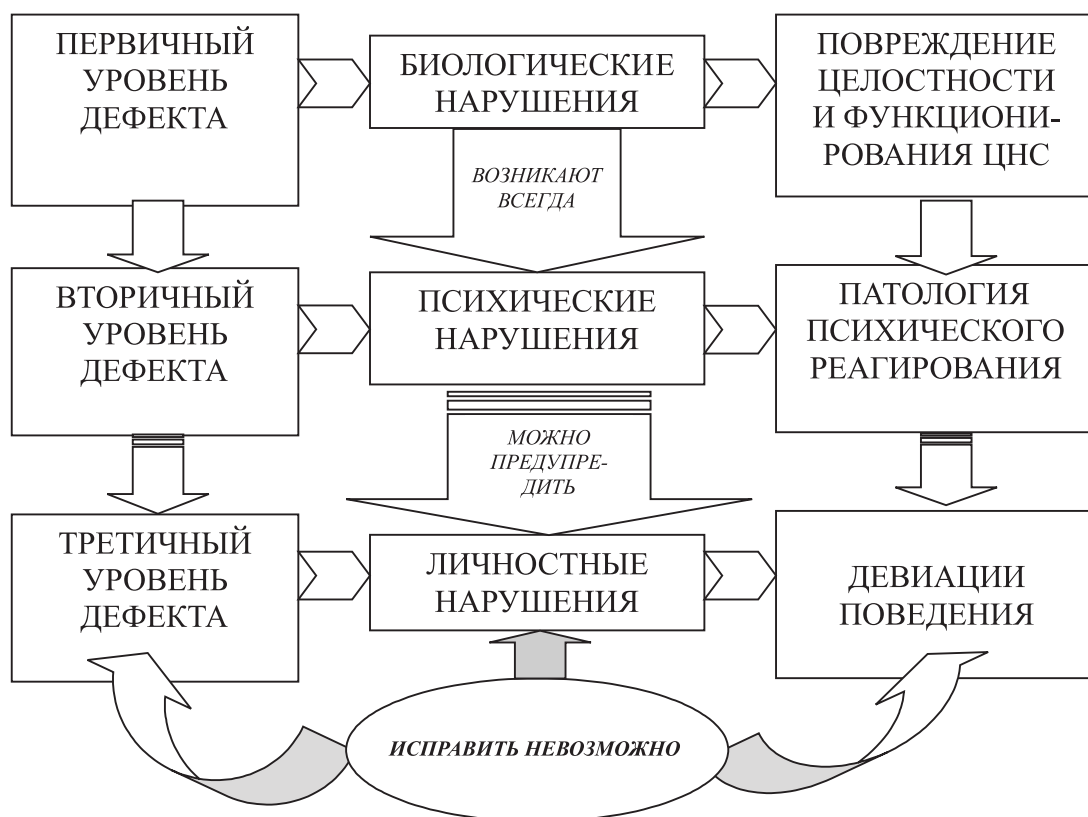

Рис. 2. Структура дефекта развития

руют первичный симптом. В подобных ситуациях не исключена возможность ошибки, при которой вторичные отклонения принимаются за первичные. Следствием этого могут быть неверные рекомендации относительно характера и направления хода коррекционной работы. Именно поэтому качественная квалификация нарушенного развития подразумевает дифференциацию, т. е. выделение трех групп психических функций – ядерно нарушенных, системно недоразвитых и сохранных.

Сложность анализируемой проблемы не ограничивается только вышесказанным. Процесс психического развития не является чем-то однородным, он имеет много сторон. Прежде всего, это возрастные изменения психики, временные масштабы которых измеряются годами. Но между периодами возрастных сдвигов психика не остается неизменной. Возрастные изменения постепенно подготавливаются путем накопления более мелких изменений, обозначаемых понятием «микрогенез», т. е. изменениями в процессе непосредственного функционирования психики в данный момент. Нарушения на уровне микрогенеза в виде соотношений первичных и вторичных отклонений, так или иначе, скажутся на темпах возрастного развития. Таким образом, онтогенез как сторона развития психики всегда страдает вторично. Отклоняющееся развитие – это обычное развитие, протекающее в необычных (неблагоприятных) условиях, патогенный характер которых превышает компенсаторные возможности. Вследствие этого устойчиво изменяются параметры работы отдельных функций или систем на уровне микрогенеза психики.

Последнее приводит к затруднениям усвоения социально-исторического опыта в процессе общения и деятельности, что создает условия для замедления возрастного развития и появления отклоняющегося поведения. Это составляет содержание третьего уровня дефекта (по Л. С. Выготскому) – личностные нарушения, которые формируются под воздействием неблагоприятных факторов социального воздействия. Наиболее ярко проявления личностных откло-

нений начинают проследиваться к моменту завершения формирования психики – окончанию подросткового возраста, когда личность приобретает основные черты характера. И если у ребенка с патологией центральной нервной системы возникают девиантные формы поведения, то исправить их практически невозможно, так как асоциальное поведение является средством компенсации дефекта.

С точки зрения психолого-педагогической науки объектом внимания должно быть не нарушение развития как таковое, а ребенок,отягощенный этим недостатком. Дефект не только затрудняет развитие ребенка, но и дает импульс к выработке социальной компенсации. Высшие, собственно человеческие формы компенсации обеспечивают возможности полноценного развития личности. Это возможности как овладения знаниями основ наук и трудовыми навыками, так и формирования мировоззрения, нравственных качеств личности. Л. С. Выготский [7] считал, что компенсаторные возможности индивида полностью раскрываются только при условии, что дефект становится осознанным. При этом уровень компенсации определяется, с одной стороны, характером и степенью дефекта, резервными силами организма, а с другой стороны, внешними социальными условиями.

Примечания

1. *Выготский, Л. С.* Собр. соч. [Текст] : в 6 т. Т. 4 / Л. С. Выготский. М.: Педагогика, 1984. 439 с.
2. *Леонтьев, А. Н.* Избранные психологические произведения [Текст] : в 2 т. Т. 1 / А. Н. Леонтьев. М.: Просвещение, 1983. С. 285.
3. *Выготский, Л. С.* Указ. соч. Т. 4. С. 247.
4. *Гуревич, К. М.* Психолого-педагогическая диагностика [Текст] / К. М. Гуревич. М.: УРАО, 2000. С. 176.
5. Там же.
6. *Выготский, Л. С.* Проблемы дефектологии [Текст] / Л. С. Выготский. М.: Просвещение, 1995. 527 с.
7. *Выготский, Л. С.* Дефектология и учение о развитии и воспитании ненормального развития ребенка [Текст] / Л. С. Выготский // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1983. С. 166–173.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

П. Н. Шарабаров

«ПРАВЫЙ УКЛОН» В ВКП(б) В ИСТОРИОГРАФИИ

В данной статье рассматриваются оценки «правого уклона» в трудах отечественных и зарубежных историков, прослеживаются основные тенденции в развитии взглядов ученых на борьбу концепций Сталина и Бухарина в конце 1920-х гг. относительно возможных путей развития Советского Союза.

Замалчиваемая многими десятилетиями проблема политических репрессий конца 1920–1930-х гг. в последнее время постепенно обретает достойное место в отечественной историографии. Вводимое в оборот большое количество ранее закрытых документов создало предпосылки для довольно взвешенных оценок по указанной проблеме. Однако согласимся с мнением, что «современные дискуссии по поводу репрессий 1930-х гг. возвращаются преимущественно вокруг темы “большого террора” 1937–1938 гг. и прилегающих к нему политических судебных процессов 1935–1938 гг. Открытым и закрытым процессам конца 1920-х – начала 1930-х гг. внимания традиционно уделяется меньше. Между тем они тесно связаны между собой генетически, историческим контекстом, а также отдельными «сквозными», то есть причастными к обоим этапам персоналиями. Поэтому анализ перипетий политической истории СССР после убийства С. М. Кирова предполагает ретроспективный взгляд и на события начала предвоенного десятилетия» [1]. В связи с этим в отечественной исторической науке назрела необходимость детального и максимально объективного анализа внутривластной борьбы в ВКП(б) конца 1920-х – начала 1930-х гг., и, в частности, рассмотрения пробухаринского течения в ВКП(б), официально объявленного в то время главной опасностью для социалистического строительства в Советском Союзе.

В целом в историографии так называемого «правого уклона» в ВКП(б) можно хронологически выделить три периода: советский, перестроечный и современный.

Работы, изданные в советский период, отличаются крайней идеологизированностью. Уже в конце 20-х – начале 30-х гг., в годы непосредственной борьбы Сталина с правым уклоном, выходят пособия для докладчиков, пропагандистов, отражавшие позицию официального руководства [2]. Данные работы были призваны обосновать несостоятельность позиций правого крыла ВКП(б), убедить в банкротстве политической линии правого уклона.

С этого времени и на многие десятилетия в советской историографии в оценке пробухаринского течения сложилась традиция использовать устойчивые клише, штампы. Ученые, занимавшиеся исследованием различных проблем рубежа 1920–1930-х гг., руководствовались строго очерченными концептуальными установками. В многочисленных публикациях, посвященных идеологической работе ВКП(б), проведению коллективизации, индустриализации в СССР, обязательно присутствовала глава о разгроме правой оппозиции в ВКП(б) [3]. Материалы, содержащиеся в этих главах и раскрывавшие официальную советскую версию истоков, сути, причин поражения бухаринцев, практически полностью воспроизводили друг друга. Не отличалась оригинальностью и брошюра Г. А. Чигринова, полностью посвященная анализу деятельности «правых» и вышедшая в 1969 г. [4]

В доперестроечный период наиболее полный и развернутый анализ пробухаринского течения в ВКП(б) дал Ф. М. Ваганов в своей монографии «Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928–1930 гг.)» (М., 1970). Работа его типична по содержанию и потому удобна для изложения концепции, господствовавшей в советской историографии. В ней анализируются условия возникновения, эволюция взглядов, причины поражения правого уклона в ВКП(б). Основные положения данного исследования таковы:

1. На определенном этапе «правый уклон в ВКП(б) являлся... главной опасностью для судеб социалистической революции и социализма в нашей стране. Вопрос стоял так: либо партия будет и дальше идти по пути, указанному В. И. Лениным, либо правым оппортунистам удастся свернуть ее с этой единственно верной дороги и направить развитие нашей страны в сторону от социализма, что привело бы к нарастанию условий для возврата капитализма» [5].

2. Сопротивление капиталистических элементов и мелкобуржуазных слоев социалистическим преобразованиям в конце 1920-х гг. способствовало усилению правого уклона [6].

3. В теоретических работах и в практической деятельности правые ориентировались на замедление темпов социалистической индустриализации, преимущественное развитие легкой промышленности, приспособление промышленности к запросам индивидуального крестьянского хозяйства. «Они недооценивали задачу подготовки кадров специалистов из рабочего класса... Правые делали ставку на укрепление и дальнейшее развитие крестьянских, в том числе кулацких, хозяйств, боролись против курса на коллективизацию, противопоставляя колхозы ленинскому кооперативному плану... Для достижения своих политических целей правые стремились ослабить руководящую и организующую роль партии, подорвать единство ее рядов» [7].

4. Причины поражения правого уклона заключались в том, что «коллективная мудрость, большевистская принципиальность, непоколебимая верность марксизму-ленинизму позволили разоблачить капитулянтскую сущность предложений правых, отразить их антипартийные вылазки» [8].

Приведенные выше положения являлись официальными постулатами советской историографии и обсуждению не подлежали.

В то время как советская историография страдала от явных злоупотреблений, идеологических штампов, зарубежные исследователи могли более спокойно взглянуть на события советской истории конца 20-х гг. XX в. Так, заявленной проблемой занимались историки Д. Кларксон, Дж. Коул, Б. Пэйрс, А. Волин, Г. Раух, А. Улэм, Р. Даниельс, А. Ноув, Р. Такер, Дж. Боффа, С. Коэн и др.

В противовес советской историографии, западные историки бухаринскую платформу изображали, как правило, одним из возможных вариантов экономической политики в стране, причем вариантом наиболее целесообразным и эффективным. Как пишет А. Улэм, к концу 20-х гг. у советской власти имелась альтернатива, два возможных плана развития сельского хозяйства: во-первых, производственное кооперирование деревни, т. е. коллективизация сельского хозяйства, и, во-вторых, «действительно имевший смысл», по его мнению, план, который «защищал крылом Бухарина – Рыкова» [9].

Уже в конце 20-х – начале 30-х гг. в зарубежной историографии начинает утверждаться концепция существования в ВКП(б) трех основных группировок: центр, левое и правое крыло. Так, например, Д. Кларксон в своей «Истории России», указывая на наличие в ВКП(б) «лево-

го» и «правого» крыльев, а также «находящейся между ними» господствующей «центральной группы», пишет, что эта «центральная группа» – большинство ЦК – до начала сплошной коллективизации проводила свою линию: ни правую, ни «левую» [10]. Таким же образом расценивает политические позиции различных группировок в партии и Дж. Коул. «Сталин, – пишет он, – до 1929 г. следовал средней линии между Троцким-левым и Бухариным-правым» [11].

В свою очередь, Б. Пэйрс разделил партию на два крыла и утверждал, что ее Центральный Комитет «присвоил программу Троцкого», а Рыков, Бухарин и Томский «некоторое время смело высказывались против новой антикрестьянской политики» [12]. А. Волин утверждал, что «в 1929 г. Сталин порвал с правым крылом партии, представлявшимся Бухариным и Рыковым», и перешел на позиции «смещенного Троцкого» [13].

Р. Такер, не демонстрируя своих симпатий ни к одной из группировок, описывал поэтапно ход внутривнутрипартийной борьбы в конце 1920-х гг., указывая на то, что «бухаринская группа не была столь сплоченной, как группа сторонников Сталина, а представляла собой коалицию единомышленников в партии» [14], что, конечно, не бесспорно, но было довольно ново для того времени. Сталин же, считал Такер, придерживался стратегии, которая «заключалась в том, чтобы побудить и заставить партийный истеблишмент проводить жесткую сталинистскую линию... тем самым поставить группу Бухарина в невыносимое положение как оппозиционную... Сталин... развил собственную версию строительства социализма, превратив ее в последовательную политическую доктрину» [15].

Нельзя не заметить, что работа американского исследователя отличается маловыразительное сопоставление позиций Бухарина и Сталина. По Р. Такеру, главная подоплека внутривнутриполитической борьбы в ВКП(б) сводилась к стремлению Сталина «выиграть последний раунд в борьбе за лидерство» [16].

В исследовании итальянского историка Дж. Боффы «История Советского Союза» представлена довольно содержательная картина событий в нашей стране в ее советский период [17]. Выводы, к которым приходит автор, опираются на солидные знания об исторической обстановке тех лет. Например, Боффа утверждает, что «и кулаки, и нэпманы или спекулянты, против которых Сталин призывал развернуть решительное наступление, отнюдь не были вымышленными фигурами. Они физически олицетворяли ту долю мелкого частного капитализма, который сохранился в советской экономике» [18].

Боффа указывает на переход Сталина (а вместе с ним и большинства в руководстве) на пози-

ции троцкизма. Но итальянский исследователь признает, что этот курс был мотивирован объективными задачами развития страны, так как обстановка конца 1920-х гг. «характеризовалась нарастанием экономических трудностей и политической напряженности. Большинство в руководстве попыталось найти выход в еще большем ускорении темпов индустриализации: пусть усилие будет каким угодно напряженным, но даст возможность стране вырваться из гнетущего плена» [19]. Бухаринское же крыло отстаивало концепцию, по которой повышение темпов индустриализации «равносильно переходу на позиции троцкизма. Усилия страны не должны сосредотачиваться исключительно на строительстве новых крупных заводов, которые начнут давать продукцию лишь через несколько лет, тогда как уже сейчас поглотят все имеющиеся средства... Нужно поднимать сельское хозяйство: сделать это в данный момент можно лишь с помощью мелкого, единоличного сельского производителя» [20]. При анализе поражения пробухаринской линии Дж. Боффа делает резонный вывод, что «позиция Бухарина и его сподвижников имела немало слабых мест. Прежде всего бухаринцев отличала политическая слабость: они не были сплочены и даже в решающие месяцы на рубеже 1928–1929 гг. не всегда выступали единым фронтом... Для своего осуществления идеи Бухарина потребовали бы иной партии, иного аппарата, иной системы власти» [21].

Большой интерес представляют исследования Стивена Коэна, который более четверти века занимался изучением жизни и деятельности Н. Бухарина. Его монография «Бухарин: Политическая биография. 1888–1938» вышла в свет в Нью-Йорке в 1973 г. и была переиздана на русском языке в Москве в 1988 г. Заслуга С. Коэна заключается в том, что он приступил к глубокому анализу позиций Н. Бухарина с привлечением большого количества источников.

Но все же следует отметить, что при изучении работы С. Коэна чувствуется если не политическая заостренность, то, по крайней мере, заметная склонность к либеральным оценкам. Некоторые суждения, выводы спорны, не подкреплены документальным материалом. Так, еще в аннотации к своей книге ее автор приводил смелое утверждение о том, что «новая сталинская политика, названная впоследствии «великим переломом», была принципиальным отходом от большевистских программных представлений. Большевистские лидеры и фракции, утверждал он, никогда не выступали за принудительную коллективизацию, «ликвидацию» кулачества, головокружительные темпы развития тяжелой промышленности, полное разрушение рыночного сектора и такое «планирование», которое на деле

было вовсе не планированием, а гипертрофировано централизованным управлением экономикой» [22].

Между тем при детальном изучении партийных документов 1920-х гг., не говоря уж о более ранних выступлениях Л. Д. Троцкого, складывается совсем иная картина. Курс на индустриализацию был взят еще на XIV съезде партии (1925 г.), а о повороте к коллективизации деревни определенно говорилось на ее XV съезде (1927 г.). Да и Сталин при всем своем желании не смог бы проводить политику, не соответствующую мнению большинства руководства партии.

Тем не менее этот тезис Коэна взяла на вооружение значительная часть представителей советской, а затем российской исторической науки, начиная с перестроечных времен.

Перестроечные процессы в нашей стране стимулировали повышенный интерес к теме политической борьбы в конце 1920-х гг., вызвали новую волну публикаций, хотя в общей их массе чрезвычайно мало солидных как по объему, так и глубине анализа трудов. Открытые дебаты об исторической роли пробухаринского течения в ВКП (б) и о «бухаринской альтернативе» со всей прямотой и откровенностью зазвучали в 1987 г. и особенно в 1988 г. после политической и партийной реабилитации Бухарина, совпавшей с его столетним юбилеем и пятидесятилетием со дня смерти.

Первые публикации о Бухарине появились в атмосфере набравшей силу политизации исторической науки. Неудивительно, что многие из этих публикаций были и, по-видимому, останутся фактом не научной, а политической полемики. Основное содержание дискуссий заключалось в признании или не признании альтернативы сталинской «революции сверху» конца 1920-х гг. По оценке Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова, активных участников тех дискуссий, «в нашей перестроечной литературе существуют сегодня две школы – школа «неизбежности» и «альтернативная» школа» [23].

Представители первой точки зрения [24] утверждали, что поражение Бухарина было объективно предопределено, ибо только сталинская политика коллективизации и индустриализации могла модернизировать Советский Союз, заложить основы социализма и подготовить страну к отпору гитлеровскому вторжению в 1941 г.

Представители второй «школы» [25] проводили мысль, что поражение Бухарина стало национальной трагедией, так как его политика нэпа, основанная на сочетании плановой и рыночной экономики, сбалансированном промышленном развитии, добровольной коллективизации, гражданском мире и небольшом бюрократическом аппарате, привела бы к созданию более мощной

экономики и более совершенной социалистической системы, помогла бы избежать террора 1930-х гг. и таким образом лучше подготовиться к войне.

Бухаринский бум в публицистике, исторической науке, дискуссии о смысле и значении поворота 1929 г., сущности «правого уклона», которые происходили в перестроечные годы, на наш взгляд, не дали убедительных научных результатов. Они лишь обозначили различные точки зрения, впервые сформулировали многие новые для отечественной историографии проблемы.

В частности, стала обсуждаться возможная «бухаринская альтернатива», что само по себе явилось очень смелым шагом в развитии советской, а затем российской исторической мысли. Кроме того, был поставлен вопрос о правомерности определения позиций Бухарина, Рыкова, Томского как какого-либо уклона, так как, по мнению некоторых исследователей, «нет ничего живее сталинского мифа о “правом оппортунизме” Бухарина, Рыкова, Томского и их сторонников, выступавших якобы против индустриализации страны и социалистического преобразования сельского хозяйства, защищавших интересы кулачества и т. п.» [26] Наконец, в поле зрения историков оказалась и проблема причин поражения бухаринской группы.

В общей массе «перестроечной литературы» серьезного внимания заслуживает книга Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова «История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества» (М., 1992). По мнению авторов, причина драматических событий конца 1920-х – начала 1930-х гг. заключалась в том, что решения XV съезда ВКП(б) были приняты как минимум с двухлетним опозданием: «К тому времени, когда на XV съезде партии разрабатывалась программа плавной трансформации нэпа с учетом задач социалистической реконструкции, реализация этой программы была уже вряд ли возможна. Международная обстановка обострилась. Разразился хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг. Запаса времени для маневра уже не было» [27]. По сути, не привнося принципиально новых моментов в трактовку позиций группы Сталина и пробухаринского течения, Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов делают в общем-то новаторский и принципиально важный вывод о том, что «группа Бухарина не могла после 1927 г. выскочить из набиравшего обороты механизма создания административно-командной системы. И даже поставь Бухарин, Рыков и Томский вопрос о снятии Сталина, добейся они этой цели, отменить административно-командную систему они бы не смогли» [28].

Параллельно с «бухаринским бумом» в российской историографии тех лет осуществлялся

анализ жизни и деятельности А. И. Рыкова [29] и М. П. Томского [30]. Особого внимания заслуживают работы Д. К. Шелестова, автор которых проводит мысль, согласно которой «если анализировать не только идейную борьбу и теоретические разработки того времени... но и действительное состояние руководства партией и страной, реальное осуществление власти и наличие ее практических функций у конкретных лидеров... то следует сделать вывод, что определяющее значение имел тогда не “дуумвират” (Сталин – Бухарин), а иное сочетание в группе тогдашних лидеров – Сталин и Рыков» [31]. По Шелестову, главная заслуга Рыкова в борьбе со сталинской стратегией развития заключалась в «обогащении теоретических выступлений Бухарина конкретным анализом, что наиболее ярко выявилось в 1928–1929 гг., когда в критике сталинской “линии”, отстаивании ленинских идей нэпа наиболее полно выявилась его теоретическая зрелость, незаурядная личная одаренность» [32].

Говоря о новейшей историографии внутривластной борьбы конца 1920–1930-х гг., следует принять во внимание и новые возможности углубления в указанную тематику. На современном этапе «публикация ранее закрытых документов рассматриваемой эпохи, появление в открытой печати связанных с репрессиями статистических материалов, допуск, хотя и крайне ограниченный, исследователей к ранее недоступным архивным фондам соответствующих государственных ведомств и спецслужб создали определенные предпосылки для выработки достаточно взвешенного взгляда на эту тему» [33].

Так, А. В. Шубин в своей работе «Вожди и заговорщики» (М., 2004) на основе солидного документального материала дает довольно объективную картину хода борьбы Сталина и его сторонников с бухаринской группой. По мнению автора, при всей привлекательности «бухаринской альтернативы» отход от нэпа был неизбежен, и «только модель Сталина давала реальный шанс на сохранение марксистской модели централизованного управления экономикой, на ускоренную индустриальную трансформацию общества, на спасение от размывания советской системы капиталистическим окружением. Платой за это было разрушение неиндустриального хозяйства и распространение на все общество индустриально-управленческих принципов, тоталитаризм и бюрократическое классовое господство» [34]. По мнению автора, в исторических условиях тех лет правящая партия для сохранения своей власти была вынуждена пойти на неизбежные издержки сталинского режима.

В контексте анализа военного заговора маршала М. Н. Тухачевского Е. Прудникова и А. Колпакиди высказывают, конечно, во многом

спорную, но имеющую право на существование версию о возможной связи «правых» с военачальниками, готовящими военный переворот с целью захвата власти в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. По мнению указанных исследователей, с ведома лидеров «правого уклона» либо без такового армейские заговорщики ждали от «правых» активных действий с тем, чтобы поддержать их военной силой и, по возможности, установить в стране военную диктатуру [35].

В новейшей историографии усиливается критика официально закрепленного с хрущевских времен признания политических процессов рубежа 1920–1930-х гг., полностью сфальсифицированных «сверху». Все больше исследователей включают политическую борьбу в ВКП(б) в гораздо более широкий контекст, сверяя позиции сторонников и противников нэпа с реальными событиями международной жизни, с конкретными экономическими и политическими процессами в недрах советского общества [36].

Таким образом, историография «правого уклона» в своем развитии претерпела значительную эволюцию от огульного и далеко не всегда доказательного осуждения пробухаринского течения в советское время до диаметрально противоположного и столь же слабо обоснованного возвеличивания и превозношения взглядов Бухарина и его сторонников в перестроечный и постперестроечный период. В последнее время в современной отечественной историографии заявленной проблемы намечились определенные предпосылки для выработки действительно взвешенного подхода к этой теме.

В целом, точки над «i» в данной проблеме еще не расставлены. Политическая борьба в ВКП(б) конца 1920-х гг. требует дальнейших детальных исследований как в общероссийском, так и в региональном контексте.

Примечания

1. Бакулин, В. И. Нижегородская краевая организация Трудовой Крестьянской партии: История возникновения и гибели [Текст] / В. И. Бакулин // Бакулин В. И. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке: сборник научных статей. Киров, 2006. С. 160.

2. См., например: Итоги ноябрьского пленума ЦК ВКП (б) (10–17 ноября 1929 г.) [Текст]. Л., 1929; Итоги XVI съезда ВКП (б) [Текст]. Л., 1930; Ксенофонов, Ф. К вопросу об ошибках правооппортунистической группы т. Бухарина [Текст] / Ф. Ксенофонов. 2-е изд. Самара, 1930; и др.

3. Коммунистическая партия в борьбе за социалистическую индустриализацию страны (1926–1929 гг.) [Текст]: сб. лекций. Л., 1955. С. 120–132; Конюхов, Г. А. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928–1929) [Текст] / Г. А. Конюхов. М., 1960. С. 104–117; Трапезников, С. П. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана [Текст] / С. П. Трапезников. М., 1965.

С. 206–219; Московские большевики в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом [Текст]. М., 1969. С. 247–317; Золотарев, Н. А. Важный этап организационного укрепления Коммунистической партии (1929–1939 гг.) [Текст] / Н. А. Золотарев. М., 1979. С. 115–138; Очерки истории идеологической деятельности КПСС: Октябрь 1917 – 1937 гг. [Текст]. М., 1985. С. 243–257; и др.

4. Чигринов, Г. А. Разгром партией правых капитулянтов [Текст] / Г. А. Чигринов. М., 1969.

5. Ваганов, Ф. М. Правый уклон в ВКП (б) и его разгром (1928–1930 гг.) [Текст] / Ф. М. Ваганов. М., 1970. С. 4.

6. Там же. С. 26 и др.

7. Там же. С. 4–5.

8. Там же. С. 256.

9. Цит. по: Тетюшев, В. И. Становление и развитие экономики СССР и буржуазные критики [Текст] / В. И. Тетюшев. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 212–213.

10. Там же. С. 214.

11. Там же.

12. Там же.

13. Там же.

14. Такеф, Р. Сталин: Путь к власти. 1879–1929. История и личность [Текст] / Р. Такеф; общ. ред. В. С. Лельчука; пер. с англ. М., 1990. С. 370.

15. Там же. С. 369, 371.

16. Там же. С. 369.

17. Боффа, Дж. История Советского Союза [Текст] : в 2 т. Т. 1. От революции до Второй мировой войны: Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. / Дж. Боффа; под ред. Е. А. Амбарцумова; пер. с итал. И. Б. Левина. М., 1994. С. 295–311.

18. Там же. С. 298.

19. Там же. С. 307.

20. Там же. С. 302.

21. Там же. С. 308–309.

22. Козн, С. На крутом переломе: Бухарин и Сталин в канун «великого перелома» [Текст] / С. Козн // Знание – сила. 1988. № 9. С. 66.

23. Бордюгов, Г. А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества [Текст] / Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. М., 1992. С. 122.

24. Морозов, А. Ф. Ленинская концепция кооперации и альтернативы развития [Текст] / А. Ф. Морозов // Вопросы истории КПСС. 1988. № 6; Андреева, Н. Не могу поступиться принципами [Текст] / Н. Андреева // Советская Россия. 1988. 13 марта; Кузнецов, П. Вопросы истории [Текст] / П. Кузнецов // Правда. 1988. 25 июня; Роголина, Н. А. Хлебозаготовительный кризис и поиски выхода из него [Текст] / Н. А. Роголина // Роголина Н. А. Коллективизация: Уроки пройденного пути. М., 1989. С. 86–102; и др.

25. Суrowая драма народов: Ученые и публицисты о природе сталинизма [Текст] / сост. Ю. П. Сенокосов. М., 1989; Возвращенные имена [Текст] : сборник публицистических статей в 2 кн. / сост. А. Проскурин. М., 1989; Емельянов, Ю. В. Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность [Текст] / Ю. В. Емельянов. М., 1989; Бухарин: Человек, политик, ученый [Текст] / под общ. ред. В. В. Журавлева; сост. А. Н. Солопов. М., 1990; Лацис, О. Р. Перелом: Опыт прочтения несекретных документов [Текст] / О. Р. Лацис. М., 1990; Зевелев, А. И. Истоки сталинизма [Текст] / А. И. Зевелев. М., 1990; и др.

26. Данилов, В. П. «Бухаринская альтернатива» [Текст] / В. П. Данилов // Бухарин: Человек, политик, ученый / под общ. В. В. Журавлева. М., 1990. С. 129.
27. Бордюгов, Г. А. Указ. соч. С. 128–129.
28. Там же. С. 59, 64, 128.
29. Шелестов, Д. К. Время Алексея Рыкова [Текст] / Д. К. Шелестов. М., 1990; Шелестов, Д. К. Трагедия Алексея Рыкова [Текст] / Д. К. Шелестов // Исторические портреты / под общ. ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1993. С. 50–65.
30. Горелов, О. И. М. П. Томский (страницы политической биографии) [Текст] / О. И. Горелов. М., 1989; Шаповалова, Л. Д. М. П. Томский. Материалы к биографии [Текст] / Л. Д. Шаповалова // История СССР. 1989. № 2.
31. Шелестов, Д. К. Время Алексея Рыкова [Текст] / Д. К. Шелестов. М., 1990. С. 237.
32. Там же. С. 266.
33. Бакулин, В. И. Указ. соч. С. 159.
34. Шубин, А. В. Вожди и заговорщики [Текст] / А. В. Шубин. М., 2004. С. 201.
35. Прудникова, Е. Двойной заговор: Тайны сталинских репрессий [Текст] / Е. Прудникова, А. Колпакиди. М., 2006. С. 390; и др.
36. См., например, работы А. В. Шубина, Е. Прудниковой, А. Колпакиди, В. И. Бакулина.

Р. Н. Фенин

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ НЭП В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ (1921–1929 гг.)

Период нэп занимает особое место в истории отечественного государства и права. Развитие экономики в годы ее проведения осуществлялось на основе рыночных отношений, впервые имеющих место в советском государстве. Без сомнения, именно экономика была тем стержнем, вокруг которого разворачивались события 1921–1929 гг. Статья посвящена особенностям реализации государственно-правовых средств нэп в Вятской губернии в 20-е гг. XX в.

Нэп ознаменовалась не только большими переменами в хозяйственной сфере. Она существенно затронула политическую, социальную, правовую и другие стороны жизнедеятельности общества.

В условиях рыночной экономики может и должно осуществляться государственное управление, которое, при этом, следует понимать не как прямое администрирование, а как комплекс воздействий, носящих, в большей мере, косвенный характер, но которое объективно востребуется экономической, социальной, политической и правовой сферой действий государства на общественные отношения.

ФЕНИН Р. Н. – помощник командира части по правовой работе, соискатель академии по подготовке государственных служащих при Президенте РФ в г. Нижний Новгород
© Фенин Р. Н., 2007

Проведенный анализ процесса реализации нэп с учетом изменений, происходящих в структуре и функциях местных органов власти и управления, и особенностей данного региона позволяет выделить такие аспекты, как правовое положение низовых звеньев местных органов власти и управления, их взаимодействие с вышестоящими органами государства, показать роль и значение государственных средств регионального уровня в процессе реализации целей и задач нэп в Вятской губернии, его влияние на осуществление этой политики.

Исследование данной системы в Вятской губернии, анализ функционирования местных органов власти и управления позволяет выделить особенности их правового положения, суть которых сводилась к следующему:

1. Система власти Советов допускала самостоятельность местных органов власти губернии лишь в строго определенных пределах, в дозволенных рамках и исключала любые попытки выйти за эти пределы. В частности, взаимоотношения отделов исполкомов с вышестоящими органами строились на основе принципа «двойного» подчинения, при ведущей роли центральных органов власти. Региональные государственно-правовые средства реализации нэп концентрировались только в соответствии и в пределах определенной им компетенции.

Правовая регламентация сочеталась с командно-административными методами управления, опираясь на подзаконные акты. Широкое распространение получили инструкции различных министерств и ведомств.

2. Не осуществлялся и не допускался принцип разделения властей. Власть и управление были слиты воедино. Руководство их деятельностью осуществлялось из центра, а местные Советы непосредственно осуществляли функции руководства подведомственным хозяйством, социально-культурным строительством.

3. Декларируемые в различных актах идеи самоуправления народа трактовались как сочетание деятельности государственной власти и инициативы населения и, как правило, сводились к широкому представительству населения в этих структурах, отбор которого строго контролировался.

Большинство перечисленных положений в той или иной мере имеет место и в современной России. Политические, экономические, социальные и правовые процессы, происходящие в настоящее время, свидетельствуют о новом этапе в развитии нашей страны, который выдвигает сложные проблемы, требующие глубокого научно-теоретического осмысления и практического решения. Особенно это является необходимым в переломные периоды развития страны, одним из которых явился период нэп, в ходе которого был

опробован на практике один из вариантов функционирования планово-рыночной экономики, при ведущей роли в ней государственной власти и руководимых ею предприятий и организаций, т. е. происходили существенные изменения в оценке места и роли государства и права в обществе, способах, методах и средствах проведения государственной политики. Ведь именно государство создавало условия для ее реализации, а право их закрепляло.

В связи с этим значительный интерес представляет обращение к опыту новой экономической политики. Это является актуальным и для современной России.

Изучение историко-правового опыта реализации нэп важно не только для того, чтобы познать развитие советского государства и права, но и для того, чтобы лучше, яснее представить пути решения тех задач, которые стоят перед нашим обществом в настоящее время.

Данный период занимает особое место в истории отечественного государства и права. Развитие экономики в годы нэп осуществлялось на основе рыночных отношений. Без сомнения, именно экономика была тем стержнем, вокруг которого разворачивались события 1921–1929 гг. Но, тем не менее, новая экономическая политика ознаменовалась не только большими переменами в хозяйственной сфере. Она существенно затронула политическую, социальную, правовую и другие стороны жизнедеятельности общества. Необходимо было решить следующие вопросы:

- укрепление внутrigосударственных взаимоотношений между всеми уровнями механизма управления на уровне СССР в связи с образованием нового союзного государства;
- упорядочение отношений РСФСР с её автономными частями и совершенствование структуры государственного механизма, реализации задач, стоящих перед элементами данного механизма;
- реорганизация органов управления народным хозяйством путем развития смешанной экономики, в том числе и на основе введения рыночных отношений, системы хозрасчета;
- изменение административно-территориального устройства страны;
- проведение коренизации государственного и общественно-политического аппарата национальных районов с целью привлечения в органы власти, управления и юстиции представителей коренного населения, знающих их национальные особенности, пользующихся его доверием;
- утверждение единой налоговой и денежной системы страны, дальнейшего объединения органов финансового управления;
- осуществление кодификации законодательства.

Реализация нэп позволила применить для ее осуществления весь арсенал способов юридического воздействия и регулирования, в их взаимодействии и сочетании. На правовом уровне в годы ее проведения взаимодействие проявлялось в переплетении двух начал правового регулирования: «публично-правового», с характерными чертами последовательности, плановости, организованности, присущими централизации, и «частно-правового», с хозяйственно-правовой автономией, характеризующей децентрализацию. Они рассматривались с практической точки зрения как общие тенденции, как дополняющие друг друга приемы регулирования хозяйственной жизни в условиях нэп. В подобной ситуации происходило определение способов и методов правового воздействия и регулирования, наиболее приемлемых к конкретным процессам.

Учитывая, что данный период охватывает 1921–1929 гг., который автор делит на этапы, а именно: с 1921 по 1922 г. – 1-й этап; с 1923 по 1925 г. – 2-й этап; с 1926 г. по март 1929 г. – 3-й этап, дадим их характеристику.

Первый этап, с 1921 по 1922 г. На уровне государства он характеризуется началом введения нэп, когда принимаются основополагающие нормативные документы, регламентирующие её осуществление, и до образования Союза ССР 30 декабря 1922 г.

Особенностью этапа являлась реализация принципа «централизации руководства и децентрализации управления». Ставились и осуществлялись такие политические задачи:

- а) отношения товарного и натурального производства;
- б) воссоздание рыночного хозяйства и денежно-финансовой системы страны;
- в) взаимоотношения между разноразмерной системой управления, включающей в себя элементы, присущие властным отношениям, как на уровне государства, так и в территориальных нижестоящих структурах при реализации нэп;
- г) решения проблемы применяемого права на основе сложившейся в данный период нормативно-правовой базы, в том числе и коллизионные моменты, возникающие при институционализации органов местного самоуправления, в том числе и первые ступени вышеназванных органов;
- д) сокращение и упрощение государственного аппарата в центре и на местах. В законодательной деятельности в этот период преобладали нормы разрешительного характера, а в налоговом законодательстве – местное налогообложение.

В Вятской губернии, на данном этапе:

1. В нормотворческой деятельности – преобладали в основном нормы разрешительного характера. Вошли в практику деятельности мест-

ных органов власти обязательные постановления (обязательные постановления Президиума ВГИК).

2. В гражданско-правовых отношениях – частная торговля (розница и обмен); начинали вступать с силу договорные отношения, и шло развитие арендных, т. е. воссоздавалось рыночное хозяйство.

3. В налоговой политике – преобладало местное налогообложение. Местные налоги были в 4 раза выше общегосударственных. Устанавливалась льготная система налогообложения и ряды по налогам.

4. Осуществлялась реорганизация структуры местных органов власти и управления:

- в Губернском государственном аппарате было создано ГубЭКОСО;

- учрежден состав Губернского комитета содействия сельскому хозяйству и промышленности, Коллегия Губернского отдела труда, состав Губернского суда; образована Губернская прокуратура и единый Верховный трибунал, Губернское финансовое совещание, Плановая комиссия при Губернском исполкоме, Комиссия по районированию при ГубЭКОСО и совнархозы в уездах, Комиссия по пересмотру и сокращению местных учреждений, Губплан. Цель данных преобразований – сокращение и упрощение государственного аппарата и приведение его в соответствие с задачами, решаемыми в условиях введения нэп.

Второй этап, с 1923 по 1925 г.:

- в связи с образованием нового государства 30 декабря 1922 г. повышалась его роль в реализации целей нэп;

- менялись задачи в области промышленности и сельского хозяйства страны, включая и регионы;

- расширялись административные права местных органов власти (в частности, были предоставлены административные права Волисполкомам);

- проходила реорганизация и территориального деления, структуры, полномочий и функций государственных органов на различных уровнях государственного механизма;

- осуществлялась финансовая реформа и реформа налогообложения;

- закладывались основы общесоюзного законодательства и его взаимоотношение с региональной нормативной базой.

В Вятской губернии в ходе данного этапа:

1. В законодательной деятельности сложилось правовое положение местных органов власти; созданы правовые основы рыночных отношений; осуществлен переход от господства императивных правовых норм к диспозитивным; принимались меры по укреплению социалистической за-

конности и приведению местного законодательства в соответствие с общесоюзным.

2. В гражданско-правовых отношениях применялись меры по стабилизации денежного обращения, расширению кредитования, т. е. шло закрепление товарно-денежных отношений и сокращение прямого товарообмена.

3. В налоговой политике шло установление единой налоговой системы, в частности вводился единый сельскохозяйственный налог.

4. Происходила реорганизация местных органов власти и управления:

- были ликвидированы ГубЭКОСО и Губернское управление юстиции;

- первоначально разграничиваются функции УЭКОСО и Президиумов уездных исполкомов, а затем ликвидируются УЭКОСО и отделы управления уездных исполкомов рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов;

- образовано организационное бюро и плановая комиссия при Губернском исполкоме;

- утверждена сеть судебных и следственных участков по губернии;

- пересмотрена структура милиции.

Все эти изменения были вызваны введением нэп.

Третий этап с 1926 г. по март 1929 г.:

- подводились итоги реализации нэп партийными структурами государства в центре и на местах;

- ставилась задача свёртывания этой программы и перехода к индустриализации и коллективизации страны;

- расширение государственного сектора в народном хозяйстве и овладение государством рынка;

- изменялось соотношение между сельским хозяйством и промышленностью страны;

- устанавливалась централизация надзора за законностью в общесоюзном масштабе по мере укрепления Союза ССР, развития общесоюзной экономики и общесоюзного законодательства, что в итоге привело в 1929 г. к свёртыванию и завершению нэп.

В Вятской губернии на данном этапе:

1. В правотворческой деятельности происходила унификация права, совершались действия по укреплению законности, по мере развития общесоюзной экономики и регулирующего, в том числе и данные отношения, нормы права в СССР. Диспозитивные правовые нормы применяются в меньшей степени, чем императивные.

2. В гражданско-правовых отношениях преобладали рыночные отношения, но под контролем государства, в лице его соответствующих органов и структур.

3. В налоговой политике укрепилась единая общесоюзная налоговая система и осуществлено ограничение местного налогообложения.

4. Изменилось правовое положение местных органов власти в связи с принятием Конституции СССР в 1924 г.:

- был ликвидирован аппарат уполномоченных при Уездных исполкомах;

- проведено первое разукрупнение сельсоветов по губернии. Губернское статистическое бюро было переименовано в статистический отдел. Аналогичные изменения происходили и в уездах.

Политические, экономические, социальные и правовые процессы, происходящие в современной России, на протяжении последних лет свидетельствуют о том, что идет поиск оптимальных путей строительства нового общества, найти которые в значительной степени помогает обращение к историческому опыту. В связи с этим повышенный интерес представляет период новой экономической политики (нэп). В годы ее проведения был опробован на практике один из вариантов функционирования планово-рыночной экономики.

У. С. Родыгина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается профессиональная идентичность, которая, выступая в роли системообразующего свойства личности, обеспечивает высокий уровень принятия себя как профессионала и быструю адаптацию к новым условиям деятельности. Сформированная профессиональная идентичность выступает в качестве внутреннего источника профессионального развития и личностного роста субъекта. Одним из условий развития профессиональной идентичности является профессиональное обучение. В ходе обучения в вузе происходит качественный скачок в профессиональном развитии студента. Именно в студенческом возрасте начинают формироваться основные идентификационные характеристики, выражающие принадлежность человека к определенной профессии. Состоится ли студент как специалист в выбранной им профессии, в большей степени зависит от того, как будет протекать процесс его обучения в вузе, как будет происходить становление его профессиональной идентичности.

Профессиональная идентичность студента – это единство представлений о себе, эмоциональных переживаний и осознанной активности, связанных с приобретением профессии, на основе которого появляется чувство тождественности с собой как будущим специалистом. Система представлений о себе в рамках профессиональной идентичности студента содержит представления

о себе как о будущем специалисте (принадлежащем к определенной профессиональной группе), о своих профессиональных и учебно-профессиональных целях, о своих возможностях по реализации этих целей.

Особую роль в развитии профессиональной идентичности студентов – будущих психологов – играет высшее учебное заведение. Ввиду того что такой предмет, как психология, в средней школе практически не преподается, развитие профессиональной идентичности психолога фактически начинается только в высшем учебном заведении.

С целью выявления основных психологических особенностей студентов-психологов с разными типами профессиональной идентичности нами было проведено теоретическое и экспериментальное изучение данного вопроса на базе Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров). В нем приняли участие студенты факультета психологии с I по V курс в количестве 206 человек.

В экспериментальном исследовании были использованы следующие методики: «Личный профессиональный план» (Е. А. Климов в адаптации А. Б. Шнейдер); Опросник профессиональной идентичности студента (авторская разработка); «Мотивация профессионального обучения» (В. Г. Каташев); «Ценностные ориентации» (М. Рокич); методика на исследование рефлексивности (А. В. Карпов); «Исследование идентификации» (В. Г. Маралов); «Тест Смысложизненных ориентаций» (СЖО) (Д. А. Леонтьев); методика диагностики уровня эмпатических способностей (В. В. Бойко); задание на профессиональную рефлекссию. Обработка результатов проводилась с использованием программ SPSS (программа статистической обработки данных, Версия 12) и Microsoft Excel.

На основании полученных данных, количественной и качественной обработки результатов мы выделили типы профессиональной идентичности и психологические особенности студентов-психологов с разными типами профессиональной идентичности.

В ходе исследования было установлено, что ведущими характеристиками профессиональной идентичности студента – будущего психолога – являются «Эмоциональное отношение» и «Осознанная активность», которые вместе образуют единую внутреннюю позицию студента по отношению к будущей профессии, на основе которой может быть выявлен тип профессиональной идентичности. В зависимости от выраженности характеристик может быть выделено 9 различных типов профессиональной идентичности (см. таблицу).

По критерию Н – Краскала – Уоллеса данные типы на значимом уровне (до 0,0001) отли-

чаются друг от друга по параметрам, выделенным проведенными методиками. Представим психологические особенности студентов-психологов с разными типами профессиональной идентичности.

Тип 1 – характеризуется пассивной позицией, сопровождающейся отрицательными эмоциями относительно будущей профессии. Студенты, относящиеся к данному типу, считают, что профессия психолога не для них, она не способна удовлетворить их потребности, в ней они не смогут реализовать себя. Наблюдается пассивное отношение к приобретаемой профессии, присутствуют негативные эмоции относительно профессии и всего, что с ней связано. Такая позиция возможна в ситуации «вынужденного» выбора профессии, выбора по настоянию родителей, за компанию с друзьями и т. д. Есть большая вероятность того, что студенты этого типа не будут работать по данной профессии после окончания вуза. Профессиональная рефлексия у них практически отсутствует, как и мотивация к обучению. Такие студенты интересуются только отдельными предметами и темами, считают, что многое из того, что изучается, не пригодится, для них главное – получить результат, неважно, какими способами. Осмысленность жизни в целом находится у них на низком уровне. Ведущими ценностными ориентациями являются ценности-цели «Материально обеспеченная жизнь» и «Свобода»; ценности-средства «Честность» и «Самоконтроль».

Тип 2 – характеризуется пассивной позицией, сопровождающейся нейтральными эмоциями относительно будущей профессии. Студенты, относящиеся к данному типу, не проявляют особой активности в учебно-профессиональной сфере. Они не строят определенных планов в отношении того, что они будут делать после окончания вуза. Считают, что психология, как и любая другая деятельность, – лишь средство зарабатывать деньги. Преобладание эмоций по отношению к приобретаемой профессии зависит от различных ситуаций. Иногда профессия психолога вызывает положительные эмоции и

воспринимается студентом как средство самореализации, иногда профессия разочаровывает и нет желания работать по специальности, соответственно, преобладают отрицательные эмоции.

Мотивация профессионального обучения, как и осмысленность жизни, находится на среднем уровне. Ведущими ценностными ориентациями данного типа являются ценности-цели «Наличие хороших и верных друзей» и «Жизненная мудрость»; ценности-средства «Твердая воля» и «Образованность».

Тип 3 – характеризуется пассивной позицией, сопровождающейся положительными эмоциями относительно будущей профессии. У студентов, относящихся к данному типу, преобладают положительные эмоции по отношению к будущей профессии, есть желание большую часть времени проводить, занимаясь тем, что связано с профессией, но несмотря на это присутствует пассивное отношение к приобретаемой профессии. Скорее всего, данных студентов можно отнести к категории «мечтателей». На представленной выборке такие студенты не были выявлены, соответственно, говорить об их психологических особенностях не представляется возможным.

Тип 4 – характеризуется средневыраженной активной позицией, сопровождающейся отрицательными эмоциями относительно будущей профессии. У студентов, относящихся к данному типу, присутствуют негативные эмоции относительно этой профессии и всего, что с ней связано, так как они считают, что профессия психолога удовлетворяет не всем их жизненным потребностям и запросам. Но к различным учебно-профессиональным ситуациям эти студенты могут относиться по-разному: где-то – активно ставя цели и исполняя задуманное, а где-то – пуская все на самотек. Чаще всего это студенты, недостаточно знающие возможности профессии психолога или разочаровавшиеся в ней (например, после прохождения практики). Хотя эти студенты умеют учиться и ставить себе цели в профессиональном обучении.

Распределение испытуемых по типам профессиональной идентичности

Осознанная активность	Эмоциональное отношение к будущей профессии		
	преимущественно отрицательные эмоции	нет явного преобладания	преимущественно положительные эмоции
Низкий уровень	Тип 1 6%	Тип 2 6%	Тип 3 0%
Средний уровень	Тип 4 6%	Тип 5 57%	Тип 6 8%
Высокий уровень	Тип 7 0%	Тип 8 10%	Тип 9 7%

Рефлексивность, эмпатия, осмысленность жизни развиты на среднем уровне. В мотивации профессионального обучения преобладает средний и нормальный уровень, т. е. данным студентам интересны только некоторые предметы; если им кажется, что предмет необходим для будущей профессии, они будут активно работать, все остальное их мало интересует.

Ведущими ценностными ориентациями данного типа являются ценности-цели «Уверенность в себе» и «Интересная работа»; ценности-средства «Ответственность» и «Образованность».

Тип 5 – характеризуется средневыраженной активной позицией, сопровождающейся нейтральными эмоциями относительно будущей профессии. У студентов данного типа нет выраженных тенденций, показатели находятся на среднем уровне. Это говорит о том, что к разным учебно-профессиональным ситуациям студент может относиться по-разному, преобладание эмоций также зависит от различных ситуаций. Иногда профессия психолога вызывает положительные эмоции и воспринимается студентом как средство самореализации, иногда профессия разочаровывает и нет желания работать по специальности, соответственно, преобладают отрицательные эмоции. Профессиональная идентичность студента, рефлексивность, эмпатия, мотивация, осмысленность жизни развиты в данной группе на среднем уровне.

Ведущими ценностными ориентациями данного типа являются ценности-цели «Уверенность в себе» и «Наличие хороших и верных друзей»; ценности-средства «Независимость» и «Образованность».

Потенциально студенты из данного типа при определенных обстоятельствах могут перейти в любой другой тип.

Тип 6 – характеризуется средневыраженной активной позицией, сопровождающейся положительными эмоциями относительно будущей профессии. Профессиональная идентичность студентов данного типа по преимуществу активная и выраженная. Студенты, относящиеся к данному типу, считают профессию психолога своим призванием, одним из способов самореализации в жизни. Мысли о том, что они будут работать по специальности, вызывают у них радость; есть желание большую часть времени проводить, занимаясь тем, что связано с профессией. Осознанная активность по отношению к будущей профессии находится на среднем уровне. У данного типа самая высокая мотивация к профессиональному обучению. Наличие целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу, такое же, как и у 9-го типа. Механизмы профессиональной рефлексии и

идентификации развиты на высоком и очень высоком уровне.

Ведущими ценностными ориентациями данного типа являются ценности-цели «Счастливая семейная жизнь» и «Интересная работа»; ценности средства «Жизнерадостность» и «Образованность».

Тип 7 – характеризуется активной позицией, сопровождающейся отрицательными эмоциями относительно будущей профессии. Несмотря на то что у студентов, относящихся к данному типу, присутствуют негативные эмоции относительно этой профессии и всего, что с ней связано, они стремятся достичь определенных целей в данной профессии и проявляют значительную активность в учебно-профессиональной деятельности. Можно предположить, что существуют какие-либо внешние побудители их активности, помимо содержания самой будущей профессии (социальные обязательства, родительское мнение и др.). На представленной выборке такие студенты, как и студенты 3-го типа, не были выявлены, соответственно, говорить об их психологических особенностях также не представляется возможным.

Тип 8 – характеризуется активной позицией, сопровождающейся нейтральными эмоциями относительно будущей профессии. У студентов данного типа не прослеживается ярких положительных эмоций (они варьируются в зависимости от ситуации), зато прослеживается позиция активного отношения к приобретаемой профессии, которая может быть также обозначена как позиция «субъекта». Студенты, занимающие активную позицию по отношению к приобретаемой профессии, ставят себе цели в профессиональной сфере и стремятся их достичь, планируют свою жизнь в русле профессии, знают, как получить интересующую их информацию, дополнительно читают специализированные журналы и книги. У данного типа самая высокая рефлексивность в целом и способность к профессиональной рефлексии в частности. Осмысленность жизни и мотивация профессионального обучения находятся также на высоком уровне. Механизмы идентификации с профессией развиты на очень высоком уровне.

Ведущими ценностными ориентациями данного типа являются ценности-цели «Уверенность в себе» и «Счастливая семейная жизнь»; ценности-средства «Ответственность» и «Жизнерадостность».

Тип 9 – характеризуется активной позицией, сопровождающейся положительными эмоциями относительно будущей профессии. Студенты, относящиеся к данному типу, считают, что профессия психолога удовлетворяет их потребности и запросы, в ней они видят свое призвание.

ние и способ самореализации. Они просчитывают свое будущее так, чтобы работать психологом, ставят цели и достигают их. При любой возможности пытаются приобрести опыт практической психологической деятельности; читают дополнительную психологическую литературу. Профессиональная идентичность данных студентов является выраженной и активной. У студентов данного типа самая высокая осмысленность жизни, способность к эмпатии, представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Им присуще убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Механизмы профессиональной рефлексии и идентификации развиты на высоком уровне.

Ведущими ценностными ориентациями данного типа являются ценности-цели «Уверенность в себе» и «Наличие хороших и верных друзей»; ценности-средства «Независимость» и «Ответственность».

Следует отметить, что позиции 6 и 8 по отношению к будущей профессии у студентов сходны в своих высоких результатах по различным методикам, т. е. студенты, придерживающиеся этих двух позиций, используют различные стратегии идентификации (с опорой на эмоции или осознанную активность), но в итоге и те и другие оказываются высоко профессионально идентифицированными студентами.

Что касается 9-го типа, то при чрезмерных положительных эмоциях и бурной активности, направленной на получение профессии, на наш взгляд, есть риск профессионального выгорания еще на стадии обучения в вузе.

Таким образом, выделенные психологические особенности студентов-психологов с разными типами профессиональной идентичности дают основание сделать следующий вывод: для продуктивного обучения в вузе, развития профессионально важных качеств будущего специалиста, эффективной реализации профессиональных планов и т. д. необходимо наличие положительных эмоций по отношению к будущей профессии и проявление осознанной активности в учебно-профессиональной сфере.

О. В. Закирова

КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ПЬЕРА БЕЗУХОВА

(на материале романа А. Н. Толстого
«Война и мир»)

В статье рассматриваются качественные прилагательные как языковое средство создания образа литературного персонажа. Характеризуются смысловые группы прилагательных, показывается, что в описании П. Безухова главенствуют прилагательные со значением эмоционального состояния.

«Война и мир» А. Н. Толстого – произведение, уникальное по количеству действующих лиц [1]. В романе-эпопее действуют около шестисот персонажей. С первых страниц романа внимание читателя привлекается к Пьеру Безухову, выделяемому автором из массы других персонажей. Ср.: *«При виде вошедшего Пьера в лице Анны Павловны изобразилось беспокойство и страх, подобный тому, который выражается при виде чего-нибудь слишком огромного и несвойственного месту. Хотя действительно Пьер был несколько больше других мужчин в комнате, но этот страх мог относиться только к тому умному и вместе робкому, наблюдательному и естественному взгляду, отличавшему его от всех в этой гостиной»* [кн. 1, т. 1, ч. 1, с. 15].

В литературоведении о Пьере сложилось представление как о человеке мыслящем [2]. В работах исследователей является образ «...искреннего, углубленного в свои мысли философа...» [3], чья «пытливость постоянно складывается в преобладании вопросительной формы, особенно в его размышлениях...» [4], которому свойственен «благородный интеллектуализм» [5]. На протяжении всего повествования Пьер анализирует действительность, пытается решить встающие перед ним вопросы: увлечен ли он идеей о вечном мире, размышляет ли над выбором жизненного пути. Анализ языковых средств, используемых автором для создания образа Пьера Безухова, позволяет глубже и полнее осмыслить этот образ. В настоящей статье рассматриваются качественные прилагательные как средство создания образа Пьера Безухова. Качественные прилагательные используются А. Н. Толстым в атрибутивной и в предикативной позициях, выполняя в каждой из них свое особое смысловое предназначение. В абсолютном большинстве случаев прилагательные, характеризующие Пьера, зани-

ЗАКИРОВА Оксана Вячеславовна – старший преподаватель кафедры русского языка и общелингвистических дисциплин Елабужского государственного педагогического университета

© Закирова О. В., 2007

мают в высказывании позицию согласованного определения, поэтому специально остановимся именно на их характеристике. Качественные прилагательные, зафиксированные в атрибутивной позиции, распределены по нескольким семантическим группам. См. таблицу.

Как видим, самой многочисленной является группа прилагательных, обозначающих эмоциональное состояние Пьера (246 примеров, 113 лексем), тогда как прилагательные, дающие представление об его интеллектуальных способностях, находятся на периферии. Это значит, что для характеристики интеллектуальной сферы Пьера Л. Н. Толстой использует иные языковые средства, которые до настоящего времени не систематизированы и специально не описаны.

Цель статьи состоит в том, чтобы дать характеристику качественных прилагательных со значением эмоционального состояния как наиболее частотного средства создания образа Пьера Безухова.

Анализ конкретного языкового материала показал, что при характеристике эмоциональных состояний Пьера Безухова самыми употребительными являются прилагательные **радостный** (17), **счастливый** (16), **страшный** (10), **сильный** (7), **восторженный** (7), **мрачный** (7). Остановимся на особенностях семантики именно данных прилагательных. При анализе значений интересующих нас слов мы будем опираться на их толкования, представленные в толковом словаре русского языка [6].

Прилагательное **радостный** используется Л. Н. Толстым для характеристики Пьера в следующих значениях: «**исполненный радости**» (ср.: «Что-то очень важное происходит между ними», – думал Пьер, и **радостное** и вместе горькое **чувство** заставляло его волноваться и забывать об игре [кн. 1, т. 2, ч. 3, с. 554]); «**выражающий радость**» (ср.: Пьер, со времени входа князя Андрея в гостиную не спускавший с него **радостных**, дружелюбных **глаз**, подошел к нему и взял его за руку [кн. 1, т. 1, ч. 1, с. 21]);

«**выражающий, доставляющий радость**» (ср.: Чем труднее становилось его положение, чем страшнее была будущность, тем независимее от того положения, в котором он находился, приходили ему **радостные** и успокоительные **мысли**, воспоминания и представления [кн. 2, т. 4, ч. 3, с. 539]). Во всех случаях с помощью прилагательного **радостный** описываются улыбка, насмешка, глаза Пьера, чувства, испытываемые им, т. е. прилагательное употребляется в метонимическом значении, косвенно характеризует Пьера.

Прилагательное **счастливый** употребляется по отношению к Пьеру в значении «**тот, кто испытывает счастье, радость**» (ср.: ...сказал он себе и, поспешно раздевшись, лег в постель, **счастливый** и взволнованный, но без сомнений и нерешительностей [кн. 2, т. 4, ч. 4, с. 607]); «**выражающий счастье, радость**» (ср.: ...она... взглянула на заиндевшее румяное и **счастливое лицо** Пьера [кн. 2, эпилог, с. 654]); «**вызванный счастьем**» (ср.: Пьер часто потом вспоминал это время **счастливого безумия** [кн. 2, т. 4, ч. 4, с. 613]); «**такой, которому благоприятствует счастье, удача, успех**» (ср.: Через полтора месяца он был обвенчан и поселился, как говорили, **счастливым обладателем** красавицы жены и миллионов в большом петербургском заново отделанном доме графов Безуховых [кн. 1, т. 1, ч. 3, с. 251]); «**благоприятный, удачный, хороший**» (ср.: – Знаете что! – сказал Пьер, как будто ему пришла неожиданно **счастливая мысль**, – серьёзно, я давно это думал [кн. 1, т. 1, ч. 1, с. 39]).

Прилагательные **радостный** и **счастливый** близки по смыслу, однако между ними есть и различия. **Счастье** – это «состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости». **Радость** – это «чувство удовольствия, удовлетворения». Как видим, существительные **счастье** и **радость** различаются интенсивностью проявления чувств. Соответственно они имеют различия в семантике. Эти различия обнаруживаются и в производных от них

Семантические группы качественных прилагательных, характеризующих Пьера Безухова в атрибутивной позиции
(624 примера)

Наименование группы	Количество примеров
Прилагательные, обозначающие эмоциональное состояние человека	247
Прилагательные, обозначающие физические характеристики человека и его физиологические состояния	139
Прилагательные, дающие оценочную характеристику человека	89
Прилагательные, дающие представление о характере человека	65
Прилагательные, характеризующие одежду человека	32
Прилагательные, дающие социальные характеристики человека	29
Прилагательные, обозначающие интеллектуальные способности человека	24

прилагательных. **Радостный** – наиболее нейтральное слово, это в градуальном смысле чувство, предшествующее тому, которое обозначается прилагательным **счастливый**. Как пишет Б. А. Пеньковский, «**радость** – это одна из энергетических сил, которые образуют животворящую силу святого Духа. **Радость** по природе альтруистична. Именно поэтому возможна и нормальна **радость** за другого... **Радость** межличностна. Радостью можно заразиться, заразить, можно поделиться, передав её другому или рассказав о ней... **Радость** надличностна. Она может овладеть всем существом человека и, переполняя его, выливаться, выплескиваться вовне (ср. также *дышать, светиться радостью; рвущаяся наружу радость*), растворяясь в окружающем мире. Поэтому говорят об атмосфере **радости**» [7].

Радостный человек (в нашем случае Пьер Безухов) – носитель **радости** в указанном выше смысле. Будучи самым частотным словом среди лексических единиц, обозначающих эмоциональное состояние Пьера, прилагательное **радостный** свидетельствует о том, что состояние, передаваемое этим прилагательным, является доминантой в характеристике Пьера. Более ярко и выразительно это состояние обозначается прилагательным **счастливый**.

За доминантными словоформами **радостный** и **счастливый** следует адъективированная форма **сияющий** («ярко выражающий радость, счастье, доброту, ласку и т. д., светящийся радостью – о лице, улыбке и т. д.»). Ср.: – *Да, да, согласен, – и с сияющей детской улыбкой, с открытой жирной грудью, неровно и робко шагая одной разутой и одной обутной ногой, пошёл вперёд...* [кн. 1, т. 2, ч. 2, с. 22].

Максимально высокую степень проявления положительных эмоций выражает прилагательное **восторженный** «исполненный восторга // выражающий восторг», т. е. «сильный подъём радостных чувств; восхищение». Ср.: *Послушай, – сказал он, взяв Герасима за пуговицу сюртука и сверху вниз блестящими, влажными, восторженными глазами глядя на старика* [кн. 2, т. 3, ч. 3, с. 317]; *Восторженное состояние его ещё усилилось при виде девочки, которую он спас* [кн. 2, т. 3, ч. 3, с. 388]. Состояние восторга конкретизируют прилагательные **тихий, внутренний**, указывая на то, что положительные радостные эмоции не всегда проявляются слишком ярко. Ср.: «*Да, сопрягать надо, сопрягать надо!*» – *с внутренним восторгом повторил про себя Пьер* [кн. 2, т. 3, ч. 3, с. 288]; *...тот тихий восторг, который, рассказывая, видимо, испытывал Каратаев, сообщил и Пьеру* [кн. 2, т. 3, ч. 3, с. 298].

Слова **приятный, довольный, самодовольный** объединяются семами «**удовольствие**», «**доволь-**

ство» и выступают в описании Пьера в следующих значениях. **Приятный** – «доставляющий удовольствие». Ср.: *...мысль о Наполеоне редко приходила ему. Ежели она и приходила, то только как приятное воспоминание давно прошедшего* [кн. 2, т. 4, ч. 4, с. 597]. **Довольный** – «испытывающий довольство», т. е. «чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения». Ср.: – *Да, это он; счастливый, довольный...* [кн. 2, эпилог, с. 654]. **Самодовольный** – «выражающий довольство самим собой, свидетельствующий о нём». Ср.: *Это было продолжение его самодовольных рассуждений об его успехе в Петербурге* [кн. 2, т. 4, с. 675].

Состояние удовлетворенности уточняют лексемы **полный, неожиданный, невольный**, которые сами по себе не выражают рассматриваемых значений, но, сочетаясь со словами **удовлетворение, удовольствие**, обозначают характер выражаемого ими чувства, разнообразие его проявлений. Ср.: *С самого того дня, как Пьер в первый раз испытал это чувство ... он непрерывно находился под его влиянием, но теперь только нашёл ему полное удовлетворение* [кн. 2, т. 3, ч. 3, с. 352]; *...Пьер испытывал невольное удовольствие в разговоре с этим весёлым и добродушным человеком* [кн. 2, т. 3, ч. 3, с. 360]; *...он теперь находил неожиданное для самого себя детское удовольствие в этих покупках подарков для всего дома и ничего никогда не забывал* [кн. 2, т. 4, с. 657].

Глубокую и обстоятельную характеристику понятия **удовольствие** находим в уже упоминаемой работе А. Б. Пеньковского. Ср.: «**Удовольствие** – это не чувство (или по крайней мере не просто “чувство”). Это положительная чувственная реакция. **Удовольствие** – это всегда **удовольствие** от чего-либо, и этим, в частности, оно отличается от **радости**, которая может быть “ни от чего”: беспричинная радость, но * не беспричинное удовольствие... **Удовольствие** прежде всего и преимущественно чувственно-физиологическая реакция, тогда как **радость** имеет более высокую чувственно-психическую природу... **Удовольствие** – это радость тела, а **радость** – удовольствие души и духа... Стимулом удовольствия является действие... **Удовольствие**, таким образом, “механистично” и “технично”, в отличие от **радости**, которая “органична”» [8].

Анализ показал, что Пьер Безухов представляется испытывающим положительные эмоции.

Заметное место в характеристике эмоционального состояния Пьера занимают прилагательные, объединенные понятием «страх». Это прилагательные **страшный** (10) и **испуганный** (4). Что такое страх и чем он отличается от испуга? Л. В. Калинина пишет: «В семантике слова **страх** присутствует момент и воображаемого (мысленного) и реального (актуального) переживания

этого состояния... Испуг – это чувство, овладевшее человеком именно в момент, когда он непосредственно сталкивается с чем-то страшным и, главное, неожиданным в данной ситуации» [9].

Прилагательное **страшный** при описании эмоций Пьера отмечается в нескольких значениях: «вызывающий, внушающий чувство страха» (ср.: *Одно только страшное сомнение иногда приходило ему в голову* [кн. 2, т. 4, ч. 4, с. 612]); «отмеченный событиями, происшествиями, вызывающими страх, какое-либо тягостное, мучительное чувство» (ср.: *Те страшные минуты, которые он пережил во время казни, как будто смыли навсегда из его воображения и воспоминания тревожные мысли и чувства, прежде казавшиеся ему важными* [кн. 2, т. 4, ч. 2, с. 484]); «опасный, вызывающий чувство страха своей опасностью» (ср.: *...какой-то непонятный ужас охватывал его при одной мысли об этом страшном шаге* [кн. 1, т. 1, ч. 3, с. 245]). Семантически близкое к лексеме **страшный** в указанных значениях прилагательное испуганный отмечено в значении «выражающий испуг, т. е. внезапное чувство страха» (ср.: *Не успела она сказать эти слова, как Пьер вскочил и с испуганным лицом схватил за руку княжну Марью* [кн. 2, т. 4, ч. 4, с. 611]).

Более частое употребление прилагательного **страшный** в противоположность прилагательному испуганный указывает на то, что герою свойственна длительность переживания этого состояния.

К рассматриваемым прилагательным отнесем лексемы **непонятный, невольный**, которые сами не называют эмоции, но актуализируют определенные атомы смысла, входящие в семантическую структуру определяемых существительных (*страх, ужас* и под.). Ср.: *...сильная рука Пьера, движимая невольным страхом, всё крепче и крепче сжимала его горло* [кн. 2, т. 3, ч. 2, с. 234]; *...какой-то непонятный ужас охватывал его при одной мысли об этом страшном шаге* [кн. 1, т. 1, ч. 3, с. 245].

Прилагательное **сильный** в значении «большой, значительный по напряженности, степени проявления, величине» используется при описании разных эмоциональных состояний Пьера. Ср.: *...он... увлекся и стал говорить с сдержанным волнением человека, в воспоминании переживающего сильные впечатления* [кн. 2, т. 4, ч. 4, с. 604]; *Два одинаково сильные чувства неотразимо привлекали Пьера к его намерению* [кн. 2, т. 3, ч. 3, с. 351]. Интенсивность переживаемых Пьером эмоциональных состояний подчеркивается употреблением лексемы **сильный** в превосходной степени. Ср.: *...он опять взглянул на Наташу, и ещё сильнее краска покрывала его лицо, и ещё сильнее волнение радости и*

страх охватил его душу [кн. 2, т. 4, ч. 4, с. 599]. Отмечено также метафорическое описание насыщенности выражаемых героем эмоций, что передается прилагательным **яркий**. Ср.: *...все люди в этот период времени представлялись ему в таком ярком свете сиявшего в нем чувства...* [кн. 2, т. 4, ч. 4, с. 613].

На страницах романа Пьер предстает как испытывающий не только положительные эмоции. Он может быть также **мрачным, угрюмым, нахмуренным, пасмурным**.

Прилагательное **мрачный** в описании Пьера имеет значение «выражающий угрюмость/исполненный тяжелых, безрадостных мыслей». Ср.: *Мрачное, несчастное лицо Пьера поразило её* [кн. 1, т. 2, ч. 3, с. 544]; *...и чаще ему стали приходить прежние мрачные мысли о тщете всего человеческого* [кн. 1, т. 2, ч. 3, с. 557].

Невесёлое, тяжёлое эмоциональное состояние передают близкие по семантике к прилагательному **мрачный** лексемы **угрюмый, пасмурный, нахмуренный**. Ср.: *угрюмый «исполненный мрачности, суровости, выражающий мрачность, суровость»* (ср.: *У него, напротив, когда приходила улыбка, то вдруг мгновенно исчезало серьёзное и даже несколько угрюмое лицо...* [кн. 1, т. 1, ч. 1, с. 28]); *пасмурный* «мрачный, невесёлый, хмурый» (ср.: *Как только она вошла в комнату, лицо Пьера, до этого пасмурное, просияло...* [кн. 2, т. 3, ч. 1, с. 84]); *нахмуренный: «мрачный, сурового вида, угрюмый»* (ср.: *Пьер ничего не ответил и, нахмуренный и сердитый, каким его никогда не видали, вышел от Расстопчина* [кн. 2, т. 3, ч. 3, с. 293]).

Таким образом, качественные прилагательные со значением эмоционального состояния главенствуют в описании Пьера Безухова. Анализ этих прилагательных дает основания рассматривать Пьера как человека, живущего эмоциями, у которого чувства преобладают над разумом. Здесь уместно вспомнить рассуждения А. Д. Шмелева относительно того, что русская языковая модель человека «определяется двумя противопоставлениями: (1) идеального и материального и (2) интеллектуального и эмоционального. Первое противопоставление отражается в языке как противопоставление духа и плоти, второе – как противопоставление ума и сердца» [10].

Примечания

1. Толстой, А. Н. Война и мир [Текст] / А. Н. Толстой. Т. 1–4. М., 1970. Иллюстративный материал из романа приводится далее по данному изданию. В квадратных скобках указываются номер книги, тома, части и страницы цитаты.

2. Долинина, Н. По страницам «Войны и мира» [Текст] / Н. Долинина. Л., 1989; Сабуров, А. А. «Война и мир» А. Н. Толстого. Проблематика и поэтика [Текст] / А. А. Сабуров. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959; Храпченко, М. Б. Лев Толстой как художник [Текст]

/ М. Б. Храпченко // Русская литература XIX века: Хрестоматия литературовед. м-лов: кн. для учителя / сост. В. Н. Азбукин, В. Н. Коновалов; под ред. П. А. Николаева. М.: Просвещение, 1984; Чичерин, А. В. Возникновение романа-эпопеи [Текст] / А. В. Чичерин. М.: Сов. писатель, 1975.

3. Чичерин, А. В. Возникновение романа-эпопеи [Текст] / А. В. Чичерин. М.: Сов. писатель, 1975. С. 209.

4. Там же. С. 210.

5. Сабуров, А. А. Указ. соч. С. 179.

6. Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М., 1981–1984 (МАС).

7. Пеньковский, Б. А. Очерки по русской семантике [Текст] / Б. А. Пеньковский. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 66–70.

8. Там же. С. 63–65.

9. Калинина, Л. В. Лексико-грамматические ряды существительных как средство прагматической характеристики действительности [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Калинина. Киров, 1999. С. 55–57.

10. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность [Текст] / А. Д. Шмелев. М., 2002. С. 301.

А. А. Злобин

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВА ОСВОБОЖДЕНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

В статье на материале произведений А. И. Солженицына впервые рассматривается семантика существительного **освобождение** как единицы производной от глагола **освободить**. Демонстрируется специфика употребления данного существительного в произведениях писателя.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть особенности семантики и функционирования существительного **освобождение** в произведениях А. И. Солженицына.

В толковых словарях анализируемое слово имеет отсылочное толкование. Ср.: **«освобождение** – действие или состояние по значению глагола **освободить...**» [1]. У глагола **освободить** фиксируется пять значений. Ср.: 1. **«избавить от чего-нибудь, предоставить кому-нибудь возможность не делать чего-нибудь, не подвергая чему-нибудь»**; 2. **«сделать свободным кого-нибудь, предоставить свободу кому-нибудь»**; 3. **«уволить»**; 4. **«очистить»**; 5. **«вернуть обратно (захваченную территорию)»** [2].

В произведениях А. И. Солженицына реализуются все значения данного глагола. Ср.: 1. Он

предполагал, что предъявит своё плоскостопие и его освободят от далёких хождений... (Архипелаг ГУЛАГ); 2. *На улицах арестанты и каторжники, в халатах, в тюремном, прогуливались весело, целовались друг с другом и с солдатами. Всех до одного освободили, не спрашивая* (Красное колесо); 3. *На следующий день профессора освободили от занимаемой должности* (В круге первом); 4. *Опухоль отошла вглубь, освободила желудок, и вот ему не больно* (Ракочный корпус); 5. *Прагу освободили советские войска, и верно, по желанию Сталина* (Архипелаг ГУЛАГ).

Обратимся к характеристике существительного **освобождение** и рассмотрим это слово как производное от глагола **освободить**.

Существительное **освобождение** зафиксировано нами в текстах А. И. Солженицына в 178 случаях. Данная лексема используется автором только в двух значениях из пяти, имеющих у глагола **освободить**. Это значение 1. (**«избавить от чего-нибудь, предоставить кому-нибудь возможность не делать чего-нибудь, не подвергая чему-нибудь»**) и значение 2. (**«сделать свободным кого-нибудь, предоставить свободу кому-нибудь»**). Ср., напр.: Он убеждён шёл к духовному и религиозному **освобождению** (Бодался телёнок с дубом); Вскоре начальник лагеря, у которого были две ромбы, поздравил его с **освобождением** (В круге первом).

Наибольшее количество примеров (134 примера из 178) приходится на значение 2. (**«сделать свободным кого-нибудь, предоставить свободу кому-нибудь»**).

Существительное **освобождение** в данном значении обозначает факт или процесс обретения объектом свободы. Как правило, этот процесс оценивается объектом положительно. Ср., напр.: Если я доживу только – о, как по-новому, как умно я буду жить! День будущего **освобождения!** – он лучится как восходящее солнце (Архипелаг ГУЛАГ); Козьма Антонич жаждал своего **освобождения** (Красное колесо); Л. Копелев через 14 лет после **освобождения** заболел – и сразу же бредит тюрьмой (Архипелаг ГУЛАГ).

Ситуация освобождения является типичной для текстов рассматриваемого автора и, как правило, включает двух участников: объекта и субъекта. Обычно объект освобождения называется, именуется в рамках высказывания. Представим перечень объектов освобождения, зафиксированных нами в текстах А. И. Солженицына. Ср.: крестьяне (8), народ (8), арестант (4), зэк (4), каторжник (4), Россия (4), политические (2), политический заключённый (4), беженцы (3), заключённый (3), СССР (3), Александр Евдокимыч (2), Багров (2), Бобынин (2), Воротынцев (2), Гвоздев (2), евреи (2), каторжа-

ЗЛОБИН Андрей Александрович – аспирант кафедры русского языка и методики обучения русскому языку, старший преподаватель Центра довузовской подготовки ВятГГУ
© Злобин А. А., 2007

не (2), Литва (2), малолетки (2), немцы (2), Нержин (2), Николай Александрович (2), русский народ (2), советский народ (2), Сологдин (2), ссыльные (2), Эстония (2), Александр Фёдорович (1), Анатолий Васильевич (1), Арнольд Раппорт (1), Борис Дьяков (1), Валентинов (1), военный министр (1), вьетнамский народ (1), Галиция (1), Германия (1), городовые (1), греческий патриот (1), греческий писатель (1), Дмитрий (1), Дмитрий Александрович (1), Дырсин (1), Зоя Якушева (1), А. Копелев (1), Латвия (1), М. П. Якубович (1), крестьянин Елтидифор Парамонов (1), народности Австро-Венгрии (1), Козьма Антонич (1), Пальчинский (1), Прохоров-Пустовер (1), Рубин (1), славяне (1), Столярова (1), эстонцы (1), Феликс (1), Франция (1), южные славяне (1), Юра Ермолаев (1) – всего 115 примеров, 60 лексем.

Как видим, состав лексических единиц, называющих объект освобождения, весьма разнообразен.

Чаще всего А. И. Солженицын называет конкретных объектов освобождения, то есть тех, кто получает, обретает свободу. Они именуются по-разному:

– по фамилии: Багров (2), Бобынин (2), Гвоздев (2), Воротынецев (2), Нержин (2), Сологдин (2), Валентинов (1), Дырсин (1), Рубин (1), Пальчинский (1), Прохоров-Пустовер (1), Столярова (1) – 18 примеров, 12 лексем;

– по имени и отчеству: Николай Александрович (2), Александр Евдокимыч (2), Александр Федорович (1), Анатолий Васильевич (1), Дмитрий Александрович (1), Козьма Антонич (1) – 9 примеров, 7 лексем;

– по имени и фамилии: Арнольд Раппорт (1), Борис Дьяков (1), Елтидифор Парамонов (1), Зоя Якушева (1), А. Копелев (1), М. Якубович (1), Юра Ермолов (1) – 7 примеров, 7 лексем;

– по имени: Дмитрий (1), Феликс (1) – 2 примера, 2 лексемы.

Ср., напр.: *И почувствовал Воротынецев толчок освобождения из своего непереносимо-стеснённого, даже околдованного состояния* (Красное колесо); *До войны Анатолий Васильевич окончил пединститут по литературному факультету. Сейчас осталось ему, как и мне, лет около трёх до освобождения...* (Архипелаг ГУЛАГ); *Юра Ермолов после освобождения устроился работать, но его уволили: важнее было принять демобилизованного солдата* (Архипелаг ГУЛАГ); *И Сандро отправился в Царское, но не добился ни освобождения, ни Дмитрия, ни Феликса* (Красное колесо).

Весьма частотны (32 примера, 9 лексем) лексические единицы, называющие объекта освобождения по состоянию несвободы. Ср.: *каторж-*

ник (6), *арестант* (4), *зэк* (4), *политические* (4), *политический заключённый* (4), *беглецы* (3), *заключённый* (3), *малолетки* (2), *ссыльные* (2).

Ср., напр.: *Против крепостных ворот образовалась кучка, от неё потребовали немедленно освобождения каторжан* (Красное колесо); *Коснулись вопроса об освобождении политических* (Красное колесо).

В произведениях рассматриваемого автора используются также лексические единицы, называющие целые народы, нации, социальные классы. Ср.: *крестьяне* (8), *народ* (8), *евреи* (2), *немцы* (2), *русский народ* (2), *советский народ* (2), *вьетнамский народ* (1), *греческий народ* (1), *народности Австро-Венгрии* (1), *славяне* (1), *эстонцы* (1), *южные славяне* (1) – 30 примеров, 12 лексем.

Ср., напр.: *Ещё в Одессе при Александре III сформулировал задачу, что освобождение евреев в России возможно только свержением царской власти* (Красное колесо); *На какое-то время он разделит и всеобщественное увлечение освобождением южных славян и станет санитаром тылового госпиталя* (Красное колесо).

Объектами освобождения здесь могут быть и целые государства. Ср.: *Россия* (4), *СССР* (3), *Эстония* (2), *Литва* (2), *Галиция* (1), *Германия* (1), *Латвия* (1) – 14 примеров, 7 лексем.

Ср., напр.: *Надо было видеть всю широкую картину начавшегося освобождения России и в этой картине удержат Балтийский флот до просветления* (Красное колесо); *В эти дни как раз исполняются десятилетия освобождения Эстонии, Латвии, Литвы* (Архипелаг ГУЛАГ).

Отмечаются у А. И. Солженицына и словосочетания, которые называют должности, род деятельности объектов освобождения. Это самая малочисленная группа. Ср.: *греческий писатель* (1), *военный министр* (1), *городовые* (1) – 3 примера, 3 лексемы.

Ср., напр.: *Поручить Шехтеру лично объявить Керенскому о недопустимости освобождения городских* (Красное колесо).

Таким образом, слово *освобождение* имеет значение «сделать свободным кого-нибудь, предоставить свободу кому-нибудь». Переходим к рассмотрению второго значения данного слова.

В значении «избавить от чего-нибудь, предоставить кому-нибудь возможность не делать чего-нибудь, не подвергая чему-нибудь» анализируемая лексема используется А. И. Солженицыным в 44 высказываниях. Ср., напр.: *Промышленности давали освобождение от повинностей, деревне не давали* (Красное колесо); *Да само мечтемое освобождение Церкви из-под диктата безбожия – разве единственная и высшая наша задача?* (На Западе).

Внимание в такого рода случаях акцентируется на факторах, которые ограничивают свободу объекта.

Препятствиями для освобождения являются коммунизм (6), крепостное право (4), тоталитаризм (3), война (1), внешние силы (1), государственные повинности (1), диктат (1), диктат безбожия (1), категория зарплаток (1), контроль (1), коммунистическая чума (1), ложь (1), милитаристское иго (1), министерские мнения (1), наёмное рабство (1), наряды (1), повинности (1), подати (1), политическая перемена (1), социалистическая заплата (1).

Как видим, факторы, ограничивающие свободу объекта, различны. Однако наиболее частотными являются те, которые связаны с государственным строем, с господствующим политическим режимом и идеологией.

Ср., напр.: *Могли бы эти события пройти раньше и гораздо мягче, но всё равно освобождение от коммунизма длительно* (На Западе); *Крестьянство составляло восемьдесят два процента населения. Оно, после освобождения от крепостного права в 1861 году, насильственно держалось властью в так называемой крестьянской общине* (На Западе).

В 14 из 44 случаев фактор, благодаря которому объект становится свободным, А. И. Солженицыным не конкретизируется. В подобных случаях представляется важным сам факт освобождения. Ср., напр.: *Он убеждённо шёл к ду-*

ховному и религиозному освобождению (Бодался телёнок с дубом); *Тут они впервые увидели неописуемую радость освобождения* (Красное колесо).

Таким образом, слово *освобождение* выступает как лексическая единица, обозначающая различные стадии процесса обретения субъектом свободы. Ср.: *начавшееся освобождение, завершившееся освобождением, в ходе освобождения, до освобождения, после освобождения*.

Семантика существительного *освобождение* соотносится со значениями глагола *освободить* (1. «избавить от чего-нибудь, предоставить кому-нибудь возможность не делать чего-нибудь, не подвергая чему-нибудь»; 2. «сделать свободным кого-нибудь, предоставить свободу кому-нибудь»). Совершенно справедливо рассуждение Л. О. Чернейко относительно того, что «имя отвлечённое... имеет «надёжную опору», только в виде не материальной вещи, а материально-идеальной, то есть производящего слова» [3].

Семантика глагола *освободить* и есть эта «надёжная опора» для существительного *освобождение*.

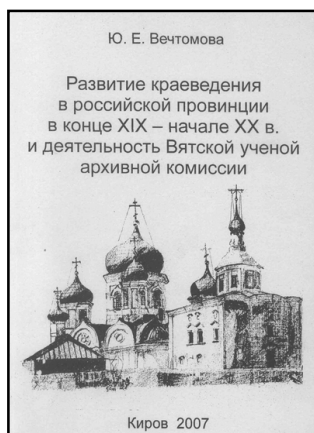
Примечания

1. Словарь современного русского литературного языка [Текст] : в 17 т. М., 1962 (БАС). Т. 8.

2. Там же.

3. Чернейко, Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени [Текст] / Л. О. Чернейко. М., 1997.

НОВЫЕ КНИГИ

Вечтомова, Ю. Е. Развитие краеведения в российской провинции в конце XIX – начале XX в. и деятельность Вятской ученой архивной комиссии [Текст] / Ю. Е. Вечтомова. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – 132 с.

В монографии исследуется процесс становления и развития губернских ученых архивных комиссий в конце XIX – начале XX в. на примере одной из комиссий Волго-Вятского региона – Вятской ученой архивной комиссии. Рассматриваются основные направления деятельности Вятской ученой архивной комиссии (архивное, издательское дело, работа по созданию музея) и анализируются особенности их творчества.

ПЕРСОНАЛИИ

ЕЛЕНА ОЛЕГОВНА ГАЛИЦКИХ

Елена Олеговна Галицких – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ВятГГУ, «Отличник просвещения РФ» (1996 г.), автор многочисленных статей и монографий, вышедших в местных и центральных издательствах.

Родилась Елена Олеговна 31 августа 1957 г. в г. Яранске Кировской области, а её детские годы прошли в с. Русские Краи Кикнурского района. Ее родители были педагогами: отец – Олег Андрианович Белоусов – заслуженный учитель СССР, историк, директор школы, мать – Тамара Михайловна – учитель литературы.

Желание стать учителем литературы было мечтой детства. В 1978 г. Елена Олеговна Галицких с отличием окончила факультет русского языка и литературы Кировского государственного педагогического института и в течение 10 лет работала в школе № 16 г. Кирова, а в 1988 г. возвратилась на родной филологический факультет ВятГГУ.

Учеба в аспирантуре и докторантуре на кафедре педагогики при РГПУ (АГПИ) им А. Герцена завершилась защитой докторской диссертации на тему «Интегративный подход как теоретическая основа профессионально-личностного становления будущего педагога в университете» (2002 г.)

В настоящее время доктор педагогических наук, профессор Е. О. Галицких – автор более 115 публикаций, среди которых монографии и учебные пособия, статьи в журналах «Высшее образование в России», «Воспитание школьников», «Литература в школе», «Вестник ВятГГУ». Она автор книг «Духовное развитие личности», «Конспекты уроков для учителя литературы. 8 класс. Творчество А. С. Грина» (М., 2002), «От сердца к сердцу: мастерские ценностных ориентаций» (СПб., 2003), Интегративный подход к профессионально-личностному становлению будущего педагога в университете» (СПб., 2001), «Диалог в образовании как способ становления толерантности» (М., 2004), «Профессия – учитель» (М., 2005) и др.

Научные интересы Е. О. Галицких – это дидактика высшей школы, технологии гуманитарного образования, проблемы профессионально-личностного становления студентов, педагогов и специалистов в сфере профессионального образования и повышения квалификации.

Являясь специалистом по теории и методике профессионального образования и педагогичес-

ким технологиям, Елена Олеговна активно проводит семинары и мастер-классы в различных городах России: Кирове, Ярославле, Оренбурге, Санкт-Петербурге, Челябинске, Нижнем Тагиле, Москве, Усть-Илимске. Лекционные курсы Елены Олеговны интересны, современны и содержательны.

Большой вклад внесла Е. О. Галицких в разработку региональной модели современного гимназического образования, осуществляя научное руководство Федеральной экспериментальной площадкой Министерства образования и науки Российской Федерации – Вятской гуманитарной гимназией, признанной в 2004 г. одной из лучших школ России.

Она более 10 лет успешно руководит лабораторией профессионально-личностного становления педагогов при департаменте образования, читает лекции в областном институте повышения квалификации и переподготовки кадров работников образования, пользуясь у слушателей большим авторитетом.

В 2004 г. награждена медалью Януша Корчака во Всероссийском конкурсе инновационных проектов за книгу «От сердца к сердцу: мастерские ценностных ориентаций». В 2005 г. Е. О. Галицких стала победителем областного конкурса и ей присвоено звание «Лучший работник по профессии».

Е. О. Галицких – разносторонний, увлеченный человек, обладающий активной жизненной позицией, любящий свою профессию, людей, мир. Елена Олеговна верит в неисчерпаемость и силу «живого знания».

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НА ИЗЛОМЕ ЭПОХ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (по материалам общественно-литературного форума)

По выражению известного писателя и журналиста Дмитрия Быкова, русская история «до сих пор не началась». Поэтому литература, используя различные стили, исторические решения, масштабы изображаемого, пытается ответить на вечный гоголевский вопрос: «Русь! Куда ж не сешься, ты... Дай ответ. Не дает ответа!», постичь глубочайшую тайну русской жизни.

Писатели, принадлежащие к различным дискурсам, сегодня решают вопрос не столько о культурном и политико-экономическом смысле нашего будущего, сколько о возможности существования этого будущего, формулируют три варианта литературной национальной перспективы: тупик, катастрофа, надежда. Изменение семантики отечественных терминов «народность» и «национальный характер» рождает размышления о миссии русского человека, о «самоценности существования русского типа в числе духовных разновидностей человечества» (В. Пустовая). Именно эти проблемы обсуждались участниками литературно-образовательного форума «Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе», который состоялся 17–19 мая 2007 г. на филологическом факультете Вятского государственного гуманитарного университета.

В работе форума приняли участие известные ученые-филологи, литературные критики, писатели и поэты, приехавшие из Москвы, Белгорода, Екатеринбурга, Йошкар-Олы и т. д. В числе самых известных Андрей Немзер (литературный критик, сотрудник газеты «Время новостей», автор ежегодного альманаха «Дневник читателя»), Олег Лекманов (профессор РГГУ, автор книги «Мандельштам» в серии «ЖЗЛ»), Николай Алеференко (профессор Белгородского ГУ), Инна Кабыш (поэтесса, корреспондент «Литературной газеты»).

Предметом обсуждения стали вопросы, связанные с отражением в отечественной литературе переломных исторических эпох, русского человека в ситуациях смены времен, поиска им новых эстетических и аксиологических ориентиров. Наряду с литературоведческим анализом произведений приводился и лингвистический, рассматривались различные аспекты семантики и функционирования языковых единиц разных уровней в языке писателей переходных эпох.

Большой интерес вызвали выступления Д. В. Харитонова (директор Института гуманитарных проблем Челябинского государственного университета) и Н. Н. Маевского (профессор Ростовского государственного университета), членов Президиума совета по филологии учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию. Они рассказали о работе над третьим поколением учебных стандартов, которые означают переход на новую европейскую образовательную систему: бакалавр – магистр.

Особое внимание участники форума уделили вопросам преподавания русского языка и литературы в школе и вузе.

Проблемы, обсуждавшиеся на форуме, вызвали большой интерес у российского филологического сообщества.

Поэтесса И. Кабыш поделилась своими впечатлениями от форума на страницах «Литературной газеты» (2007. 4–10 июля. № 27) в разделе «Картинки из глубинки».

«В последний день работы форума, после моего поэтического вечера, когда нужно было уже уезжать, я посмотрела на усталые, хотя и счастливые, лица его организаторов и сказала: “Ну теперь отдохнете!” – “Что Вы! – замахала руками К. С. Лицарева, декан филологического факультета. – Через пару дней начнутся Дни славянской письменности и культуры!..” Воистину: покой им только снится!

И это в Вятке, медвежьем углу, городе, куда в XIX веке ссылали (я по этому поводу придумала в рифму:

*Если станет мне вдруг несладко –
я уж знаю свою страну! –
пусть сошлют меня в город Вятку –
к Грину, Герцену, Щедрину),*

русской провинции, о которой говорят, что она спивается и вымирает.

Кстати, о провинции. По отношению к Вятке, это слово совершенно не уместно. Ибо чем, как привыкли думать, отличается столица от провинции? Большей интенсивностью культурной жизни. Но ведь культура – это по большому счету дух нации.

А дух, как известно, веет где хочет...»

*К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук,
доцент по кафедре русской литературы,
декан филологического факультета ВятГГУ*

ВТОРАЯ ОБЛАСТНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЕЖИ

25 апреля 2007 г. на химическом факультете ВятГГУ прошла областная научно-практическая конференция молодежи «Экология родного края – проблемы и пути их решения». Дата открытия конференции была выбрана не случайно. Именно в этот день в России начинаются Дни защиты от экологической опасности.

Молодежная экологическая конференция проводится по инициативе научной лаборатории биомониторинга Института биологии Коми НЦ УрО РАН и ВятГГУ, кафедры экологии университета при финансовой поддержке управления охраны окружающей среды и природопользования Кировской области в рамках областной целевой программы «Экология и природные ресурсы Кировской области на 2004–2010 гг.» (подпрограмма «Экологическая культура населения»).

Цель конференции – привлечение внимания молодежи области к экологическим проблемам региона, развитие творческой активности учащейся молодежи в решении экологических проблем, повышение экологической культуры подрастающего поколения.

Для выступлений студентов и учащихся старших классов по итогам своих исследований работало шесть секций: экологические проблемы Кировской области, сохранение биоресурсов и биоразнообразия, экология и здоровье человека, социальные аспекты экологических проблем, экологический мониторинг и методы исследований.

Тематика представленных 123 докладов разнообразна. Можно выделить основные направления: исследование экологического состояния природных и техногенных территорий; исследования в области биоморфологии, биоразнообразия флоры и фауны области; исследование взаимосвязи между экологическими с социальными факторами и здоровьем населения; исследование качества пищевых продуктов; разработка методов экологических исследований, адаптированных к условиям Кировской области; анализ эффективности применяемых в настоящее время и разработка новых педагогических приемов экологического образования и просвещения населения, состояние особо охраняемых природных территорий, особенности управления природопользованием на уровне предприятий и муниципальных образований, проблемы промышленной экологии и сохранения плодородия почв.

В работе конференции приняли участие около 200 человек из г. Кирова и области: представители общественных организаций и органов уп-

равления; преподаватели вузов, доктора и кандидаты наук; учителя школ и работники системы дополнительного образования; студенты и аспиранты кировских вузов; учащиеся школ и средних специальных учебных заведений.

На книжных выставках была представлена литература, отражающая состояние научной экологической работы в вузах областного центра, книги участников конференции, учебная, краеведческая природоведческая литература из фондов библиотеки ВятГГУ.

Конференция показала, что экологическое образование в вузах Кировской области принимает всеобщий характер. При этом учитывается накопленный ранее опыт данной работы и специфика подготовки студентов по конкретным специальностям, а также то, что среди студенческой молодежи сформированы и активно развиваются различные направления экологических исследований и практических разработок в области охраны окружающей среды.

На заключительном пленарном заседании студенчество области обратилось с просьбой к управлению охраны окружающей среды и природопользования Кировской области о проведении в 2008 г. подобной конференции на межрегиональном уровне с приглашением студентов и аспирантов из соседних регионов.

Материалы конференции изданы в виде сборника докладов.

*А. А. Хохлов,
кандидат педагогических наук,
доцент по кафедре экологии ВятГГУ*

О ВОЛГО-ВЯТСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ЦЕНТРЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Благодаря инициативе группы ученых Вятского государственного гуманитарного университета и поддержке её Российской академией образования (протокол заседания Президиума РАО от 22.02.2006 № 3) 18 июля 2006 г. в г. Кирове начала свою деятельность автономная некоммерческая организация «Волго-Вятский региональный научно-образовательный центр Российской академии образования» (ВВРНОЦ РАО).

Волго-Вятский региональный научно-образовательный центр Российской академии образования создан с целью организации, проведения и координации фундаментальных и прикладных научных исследований, направленных на получение новых знаний об образовании.

Председателем центра избран д. пед. н., член-корреспондент РАО Владимир Степанович Данюшенков.

В соответствии с Уставом Центра основными его задачами являются:

- разработка научных основ развития системы образования в регионе с учетом происходящих в нем национально-культурных, социально-экономических и демографических процессов;
 - развитие педагогики, психологии, возрастной физиологии, социологии, теории управления образованием и других наук, обеспечивающих решение фундаментальных и прикладных проблем повышения эффективности образования в регионе;
 - участие в разработке и научном обеспечении государственной образовательной политики, стратегических направлений, образовательных стандартов, целей, программ и моделей развития образования;
 - разработка новых образовательных технологий, средств и форм обучения и воспитания и внедрение их в деятельность экспериментальных и инновационных площадок региона;
 - проектирование, поддержка и экспертиза образовательных инноваций;
 - осуществление научно-методической помощи семье, учебно-воспитательным учреждениям и органам образования (управления образованием);
 - оказание содействия диссертационным советам вузов, научных учреждений и организаций, входящих в ВВРНОЦ РАО;
 - выявление и поддержка талантливых исследователей, содействие творческому росту научной молодежи;
 - организация международного сотрудничества в области образования и науки, ориентированного на решение, в том числе образовательных проблем региона.
- В качестве основных видов деятельности Центра рассматриваются следующие:
- осуществление научных связей с Российской академией образования, ее отделениями, государственными отраслевыми академиями, научными обществами, творческими союзами и другими организациями;
 - выполнение фундаментальных и прикладных научных исследований;
 - укрепление имиджа РАО в Волго-Вятском регионе;
 - информирование педагогической общественности о результатах научного сотрудничества ПО РАО, РАО и ВВРНОЦ РАО;
 - осуществление издательской деятельности, в том числе издание научных и научно-популярных журналов, информационных вестников, бюллетеней и т. п.;
 - публикация результатов исследований научных учреждений, организаций, членов и сотрудников ВВРНОЦ РАО, рекомендация к изданию трудов по проблемам регионального образования и науки в средствах массовой информации;

– защита прав интеллектуальной собственности ученых, учреждений и организаций, входящих в ВВРНОЦ РАО;

– проведение научных сессий, конференций, симпозиумов и совещаний;

– просветительская деятельность, включая организацию семинаров, курсов и иных форм обучения работников системы образования;

– координация региональных исследований по проблемам образования и науки;

– оказание консультативных услуг по вопросам образования, науки и управления образованием представителям региональных органов управления образованием и работникам образования региона;

– выполнение научной экспертизы региональных программ развития образования и проектов на всех этапах разработки и реализации;

– взаимодействие с государственными органами власти в разработке и реализации образовательной политики;

– осуществление связей с зарубежными научными учреждениями, участие в международных научных программах, в работе международных научных организаций, обмен специалистами и совместные исследования с зарубежными партнерами;

– сбор, обобщение и распространение информации в области отечественной и зарубежной теории и практики образования и науки;

– создание экспериментальных площадок в регионе;

– другие виды деятельности, соответствующие задачам ВВРНОЦ РАО и не противоречащие законодательству Российской Федерации.

13–14 июня 2007 г. состоялась презентация Волго-Вятского регионального научно-образовательного центра Российской академии образования, в которой приняли участие представители Поволжского отделения Российской академии образования, в том числе Г. В. Мухаметзянова (председатель ПО РАО, Институт педагогики и психологии профессионального образования РАО (г. Казань), академик РАО, д. пед. н., профессор); заведующие научно-исследовательскими лабораториями Института педагогики и психологии профессионального образования РАО (г. Казань); ученые из МГПИ им. Н. К. Крупской; А. А. Галицких, заместитель Губернатора Кировской области, к. пед. н., администрация Кировской области; сотрудники университета (ВятГГУ), представители Кировского института повышения квалификации и переподготовки работников образования, представители общественности, экспериментальных педагогических площадок (13 докторов наук, 24 кандидата наук, аспиранты и докторанты кафедр ВятГГУ).

В ходе заседания были раскрыты проблемные поля исследований по научным направлениям, которые уже оформились как мощные исследовательские линии в рамках научной деятельности ВятГГУ:

– Модернизация предметного обучения в режиме профилизации сельских школ Волго-Вятского региона (науч. рук. – чл.-кор. РАО, д. пед. н., профессор В. С. Данюшенков).

– Совершенствование системы непрерывного экологического образования (науч. рук. – д. техн. н., профессор Т. Я. Ашихмина).

– Интегративный подход в воспитании интеллигентности будущего специалиста в системе высшего профессионального образования (науч. рук. – д. пед. н., профессор Т. В. Машарова).

Данные направления исследований были одобрены и поддержаны руководителями Поволжского отделения РАО и получили заслуженно высокую оценку.

*О. В. Коршунова,
кандидат педагогических наук,
доцент по кафедре дидактики физики
и математики ВятГГУ,
директор ВВРНОЦ РАО*

УПРАВЛЕНИЕ В XXI ВЕКЕ

27 апреля 2007 г. в ВятГГУ прошла вторая международная научно-практическая конференция «Управление в XXI веке», организованная факультетом управления. В адрес конференции пришло приветствие из Посольства Республики Болгария в России. В пленарном заседании и в работе секций приняли участие ученые из Национальной академии государственного управления при Президенте Украины и научно-исследовательского института социально-экономического развития города (Киев), Института системного анализа РАН (Москва), Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан (Уфа), Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, Челябинского и Тюменского госуниверситетов, Всероссийского заочного финансово-экономического института, Вятского государственного гуманитарного университета, Вятской государственной сельскохозяйственной академии и других вузов, а также народные депутаты Украины, специалисты Государственного Совета Республики Татарстан, Правительства Кировской области.

В ходе конференции рассматривались актуальные проблемы управления в различных областях и сферах, в том числе становление и развитие местного самоуправления, организация го-

сударственной службы, муниципального управления в России и в зарубежных странах. Участники конференции обсудили вопросы стратегии развития российского менеджмента в свете смены управленческой парадигмы в странах Запада и условиях глобализации.

На секциях было раскрыто содержание местного самоуправления как социально-политического явления в соответствии с его новой концепцией в России. Обобщена мировая и российская политическая мысль об идеях общественного самоуправления и народовластия. Участники конференции обсуждали вопросы принятия управленческих решений, реализации приоритетных национальных проектов, межсекторного социального партнерства, эффективные механизмы антикризисного управления, перспективные направления развития малого предпринимательства, инновационную деятельность регионов, предприятий, в том числе и в управлении образовательными учреждениями. Большое внимание было уделено российской системе оценки качества высшего образования, а также вопросам системы внутреннего контроля организации в рыночных условиях.

Участники конференции пришли к выводу, что современный мир находится на пороге глобальных изменений во всех сферах общественной жизни.

Глобализация международных отношений требует новых подходов к анализу теории и практики современного управления. Для завершения перехода к рыночной экономике и правовому государству в России следует осуществить около 50 крупномасштабных реформ, охватывающих различные стороны жизни граждан и экономических субъектов. В настоящее время в стадии реализации находится лишь десяток из них. Это означает, что современному поколению предстоит пережить еще много изменений в правилах своего жития и социально-экономической деятельности. Такое многоплановое и непрерывное реформирование социальной сферы, жилищно-коммунального хозяйства, государственной службы, местного самоуправления, системы образования и т. п. происходит в обстановке усиления регулирующих и контролирующих свойств государства. В связи с этим стоит проблема поиска путей взаимодействия общества и власти, которое сохраняло бы позитивный потенциал в решении социально-политических и экономических проблем. Назрела необходимость выстраивания новой модели общественных отношений в сфере реформирования всех сфер общества, в основе которой должны лежать принципы и механизмы равноправного социального партнерства с концепцией солидарной ответственности власти, бизнеса и общественности за разработку, финанси-

рование, реализацию и мониторинг любых реформ. Особое внимание должно быть уделено гражданской экспертизе, контролю и мониторингу, гражданскому просвещению. В оценке деятельности предприятий, организаций, учреждений и управлению ими было отмечено, что большая часть из них имеет традиционный, бюрократический, механистический, линейно-функциональный тип организационно-управленческой структуры с параллелизмом и дублированием функций, трудно поддающимся изменениям, реорганизации, недостаточно быстро и гибко реагирующих на изменения внешней среды. Преобладающая управленческая парадигма в России – все еще классическая, доставшаяся в наследство еще от советской административно-командной системы. Поэтому менеджмент российских предприятий в таком виде вступает в противоречие с требованиями реформирования российского об-

щества и нуждается в конкретных преобразованиях. Должна создаваться новая система управления муниципалитетами в свете проводимой в России концептуальной реформы данного института. При разработке российской модели управления необходимо учитывать переходное состояние общественно-политических и социально-экономических отношений. В российских условиях еще не полностью исчерпаны возможности традиционной классической модели управления, но в то же время постепенно создаются условия и для формирования смешанной парадигмы управления с учетом достижений современного неоклассического зарубежного менеджмента.

*Е. А. Юшина,
кандидат политических наук,
доцент по кафедре государственного
и муниципального управления ВятГГУ*

РЕЦЕНЗИИ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРЕДРОМАНТИЗМА (о новой монографии профессора В. А. Лукова)

Луков, Вл. А. Предромантизм [Текст] / Вл. А. Луков. М.: Наука, 2006. 683 с.

В условиях, когда в отечественном литературоведении последних лет углубился интерес к сложному комплексу романтической литературы, потребовалось обратиться, в частности, к такой проблеме, как генезис романтизма, систематизировать накопленные российской и зарубежной наукой знания о поэтике предромантизма как пограничного с ним этапа и представить концептуальную картину этого направления литературы и искусства в его диалектике, многообразных связях с культурной средой, цивилизационными процессами, происходившими в странах Запада в XVIII в. Эта сложная, масштабная задача была успешно решена в недавно опубликованной монографии видного российского ученого, заслуженного деятеля науки РФ В. А. Лукова, создававшейся в течение четверти века.

Прежде всего, следует отметить основательность методологической базы исследования, плодотворно сочетающего традиционный историко-теоретический метод, который отличает авторитетную школу, сложившуюся на кафедре всемирной литературы МПГУ, с относительно новым тезаурусным подходом.

Стратегия, базирующаяся на первом методе, позволила исследователю рассмотреть искусство предромантизма как продукт исторически сложившегося художественного сознания и включить его в единую концепцию волнообразного развития культуры, при котором периоды стабилизации и системообразования сменяются этапами дестабилизации, разомкнутости границ художественных систем (закономерно в связи с этим, что автор монографии рассматривает предромантизм как предсистему).

Вторая стратегия, основывающаяся на тезаурусе как структурированном представлении и части освоенной мировой культуры, оказалась необходимой для того, чтобы обосновать правомерность употребления термина «предромантизм», появившегося в результате ретроспекции, применить понятие «принцип-процесс» к предромантизму, выделить такие принципы-процес-

сы, его отличающие, как поэтизация, шекспиризация, мелодраматизация, уточнить аспекты взаимодействия предромантизма с барокко и классицизмом и др.

Баланс двух подходов позволил ученому дать комплексный анализ предромантизма в социокультурном контексте, в аспекте эстетики (раздел 1 монографии), с точки зрения его проявления в различных видах искусства – литературе, театральном искусстве, музыке, живописи, архитектуре, скульптуре, садово-парковом искусстве (раздел 2) и в соотношении с художественными системами XIX в. – романтизмом и реализмом (раздел 3).

Может возникнуть вопрос о степени полноты освещения национальных моделей предромантизма, системы его жанров, устойчивых художественных структур в столь объемном исследовательском поле. Энциклопедизм, универсализм осуществленного исследования вовсе не исключают подробного рассмотрения отдельных художественных фактов и тенденций, отбора некоторых типологически значимых и репрезентативных художественных явлений. Их анализ ведется в таком новом для отечественного литературоведения и близком трудам Чикагской школы формате, как «исследование случая»: ряд параграфов, завершающих главы, посвящен подробному анализу отдельных явлений предромантизма. Так, на примере творчества Глюка показано взаимодействие классицизма и предромантизма в музыке; цикл Ф. Гойи «Капричос» проанализирован с точки зрения его соответствия эстетике переходного периода; явления художественного синтеза в предромантическом искусстве и принцип «художественной феноменальности» освещены в ходе «исследования случая» с книгой У. Блейка «Песни Неведения и Познания»; особенности предромантических жанров представлены, в частности, в исследовании автором монографии романа Э. Рэдклиф «Удольфские тайны» с позиций суггестии в литературе, а также при освещении переходных явлений в литературе XVIII–XIX вв.: от предромантической мелодрамы к романтической драме (ранняя драматургия В. Гюго) и от предромантической мелодрамы к реалистической драме (драматургия О. де Бальзака). Через эти параграфы-«исследования», как справедливо отмечает ученый, «не только наглядно раскрывается концепция пред-

романтизма, но проступает и его весьма широкая география... и жанры, роды, виды искусства, испытывавшие его влияние, и разная степень проявления предромантических тенденций в индивидуальном творчестве выдающихся деятелей культуры XVIII столетия и первых лет следующего, XIX в. (с. 616).

Особого внимания заслуживают разделы монографии, в которых рассматривается эстетика предромантизма, его художественные принципы (ориентализм, экзотизм, поэтический историзм), картина мира в XVIII и XIX столетиях; отметим и широкий географический охват исследуемых предромантических явлений – литературы Англии, Франции, Германии, Италии, Нидерландов.

Проведенное многоаспектное исследование подтверждает правоту исходной методологической посылки автора о предромантизме как переходном эстетическом явлении, «незавершенной системе принципов, художественных образов, моделей повседневности, жанров, картины мира и средств ее выражения... предваряющей романтизм и не осознанной в период своего существования... в качестве самостоятельного культурного феномена» (с. 3). Этот предсистемный характер предромантизма охарактеризован глубоко и емко, общая предромантическая модель, выстроенная в работе, оказалась не только крупномасштабной, но и многомерной, объемной. Нет сомнений в том, что книга В. А. Лукова, наиболее полное на сегодняшний день исследование предромантизма в отечественной науке, не только «окончательно закрепит термин «предромантизм» в гуманитарном знании начала третьего тысячелетия» (с. 617), но и определит дальнейшие научные поиски исследователей литературы и искусства XVIII в.

*О. Ю. Поляков,
доктор филологических наук,
профессор по кафедре зарубежной
литературы и английского языка ВятГГУ*

ПРАВО БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПОДОТРАСЛЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Стахов, А. И. Право безопасности [Текст] : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501.65 Юриспруденция / А. И. Стахов. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007.

Учебное пособие А. И. Стахова «Право безопасности» отражает обоснованный и аргументированный новаторский подход к системе административного права России. Автор выделяет новую подотрасль административного права – право безопасности, определяет его предмет и

метод, систему источников и место в системе российского национального права. А. И. Стахов впервые вводит понятие административно-публичного обеспечения безопасности, раскрывая его сущность и соотношение с иными видами государственной деятельности.

В продолжение предложенного видения системы административного права можно предположить междисциплинарный характер права безопасности и, возможно, говорить о нем не как только о подотрасли административного права России, но как о комплексной отрасли российского права в целом, а также как о функциональной подсистеме международного права.

Так, например, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации допускает возможность ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина «только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты... безопасности государства». Пункт «ж» ст. 83 Конституции наделяет Президента Российской Федерации полномочием формировать и возглавлять Совет Безопасности. В продолжение норм Конституции РФ, которая является краткой, принят ряд нормативно-правовых актов, конкретизирующих эти и иные конституционные положения, связанные с регулированием отношений безопасности, которые являются источниками конституционного (государственного) права России. Следовательно, логично говорить о субинституте безопасности в отрасли конституционного права.

Особенная часть уголовного кодекса также содержит ряд глав, которые посвящены охране безопасности: преступления против общественной безопасности (гл. 24), безопасности государства (гл. 29), против мира и безопасности человечества (гл. 34).

А. И. Стахов проанализировал большой объем нормативно-правовых актов, регулирующих отношения безопасности в Российской Федерации; обобщил существующую специальную литературу по вопросам обеспечения отдельных видов безопасности, раскрыл специфику системы государственных органов и органов местного самоуправления, уполномоченных обеспечивать исполнение общеобязательных условий и требований безопасности. Автор также разграничивает понятия и раскрывает особенности административно-правовых методов и административно-правовых форм деятельности указанных органов публичной власти.

Пособие имеет четкую структуру и систему, внутреннюю логику и позволяет устанавливать межпредметные связи со многими учебными дисциплинами юридического цикла. Пособие обладает практической значимостью для подготовки студентов, обучающихся по государственно-правовой специализации специальности 030501.65 «Юрис-

пруденция», а также аспирантов, обучающихся по специальности 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право».

Все это придает работе оригинальность, заслуживающую внимания юристов-теоретиков, административистов, международников и государствоведов, а также студентов и аспирантов юридических факультетов и всех интересующихся проблемами современного российского права.

*И. Н. Ившина,
кандидат юридических наук,
доцент по кафедре государственно-правовых
дисциплин ВятГГУ*

«МЫСЛЮ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, СУЩЕСТВУЮ»

Юлов, В. Ф. Мышление в контексте сознания [Текст] / В. Ф. Юлов. М.: Академический Проект, 2005. 496 с. (Серия «Окна и зеркала»).

Юлов, В. Ф. Научное мышление [Текст]: монография / В. Ф. Юлов. Киров: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2007. 252 с.

Сентенция, вынесенная в название нашей рецензии, принадлежит французскому философу Р. Декарту, её знают все те, кто изучал вузовский курс философии. Но если любой индивид мыслит, это вовсе не означает, что все разумные существа знают, что такое мышление. Речь идёт о давно известном парадоксе: одно дело иметь некую способность и пользоваться ею, совсем другое дело – осознавать её.

Профессор В. Ф. Юлов уже давно занимается исследованием темы «сознание и мышление». Сначала она была представлена частными аспектами. Его кандидатская диссертация (1972 г.) посвящена феномену научного метода, в докторской диссертации был проведён анализ естественнонаучного сознания (1991 г.) Налицо явная тенденция обобщения. И вот наш коллега почувствовал в себе силы, чтобы выйти на весьма широкую тему. Плодом интенсивных усилий стала монография «Мышление в контексте сознания» (М.: Академический проект, 2005. 495 с.). О её высоком исследовательском качестве говорит тот факт, что на её издание автор выиграл грант Российского гуманитарного научного фонда. Каковы же идеи данной книги?

Монография состоит из трёх глав. В первой главе автор провёл аналитический обзор всех типичных теорий мышления. Он начинается с выделения достоинств и недостатков логической стратегии, выходит на ряд психологических теорий, оценивает информационно-когнитологическую стратегию и заканчивается анализом эволюционного подхода. Общий вывод автора сводит-

ся к тому, что все эти стратегии и теории по-своему правомерны, но частичны и фрагментарны. Для их творческого синтеза предложена авторская концепция «технологической деятельности сознания». Её идейный прообраз можно найти у Аристотеля и других классиков философии. Речь идёт о том, что в сознании индивида знания не складываются мёртвым грузом, но обретают функцию предмета («что») и роль средства («как»). Если второй элемент инструментально воздействует на первый, то такой процесс способен дать новый когнитивный продукт. Это и есть творческое ядро технологии интеллекта, которое обрастает логическими, психологическими и другими аспектами.

Во второй главе речь идёт о взаимосвязях мозга, психики и интеллекта. Автор критикует известную теорию «левополушарного и правополушарного типов мышления». Основной контраргумент сводится к тому, что тело (пусть даже такое высокосложное, как мозг) в принципе не способно определять содержание сознания. Оно лишь обеспечивает необходимые условия бытия «духа» – физическую локализацию, энергетическую поддержку и т. п. В книге убедительно проведено различие психики и интеллекта. Если первое представляет и объединяет многообразие форм чувственности, то второе – это область рациональных знаний. В. Ф. Юлов предложил интересную и перспективную новацию: деление психики на «аффективную» и «ментальную». Аффективная чувственность есть самостоятельное и бытийственное Я, которое образует личностную психику (инстанция воли, потребностей и интересов). Ментальная психика имеет служебный характер, включая в себя рецепторную чувственность, состояния веры и сомнения, она органично взаимодействует с интеллектом. Аффективная психика управляет союзом ментальности и интеллекта, включая их работу и выключая её. Их деятельность подробно рассмотрена в виде эмпирического опыта (ощущения, восприятия, представления).

Анализ мышления представлен в третьей главе. Этот феномен разительно отличается от эмпирического опыта. Если в последнем предметное знание («что») и когнитивный инструмент – метод («как») структурируются почти одновременно, образуя единый процесс, то мышление формируется из-за ряда отдельных и специфических актов. Речь идёт о постановке проблемы, поиске и формировании метода, его применении к проблеме, дающего решение в виде результата, его оценке. Все эти микропроцессы и образуют единый процесс мышления. Автор выделил три типа мышления: практический, мировоззренческий и научный. Для убедительности привлечён интересный материал из истории культуры: ре-

шение некоторых современных производственных задач, становление христианской догматики, античная философская мысль.

Итак, монография представляет собой идейно цельную конструкцию, где рациональное мышление вписано в причудливый контекст сознания с его состояниями веры и сомнения, многообразием чувств, процессами воображения и интуиции.

Совсем недавно профессор В. Ф. Юлов выпустил в свет другую монографию – «Научное мышление» (Киров, 2007. 252 с.). Технологическая концепция автора разработана здесь на материале истории науки. Идейная перекличка двух книг очевидна, различие лишь в том, что идеи первой книги конкретизированы с учётом специфики науки. Если в первой монографии научное сознание и мышление было одним из аспектов, то в новом тексте каждому циклическому акту исследовательского мышления отведена особая глава.

Весьма детально представлена процедура научной проблематизации. В качестве предметного компонента («что») здесь выступают некоторые фрагменты дисциплинарного знания. Средством их оценивания («как») являются общенаучные и дисциплинарные идеалы и нормы: норма когнитивной связи, идеал непротиворечивости, нормы единства и простоты и т. п. Исследовательские проблемы формируются в ходе разнообразных актов применения ценностных образцов к когнитивному материалу. Процедуру формирования

метода автор рассмотрел путём репрезентации его структуры: теория, правила и операции. Поиск этих компонентов направляется рядом селективных норм и идеалов. Процесс инструментального действия метода на проблемный материал регулируется другими нормами, где есть место воображению и догадке, что и делает научную мысль гипотетическим поиском. В заключительной главе подробно рассмотрен процесс оценки полученного результата на истинность.

Хотя речь идёт о монографиях, их содержание воспринимается относительно легко. Этому способствует хороший литературный язык, использование множества метафор, а также то, что текст густо населён наглядными схемами. Если об одном и том же говорят словесные конструкции и абстрактная модель, на которую можно посмотреть, то у этого смысла есть много шансов быть понятым. Данной методической максимой и руководствовался наш коллега.

Представленные две монографии профессора В. Ф. Юлова стали заметным явлением в научной жизни нашего региона. Их высокое качество позволит им найти своих читателей среди студентов, аспирантов, преподавателей и всех тех, кому интересна философия и наука.

*М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии и социологии
ВятГГУ, действительный член РАЕН*

**ОТРАСЛИ НАУК И СПЕЦИАЛЬНОСТИ, ПО КОТОРЫМ ВЕДЕТСЯ ПОДГОТОВКА
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В АСПИРАНТУРЕ И СИСТЕМЕ СОИСКАТЕЛЕЙ**

01.00.00 Физико-математические науки

01.01.00 Математика

01.01.06 Математическая логика, алгебра и теория чисел

03.00.00 Биологические науки

03.00.05 Ботаника

03.00.13 Физиология

03.00.15 Генетика

05.00.00 Технические науки

05.13.13 Телекоммуникационные системы и компьютерные сети

07.00.00 Исторические науки

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (новая и новейшая)

08.00.00 Экономические науки

08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством

(теория управления экономическими системами; макроэкономика; региональная экономика)

08.00.12 Бухгалтерский учет, статистика

09.00.00 Философские науки

09.00.01 Онтология и теория познания

09.00.03 История философии

09.00.04 Эстетика

10.00.00 Филологические науки

10.01.00 Литературоведение

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (Великобритании и США)

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание

10.02.01 Русский язык

10.02.04 Германские языки (английский, немецкий)

10.02.19 Теория языка

12.00.00 Юридические науки

12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

12.00.14 Административное право, финансовое право, информационное право

13.00.00 Педагогические науки

13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования

13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания (информатика, математика, технология и общетехнические дисциплины, физика, русский язык)

13.00.04 Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры

13.00.08 Теория и методика профессионального образования

19.00.00 Психологические науки

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

19.00.03 Психология труда, инженерная психология, эргономика

19.00.07 Педагогическая психология

24.00.00 Культурология

24.00.01 Теория и история культуры

25.00.00 Науки о земле

25.00.23 Физическая география и биогеография, география почв и геохимия ландшафтов

25.00.25 Геоморфология и эволюционная география

25.00.36 Геоэкология

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 2 (17)

Подписано в печать 15.08.2007
Формат 60х84 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,5. Тираж 999. Заказ 770.

Издательский центр ВятГГУ
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111
(8332) 673-674